

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

ВЕСТНИК

**ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 9 (206) 2019

**ТОМСК
2019**

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, профессор (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Полякова, А. В. Курьянович, Н. С. Болотнова, А. Н. Кошечко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ:

ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 28.11.2019. Сдано в печать: 29.11.2019. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 22. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1110/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. А. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2019. Все права защищены

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 9 (206) 2019

**TOMSK
2019**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)

M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Professor (Brno, Czechia);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

N. V. Polyakova, A. V. Kur'yanovich, N. S. Bolotnova, A. N. Koshechko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.11.2019. Submitted for printing: 29.11.2019. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1110 /H

Production editor: L. V. Dombraskeyte. Text designer: O. A. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2019. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Семенова Т. И., Ишенина А. С. Категоризация ситуаций мнения глаголами воображения	9
Слепнева М. А. Морфологические и структурные особенности терминосистемы сферы «микроэлектроника»	16
Каримова Р. Х., Болотова Е. В. Словообразовательный анализ лексики газетно-публицистического стиля в современном немецком языке	23
Кохонова К. Е. Этапы освоения китайских заимствований системой английского литературного языка	32

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Верхотурова Т. Л. Корреляция онтологических и модусных категорий – отсутствие и отрицание.	39
Обвинцева О. В., Перескокова Д. А. Прагматические маркеры англоязычного гастрономического дискурса (на примере кулинарного шоу)	47
Мячин К. А. Концепты «ethics», «memory», «power» в кросс-жанровом сравнительном анализе (на материале произведений Вьет Тан Нгуена «Nothing Ever Dies» и «The Sympathizer»)	54
Чистова Е. В. Предметное поле отечественного когнитивного переводоведения: ключевые точки и векторы развития	64
Богословская З. М., Новикова В. С. Признаки концепта «студент», репрезентированные в Национальном корпусе русского языка	72
Куркан Н. В. Лексические и композиционные особенности жанра «стандарт» в дискурсивном аспекте	78
Вильданова Г. А., Кожухова И. В. Коммуникативные ресурсы антагонистической игры в современном американском политическом дискурсе	84

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

Кошкарлова Н. Н., Дудина Ю. А. Вторая мировая война глазами немецких СМИ	92
Пересада О. В., Корепина Н. А. Особенности семантики возвратных отсубстантивных глаголов в говорах в аспекте теории пропозиции	101
Болотнов А. В. Типы публицистов как информационно-медийных языковых личностей	111
Шутова А. В. О регулятивных средствах и структурах в ранней лирике О. Э. Мандельштама.	121

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Шилова А. С., Кошечко А. Н. Агиографическая традиция в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале «Жития Великого грешника», романа «Братья Карамазовы»): к постановке проблемы.	128
Стамикова Е. А., Русанова О. Н. Диптих О. Э. Мандельштама «Заблудился я в небе...»: модуляции лирического сюжета	136
Полева Е. А. Мотивный комплекс «тишина – молчание – речь» в романе Лены Элтанг «Каменные клены»	147

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Islamzadeh K. F. Traditional Behaviour Patterns in the Plots of Animal Tales.</i>	157
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Афанасьева Ю. Ю. На грани разума и безумия: размышления о романе Анны Козловой «F20» (Дружба народов. 2016. № 10. С. 7–89).</i>	164
<i>Куталмыш С. Л. Рецензия на книгу Dallı Hüseyin «Türkçede Söz Diziminin Yapı Birimleri» (Hüseyin Dallı – İstanbul: Papatya Yay. Eğitim, 2018. xii, 260 p.)</i>	168

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ.	172
--	-----

CONTENTS

RESEARCH OF GERMANIC LANGUAGES

<i>Semenova T. I., Ishenina A. S.</i> Epistemic Meanings of Imagine Class Verbs	9
<i>Slepneva M. A.</i> Morphological and Structural Features of the Microelectronics Terminology System	16
<i>Karimova R. Kh., Bolotova E. V.</i> Derivational Analysis of the Newspapers Vocabulary in Publicistic Style in Modern German	23
<i>Kokhonova K. Ye.</i> Adaptation Stages of Chinese Borrowings by the English Literary Language System	32

TOPICAL ISSUES OF COGNITIVE-DISCURSIVE LINGUISTICS

<i>Verkhoturova T. L.</i> Ontological and Modus Categories Correlation: Absence and Negation.	39
<i>Obvintseva O. V., Pereskokova D. A.</i> Pragmatic Markers of English Gastronomic Discourse (in the Context of Cooking Show)	47
<i>Myachin K. A.</i> Concepts "Ethics", "Memory" and "Power" in Cross-Genre Comparative Analysis (Based on the Works of Viet Thanh Nguyen "Nothing Ever Dies" and "The Sympathizer").	54
<i>Chistova E. V.</i> Cognitive Translation Theory in Russian Scientific Discourse: Key Aspects & Prospects	64
<i>Bogoslovskaya Z. M., Novikova V. S.</i> Signs of Concept "Student" Represented in Russian National Corpus	72
<i>Kurkan N. V.</i> Lexical and Structural Characteristics of Technical Standards in Engineering Discourse	78
<i>Vildanova G. A., Kozhukhova I. V.</i> Antagonistic Game Communicative Resources in Contemporary American Political Discourse.	84

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN PHILOLOGY AND COMMUNICATIVE STYLE OF TEXT

<i>Koshkarova N. N., Dudina Yu. A.</i> World War II as Viewed by German Mass-Media	92
<i>Peresada O. V., Korepina N. A.</i> Semantics of Reflexive Denominative Verbs in the Dialects in the Aspect of the Theory of Propositions.	101
<i>Bolotnov A. V.</i> Types of Political Essays Writers as Informational and Media Language Personalities.	111
<i>Shutova A. V.</i> About Regulatory Means and Structures in Early Lyrics of O. E. Mandelstam	121

TOPICAL ISSUES OF LITERARY STUDIES

<i>Shilova A. S., Koshechko A. N.</i> Hagiographical Tradition in Dostoyevsky's Works (the Study of "The Life of the Great Sinner" and "The Brothers Karamazov"): to the Problem Statement	128
<i>Stamikova E. A., Rusanova O. N.</i> Diptych by Osip Mandelshtam "I Got Lost in the Sky...": Modulations of the Lyrical Plot	136
<i>Poleva E. A.</i> Motive Complex "Peace – Silence – Word" in the Novel by Lena Eltang "Stone Maples" ("Kamennyye Klyony")	147

FOREIGN LITERARY RESEARCH

<i>Islamzadeh K. F.</i> Traditional Behaviour Patterns in the Plots of Animal Tales	157
---	-----

REVIEWS

Afanas'yeva Yu. Yu. On the Verge of Reason and Insanity: Reflections on the Novel "F20" by Anna Kozlova
(Druzhba narodov, 2016, no. 10, pp. 7–89) 164

Kutalmysh S. L. Review of the Book "Türkçede Söz Diziminin Yapı Birimleri" by Dallı Hüseyin
(Hüseyin Dallı – İstanbul: Papatya Yay. Eğitim, 2018. xii, 260 p.) 168

GUIDELINES FOR AUTHORS 172

ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.111

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-9-15

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СИТУАЦИЙ МНЕНИЯ ГЛАГОЛАМИ ВООБРАЖЕНИЯ

Т. И. Семенова, А. С. Ишенина

Иркутский государственный университет, Иркутск

Введение. Научная проблема, обсуждаемая в статье, обусловлена важностью исследования когнитивных механизмов взаимодействия смыслов в семантике языковых единиц, денотативной областью которых являются ментальные состояния, обеспечивающие когнитивный механизм конструирования внешнего по отношению к субъекту мира через его внутренний мир. *Цель статьи* заключается в выявлении когнитивных оснований и моделей семантической деривации английских глаголов воображения.

Материал и методы. Исследование опирается на принципы когнитивного подхода к языку. Языковое значение понимается как когнитивная структура, обеспечивающая категоризацию и концептуализацию нового опыта.

Результаты и обсуждение. Выявлено эпистемическое значение глаголов воображения как способность вводить суждение, т. е. функционировать в качестве предикатов пропозициональной установки. В эпистемическом значении глаголы воображения категоризируют ситуации мнения с вероятностной и истинностной оценкой подчиненной пропозиции. Установлено, что семантический переход в сторону эпистемического значения сопряжен с изменением синтаксической формы подчиненной пропозиции, что свидетельствует о когнитивном статусе грамматических конструкций. Проанализированы синтаксические формы репрезентации пропозиционального объекта глаголов воображения в эпистемическом значении. Установлено, что первичной формой выражения пропозиции является придаточное изъяснительное, эксплицирующее референтные, модальные, видо-временные признаки пропозиции. Вторичной формой выражения пропозиционального содержания являются вторично-предикативные обороты с инфинитивом и герундием. Обоснованы семантические, синтаксические и прагматические особенности ситуаций верифицируемого мнения-предположения и неверифицируемого оценочного мнения, категоризируемых глаголами воображения. Описаны контексты верификации мнения-предположения. Выявлено значение ошибочного мнения и полемические контексты его реализации. Проанализировано явление полифонии как неприсоединение говорящего к мнению или установке субъекта мнения в высказываниях с глаголами воображения в эпистемическом значении.

Заключение. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее изучение когнитивных аспектов полисемии и семантической деривации как процесса и результата образования в языке производного значения. Лингвокогнитивный анализ семантики глаголов воображения представляет языковые свидетельства диффузности, континуальности, пластичности мыслительной деятельности человека.

Ключевые слова: ментальное состояние, пропозиция, пропозициональная установка, воображение, семантическая деривация, мнение-предположение, оценочное мнение.

Введение

В исследованиях языкового представления внутренней сферы человека аксиоматичной признается мысль о том, что ментальная жизнь человека носит холистический характер, это значит, что во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферу. Поле ментальности, как убедительно аргументирует В. Г. Гак, имеет не только сложную структуру, но и пересекается с другими семантическими полями, «взаимодействуя с ними, создавая перекрывающиеся друг друга ареалы» [1, с. 29]. Континуум ментальных, эмоциональных, эпистемических смыслов и их взаимодействий отражает многогранность познавательной деятельности человека.

В когнитивном взаимодействии человека с миром восприятие, полагание, воображение и другие пропозициональные отношения динамически взаимосвязаны, что приводит к смешению пропозициональных установок и сближению организуемых ими конструкций [2–4]. Проблема языковой репрезентации взаимодействия эмоциональных и рациональных категорий сознания освещена в ряде работ, например, исследуется сопряжение эмоционального и эпистемического значений в семантике русского глагола *бояться* [5], английского предиката *be afraid* [6]. Исследование механизмов взаимодействия ментальной и перцептивной сфер глаголов свидетельствует о размытости, условности, диффузности границ лексического значения [7].

Отмечается, что определенные компоненты смысла мотивируются, наводятся, имплицитно дискурсом и контекстом, поскольку в своем языковом поведении «слово то и дело погружается в новый контекст и выходит из него преображенным» [8, с. 30]. Анализируя картину сочетания языковых смыслов глаголов восприятия, Н. Ю. Шведова выявляет пути пересечения, взаимодействия смыслов, в результате которых создаются сложные смысловые целостности в сфере собственно коммуникации [7, с. 243].

Результаты и обсуждение

Особенность интенциональных связей, среди которых и глагол *воображать*, заключается в том, что их «лексическое» значение в значительной степени «синтаксично» и содержит в свернутом виде информацию о синтаксическом, коммуникативном и семантическом устройстве предложения [9, с. 18]. Именно поэтому осмысление диффузной природы ментальных состояний полагания и воображения предполагает не только анализ лексической семантики глаголов *think*, *believe*, *know*, *imagine*, но и исследование семантической структуры предложения и его коммуникативной перспективы. Целью статьи является исследование когнитивных оснований семантической деривации глаголов воображения (*imagine*, *fancy*, *conceive*), результатом которой является их способность вводить суждение, т. е. функционировать в качестве предикатов пропозициональной установки.

В своем исходном значении глаголы воображения категоризируют мыслительный процесс ‘создавать мысленные образы’, в этом значении они входят в группу «глаголов создания образа» [8]. При этом образ возникает в сознании, не будучи, как это естественно для восприятия, отражением синхронного стимула извне, ср.: *Though he was only a high school sophomore, he could imagine a daughter of his own running to kiss him* [10, с. 190]; *I imagined the others back at the table, chiding Rebecca for alerting me to what everyone had long been saying about me but I never needed to know* [11, с. 78]. Речь в высказываниях выше идет не об отражении в сознании предмета или ситуации, заданных в готовом виде в денотативной ситуации, а о конструировании ментальных образов объектов, которые не даны в восприятии. Понятие «конструируемое отображение», введенное в лингвистическую семантику О. Н. Селиверстовой, предполагает такой способ построения отображения, при котором отношения между объектами не заданы в денотативной ситуации и, следовательно, не могут рассматриваться как известные [12, с. 327–335].

Конструирующее мышление позволяет установить нечто новое о действительности: сформировать суждение, мнение относительно того или ино-

го положения дел, причем модель этого конструируемого фрагмента мира не обязательно соответствует действительности. В эпистемическом значении глаголы *think*, *suppose*, *believe*, так же как и *imagine*, *fancy*, входят в класс так называемых *belief verbs*, когнитивной основой значения которых является конструируемое отображение. Из логики пропозициональных установок [13] известно, что ментальное значение глагола требует пропозиционального объекта, содержание которого оказывается в коммуникативном фокусе, и оно должно быть полностью раскрыто. В анализируемом материале на эпистемическую категоризацию подчиненной пропозиции указывает придаточное изъяснительное (*that* clause) как прототипическая форма суждения, в которой эксплицированы не только участники события, но и обозначены видовременные и модальные признаки события, ср.: *I could imagine that Jerry had made himself important to people by means different from his brother's* [10, с. 61]; *He imagined that once or twice a year he would find himself sitting at the side of her bed in a room where there were no locks on the door* [10, с. 177]. В эпистемическом значении глаголы воображения подчиняют пропозиции, содержание которых представляет некоторое положение дел с точки зрения его соответствия действительности. Признак «конструируемое отображение» предполагает оценку подчиненной пропозиции с точки зрения вероятности того, что соответствующая ситуация имеет или будет иметь место. Глаголы мнения в отличие от глаголов знания не имеют презумпции существования в действительности положения дел, которое субъект «имеет в уме», поэтому ментальный модус полагания вводит мнение, истинность которого недостоверна и которое может быть оспорено [3, с. 429].

Всякое полагание (мнение) должно иметь какое-либо основание. Сдвиг в семантике глаголов воображения в сторону вероятностного мнения сопровождается экспликацией источника, обоснования, мотива мнения, ср.: *She seemed a simple woman, deeply attached to her home, yet for some reason or other Frankie fancied that she wasn't quite happy* [14, с. 91]. Неопределенность источника мнения (букв. *по той или иной причине*) имплицитно подразумевает недостаточную убедительность аргументов, т. е. неуверенность мнения обусловлена эпистемической недостаточностью. В других случаях положительная истинностная оценка маркируется эпистемическим наречием *rightly* (*правильно*), посредством которого оценивается соответствие пропозиционального содержания действительности, ср.: *I did a quick once-over of the situation and figured that they would rightly assume that Alex had just arrived since he was still wearing his shoes and was obviously holding recently purchased food* [15, с. 135].

Важно отметить, что в эпистемическом значении мнения-предположения глаголы воображения вступают в парадигматические отношения с глаголами ментальной деятельности, реализующими значение эпистемической модальности по отношению к денотативной ситуации, ср.: *Everybody knows who Bryan Murphy is. – The girl said. Do you think he'd talk to me? – You'll have to ask him yourself, Miss. I'm not his agent, he's mine. – I imagine, he will* [16, с. 34]. В представленных выше прагматических контекстах глаголы *think* и *imagine* сближаются друг с другом в значении мнения-предположения. Это сближение закреплено и на уровне словарных дефиниций: глагол *imagine* дефинируется через глагол *think* как 'to think that something is probably true'. Языковым подтверждением семантического сближения глаголов воображения с собственно эпистемическими предикатами является прономинализация интенционального объекта адвербиальным местоимением *so*, актуализирующим непредметный семантический статус пропозиции, ср.: *Are you staying in Washington? – No. – Are you going to Rome? – I imagine so* [16, с. 125]. При этом содержание мнения (*намерение субъекта поехать в Рим*) по-прежнему остается в коммуникативном фокусе.

В эпистемическом значении глаголы воображения, как и другие глаголы мнения, могут подчинять отрицание в силу того, что отрицание переносится от подчиняющего предиката к подчиненной пропозиции, которая и оказывается в коммуникативном фокусе, ср.: *I don't imagine I'm the only grown man who is a Jewish kid aspiring to be an All-American kid during the patriotic war years* [10, с. 21]. В сфере действия отрицания оказывается не предикат *imagine*, а содержание мнения, вербализованное пропозицией. Так, предложение выше можно проинтерпретировать как *I imagine I am not the only grown man who is a Jewish kid aspiring to be an All-American kid during the patriotic war years* (Я полагаю, что я не являюсь *единственным взрослым*, в котором сохранилось стремление еврейского мальчика быть настоящим американским мальчиком).

М. А. Дмитриевская, анализируя глаголы, имеющие валентность на пропозицию, выделяет два типа оценочных суждений: оценки-предположения (мнения-предположения, верифицируемые мнения) и собственно оценочные суждения (оценки-мнения, неверифицируемые мнения), в которых субъект оценивает предмет или ситуацию. Верифицируемые пропозиции являются отражением какого-то фрагмента действительности, т. е. субъект мнения соотносит содержание пропозиции с действительностью (с настоящим, прошлым, будущим положением дел в мире), и это отражение может быть вер-

ным или неверным [17]. Верифицируемое мнение, категоризируемое конструкциями с глаголами воображения, может быть истинным или ложным. Мнение, содержанием которого является отрицательная истинностная оценка, трактуется как ошибочное [18, 19]. Ошибочность суждения, вводимого модулем воображения, может быть верифицирована в контексте. Так, в ситуации ниже предположение говорящего о том, что дети спят, вводимое глаголом *imagine*, опровергается описанием реального положения дел, ср.: *A moment later a small figure in pajamas came onto the terrace. – I imagined you were sleeping. – Denise said* [20, с. 267]. Отрицательная истинностная оценка мнения маркируется противительным контекстом, эксплицирующим расхождение между мысленным пропозициональным объектом и его коррелятом в реальном мире, ср.: *He fancied himself in love with me, the silly boy, but that was absurd* [21]; *I am not at all sensitive sort of person he imagines I am* [14, с. 132].

Как было отмечено выше, в сфере действия модуля воображения оказываются неверифицируемые пропозиции, выражающие субъективную оценку положения дел. Неверифицируемые пропозиции, как отмечает И. Б. Шатуновский, «создаются умом», они не являются отражением какого-либо объективного, внешнего по отношению к субъекту положения дел [9], и, как следствие, понятие вероятности не входит в оценочное суждение. Предикаты *imagine*, *fancy* вводят в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру, а не к положению вещей в мире. Следующее оценочное суждение вербализует взгляд на межличностные отношения, такого рода суждения имеют статус субъективной истины, они не могут быть опровергнуты, ср.: *She had trusted blindly to his love to spare her. She had imagined herself to be so dear to him that she must be exempt* [22, с. 47]. В функции аксиологических предикатов глаголы *fancy*, *imagine* вводят пропозиции с оценочными предикативными определениями (*horrible*, *dear*, *distinguished*), ср.: *But who could have imagined that his life would come apart in this horrible way?* [10, с. 83]; *I imagine him as a distinguished old gentleman* [23].

Ошибочное мнение представляет интерес и в прагматическом аспекте в связи с явлением полифонии как одновременном звучании голосов говорящего и субъекта мнения в высказывании. По отношению к пропозициональным установкам Е. В. Падучева вводит понятие «несочувственная интерпретация подчинительной конструкции», суть которого заключается в неприсоединении говорящего к мнению или установке субъекта [24, с. 326]. А. А. Зализняк аналогичное явление

называет «интерпретацией подчинительной конструкции» [25, с. 110]. В русском языке несоответствие «имеемой в уме» пропозиции действительности является презумпцией глагола *воображать*, это значит, что семантика лексемы *воображает* включает несогласие говорящего с передаваемым мнением, т. е. в семантику высказывания входит компонент 'а на самом деле это не так'. Исследователи отмечают, что эта презумпция принадлежит говорящему, что же касается субъекта подчиненной пропозиции, то он считает, что содержание подчиненной пропозиции соответствует действительности [9, 24, 26]. В английском языке смысловой компонент потенциальной ложности утверждаемой пропозиции вербализуется глаголами с семантикой воображения, ср.: The bellboy showed his teeth in what *he imagined* was an accommodating smile [16, с. 56]; "Good-morning!" cried Percy, raising his cap with what *he imagined* was a decidedly graceful flourish [27]. В ситуациях выше речь идет о том, что представление о любезности улыбки и торжественности приветствия ограничено лишь концептуальными миром субъекта мнения, в то время как говорящий не разделяет истинностную оценку подчиненной пропозиции. Импликация сомнительности или даже ложности мнения эксплицируется в ситуации ниже, в которой мужчина, совершивший побег из мест заключения, скрывается в помещении, куда заходит шериф. Бывший заключенный намерен пожертвовать собой, чтобы только снова не оказаться в тюрьме. Ментальное состояние сбежавшего вербализовано пропозицией, выражающей ошибочное мнение шерифа, который, как явствует из примера, вообразил, что сможет задержать беглого преступника, ср.: I reached out and grabbed a meat cleaver lying on the table. I wasn't going back to the Farnworth. If this *fat sheriff imagined he could take me*, he was in for a surprise [28, с. 259]. Смысловой компонент потенциальной ложности подчиненной пропозиции актуализируется при выведении предиката воображения в коммуникативный фокус, при этом предикат в рематической позиции выполняет функцию негативной оценки истинности актуализованной пропозиции, ср.: Had she thought up something and forgotten it – or had she *only planned* that Ashley should say something to her? [29, с. 132]. Снижение уровня достоверности подчиненной пропозиции актуализируется фокусным наречием *only* [30, с. 141].

Значение ошибочного мнения реализуется в полемическом контексте, когда прагматически важно высветить несоответствие «имеемого в уме» положения дел действительности. Семантический компонент 'а на самом деле это не так' является импликацией негативного императива, посредством

которого вводится мнение, с которым говорящий намерен полемизировать, ср.: She got to her feet and flicked her cigarette away into the darkness. *Don't imagine I'm bluffing*, Mr. Chet Carson. If you don't open the safe you are going back to Farnworth (*He воображай, что я блефую*) [28, с. 136]. Отрицательную истинностную оценку говорящим содержания мнения субъекта подчиненной пропозиции имплицитно общие вопросы с глаголами воображения в модусной пропозиции, они апеллируют к модусу собеседника, как, например, к ошибочности мнения о возможности «повесить убийство» на субъекта речи, ср.: She sank on the bed, her clenched fists between her knees, staring a time. *Did you imagine it would be an idea to pin his death on me* [28, с. 165]. Высказывание можно проинтерпретировать следующим образом: *Ты воображаешь, что можешь повесить убийство мужа на меня?* Вопрос содержит импликацию ложности мнения – 'а на самом деле это не так, напрасно, зря ты так думаешь'. Регулярность возникновения импликатуры несоответствия имеющейся в сознании пропозиции действительности приводит к тому, что этот компонент конвенционализируется [9, с. 268]. Примером диахронической семантической деривации нейтрального мнения в ошибочное является глагол *мнить*, лексическое значение которого описывается как 'иметь ошибочное мнение, основанное на завышенной самооценке' мнить себя кем-то/каким-то/из себя [25]. В примерах ниже квалифицирующие, оценочные суждения с глаголами *imagine*, *fancy* содержат завышенную, не соответствующую действительности оценку собственных качеств со стороны субъекта оценочного мнения (*возмнил себя настоящим танцором, художником, еще одной Мадонной, героем, королем*), ср.: Sure, I like to dance, but I don't *fancy myself as a real dancer* by any means [31]; He *fancies himself an artist* [LDCE]; She *fancies herself as another Madonna* [21]. Ошибочность оценочного мнения эксплицируется лексемами с отрицательной истинностной оценкой *lie*, *illusion*, ср.: He began, perhaps, in fact, *to imagine himself really a king*. If he did so, however, *the illusion* was soon dispelled [32].

Заключение

Итак, взаимопроникновение перцептивных и ментальных смыслов в семантике глаголов воображения подтверждает общие закономерности организации и функционирования когнитивной деятельности человека. Результатом проведенного анализа является новое знание о моделях семантической деривации глаголов воображения и их сближении с эпистемическими предикатами, объектом которых является пропозиция. В эпистемическом значении глаголы воображения категоризуют ситу-

ации мнения с истинностной и вероятностной оценкой подчиненной пропозиции. Семантический переход в сторону эпистемического значения сопряжен с изменением синтаксической формы подчиненной пропозиции, что свидетельствует о ког-

нитивном статусе грамматических конструкций. Проведенное исследование вносит вклад в исследование проблемы когнитивных аспектов многозначности и моделей семантической деривации производных значений.

Список литературы

1. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 22–29.
2. Ниинилуото И. Заметки о логике восприятия // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. М.: Наука, 1984. С. 329–340.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Прокопенко А. В. Семантико-синтаксическая организация предложений с пропозициональными глаголами знания, полагания и воображения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 144 с.
5. Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner, 1992. 201 с.
6. Семенова Т. И. Семантика и синтаксис конструкций с предикатами страха в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1993. 170 с.
7. Шведова Н. Ю. Три заметки о смысловых пересечениях // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 242–254.
8. Падучева Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // ВЯ. 2003. № 6. С. 30–46.
9. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
10. Roth P. American Pastoral. London: Vintage Books, 1997. 423 p.
11. Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Picador, 1997. 310 p.
12. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
13. Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 399 с.
14. Christie A. Why Didn't They Ask Evans? М.: Менеджер, 2002. 228 с.
15. Weisberger L. The Devil Wears Prada. New York: Broadway Books, 2006. 360 p.
16. Shaw I. Nightwork. СПб.: Антология, КАРО, 2005. 448 с.
17. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 6–18.
18. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
19. Семенова Т. И. Ошибочные когнитии сквозь призму языка // Вестник ИГЛУ. 2010. № 3. С. 136–143.
20. Hailey A. The Final Diagnosis. СПб.: КАРО, 2015. 384 с.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Edition. Essex: Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
22. Dell E. M. Rosa Mundi and Other Stories. New York: Books for Library Press, 1970. 389 p.
23. Longman Language Activator. Harlow: Longman Group UK Limited, 1997. 1587 p.
24. Падучева Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
25. Зализняк А. А. Предикаты ошибочного мнения в свете семантической типологии: глагол мнить // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М.: Индрик, 2008. С. 106–118.
26. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
27. Winfield A. M. The Young Bridge Tender. URL: <https://www.novelall.com/chapter/The-Young-Bridge-Tender-Part-22/508366.html> (дата обращения: 18.07.2019).
28. Chase H. C. Come easy – Go easy. М.: Айрис-пресс, 2003. 384 с.
29. Mitchell M. Gone with the wind. New York: Warner Books, 1999. 1037 p.
30. Alexander L. G. Longman English Grammar. New York: Addison Wesley Longman Ltd., 1988. 374 p.
31. The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/fancy+myself+as> (дата обращения: 20.07.2019).
32. Abott J. History of King Charles II of England. URL: <https://freeditorial.com/en/books/history-of-king-charles-ii-of-england> (дата обращения: 22.07.2019).

Семенова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025). E-mail: tisemenova54@mail.ru

Ишенина Анна Сергеевна, аспирант, старший преподаватель, Иркутский государственный университет (ул. Ленина, 8, Иркутск, Россия, 664025). E-mail: anna.ishenina@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 03.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-9-15

EPISTEMIC MEANINGS OF IMAGINE CLASS VERBS

T. I. Semenova, A. S. Ishenina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. The article focuses on the ways human beings conceptualize, structure and make sense of their physical and mental experience. Mental states of perception, imagination, belief, knowledge interact tightly with one another and this ontological nature is represented in the lexical semantics of the verbs *see, imagine, believe, think, know*. Thus, the main concern of the study is to highlight cognitive-semantic grounds of the semantic shifts of the imagine class verbs and to reveal syntactic, semantic, and pragmatic properties of the utterances arranged by these verbs.

Material and methods. The research is based on the empirical data from available sources and corpora data. The research is conducted within the cognitive linguistics framework where a common view is that meaning has a cognitive nature.

Results and discussion. The paper explores how lexical meanings get extended in a particular cognitive context. The findings of the study suggest that the verbs under consideration function as IMAGINERY VISION verbs and as epistemic verbs in the cognitive context BELIEF. The results obtained suggest that meanings of the imagine class verbs (supposition/evaluative judgment/wrong opinion) imply that related word “senses” may be part of a continuum of meanings rather than discrete entity. The research highlights polyphony as an important double-voiced dimension of the utterances with the imagine class verbs in the cognitive context BELIEF.

Conclusion. The findings of the study prove that the meanings of the imagine class verbs occupy overlapping areas of semantic space. The results obtained may contribute to further studies of the word meaning theory.

Keywords: *mental state, proposition, propositional attitude, imagination, semantic derivation, evaluative judgment, supposition.*

References

1. Gak V. G. Prostranstvo mysli (opyt sistematizatsii slov mental'nogo polya) [The space of thought (The experience of organizing the words of the mental field)]. *Logicheskiy analiz yazyka. Mental'nyye deystviya* [Logical analysis of language: mental actions]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Pp. 22–29 (in Russian).
2. Niiniluoto I. Zametki o logike vospriyatiya [Notes on the logic of perception]. *Modal'nyye i intensional'nyye logiki i ikh primeneniye k problemam metodologii nauki* [Modal and intensional logics and their application to methodology of science]. Moscow, Nauka Publ., 1984. Pp. 329–340 (in Russian).
3. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka*. 2-ye izd., ispr. [Language and the world of man. 2nd ed., rev.]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).
4. Prokopenko A. V. *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniy s propozitsional'nymi glagolami znaniya, polaganiya i voobrazheniya v sovremennoy angliyskom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Semantic-syntactic organization of sentences with propositional verbs of knowledge, position and imagination in modern English. Diss. cand. of philol. sci.]. Irkutsk, 1999. 144 p. (in Russian).
5. Zaliznyak A. A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies on the semantics of internal state predicates]. Munich, Otto Sagner Publ., 1992. 201 p. (in Russian).
6. Semenova T. I. *Semantika i sintaksis konstruksiy s predikatami strakha v sovremennoy angliyskom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Semantics and syntax of constructions with predicates of fear in modern English. Diss. cand. of philol. sci.]. Irkutsk, 1993. 170 p. (in Russian).
7. Shvedova N. Yu. Tri zametki o smyslovyykh peresecheniyakh [Three notes on semantic intersections]. *Sokrovennyye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: sb. statey v chest' N. D. Arutyunovoy* [Sacred meanings: Word. Text. Culture: collected papers in honor of N. D. Arutyunova]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. Pp. 242–254 (in Russian).
8. Paducheva Ye. V. Glagoly sozdaniya obraza: leksicheskoye znachenie i semanticheskaya derivatsiya [Verbs of image creation: lexical meaning and semantic derivation]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 2003, no. 6, pp. 30–46 (in Russian).
9. Shatunovskiy I. B. *Semantika predlozheniya i nereferentnyye slova (znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika)* [Semantics of the sentence and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 400 p. (in Russian).
10. Roth P. *American Pastoral*. London, Vintage Books, 1997. 423 p.
11. Fielding H. *Bridget Jones's Diary*. London, Picador, 1997. 310 p.
12. Seliverstova O. N. *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 960 p. (in Russian).
13. Rassel B. *Issledovaniye znacheniya i istiny* [An inquiry into meaning and truth]. Moscow, Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999. 399 p. (in Russian).
14. Christie A. *Why Didn't They Ask Evans?* Moscow, Menedzher Publ., 2002. 228 p.

15. Weisberger L. *The Devil Wears Prada*. N. Y., Broadway Books, 2006. 360 p.
16. Shaw I. *Nightwork*. Saint Petersburg, Antologiya, KARO Publ., 2005. 448 p.
17. Dmitrovskaya M. A. Znaniye i mneniye: obraz mira, obraz cheloveka [Knowledge and opinion: world image, human image]. *Logicheskij analiz yazyka. Znaniye i mneniye* [Logical analysis of language: knowledge and opinion]. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 6–18 (in Russian).
18. Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived values and mechanisms of language extension]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 472 p. (in Russian).
19. Semenova T. I. Oshibochnyye kognitsii skvoz' prizmu yazyka [Erroneous cognitions from a linguistic view point]. *Vestnik IGLU*, 2010, no. 3, pp. 136–143 (in Russian).
20. Hailey A. *The Final Diagnosis*. Saint Petersburg, KARO Publ., 2015. 384 p.
21. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Third Edition. Essex, Longman Group Ltd., 1997. 1680 p.
22. Dell E. M. *Rosa Mundi and Other Stories*. N. Y., Books for Library Press, 1970. 389 p.
23. *Longman Language Activator*. Harlow, Longman Group UK Limited, 1997. 1587 p.
24. Paducheva Ye. V. *Semanticheskiye issledovaniya (semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa)* [Semantic research (semantics of tense and aspect in Russian; semantics of narrative)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p. (in Russian).
25. Zaliznyak A. A. Predikaty oshibochnogo mneniya v svete semanticheskoy tipologii: glagol mnit' [Predicates of erroneous opinion in the context of semantic typology: the verb think]. *Logicheskij analiz yazyka. Mezhdue lozh'yu i fantaziyey* [Logical analysis of language. Between lie and fantasy]. Moscow, Indrik Publ., 2008. Pp. 106–118 (in Russian).
26. Zaliznyak A. A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby yeye predstavleniya* [Polysemy in a language and ways of its presentation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 672 p. (in Russian).
27. Winfield A. M. *The Young Bridge Tender*. URL: <https://www.novelall.com/chapter/The-Young-Bridge-Tender-Part-22/508366.html> (accessed 18 July 2019).
28. Chase H. C. *Come easy – Go easy*. Moscow, Ayris-press Publ., 2003. 384 p.
29. Mitchell M. *Gone with the wind*. N. Y., Warner Books, 1999. 1037 p.
30. Alexander L. G. *Longman English Grammar*. N.Y., Addison Wesley Longman Ltd., 1988. 374 p.
31. *The Free Dictionary*. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/fancy+myself+as> (accessed 20 July 2019).
32. Abott J. *History of King Charles II of England*. URL: <https://freeditorial.com/en/books/history-of-king-charles-ii-of-england> (accessed 22 July 2019).

Semenova T. I., Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).
E-mail: tisemenova54@mail.ru.

Ishenina A. S., Irkutsk State University (ul. Lenina, 8, Irkutsk, Russian Federation, 664025).
E-mail: anna.ishenina@yandex.ru

УДК 811.111
DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-16-22

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СФЕРЫ «МИКРОЭЛЕКТРОНИКА»

М. А. Слепнева

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва

Введение. Перевод научно-технической литературы всегда сопряжен с трудностями, связанными со спецификой грамматического строя и терминологическими особенностями. Технический перевод необходимо осуществлять максимально точно, стараясь наилучшим образом передать смысловую нагрузку первоисточника.

Материал и методы. Каждая область науки характеризуется своей терминосистемой, и микроэлектроника, будучи одной из наиболее быстро развивающихся отраслей, претерпевает постоянное обновление терминологии. Динамика общемирового развития данной отрасли оказывает существенное влияние на образование терминов в микроэлектронике, которые характеризуются существенным процентным содержанием международных слов. Зарождение и утверждение новых терминов происходит очень динамично по сравнению со словообразованием в общей лексике. Суть термина, входящего в специальную лексику, определяется исключительно его содержанием и понятна узкому кругу специалистов. Общепринято подразделять термины на технические и общенаучные. В некоторых источниках из общенаучных слов дополнительно отделяют общеупотребительные слова. Будучи используемыми в конкретной области, общенаучные термины часто приобретают специфическое именно для этого раздела науки значение.

Результаты исследования. Рассмотрение некоторых широко распространенных примеров терминов в области микроэлектроники позволяет сделать вывод об их различных значениях в зависимости от контекста, который нужно учитывать, так как многозначность термина может стать препятствием к верному переводу. Кроме того, контекст поможет понять, было ли слово использовано в обычном или специальном техническом значении, каково конкретное значение многозначного термина, а в случае многокомпонентности контекст при переводе помогает опустить неинформативные составляющие. Отмечается явление интерференции терминов из смежных областей в микроэлектронику, что связано с темпами развития отрасли, за которыми часто не успевают языковые средства. Отдельное внимание уделяется использованию метафор в качестве терминов, и отмечается образность английских терминов в целом по сравнению с русскими, характеризующимися точностью и лаконизмом. Корректный перевод термина определяется его морфологическим строением, семантическими особенностями, типами терминов-словосочетаний, их структурной особенностью и спецификой использования. С морфологической точки зрения наиболее распространенными на данный момент являются многокомпонентные термины-словосочетания. В зависимости от состава терминов-словосочетаний они подразделяются на три типа. Для каждого из типов словосочетаний приводятся конкретные примеры.

Заключение. Рассмотрение основных вопросов терминообразования области микроэлектроники показало, что состав терминологии научного текста характеризуется преобладанием общеупотребительных слов. Изначально имея несколько значений, при использовании в контексте они приобретают специфическое значение для конкретной области. При рассмотрении морфологических особенностей отмечается превосходство терминов-словосочетаний, в которых, со структурной точки зрения, в качестве атрибутивных элементов преобладают существительные и прилагательные.

Ключевые слова: научно-технический стиль, терминосистема, термин, словосочетания, морфологические особенности.

Введение

Развитие современных информационных технологий сопровождается бурными потоками информации о результатах научно-исследовательской деятельности. Появляются новые области и объекты изучения, что влечет за собой порождение большого количества специальных слов, словосочетаний и формулировок, в лабиринтах которых можно заблудиться. Микроэлектроника – наиболее яркий пример, так как она – одна из самых динамичных отраслей, в которой научно-техническая и патентная информация, изобилующая набором профессиональных слов, по своей совокупности перекрывает

информационные потоки других отраслей в несколько раз. В таких условиях в связи с большим количеством новых слов и словосочетаний перевод научно-технической и патентной информации, по сути, очень сложен из-за открытия новых материалов и создания на их основе разработок современных изделий микроэлектроники с использованием прорывных технологий.

Материал и методы

Научно-технический стиль является неотъемлемой составляющей любого языка, подчиняется его лексическому и грамматическому принципам, од-

нако обладает некоторыми особенностями как в области грамматики, так и в области терминологии. Он характеризуется лаконичным и четким, хотя и доказательным изложением. Многочисленные термины, аббревиатуры, научный сленг – все составляет основу лексического стиля технического текста. Быстрый технический прогресс способствует активному появлению новых терминов в специальных областях знаний, что не свойственно общей лексике, не претерпевающей такого интенсивного развития словарного запаса и, соответственно, отстающей по численности новых слов от специальной лексики. Если в общей лексике новое слово появляется из речевой ситуации, то термин может быть внедрен всего лишь одним ученым или изобретателем. У такого специального слова, которое зачастую называется термином-оригиналом, есть все шансы утвердиться сразу же и навсегда в определенной среде, в то время как в общей лексике новое слово может исчезнуть, едва успев появиться. В то время как обычное слово воспринимается исключительно через свою внешнюю форму, то суть термина, которая заключается в его содержании, порой не имеет устоявшейся формы изначально. Данные термины, составляющие специальную лексику, не используемые в обиходе, понятны и востребованы лишь профессионалами.

Термины подразделяются на технические и научные. Являясь более конкретным, технический термин устанавливает связь с окружающим миром посредством понятий и стремится к однозначности. Терминологическая лексика занимает особую нишу в языке любой технически развитой нации [1].

Однако не каждое слово, возникшее в результате технических прорывов, можно отнести к терминам. Терминология представляет собой часть специальной лексики, нацеленной на отражение и выражение действительности. Она является замкнутым словарным контекстом и имеет социально-обязательный характер. Термины делятся на общенаучные, известные широкому кругу специалистов из разных областей, и узкоспециализированные. Хотя, будучи используемыми в конкретной области, общенаучные термины также приобретают специфичное именно для этого раздела науки значение [1]. Для корректной интерпретации термина необходимы знания области его использования. Термин не является обособленной лексической единицей, за этим словом закреплено определенное техническое значение, зависящее от области его употребления.

Результаты и обсуждения

Анализируя лексический состав научно-технических текстов, можно выделить два основных подхода, заключающихся в классификации их лек-

сики на три группы – термины, общенаучные слова и общеупотребительные слова [2].

Если мы сравним словарь общего языка и терминологию, то увидим, что две системы значительно отличаются друг от друга. Большинство слов в лексике общего языка имеют несколько значений. Теоретически термины должны быть однозначными и иметь одно значение и только одно обозначение, соответствующее одной форме. Многозначность трактуется как омонимия. Термин в системе субъекта должен идентифицировать только одно понятие. На практике, однако, даже в рамках единой области мы отмечаем, что одна форма может быть связана с более чем одним значением [3].

Приведем примеры с широко распространенными в микроэлектронике терминами *well* и *gate*, имеющими различные значения в зависимости от контекста.

charge storage well – потенциальная яма для накопления зарядов; *CMOS well* – карман для формирования КМОП-структуры;

floating-gate MOS transistor – МОП транзистор с плавающим затвором; *AND gate* – логический элемент И.

Многозначность термина может стать препятствием к верному переводу, поэтому при переводе нужно учитывать контекст. Хотя такие характерные черты, как точность и однозначность, определяют термин, но в случае общеупотребимого термина контекст при переводе сыграет определяющую роль. Контекст поможет понять, было ли слово использовано в обычном или специальном техническом значении, каково конкретное значение многозначного термина и в случае многокомпонентности поможет опустить неинформативные составляющие [4, 5].

A multichip housing has a lead frame to which plural die are solded [6]. – Корпус многокристальной микросхемы имеет выводную рамку, к которой припаяются многочисленные полупроводниковые пластины.

Как видно из примера, такой термин, как *die*, который можно встретить в автомобильной, нефтяной, химической и других областях в значениях *штамп, пресс-форма, головка и др.*, в микроэлектронике наделяется индивидуальным содержанием.

modern interconnected dielectric applications – современная многокомпонентная аппаратура с диэлектрической изоляцией.

В последнем примере без знания контекста представляется затруднительным перевод фразы *modern interconnected dielectric applications*, так как не очевиден тот факт, что термин *dielectric* не является непосредственной качественной характеристикой

определяемого существительного, а подразумевает его конструктивную особенность.

А следующий пример содержит в себе трактовку вновь введенного автором изобретения в оборот термина:

The term «flat no-leads» is used to describe surface-mount technology allowing an IC to be connected to the surface of a Printed Circuit Board (PCB) without through-holes and so on [7]. – Термин «плоское безвыводное крепление» используется для описания технологии крепления на поверхности, позволяющей ИС подсоединять к поверхности печатной платы без сквозных отверстий и т. п.

Отличительной чертой термина является его неизолированность, он всегда является частью семантического целого (в нашем случае – науки или техники), и его означаемое получает дефиницию только наряду с прочим, относящимся к той же области [8, с. 15].

chip – интегральная схема, chip assembly – микросборка, chip edge – край кристалла; charge-carrier flow – поток носителей зарядов; flow-chart – блок-схема.

Неудивительно, что в такой динамично развивающейся науке, как микроэлектроника, языковые средства не успевают за темпами развития, вследствие чего в ряде случаев можно наблюдать интерференцию терминов из смежных областей.

deposit – осажженный слой; gate – затвор; glass – аморфная форма диоксида кремния; kerf – линия скрабирования.

Рассматривая само понятие «термин», следует отметить то, что среди лингвистов не наблюдается единого мнения относительно определения термина. Согласно современному словарю русского языка [9], «термин» – это слово или словосочетание, обозначающее строго определенное понятие какой-либо области знания или деятельности. Однако Т. Л. Канделаки [10, с. 7] утверждает, что «термин – это слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции». Есть определение, что «термин является лингвистическим символом, который присваивается одному или нескольким понятиям, которые определяются из смежных понятий. Это может быть слово или группа слов» [11, с. 168]. «Термин представляет собой лексическую единицу, состоящую из одного или нескольких слов, которые представляют понятие внутри определенной сферы знаний» [12, с. 152]. «Предметы, которые характеризуются особой связью с дисциплиной, являются „терминами“ этой дисциплины» [13, с. 19]. А В. М. Лейчик утверждает, что «термин может иметь ряд вариантов, зависящих от выбранной теории и степени глубины знания» [14, с. 22].

Многие лингвисты придерживаются мнения, что в качестве термина может выступать лишь существительное или же словосочетание с ним, другие же полагают, что и глаголы, и наречия, и прилагательные возможно отнести к терминам. Что касается глаголов, то, например, С. В. Гринев-Гриневич думает, что вследствие того, что глагол включает в себя действие, определяемое термином-существительным, то относить его к терминам не стоит [15].

Приведем несколько примеров прилагательных и глаголов из области микроэлектроники, выступающих в качестве терминов данной области.

crucibleless – бестигельный (прил.); double-diffused – двухдиффузионный (прил.); to drive-in – разгонять примесь (гл.); to precoat – наносить предварительное покрытие; lightly-doped – слабо легированный (прил.).

Особенностью терминологии технического английского языка, объясняемой его спецификой, является большее количество метафор по сравнению с русским языком. Метафора не передает основной сути термина, а служит для его истолкования непосвященными [1].

bird's beak – дефект типа «птичий клюв» (дефект, возникающий при формировании изоляционной области высокотемпературным окислением в МОП-транзисторах); desk size – малогабаритный; gull-wing Small Outline (SO) package – малогабаритный корпус типа SO в виде крыла чайки; pig tail – вывод.

Английские термины в целом более образны, чем русские, характеризующиеся точностью и лаконизмом.

bare die – бескорпусный кристалл; bubble – устройство на цилиндрическом магнитном домене; buried flip-flop – внутрисхемный триггер.

Кроме обязательных свойств у термина есть ряд характеристик, в зависимости от проявления которых различаются основные типы терминов. Термины могут рассматриваться в четырех аспектах: с точки зрения их формы и структурных особенностей; их значения; исторических особенностей; особенностей их употребления [15]. Корректный перевод термина определяется его морфологическим строением, семантическими особенностями, типами терминов-словосочетаний, их структурной особенностью и спецификой использования [5, 16].

С точки зрения морфологии термины подразделяются на простые (непроизводные, производные, аббревиатуры), сложные и термины-словосочетания [3]. Простые и сложные термины образуются префиксальным, суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом. И если префиксы будут изменять семантику нового слова, то суффиксы определяют часть речи [17].

detrapping – генерация из ловушки; *encapsulating* – герметизирующий.

Важной лингвистической особенностью терминов в техническом и научном языках является преобладание сложных терминов. Во многих языках на долю сложных терминов приходится около 70–80 % терминологии [18]. В научно-технической литературе наиболее часто используемыми являются именно словосочетания. Многокомпонентность будет являться общей чертой при сравнении сочетаний в английском и русском языках, когда термин строится из определяемой составляющей, существительного, и определяющей – часто прилагательного либо существительного, причастия и т. п. Основную нишу здесь занимают двухкомпонентные словосочетания, составляющие порядка 65 % от общего числа терминов-словосочетаний как в русском языке, так и в английском и состоящие из основного компонента и определяющего, атрибутивного к нему [15].

При переводе на русский язык многокомпонентных терминов следует учитывать тот факт, что в качестве определяющей составляющей помимо не зависящих друг от друга слов могут выступать словосочетания, в свою очередь образующие отдельную терминологическую группу.

parallel-plate capacitively coupled plasma enhanced chemical vapor deposition – химическое паровое осаждение, усиленное плазмой с плоско-параллельной емкостной связью.

В приведенном примере выражение *parallel-plate capacitively coupled plasma enhanced* является самостоятельным термином, выступающим в роли определения к существительному *deposition*.

Часто встречаются трех- и более компонентные сочетания. Связь между составляющими термина-словосочетания осуществляется синтаксическими средствами языка: путем примыкания либо грамматическим способом (предложным или за счет изменения окончания в русском языке). Характерными являются прямой порядок слов для английского языка и прямой или обратный для русского [1, 5].

line-by-line scan – послойное сканирование; *profile of etch feature* – профиль травления элемента.

Согласно проведенным исследованиям терминологий европейских языков, более 60 % терминологических словосочетаний образуются посредством синтаксического способа образования, который считается наиболее продуктивным в случае образования новых терминов [15].

В зависимости от состава терминов-словосочетаний их можно разделить на три типа [5]. В словосочетаниях первого типа будут использоваться только «чистые» термины, не теряющие своего уникального значения при одиночном применении,

а при их союзе появляется новое уникальное значение.

diode sputter – двухэлектродная вакуумная установка ионного распыления; *hole conduction* – электропроводность *p*-типа.

Второй тип характеризуется наличием в своем составе и терминов, и общеупотребительных научных слов. В таком словосочетании существительное является основополагающим и может выступать как самостоятельный термин. В такой же функции в ряде случаев может выступать и прилагательное.

dot lithography – точечная литография; *plasma stripping* – плазменное удаление фоторезиста.

В третьем типе словосочетания все компоненты принадлежат к общеупотребимой лексике, но при объединении становятся термином. Специфическим свойством термина-словосочетания третьего типа является идиоматичность.

back gate – нижний затвор; *bar heat sink* – плоский теплоотвод; *daughter board* – печатная плата первого уровня; *device area* – посадочное место; *dust hood* – пыленепроницаемый бокс.

Далее рассмотрим структурные особенности терминов-словосочетаний. Их связь является атрибутивной и осуществляется предложными сочетаниями, конструкциями сущ. + сущ. и наиболее часто используемыми в научно-технической литературе конструкциями прил. + сущ. Также встречаются словосочетания – причастие I + сущ. и причастие II + сущ.

ejected electron – инжектированный электрон (причастие II + сущ.); *electrical junction* – электрическое соединение (прил. + сущ.); *package design* – конструкция корпуса (сущ. + сущ.).

Определяемый компонент (существительное) располагается в конце, а определяющий компонент выражает понятия, используемые в качестве признаков. Определяющий компонент может быть выражен группой слов, которая выступает как единый семантический комплекс. Определяющий компонент сложного термина может состоять из прил. + прил., прил. + сущ., сущ. + причастие, сущ. + сущ., группы слов, одного из элементов определяющего компонента, который может иметь сокращенную форму, или целого идиоматического словосочетания. Трехкомпонентные английские термины составляют примерно треть от общего числа терминов-словосочетаний [5, 15].

dielectric-semiconductor interface – граница раздела между диэлектриком и полупроводником (сущ. + сущ. + сущ.); *operational-amplifier comparator* – компаратор на операционном усилителе (прил. + сущ. + сущ.); *self aligned gate structure* – структура с самосовмещенным затвором (причастие II + сущ. + сущ.).

Многокомпонентные термины (6–8 составляющих) занимают наименьшую нишу в терминологии в целом и микроэлектронике в частности, однако тенденция к росту процентной доли из-за усложнения технической мысли очевидна, хотя такая конструкция более склонна к описанию понятия, так как не соответствует предъявляемым к терминам требованиям о краткости и емкости.

low-dielectric-constant amorphous hydrogenated boron carbide film – аморфная гидрогенизированная пленка карбида бора с низкой диэлектрической постоянной.

В заключение, безусловно, необходимо отдельно выделить огромный сегмент терминов микроэлектроники, к которым относятся различного рода аббревиатуры. Среди них есть как устоявшиеся, хорошо известные широкому кругу специалистов, например, *MOS* – МОП-структура, *TFT* – тонкопленочный транзистор, *HEMT-транзистор* (транзистор с высокой подвижностью электронов, *high electron mobility transistor*), *LED* – светодиод и т. п., так и вновь появляющиеся: *LDMOSFET* – устрой-

ство на полевых МОП-транзисторах, выполненное методом бокового напыления, *GNTs (graphene nanotubes)* – графеновые нанотрубки.

Заключение

В целом, рассмотрев основные вопросы терминологии области микроэлектроники, можно отметить, что состав терминологии научного текста в микроэлектронике характеризуется большим количеством общеупотребительных слов при использовании в контексте приобретающих специфическое значение для конкретной области. Также присутствуют термины, которые применяются не только в области микроэлектроники, но и в иных сферах. Определенную долю занимают термины, свойственные только микроэлектронике, и те, что в данной области имеют несколько значений.

При рассмотрении морфологических особенностей отмечается превосходство терминов-словосочетаний, в которых, со структурной точки зрения, в качестве атрибутивных элементов преобладают существительные и прилагательные, указывающие на свойство, функцию, материал объекта.

Список литературы

1. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории: 6-е изд. / отв. ред. Т. Л. Канделаки. М.: Либроком, 2012. 248 с.
2. Борисова Л. И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. Теория и практика перевода: учеб. пос. М.: НВИ-Тезаурус, 2005. 216 с.
3. Cabré Castells, M. Teresa. Terminology: Theory, methods and applications. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. 249 p.
4. Городиский М. В. Представление терминологической эквивалентности в дескриптивном терминографировании (опыт составления русско-английского глоссария «образовательная деятельность и управление образованием СПбГУ») // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 39–44.
5. Пронина Р. Ф. Пособие по переводу английской научно-технической литературы: 2-е изд. М.: Высшая школа, 1973. 196 с.
6. Патент US 7,671,455 B2 «Semiconductor device package with integrated heat spreader», Mark Pavier, 02.03.2010.
7. Патент US 10,304,758 B1 «Wafer level package device formed using a wafer level lead frame on a carrier wafer having a similar coefficient of thermal expansion as an active wafer», Karthik Thamhidurai and oths., 28.05.2019.
8. Roendeau G. Introduction à la terminologie. Québec, 2nd ed. 1984. 238 p.
9. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html>.
10. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 165 с.
11. Felber H. Terminology Manual. Paris: Unesco and Infoterm, 1984. 457 p.
12. Bessé, Bruno de, Blaise Nkwenti-Azeh, Sager J. C. Glossary of Terms Used in Terminology // Terminology. 1997. Vol. 4, № 1. P. 117–156.
13. Sager J. C. A Practical Course in Terminology Processing. Amsterdam: John Benjamins. 1990. 254 p.
14. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура: 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
15. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
16. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
17. Шамсеева Г. Х. Морфологический способ образования терминов права в английском языке // Вестн. Башкирского ун-та. 2009. Т. 14, № 2. С. 411–413.
18. Handbook of Terminology / Edited by Hendrik J. Kockaert and Frieda Steurs. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2015. 539 p.

Слепнева Марина Анатольевна, доцент, кандидат технических наук, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (ул. Красноказарменная, 14, Москва, Россия, 111250).
E-mail: slepnevama@mpei.ru

Материал поступил в редакцию 21.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-16-22

MORPHOLOGICAL AND STRUCTURAL FEATURES OF THE MICROELECTRONICS TERMINOLOGY SYSTEM

M. A. Slepneva

National Research University Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation

Introduction. Translation of scientific and technical literature is always connected with some difficulties associated with the grammar structure and terminological features. Technical translation must be carried out as accurately as possible, trying to convey the semantic meaning of the source in the best way. Stylistically this kind of translations should be logical and clearly stated.

Material and methods. Each area of science is characterized by its own term system and microelectronics, being one of the fastest growing industries, in turn, undergoes constant updating of terminology. The dynamics of this industry global development has a significant impact on the formation of terms in microelectronics, which are characterized by a significant percentage of international words. The origin and approval of new terms is very dynamic compared to word formation in general vocabulary. The essence of the term included in special vocabulary is determined only by its content and is understandable to a narrow circle of specialists. It is generally accepted to subdivide terms into technical and general scientific ones. In some sources, common words are additionally separated from general scientific words. Being used in a specific field, general scientific terms often acquire a specific value specifically for this branch of science.

Results and discussion. Consideration of some widespread examples of terms in the field of microelectronics allows us to conclude about their various meanings depending on the context, which must be taken into account, because the polysemy of the term can become an obstacle to the correct translation. In addition, the context will help to understand whether the word is used in a usual or special technical meaning, what is the specific meaning of a multi-valued term, and in the case of multicomponent context, it helps to omit uninformative components. The phenomenon of interference of terms from related fields to microelectronics is noted, which is associated with the rate of development of the industry, for which language tools often do not keep it. Special attention is paid to the use of metaphors as terms and the figurativeness of English terms in general is noted, in comparison with Russian ones, characterized by accuracy and laconism. A correct translation of a term is determined by its morphological structure, semantic features, types of terms, phrases, their structural features and specifics of use. From the morphological point of view, the most common at the moment are multicomponent phrases. Depending on the composition of the terms, phrases, they are divided into three types. For each type of phrase, specific examples are given.

Conclusion. Consideration of the main issues of terminology in the field of microelectronics indicates that the composition of the terminology of a scientific text is characterized by the prevalence of commonly used words. Initially having several meanings, when used in a context, they acquire a specific meaning for a specific area. When considering morphological features, the superiority of terms-phrases is noted, in which, from a structural point of view, nouns and adjectives prevail as attribute elements.

Keywords: *scientific and technical texts style, term system, term, phrases, morphological features.*

References

1. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'yeva N. V. *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii*. Otv. red. T. L. Kandelaki [General terminology: theory questions. Ed. T. L. Kandelaki]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 248 p. (in Russian).
2. Borisova L. I. *Leksicheskiye osobennosti anglo-russkogo nauchno-tekhnicheskogo perevoda. Teoriya i praktika perevoda: uch. pos.* [Lexical features of the English-Russian scientific and technical translation. Theory and practice of translation: tutorial]. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2005. 216 p. (in Russian)
3. Cabré T. M. *Terminology: Theory, methods and applications*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1999. 249 p.
4. Gorodiskiy M. V. Predstavleniye terminologicheskoy ekvivalentnosti v deskriptivnom terminografirovani (opyt sostavleniya russko-angliyskogo glossariya "obrazovatel'naya deyatel'nost' i upravleniye obrazovaniyem SPbGU" [Presentation of terminological equivalence in descriptive termography (experience in compiling the Russian-English glossary "educational activities and education management at St. Petersburg State University")]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 9*, 2013, no. 4, pp. 39–44 (in Russian).
5. Pronina R. F. *Posobiye po perevodu angliyskoy nauchno-tekhnicheskoy literatury* [Manual for the translation of English scientific and technical literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 196 p. (in Russian).
6. Patent US 7,671,455 B2. *Semiconductor device package with integrated heat spreader*. Mark Pavier, 02.03.2010.
7. Patent US 10,304,758 B1. *Wafer level package device formed using a wafer level lead frame on a carrier wafer having a similar coefficient of thermal expansion as an active wafer*. Karthik Thamhidurai et al., 28.05.2019.
8. Roendeau G. *Introduction à la terminologie*. Québec, 2nd ed., 1984. 238 p.
9. *Bol'shoy sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great modern explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (in Russian).

10. Kandelaki T. L. *Semantika i motivirovannost' terminov* [The semantics and motivation of the terms]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 165 p. (in Russian).
11. Felber H. *Terminology Manual*. Paris, Unesco and Infoterm, 1984. 457 p.
12. Bessé B. de, Nkwenti-Azeh B., Sager J. C. *Glossary of Terms Used in Terminology*. Terminology, 1997, vol. 4, no. 1, pp. 117–156.
13. Sager J. C. *A Practical Course in Terminology Processing*. Amsterdam, John Benjamins. 1990. 254 p.
14. Leychik V. M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p. (in Russian).
15. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye: uchebnoye posobiye dlya studentov vyssh. ucheb. zavedeniy* [Terminology. Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
16. Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Lingvisticheskiye osnovy ucheniya o terminakh: ucheb. posobiye dlya filol. spets. vuzov* [Linguistic basis of the doctrine of terms: textbook for philological special universities]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 104 p. (in Russian).
17. Shamseyeva G. Kh. *Morfologicheskiy sposob obrazovaniya terminov prava v angliyskom yazyke* [Morphological method for the formation of legal terms in English]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2009, vol. 14, no. 2, pp. 411–413 (in Russian).
18. *Handbook of Terminology*. Edited by Hendrik J. Kockaert and Frieda Steurs John Benjamins Publishing Company Amsterdam. Philadelphia, 2015. 539 p.

Slepneva M. A., National Research University Moscow Power Engineering Institute (ul. Krasnokazarmennaya, 14, Moscow, Russian Federation, 111250). E-mail: slepnevama@mpei.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Х. Каримова, Е. В. Болотова

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак

Введение. Рассматривается лексика современного публицистического текста. Базой для исследования послужили немецкоязычные газетные статьи, относящиеся к тематической рубрике «политика». Актуальность исследования определяется необходимостью изучения и описания лексических единиц лексико-тематической группы «политика», в содержании которой отражаются изменения в политической жизни страны. Научная новизна исследования состоит в осмыслении процессов, происходящих в словообразовании современного немецкого языка.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили лексические единицы, отобранные методом сплошной выборки из текстов немецкоязычных газет. Целеполагающим в работе является словообразовательный анализ языкового материала. В связи с этим акцентированы наиболее продуктивные способы словообразования в современном немецком языке: словосложение и словопроизводство. Проанализированы структурные и семантические особенности немецкоязычных сложных слов. Выявлены структурные типы композитов, подробно описан их состав. Частотными компонентами такой лексики в современных газетных политических текстах выступают англицизмы. Изучены внутренние связующие механизмы, за счет которых образуется сложная структура композитных единиц. Кроме того, сделана попытка в той или иной степени обобщить семантику слов, образующих композиты. Словообразовательная характеристика политического газетного лексикона представлена с учетом частеречной принадлежности лексических единиц, свойственных им некоторых грамматических признаков. Наряду со сложными и сложнопроизводными словами проведен анализ производных лексем. Исследованы в преобладающем количестве деривативные существительные, а также глаголы и определены частотные аффиксы, большинство из которых – суффиксы. Теоретическая направленность работы обусловлена лингвистическими предпосылками, сложившимися в современной германистике. Использованы актуальные в области словообразования немецкого языка источники. Также изложена позиция авторов статьи к пониманию и определению термина «конфикс», характерного для словообразовательных процессов в немецком языке. Методологическая составляющая исследования включает в качестве основных методов компонентного анализа, метод словообразовательных моделей, описания. При подведении итогов исследования использовался количественный метод.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показывают доминирующее положение словосложения, выявляемого в немецкоязычной политической газетной лексике. Продуктивными являются заимствования из английского языка. Представленные в целом научные обоснования могут быть использованы в рамках курса лексикологии немецкого языка.

Заключение. Полученные в результате исследования данные могут найти применение при подготовке анализов и обзоров тенденций развития современного немецкого словообразования. В заключение намечены перспективы дальнейшей разработки вопросов, касающихся словообразовательной специфики немецкоязычной разножанровой публицистической лексики.

Ключевые слова: немецкоязычная газетная лексика, словосложение, англицизмы, производные слова, структура, семантика.

Введение

Современное состояние языка, в частности немецкого, подтверждает ставшие лингвистическим постулатом взгляды основоположника общего языкознания В. Гумбольдта, выдающегося философа и языковеда начала XIX в., о том, что язык как вечно движущаяся энергия постоянно развивается и представляет собой диалектическую сущность [1].

Словообразование как одна из языковых систем, живо реагирующая на процессы, происходящие в современном мире, отражает различные изменения в речи носителей данного языка. Принимая за основу данные утверждения, мы обратились

к изучению словообразовательных явлений в современном немецком языке. Тем самым обусловлена цель нашего исследования, заключающаяся в том, чтобы определить наиболее частотные способы словообразования, выявить структурные типы сложных слов, типы связей между компонентами слов, охарактеризовать роль словопроизводства в современном немецком языке.

Материал и методы

Для анализа использованы материалы немецкоязычных газет, поскольку публицистические тексты в целом показывают тенденции современного

словообразования, свидетельствующие об изменениях в словарном составе языка. В связи с задачей детально проанализировать вокабуляр газетных текстов на немецком языке было отобрано 245 слов, далее распределенных по частям речи: 181 существительное, 56 глаголов, 8 прилагательных.

Мы опирались на лингвистические работы конца XX – начала XXI в. в области словопроизводства немецкого языка, в которых наметились новые явления, сопровождающие процессы образования слов. В ходе исследования использовались следующие методы: метод компонентного анализа, метод словообразовательных моделей, описательный метод, метод количественного анализа.

А. Даргевиц акцентирует внимание на параллельном существовании двух словообразовательных типов: на основе исконно немецких (indigene Wortbildung) и на основе заимствованных (fremde Wortbildungselemente) слов [2, с. 62].

И. Барц подчеркивает, что специфика немецкого языка заключается в появлении не только заимствованных суффиксов (-ing: Doping, Mobing, Shopping) и префиксов (meta-, one-, single-, poly- и др.), но и морфологически неизменных простых и сложных лексем, которые становятся компонентами сложных слов, производящими основами для дериватов, ср.: die Facebook-Seite, der Follower, die Steuer-Deals, chatten, die Online-Anzeige, der Kommando-Server, das Chequers-Papier и др. Встречаются и полные кальки типа: Trouble Maker, Hobbyhacker [3, с. 47].

В нашем исследовании сложные слова с иноязычными компонентами представлены 34 словами, в 21 из которых иноязычный компонент занимает препозицию, в 13 других находится в постпозиции. Среди них 20 элементов – англицизмы, 5 элементов имеют греческое происхождение: Asyl-, Anti-, -dilemma, Pseudo-, Mega-, 2 элемента происходят из славянских языков: Nowischok-, Kieze-, 1 элемент – из нидерландского: wrack в составе компонента Abwrack-.

Следует отметить, что некоторые компоненты представляют собой сложный путь заимствований: из латинского во французский, например: -debakel, -regime или из латинского в английский или итальянский, например: Kommando-, Mobs-, Master-. Ср.: der Wahldebakel, das Schurkenregime, der Mobstourismus, der Kommandoserver, der Masterplan и др.

Слова с англицизмами, вообще с заимствованными компонентами представляют собой, по сути, гибридные лексические образования (типа Bahn-card (употребляется наряду с Bahnkarte)). Приведем примеры таких слов, использованных в газетных статьях:

Als *Nuklearmacht* müsste das Land weniger Geld für Rüstung ausgeben...

Deshalb reagierte Trump auf das Gesprächsangebot Nordkoreas nicht so versöhnlich wie Seoul – sondern sprach nur von seinem *Atomknopf*.

Hier in Panmunjom befindet sich auch die *Telefonleitung*, über die Nord und Süd sprechen [4, S. 8].

So solle eine „*Grundpräsenz*“ sichergestellt werden, hieß es.

Denn der Bundestag ist ein *Arbeitsparlament*, dessen Aktivität...

Die Grüne *Fraktionsgeschäftsführerin* Britta Haßelmann erklärte, es gebe bewährte Verfahren [5, S. 4].

Als Äthiopiens *Regierungschef* Abiy Ahmed am Sonntag zu einem überraschenden Besuch im Nachbarstaat Eritrea eintraf...

...weil sie der andauernden *Mobilmachung* in ihrer Heimat zu entkommen suchten.

...nachdem der 41-jährige Abiy einen radikalen *Politikwandel* des mit über 100 Millionen Einwohnern ...in die Wege geleitet hatte [6, S. 4].

Заимствованные из английского языка компоненты, входящие в состав сложных слов, относятся к различным тематическим группам:

- социальные сети: Facebook-Seite;
- лица, организации и партии: Brexit-Minister, Labour-Oppositionsführer, Vatikan-Insider;
- электронные ресурсы: Online-Anzeige, E-Mail-Verkehr;
- общественные процессы и явления: Job-Dilemma, Atomdeal, Beschäftigungshacker;
- приборы и устройства: -server, -card: Kommandoserver, Bahn-card;
- технологии в управлении: Marketingfachmann.

Заимствованные компоненты могут уточнять значение определяющего слова, например: All-inklusive-Reisen. Отметим, что данное слово относится к модели Phrasenkomposition (термин А. Даргевиц) [2, с. 62]. Модель фразовых сложных слов особенно характерна для статей на политическую тематику, ср.: Hau-ab!-Rufe, Vaterlandsverräterin-Beschimpfungen, „Merkel muss weg“-Parole. Данные лексемы были выявлены в электронном варианте журнала Deutschland от 16.09.2017 [7]. Слова используются для критики политики Меркель в преддверии парламентских выборов.

А. Даргевиц указывает на активную роль имен собственных в составе сложных слов [2, с. 65]. В качестве непосредственных составляющих (НС) в сложных словах наряду с другими активно используются географические названия, ср.: Obama-Deal, Kremlsprecher, Vatikan-Insider. Среди них встречаются окказионализмы, ср.: Recker-Bündnis (Henriette Recker – Bürgermeisterin von Köln).

Анализ имен собственных в качестве компонентов сложных слов демонстрирует наличие слов различной семантики:

1) названия организаций и партий: die CSU-Doppelspitze, die SPD-Mitglieder, der FDP-Abgeordnete;

2) географические названия: das Schengen-Informationssystem, der München-Teil;

3) обозначения общественно-социальных явлений, событий: der Behörden-Ping-Pong, der Vatikan-Insider;

4) названия химических веществ: der Nowitschok-Verdacht;

5) названия политических процессов, например: 'Brexit = Britain + Exit, ср.: die Brexit-Insel, die Brexit-Verhandlungen и т. п.

Компонентами сложных слов часто становятся сокращения, например, такие как EU, US, NATO, ср.: der NATO-Staat, der NATO-Generalsekretär; das EU-Austrittsvotum, die EU-Kommission и др. Использование такого рода сокращений является проявлением закона языковой экономии. Подобные сокращения часто можно встретить не только в газетных статьях, но и в рекламе. Тенденция к языковой экономии прослеживается в применении сокращений к названиям партий, организаций, объединений, сообществ, например: SPD, CSU, CDU, UNO, DaF, SPD-Chef. Можно встретить также сокращения, обозначающие федеральные земли Германии, ср.: NRW – Nord-Rhein-Westfalen.

Сокращения в качестве компонентов сложных слов могут стоять в начале или в конце слов, ср.: Fußball-WM, WM-aus, EU-Mittelmeermissionen, E-Mail-Verkehr. Такие лексемы частотны в газетных текстах, журналах, рекламе, где возникает необходимость передать информацию кратко, в сжатом виде.

Таким образом, композиты могут быть образованы сочетанием полных слов и сокращений, ср.: US-Präsident, der NATO-Russland-Rat. В написании сложных слов могут использоваться комбинации букв, цифр и корневого слова, например: der G-7, die U8.

Следует указать на частотность образования сложных слов, второй компонент которых имеет форму множественного числа, например: Brexit-Verhandlungen, Mitwirkungspflichten, Steuerseals.

В немецком языке выявляется тенденция образования сложных слов из двух немецкоязычных основ, орфографически обозначенных через дефис (нем. Bindestrich), что свойственно больше словам с англоязычными основами, например: Klausur-Tagung, Fachkräfte-Notstand.

Наши примеры композитной лексики показывают, что англицизмы в составе существительных присоединяются к исконно немецким словам в

большинстве случаев без соединительного элемента, т. е. пишутся через дефис, например: E-Mail-Verkehr, Online-Anzeige, Anti-Doping-Agentur, US-Präsident, NATO-Staat. Лишь одно слово с компонентом Brexit пишется слитно: Brexitbrief.

В исследованиях Г.-И. Гримма указывается на частотность использования соединительного элемента -s в словах со следующими суффиксами: -heit: Mehrheitsbeschluss, -keit: Nachhaltigkeitsengagement, -ion: Revolutionswächter, Oppositionshaltung, -ung: Sondierungsgespräche, Zustimmungswert, Mitwirkungspflichten, Regierungshandwerk. [8] Кроме того, П. Айзенберг отмечает тенденцию появления соединительного элемента -s, если первым компонентом является сложное слово, например: das Asylbewerberleistungsgesetz, das Netzwerkdurchsetzungsgesetz, das Dreikönigstreffen. Автор также указывает на другую особенность сложных слов: если первый компонент является односложным, элемент -s не присоединяется, ср.: der Asylstreit, die Kochinsel, die Bauchentscheidung [9, S. 232; 10, S. 180].

Что касается соединительных элементов, по нашим наблюдениям, наиболее распространенным является соединительный элемент -s, который встречается у 1/3 композитов. Соединительный элемент -en не характерен для сложных слов в современном немецком языке. Соотношение композитов, в которых использован дефис, составляет также 1/3. Приведем примеры таких слов: Marketingfachmann, Dreikönigstreffen, Volksverhetzung, Bootsflüchtlinge, Brexit-Befürworter, Brexit-Weißbuch, Schengen-Informationssystem, Sondierungsgespräche, Asylbewerberleistungsgesetz.

Следует отметить, что некоторые заимствования, представляющие собой результат контаминации, как в слове Brexit (Britain+exit), становятся продуктивными в образовании композитов. В нашем эмпирическом материале встречается 12 сложных слов с компонентом Brexit, что составляет 10 % от общего числа исследованных слов. Такая частотность объясняется важностью политического процесса, происходящего в современной Великобритании.

Английские заимствования, как уже отмечено выше, встречаются в составе композитов как в качестве первого, так и второго компонента сложного слова, ср.: Obama-Deal, Drogendealer, Chequers-Ergebnisse, Brexit-Hardliner, Migrant mobs, Jamaika-Gespräche.

Слово Jamaika получило в немецком языке новое значение. Оно обозначает не только название государства по цвету флага – schwarz-gelb-grün, но и служит в современном немецком языке для обозначения коалиций партий немецкого парламента. Произношение названия государства ассимилировалось,

вместо dsch в начале слова произносится звук J. Слово Jamaika-Aus (в сочетании с компонентом Aus) было выбрано обществом немецкого языка в Висбадене словом года в 2017 г. [11].

Еще одним неологизмом, активно функционирующим в современной немецкой прессе, следует признать слово Sondierung, используемое как синоним субстантивированного глагола Sondieren, а также как сокращение лексемы Sondierungsgespräch. Словарь Дудена содержит следующее определение данного слова: “Sondierungsgespräch – ein Gespräch, bei dem die Haltung des Gesprächspartners zu einer bestimmten Frage sondiert werden soll” (Duden online). Глагол sondieren заимствован из французского языка и имеет значимость прежде всего в контексте партийных дискуссий: „etwas vorsichtig erkunden, erforschen, um sein eigenes Verhalten, Vorgehen der Situation anpassen zu können, die Möglichkeit zur Durchführung eines bestimmten Vorhabens abschätzen zu können” [12].

Борьбой за чистоту языка объясняется появление немецких слов взамен имеющихся заимствований. Так, в статьях на политические темы встречается слово EU-Austritt, имеющее значение «выход из Евросоюза» без указания на страну. Отметим, что наряду с уже частотным Brexit – выход Великобритании из ЕС – появились Grexit и Öxit, образованные по аналогии с данным словом.

В исследованиях немецких лингвистов указывается, что большая часть композитов относится к двухкомпонентным сложным словам, хотя структура некоторых сложных слов представляется спорной. Так, например, трудно выделить две основы в слове Netzwerkdurchsetzungsgesetz.

Большую часть сложных слов в нашем материале представляют сложные существительные. Большинство из них относятся к группе «имена лиц». С помощью таких слов передается собственное мнение, оценка или отношение к человеку, его характеристика. Наиболее распространенными среди них являются обозначения деятелей, в структуре которых присутствует суффикс -er в финале второго компонента, ср.: der Steuerbetrüger, der Pflegehelfer, der Revolutionswächter. Из 27 имен лиц 16 относятся к сращениям (нем. Zusammenbildung), вторым компонентом которых являются глагольные основы, например: der Berufsgeheimnisträger, der Mandatsträger, der Unruhestifter, der Kleinanleger. В группе сложных слов – обозначений лиц встречаются окказионализмы, например: der Dorfvorsteher, der Strippenzieher, der SPD-Aufnäher (этим словом обозначают наклейку на футболке с аббревиатурой SPD). Ср. также примеры других слов: der Pressesprecher – Angestellte einer Behörde, eines Unternehmens, der für Informationen an die Presse verantwortlich ist [18, S. 796]; der Vatikan-Insider (см. также

выше) (Insider – jemand, der einen Bereich oder bestimmte Verhältnisse eigener Anschauung kennt).

В исследованиях немецких авторов (Н.-J. Grimm, A. Dargewicz, E. Donalies) различаются следующие типы номинативных композитов:

- Nomen + Nomen, z.B. das Schurkenregime, der Asyltourismus, der Hobbyhacker;
- Adjektiv + Nomen; der Vordermann, die Kommunalwahlen;
- Verb + Nomen: der Wahldebakel, die Pflegekammer, der Denktzettel;
- Конфиг + Nomen: das Megathema, die Anti-Terror-Spezialisten [2, 8, 13].

Е. Фатер выделяет категориальные типы определительных композитов:

- Nomen + Nomen: das Flüchtlingshilfswerk;
- 2. Adjektiv + Nomen: der Neuankömmling;
- 3. Verb + Nomen: der Wahldebakel (das Beratergremium);
- 4. Präposition + Nomen: der Mittäter, der Mitstreiter;
- 5. Nomen + Adjektiv: Nachtblind;
- 6. Adjektiv + Adjektiv: honigsüß, schwarz-gelb, kirschenrot;
- 7. Präposition + Adjektiv: vorschnell;
- 8. Nomen + Verb: der Steuerbetrüger, der Pflegehelfer;
- 9. Adjektiv + Verb: freisprechen;
- 10. Verb + Verb: verloren gehen;
- 11. Präposition + Verb: entgegen schlagen, beiseite räumen, vorbei schauen [14].

Нами были обнаружены дополнительно два других типа: Partikel + Nomen: die Nichtzulassung, der Nichtpriester; Pronomen + Nomen: das Niemandsländ.

Наиболее частотными оказались такие типы, как Nomen + Nomen (всего 88 слов из 160) и Nomen + Verb (37 слов из 160). Это позволяет нам заключить, что субстантивные и глагольные основы являются наиболее употребительными в составе сложных слов.

Относительно структурных типов композитов нам бы хотелось акцентировать внимание на термине «конфиг», который активно обсуждается исследователями словообразования в немецком языке. Г.-Й. Гримм определяет конфигсы как единицы, занимающие промежуточное положение между аффиксом и свободной морфемой, приписывая им при этом свойство связанности (Gebundenheit), под которой он понимает способность к образованию по аналогии, а также устойчивость позиции (Positionsfestigkeit) [8].

В. Флейшер, И. Барц выделяют собственную разновидность конфигсов, которые могут фигурировать в качестве первого или второго компонента композитов. Под понятие конфига попадают, на-

пример, компоненты Stief- и Schwieger- [15, S. 25]. Неоднозначно трактуются названными авторами такие лексические элементы, как mini-, makro-, mikro-.

Рассуждая о статусе данных элементов – отнести их к лексическим элементам или, опираясь на словообразовательную теорию российских германистов М. Д. Степановой, А. Н. Зуева, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясова и др. [16], считать их префиксами, можно бесспорно утверждать то, что они имеют значительный словообразовательный потенциал, поскольку у них много возможностей для взаимодействия с другими словами. В этом отношении термин «конфикс», на наш взгляд, является удачным: в именовании лат. *confixum* уже заложено свойство валентности, т. е. способность притягивать к себе слова, лексические морфемы. В нашем исследовании к конфиксам, таким образом, можно отнести компоненты Anti-, Mega-. Ср. приведенные выше в качестве примеров слова Anti-Terror-Spezialisten, Megathema.

На лексико-грамматическом уровне рассматриваемые компоненты слов, обладая лексическим значением, сообщают также о грамматико-категориальной принадлежности и фактически замещают, например, имя прилагательное (mini-, makro-, mikro-, Mega-) либо предлог (Anti-). При этом выявляются грамматические признаки – так называемая квазикатегория степени сравнения, присущая прилагательным как части речи, ср. значения перечисленных выше конфиксов, а также то, что Anti-, «префикс заимствованных прилагательных» [15, с. 58], как и предлоги, может сочетаться с существительным.

Рассмотренные особенности конфиксов указывают на их неоднозначное положение в словообразовательной системе языка.

Взгляды немецких исследователей на природу образования сложнопроизводных слов (нем. *Zusammenbildung*) также характеризуются разногласием. В качестве примеров Е. Энгель, П. Эйзенберг приводят такие композиты, как *Appetithemmer* и *viertürig*, в которых второй компонент не может быть отнесен к самостоятельным лексемам [17].

В. Флейшер, И. Барц предлагают отказаться от данного термина *Zusammenbildung* и рассматривать вышеназванные слова как эксплицитные дериваты или сложные слова [15]. Лезер находит в таких словах сходство с английскими синтаксически-сложными словами типа *blue-eyed* [17].

В нашем практическом материале сложнопроизводные слова представлены в основном сложением субстантивной и глагольной основы с присоединением суффиксов -ung, -er. Например: *Berufsgeheimnisträger* → *Berufsgeheimnis* + *tragen* + *er*, *Mandatträger* → *Mandat* + *tragen* + *er*, *Fachkräftean-*

werbung → *Fachkräfte* + *anwerben* + *ung*, *Rechtsprechung* → *recht* + *sprechen* + *ung* и т. п.

Другая особенность словообразования в современном немецком языке, которую признают многие германисты, – явление *Movierung*. В слове Дудена дается следующее толкование данного термина: *Movierung* – 3. а) *Bildung-sprachlich* Bildung einer weiblichen Person, Berufs- oder Tierbezeichnung mit einem Suffix von einer männlichen Form [18]. Наиболее частотным суффиксом является суффикс -in. Такая тенденция обусловлена активным участием женщин во всех сферах общественной жизни: профессии, политике, науке. В нашем исследовании указанная особенность словообразовательных процессов подтверждается следующими примерами: *US-Botschafterin*, *die Grünen-Chefin*, *die Regierungssprecherin*, *EU-Expertin*, *die Bundeskanzlerin*, *die Handyherstellerin*; *die Politikerin*, *die Präsidentin*.

Среди сложнопроизводных слов встречаются неологизмы и окказионализмы, ср.: *Wolkenhüpfer* – eine Angriffsmethode, bei der Firmendaten gestohlen werden, die sich in sogenannten Clouds, also dezentralen Speicherplätzen im Internet befinden; *Mogelpackung* – Wirtschaftsjargon-Packung, die durch einen größeren oder anderen Inhalt vortäuscht, als tatsächlich darin enthalten ist [19].

Семантика сложнопроизводных слов представлена обозначением процессов, явлений, происходящих в экономике, социальной жизни общества, обозначением технических и бытовых приборов, а также имен деятелей, например: *die Steuerhinterziehung* – Steuern hinterziehen, unterschlagen, nicht angeben, nicht melden; *Kreditgeber* – eine finanzielle Organisation, die Kredite ausgibt; *Rauchmelder* – Gerät, das bei Rauchbildung Alarm auslöst; *Kleinanleger* – jemand, der kleine Summen in die Bank anlegt [19]; *Steuerbetrüger* – steuer-betrügen-er, обозначает мошенника, не выплачивающего налоги; *die Fachkräfteanwerbung* – процесс найма специалистов в учреждение/офис; *die Aufwandsentschädigung* – процесс возмещения ущерба. Развитие туризма способствовало появлению такого слова, как *Reiseveranstalter*, обозначающего специалиста, занимающегося организацией путешествий.

К сложнопроизводным словам относятся в нашем материале наряду с другими имена политиков, чиновников России, например: *der Kremlsprecher* (о президенте В. В. Путине), *der Präsidentsprecher* (о помощнике и пресс-секретаре В. В. Путина Д. С. Пескове). Данные лексемы образованы по аналогии со словом *Pressesprecher* (см. выше).

Здесь нам бы хотелось привести цитату из монографии Р. Г. Гатаулина, характеризующую в целом словообразование на современном этапе его

развития: «Полюсами современного словообразования являются, с одной стороны, использование непродуктивных моделей окказионального характера, использование одноразовых возможностей словообразовательных моделей и использование активных и продуктивных моделей, приближенных к синтаксическим правилам создания словосочетаний – с другой» [20, с. 12]. В первом случае имеется в виду индивидуально-авторское словотворчество и образующиеся в результате этого окказионализмы, во втором – словообразование по аналогии.

В газетных статьях кроме сложных и сложно-производных слов часто используются производные слова. Далее в статье мы рассмотрим производную лексику, свойственную немецкоязычным газетным текстам.

Так, суффиксация представлена субстантивами со следующими суффиксами: *-heit*, *-er/-ler*, *-ist*, *-ung*, *-schaft*. Наиболее частотным суффиксом, присущим глаголам, оказался суффикс *-ieren*, на продуктивность которого указывают многие исследователи (Н. Elsen [21], Н.-J. Grimm [8], А. Dargewitz [2], Е. Donalies [13]), затем следуют префиксы *vor-*, *ver-*.

Субстантивы с суффиксом *-ung* образованы в основном от глагольных основ, например: *die Mutmaßung* – *mutmaßen*, *die Reservierung* – *reservieren*, *die Abschiebung* – *abschieben*, *die Mobilmachung* – *mobilmachen*, *die Digitalisierung* – *digitalisieren*.

Существительные с суффиксом *-ist* представлены в нашем материале одним примером – словом *Lobbyist* – от субстантивной основы *Lobby*, обладающего следующим значением: *Lobby* – *Gesamtheit der Angehörigen von Interessenverbänden*, *die Versuchen, die Entscheidungen von Parlamentmitgliedern in ihrem Sinne zu beeinflussen* [19, S. 661]. Данное существительное образовано по аналогии с *Aktivist*. Субстантив *Analyst*, вероятно, является английским заимствованием, написание которого приспособилось к правилам орфографии немецкого языка и пишется с прописной буквы.

Другим продуктивным суффиксом в словообразовании современного немецкого языка является суффикс *-er*. В нашем материале эта модель представлена 22 словами. Следует отметить, что наиболее частотной является модель образования существительных от глагольных основ, так называемых дериватов, ср.: *Aussteiger* от *aussteigen* в значении “*sich aus dem Beruf und anderen Verpflichtungen zurückziehen ein neues Leben ohne gesellschaftliche Zwänge zu beginnen*” [19, S. 141], *der Sondierer*, *der Einbrecher*, *der Sparer*, *der Herausforderer*, *Überflieger*, *der Anbieter*, *der Anleger*. Однако в ряде случаев наблюдается образование производных слов по этой модели от субстантивных основ, например: *Fußballer*, *Netzwerker*, *Banker*, *Wettbewerber*, *Kontakter*. Необычной представляется возмож-

ность образования субстантивов с суффиксом *-er* от заимствованных английских глагольных основ, ср.: *Follower*, *Kicker*, *Flyer*, *Manager*. Существительное *Quizzer* образовано от субстантивной основы *Quizz*, имеет двойной путь заимствования: из латинского в английский. Этим словом называют молодых людей, отвечающих на вопросы викторины, проводимой в пабе (*Quizz* – *unterhaltsames Frage- u. Antwort-Spiel*).

Существительные с суффиксом *-schaft*, *-keit* не столь многочисленны в нашем исследовании, всего восемь слов: *Bundesanwaltschaft*, *AfD-Anhängerschaft*, *Wählerschaft*, *Ratpräsidentenschaft*, *Konzeptlosigkeit*, *Schwatzhaftigkeit*, *Kantigkeit*, *Arbeitslosigkeit*. В существительных с суффиксом *-schaft* ярко выражен признак собирательности, субстантивы с суффиксом *-keit* образованы от основ прилагательных с суффиксом *-ig* и обозначают черты характера или способности человека, например *Schwatzhaftigkeit* – болтливость.

Что касается глаголов, наиболее продуктивным продолжает оставаться суффикс французского происхождения *-ieren* (всего 40 глаголов), производящими основами являются субстантивные основы, иногда заимствованные, например: *modulieren*, *blockieren*, *bombardieren*, *massieren*, *professionalisieren*, *investieren*, *provizieren*, *digitalisieren*, *terminieren*, *minieren* и др.

Структура данных глаголов представлена схемой: *Nomen + ieren*, хотя они могут иметь в своем составе префикс, ср.: *deplatzen*, *inhaftieren*. Необычной является тенденция образовывать глаголы с указанным суффиксом от имен собственных, ср.: *trumpirisieren* от *Trump*. Сфера использования таких слов – обзоры и статьи на политические темы.

Нетрадиционным можно считать образование глаголов с префиксом *ver-* от основ числительных и субстантивов, например *verzetteln* – *zu vieles beginnen, ohne sich einer Sache zu konzentrieren* [19, S. 1103], *verdreifachen*, *verzehnfachen*.

Результаты исследования

Результаты исследования представлены на рис. 1 и 2.

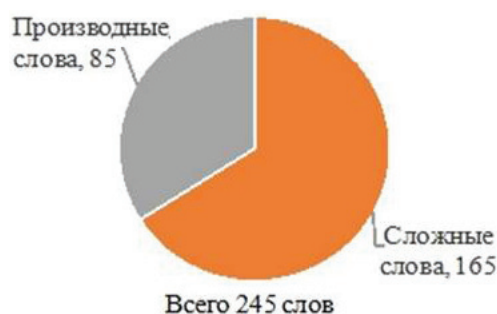

Рис. 1. Словообразовательные модели лексем газетных текстов

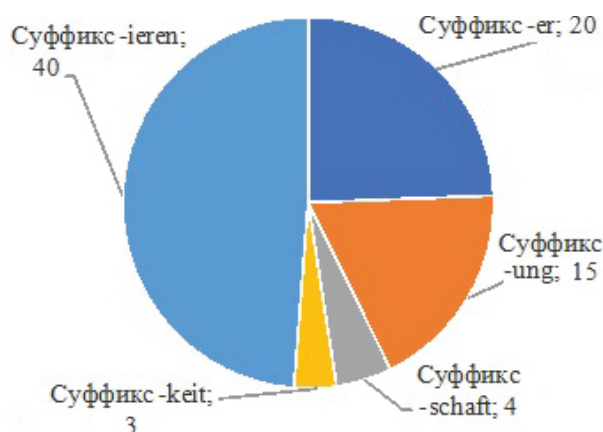

Рис. 2. Анализ продуктивности производных слов

Заключение

Все вышеизложенное позволяет нам заключить следующее:

1. Наиболее продуктивным способом словообразования в языке немецкой газеты оказалось словосложение.

2. Наиболее распространенными среди анализируемых слов оказались существительные, что объясняется, на наш взгляд, преобладанием в немецком языке существительных в сравнении с прилагательными.

3. Продуктивными являются английские заимствования, которые представлены как в виде полных заимствований, так и в качестве производящих основ и компонентов в сложных и сложнопроизводных словах.

4. Особенностью словосложения в анализируемых лексемах, отобранных из газетных текстов, является использование имен собственных.

5. В словах с англоязычными основами отмечается тенденция написания через дефис, а также использование соединительных элементов.

6. В публицистических текстах частотным следует признать использование сокращений в составе сложных слов, что является проявлением принципа языковой экономии.

7. Изменения в общественной жизни, активное участие женщин в жизни современного общества способствовали возникновению нового явления *Movierung*.

Таким образом, лексический состав немецкоязычной газеты является ярким доказательством развития современного словообразования. Исследование не является конечным, тенденции развития словообразовательных процессов будут изучаться на материале различных рубрик газетных текстов: культуры, спорта, в новостном дискурсе и других жанрах публицистического стиля.

Список литературы

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
- Dargewitz A. Die Sprache lebt und verändert sich. Zu neusten Tendenzen in der deutschen Wortbildung // Acta Neophilologica. 2012. XIV (1).
- Barz I. Englisch in der deutschen Wortbildung // L. M. Eichinger, M. Meliss, M. J. D. Vazquez (Hrsg.). Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache. Bd. 44. Tübingen, Gunter Narr Verlag. S. 39–60.
- Geiger K. Kim Jong – uns PLAN geht auf // Die Welt. 04.01.2018. Nr. 3. S. 8.
- Decker M. SPD-Fraktion im Schichtdienst // Berliner Zeitung. 09.07.2018. S. 4.
- Dieterich J. Ende der Eiszeit am Horn von Afrika // Berliner Zeitung. 09.07.2018. S. 4.
- Deutschland. 16.09.2017. URL: <https://www.dw.com/mit-der-afd-bei-angela-merkel-40539377?maca=de-newsvine-sharing> (дата обращения: 15.06.2019).
- Grimm H.-J. Konfixe. Beobachtungen in Tageszeitungen und in Wörterbüchern // I. Schröder. Nominationsforschung im Deutschen. Fr/M, 1997. S. 277–284.
- Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 1: Das Wort. 2. Aufl. Stuttgart-Weimar. 1998. 255 S.
- Fuhrhop N. Grenzfälle morphologischer Einheiten. Tübingen. Narr Verlag, 1999. 186 S.
- «Jamaika-aus» zum Wort des Jahres 2017 gekürt. URL: https://sputniknews.com/wissen/2017208318608792_jamaika_aus_wort_des_jahres_2017 (дата обращения: 03.06.2019).
- Gesellschaft für deutsche Sprache. URL: <https://gfds.de/sondierung/> (дата обращения: 12.06.2019).
- Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen: ein Überblick. 2. Aufl. Tübingen, Günter Narr Verlag, 2002.
- Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. Tübingen, Niemeyer, 2002. 332 S.
- Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen. 1992. 360 S.
- Зуев А. В., Молчанова И. Д., Мурысов Р. З. и др. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка: 2-е изд., стереотип. / под рук. М. Д. Степановой. М.: Рус. яз., 2000. 536 с.
- is.minu.cz. Die Wortbildung-Grimms.pdf. URL: <https://www.die Wortbildung-Grammis.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).
- Movierung. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Motion#Bedeutung-3> (дата обращения: 14.10.2019).
- Wahrig R. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Wissen Media Verlag GmbH Gütersloh München Cornelsen Verlag, 2008. 1215 S.

20. Гатауллин Р. Г. Тенденции в развитии словообразования немецкого языка: суффиксация. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 190 с.
21. Elsen H. Deutsche Konfixe // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie und Praxis Dokumentation 33. Jahrgang. ESV Erich Schmidt Verlag, 2005. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/564383198/?*=dJhubTOTt9 (дата обращения: 17.06.2019).

Каримова Римма Хатиповна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (пр. Ленина, 49, Стерлитамак, Республика Башкирия, Россия, 453103). E-mail: karimova.rimmochka@inbox.ru

Болотова Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета (пр. Ленина, 49, Стерлитамак, Республика Башкирия, Россия, 453103). E-mail: patskova.elena@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-23-31

DERIVATIONAL ANALYSIS OF THE NEWSPAPERS VOCABULARY IN PUBLICISTIC STYLE IN MODERN GERMAN

R. Kh. Karimova, E. V. Bolotova

Sterlitamak branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russian Federation

Introduction. The article deals with the vocabulary of the modern journalistic text. The basis for the study are the German-language newspaper articles, which relate to the thematic category “politics”, the content of which reflects the changes in the political life of the country. The method of continuous sampling was the selection of appropriate lexical units from the data sources. The scientific novelty of the research consists in understanding the processes occurring in the word formation of the modern German language.

Material and methods. Newspaper lexemes are the object of study. The goal-setting criterion in the work is the word-formation analysis of language material. In this regard, the most productive in modern German language turned out to be such methods of word-formation as word composition and word production. The revealed structural types of composites, a detailed description of their composition occupy a significant place in the work. The frequency components of such vocabulary in modern newspaper political texts are anglicisms. Internal bonding mechanisms influence the formation of the complex structure of composite units. In addition, the authors made an attempt to more or less generalize the semantics of the words that form the composites. The word-formation characteristic of the political newspaper lexicon takes into account the part of speech of the lexical units inherent in some grammatical features. The subject of research in the work, along with complex words, are also derived lexemes. Among them, derivative nouns as well as verbs predominate. Affixes, most of which are suffixes, are frequency ones. The methodological component of this study includes as the main method of component analysis, the method of word-formation models, descriptions. In summing up the results of the study, a quantitative method was used.

Conclusion. The results of the study show the dominant position of the compound words revealed in the German-language political newspaper vocabulary. Borrowings from English are productive. Presented in General, the scientific justification can be used in the course of lexicology of the German language. The data obtained as a result of the study can be used in the preparation of analyses and reviews of trends in the development of modern German word formation. In conclusion, the prospects for further development of issues related to the word-formation specifics of the German-language journalistic vocabulary are outlined.

Keywords: German-language newspaper lexemes, compounding, Englishisms, derivative words, structure, semantics.

References

1. Gumbol'dt V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [The selected works in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p. (in Russian).
2. Dargewitz A. Die Sprache lebt und verändert sich. Zu neusten Tendenzen in der deutschen. *Acta Neophilologica*. 2012. XIV (1).
3. Barz I. Englisches in der deutschen Wortbildung. In: L. M. Eichinger, M. Meliss, M. J. D. Vazquez (ed.). *Wortbildung heute. Tendenzen und Kontraste in der deutschen Gegenwartssprache. Studien zur deutschen Sprache. Forschungen des Instituts für deutsche Sprache*. Bd. 44. Tübingen, Gunter Narr Verlag. S. 39–60.
4. Geiger K. Kim Jong – uns PLAN geht auf. *Die Welt*. 04.01.2018. S. 8.
5. Decker M. SPD-Fraktion im Schichtdienst. *Berliner Zeitung*. 09.07.2018. S. 4.
6. Dieterich J. Ende der Eiszeit am Horn von Afrika [End of the ice age in the Horn of Africa]. *Berliner Zeitung*. 09.07.2018. S. 4.
7. *Deutschland*. 16.09.2017. URL: <https://www.dw.com/mit-der-afd-bei-angela-merkel-40539377?maca=de-newsvine-sharing> (accessed 15 June 2019).

8. Grimm H.-J. Konfixe. Beobachtungen in Tageszeitungen und in Wörterbüchern. In: I. Schröder. *Nominationsforschung im Deutschen*. Fr/M, 1997. S. 277–284.
9. Eisenberg P. *Grundriss der deutschen Grammatik*. Bd. 1: Das Wort. 2. Aufl. Stuttgart-Weimar, 1998. 255 S.
10. Fuhrhop N. *Grenzfälle morphologischer Einheiten*. Tübingen, Narr Verlag, 1999. 186 S.
11. “Jamaika-aus“ zum Wort des Jahres 2017 gekürt. URL: https://sputniknews.com/wissen/2017208318608792_jamaika_aus_wort_des_jahres_2017 (accessed 3 June 2019).
12. Gesellschaft für deutsche Sprache. URL: <https://gfds.de/sondierung/> (accessed 12 June 2019).
13. Donalies E. *Die Wortbildung des Deutschen: ein Überblick*. 2. Aufl. Tübingen, Günter Narr Verlag, 2002.
14. Vater H. *Einführung in die Sprachwissenschaft*. Tübingen, Niemeyer, 2002. 332 p.
15. Fleischer W., Barz I. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, 1992. 360 p.
16. Zuyev A. N., Molchanova I. D., Muryasov R. Z. et al. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh elementov nemetskogo yazyka*. Pod ruk. M. D. Stepanovoy [The dictionary of wordbuilding elements of German. Under the leadership of M. D. Stepanova]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000. 536 p. (in Russian).
17. is.minu.cz. *Die Wortbildung-Grimms.pdf*. URL: <https://www.die-wortbildung-grammis.pdf> (accessed 5 June 2019).
18. *Movierung*. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Motion#Bedeutung-3> (accessed 14 October 2019).
19. Wahrig R. *Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache*. Wissen Media Verlag, GmbH Gütersloh München Cornelsen Verlag, 2008. 1215 S.
20. Gataullin R. G. *Tendentsii v razvitií slovoobrazovaniya nemetskogo yazyka: suffiksatsiya* [Trends of the development of the German wordbuilding. The suffixation]. Ufa, RIC BashSU Publ., 2017. 190 p. (in Russian).
21. Elsen H. Deutsche Konfixe. *Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie und Praxis Dokumentation*, 2005, vol. 33. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/564383198/?*=dJhubTOTT9 (accessed 17 June 2019).

Karimova R. Kh., Sterlitamak branch of Bashkir State University (pr. Lenina, 49, Sterlitamak, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 453103). E-mail: karimova.rimmochka@inbox.ru

Bolotova E. V., Sterlitamak branch of Bashkir State University (pr. Lenina, 49, Sterlitamak, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation, 453103). E-mail: patskova.elena@yandex.ru

УДК 811.111'276.5:620.92
DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-32-38

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ КИТАЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ СИСТЕМОЙ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

К. Е. Кохонова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Английский литературный язык является исторически неоднородным образованием, в составе которого присутствуют различные заимствованные адстраты, в большей или меньшей степени адаптированные его системой. Заимствования китайского происхождения в составе данного языка-реципиента имеют свои глубокие исторические традиции и выступают объектом настоящего исследования. Синхронно функционирующий пласт заимствованных китаизмов представляется весьма неоднородным с точки зрения ассимиляции, ее уровней и этапов. В силу того что контактирующие языки – английский и китайский – не являются родственными и даже гомологическими, процесс усвоения системой элементов китайского адстрата проходит нелинейно и имеет ряд характерных особенностей. Данная статья представляет собой попытку фрагментации процесса ассимиляции/адаптации китайских заимствований в системе английского литературного языка по уровням ассимиляции и ее этапам.

Цель статьи – выделить уровни и этапы адаптации заимствованных лексических единиц китайского происхождения системой английского литературного языка.

Методология и методы. В качестве общего методологического основания использовался системно-функциональный подход, позволяющий описать функционирование системы или отдельной ее части в динамике языковой эволюции, неотъемлемой частью которой выступает феномен заимствования. В ходе исследования использован корпус обще- и частнонаучных (языковедческих) методов, включающий: методы логики (анализ, синтез, дедукция, сравнение, обобщение, моделирование), статистики (метод группировки, диалектический метод), сравнительно-исторический метод с приемом внутренней реконструкции, метод компонентного анализа и оппозитивный метод.

Результаты и обсуждение. В языкознании традиционно противопоставляются термины «ассимиляция» и «адаптация»: заимствования «ассимилируют» в системе языка-реципиента, а сама система адаптирует заимствованные единицы. Существуют два подхода к описанию процесса ассимиляции/адаптации указанных единиц: первый признает заимствование усвоенной, когда оно соответствует фонетическому и грамматическому облику исконных слов системы языка-реципиента. Второй подход учитывает влияние лексического окружения новой иноязычной единицы. Таким образом, подходы имплицитно повторяют указанное выше противопоставление и различаются объектно-субъектной позицией по отношению к заимствованной единице и системе языка-реципиента. Выделено три уровня ассимиляции китайских заимствований в системе английского литературного языка: фонетический, морфологический (грамматический) и орфографический. Последний представляется наиболее значимым для процессов освоения китаизмов в силу их в высшей степени гетерогенного графического облика. Существует пять этапов освоения указанных единиц системой английского литературного языка: 1) употребление единицы в той форме, которой она обладает в своем языке-доноре; 2) приспособление заимствования к законам, которым подчиняются лексические средства языка-реципиента на вышеназванных уровнях; 3) утрата единицей сопроводительных комментариев применительно к лемматическим корпусам словарей и справочных изданий языка-реципиента; 4) утрата заимствованием прежней стилистической дифференциации; 5) закрепление заимствованной лексической единицы в толковом словаре.

Заключение. Предложенные этапы и экстраполированные подходы могут найти применение в практике исследования китайского адстрата в ряде других идиомов, исторически контактирующих с китайским языком, а также адстратов другого происхождения в системах неродственных языков. Эмпирический материал исследования имеет высокую теоретическую и практическую ценность и может быть использован при чтении вузовских курсов и преподавании таких дисциплин, как межкультурная коммуникация, история, лексикология, грамматика и функциональная стилистика английского языка, контактная и социальная лингвистика, а также в обучении теории и практике перевода.

Ключевые слова: заимствование, ассимиляция, адаптация, язык-реципиент, язык-донор, английский литературный язык, китайские заимствования.

Введение

Центральное место в вопросах заимствования традиционно занимает процесс ассимиляции, результатом которого можно считать полное или частичное уподобление лексического материала язы-

ка-донора фонетическому, морфологическому (грамматическому) и орфографическому строю принимающего языка. Уподобление, таким образом, сводится к усвоению иноязычных единиц системой языка-реципиента, для которого в контакт-

ной лингвистике предусмотрен термин «адаптация». Ю. В. Кобенко и Т. И. Меремкулова указывают, что понятия «ассимиляция» и «адаптация», как правило, используются в современных лингвистических исследованиях в противоположных значениях: заимствование «ассимилирует» в системе языка-реципиента, а сама система «адаптирует» заимствованную единицу [1, с. 59]. У А. А. Реформатского элементы данной антиномии обозначаются как «усвоение» и «освоение» соответственно [2, с. 140] заимствования с практическим идентичным планом содержания. Следовательно, сообразно с характером приспособления лексических единиц в системе языка-реципиента и вектором данного процесса (либо единица подстраивается под систему, либо система воздействует на единицу) можно различать принципиально два множества заимствованных единиц: усвоенные и освоенные. Элементы первого множества могут быть ассимилирующими и ассимилированными (в зависимости от давности процесса заимствования), а элементы второго множества – адаптируемыми и адаптированными. Как можно видеть, разница между ними носит преимущественно темпоральный характер и понимается только при анализе детальной синхронии (5 лет), в которой традиционно изучаются тенденции микроуровня, находящие лишь слабое выражение в системе исследуемого языка. Однако, если терминологическая разница предполагает наличие более или менее явственной границы между разделяемыми понятиями, то на практике не всегда удается достоверно установить степень освоения или освоенности заимствованной единицы. Это связано главным образом с освоенностью ею теми парциальными пластами – уровнями системы языка-реципиента, которые указаны выше: фонетическим, морфологическим (грамматическим) и орфографическим. Следует подчеркнуть, что перечисленные языковые уровни и автоматически уровни ассимиляции образуют ее фокус применительно к любым известным языкам, способным заимствовать иноязычный материал. Тем не менее существуют также практики выделения семантической и функционально-стилевой ассимиляции, представляющей, скорее, частные аспекты исследований и подчиненные конкретным языковедческим задачам [1, с. 64].

Приспособление заимствований к системе языка-реципиента представляет собой достаточно сложный и многофакторный процесс, требующий самого пристального внимания не только специалистов в области синхронной лингвистики, но и социолингвистов, лингвопрагматиков, этимологов, лексикологов и др., так как изменение исходных единиц, на которое и направлен сам процесс ассимиляции, происходит в соответствии с упомянуты-

ми уровнями системы языка. Насколько успешной и полной будет ассимиляция новых заимствованных единиц, зачастую зависит также от степени типологического родства между контактирующими языками. Чем больше типологическое или генеалогическое сходство между ними, тем легче и безболезненнее проходит процесс приращения заимствованного материала, ведь при условии гомологичности взаимодействующих языковых идиомов заимствованным единицам не требуется кардинальным образом менять свою орфографическую, морфологическую или фонетическую организацию [3, с. 25–27]. Низкая же степень типологического родства или его полное отсутствие может выступать, таким образом, серьезной преградой для ассимиляции и в то же время залогом низкой степени ассимиляции или вовсе неассимилированности заимствованных единиц.

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотреть ассимиляцию китайских заимствований в системе английского литературного языка с точки зрения существующих на сегодняшний день подходов и этапов заимствования. В данном контексте ассимиляция может пониматься не только как синоним процесса заимствования, но и как его непосредственный результат. Ввиду того что китайский и английский языки существенно различаются типологически в силу принадлежности к разным языковым семьям (китайского – к сино-тибетской, английского – к индоевропейской), процесс, образующий предмет изучения, весьма неоднороден и неустойчив. Как явствует из предыдущих рассуждений, ассимиляцию следует понимать как градуальный процесс, имеющий фрактальную природу, особенно в условиях негомологичности контактирующих идиомов.

Материал и методы

Эмпирической базой исследования выступил корпус заимствованных лексем китайского происхождения общим количеством 55 единиц, составленный из первичных и вторичных источников. Первичным источником является подборка текстов литературного английского языка широкой тематики с примерами использования китайских лексем. Вторичные источники представлены сплошной выборкой из лемматических регистров одно- и двуязычных словарей английского литературного языка семасиологического типа: толковых и переводных словарей общим числом 30, из которых 20 словарей являются печатными изданиями, 10 – электронными и онлайн-словарями.

В ходе анализа привлекался корпус обще- и частнонаучных (лингвистических) методов.

К общенаучным методам исследования относятся:

– методы логики: анализ (выделение этапов ассимиляции заимствований китайского происхождения); синтез (объединение освоенных лексических единиц по уровням ассимиляции); дедукция (выделение подходов к описанию процесса ассимиляции в синхронной лингвистике); сравнение (нахождение общих черт ассимилированных заимствований); обобщение (установление закономерностей ассимиляции адстрата китайского происхождения в системе английского литературного языка); моделирование (построение этапной модели ассимиляции англизированных китаизмов);

– методы статистики: метод группировки (соотнесение структурных единиц китайского адстрата в системе английского литературного языка по типологическим и генетическим признакам); диалектический метод (рассмотрение заимствования лексических единиц китайского происхождения в его исторических и системных взаимосвязях).

Частнонаучными (лингвистическими) методами исследования выступают:

– сравнительно-исторический метод с приемом внутренней реконструкции (определение генетически неоднородных единиц и явлений в лексико-семантической системе английского литературного языка);

– метод компонентного анализа в разряде методов структурной лингвистики (изучение семантического содержания китайских заимствований);

– оппозитивный метод (противопоставление этапов ассимиляции заимствований китайского происхождения в системе английского литературного языка).

Теоретико-методологическую базу исследования образуют труды ответственных и зарубежных исследователей в следующих областях языкознания: история и лексикология английского литературного языка, контактная лингвистика, семантика, функциональная стилистика.

Результаты и обсуждение

В современном языкознании существуют два основных подхода к описанию процесса ассимиляции заимствованной лексики. Первый из них занимает доминирующую позицию в среде ученого сообщества и заключается в том, что заимствованная единица признается усвоенной, когда начинает соответствовать фонетическому и грамматическому облику исконных слов системы языка-реципиента. Недостаток данного подхода видится в том, что этапу графической ассимиляции, на котором происходит адаптация к знаковой (графической) системе принимающего языка, не уделяется должного внимания. Между тем литературные нормы языка-реципиента требуют, чтобы иноязычные слова были выражены на письме строго в соответствии с

текущими правилами орфографии, и зачастую камнем преткновения здесь выступает известный переход от фонемы к графеме, который неодинаков у всех языков и влияет на продолжительность самого процесса ассимиляции. От особенностей письма во многом зависит качественная сторона данного процесса: функционирование китайских заимствований в литературной английской речи тесно связано прежде всего с фундаментальными различиями систем письменности. Английский язык, выступающий в качестве языка-реципиента, базируется на системе алфавита, в основе которого лежат знаки латиницы. При этом китайский язык как язык-донор характеризуется идеографическим типом письменности, а современная китайская иероглифическая письменность базируется на идеограммах, поэтому графическая ассимиляция китайских заимствований представляет определенные трудности. Для адаптации письменной формы китайских заимствований к системе английского языка были разработаны различные системы романизации (система пиньинь, йельские системы романизации, транскрипционная система Уэйда – Джайлза, гонконгская традиционная система романизации и др.) [4, с. 412; 7], использующие главным образом морфологический принцип фиксации слов.

Как известно, в китайском языке отсутствуют флексии (окончания) и вспомогательные морфемы (суффиксы и префиксы), поэтому при проникновении в систему английского языка на смену любого рода грамматическим формантам приходят отдельные слова, которые хотя и могут складываться в более сложные единицы, однако не являются в подлинной мере флективными элементами. В целом словообразование (в частности – трансформация грамматического значения единицы с целью аналитического выражения категории времени, логических связей с остальными единицами в рамках фразы/предложения и др.) определяется не путем прибавления суффиксов и префиксов (аффиксальных морфем), а также отдельных слогов, как это происходит в системе английского языка (агглютинация), а посредством присоединения лексических единиц, характеризующихся единством значения, в форме слов. Исходя из этого, представляется очевидным, что для китайского языка продуктивным способом словообразования выступает словосложение, в отличие от английского языка, в котором, помимо этого, имеют место также аффиксальный и безаффиксный способы словообразования, что обуславливает, на взгляд автора, значительные различия между системами языка-источника и языка-реципиента, подчеркивающие значимость графической составляющей ассимиляции. Таким образом, первый подход обнаруживает серьезные

аппликативные ограничения в отношении разноструктурных и негомологических языков.

Второй подход к пониманию ассимиляции иноязычных единиц в системе языка-реципиента характеризуется тем, что кроме вышеперечисленных аспектов учитывается также влияние словарного состава языка-реципиента. Заимствованное слово попадает в среду, имеющую собственные лексико-семантические законы, а соответственно, изменения, касающиеся его структуры, будут затрагивать и семантику иноязычной единицы. Определенную долю сложностей, с которыми приходится сталкиваться лингвистам, представляет определение языка-источника интернациональных слов (интернационализмов). Под интернационализмами в данной работе понимаются те слова, которые однажды возникли в одном языке, но впоследствии стали широко распространены в ряде других языков. Главным признаком интернационализмов следует считать их греко-латинское происхождение, нередко определяемое по интернациональным суффиксальным морфемам-финалям *-ist*, *-ant*, *-ment* и пр. [1, с. 71]. На взгляд автора, интернациональную лексику лишь с оговорками можно причислить к заимствованиям по той причине, что первая распространяется преимущественно на международной основе за счет расширения терминологии (понятийной составляющей терминосистем), в то время как заимствование — результат частного языкового контакта, в основе которого лежит не столько целесообразность, сколько неизбежность цитирования инокультурной реальности. Интернационализмы, в свою очередь, показывают степень популярности лексической единицы в других языках. Лишь некоторые заимствования из китайского языка, как представляется, близки по степени распространения к интернационализмам: слова *kung fu*, *bonsai*, *feng shui* присутствуют в ряде языков индоевропейской семьи. Основная же часть китайских заимствований следует относить именно к заимствованиям, так как они, как было упомянуто ранее, не столь широко распространены, в том числе в сфере устного общения.

Спорным в настоящее время остается и вопрос о статусе заимствований, что, безусловно, затрудняет и определение ассимиляции. Так, например, Ю. С. Сорокин полагает, что следует разграничивать понятия «заимствование» и «иноязычное слово», различающиеся именно по степени ассимиляции: те лексические единицы, которые в достаточной мере освоены языком-реципиентом, принадлежат к категории заимствованных, в то время как неосвоенные лексические единицы предлагается считать «иноязычными словами» [5, с. 1965]. Согласно данной точке зрения, китайские заимствования в основном относятся к иноязычным словам,

поскольку в силу типологического родства с английским языком они характеризуются низкой степенью ассимиляции. Однако это совсем не означает, что те иноязычные единицы, которые не прошли полную ассимиляцию, а ограничились лишь каким-либо определенным уровнем или уровнями системы языка-реципиента, не являются заимствованиями, а лишь иноязычными словами. Напротив, такие единицы имеют все признаки заимствованных, т. е., по крайней мере, усвоенных слов, которые впоследствии могут стать «экспортным материалом» принявшего их языка. Такой подход противоречит первому, в рамках которого предлагается разделять заимствования по степени ассимиляции и признавать их ассимилированными по достижении ими признаков автохтонных слов определенного уровня.

Ход процесса ассимиляции описывается Л. П. Крысиным как пять уровней (этапов) адаптации [6]. Таким образом, заимствование ставится ученым в позицию объекта по отношению к деятельности самой системы языка как субъекта заимствования. На первом этапе лексическую единицу уместнее называть именно иноязычным словом, а не заимствованием. Оно употребляется в той форме, которой обладает в своем исконном языке. Следующим шагом к уподоблению словам, функционирующим в системе языка-реципиента (второй этап), является приспособление к законам, которым подчиняются лексические средства данного языка на нескольких уровнях — фонетическом, морфологическом (грамматическом), орфографическом. Степень типологического и генетического родства может в значительной мере облегчить процесс адаптации заимствованного слова к новому окружению, однако ввиду существенных различий английского и китайского языков и, соответственно, наличия изрядного количества несовпадений этих двух систем прохождение данных уровней требует длительного времени и серьезных изменений. Третий этап характеризуется утратой сопроводительных комментариев применительно к лемматическим корпусам словарей и справочных изданий различного рода. В данной языковой ситуации носители языка-реципиента уже не замечают, что единица является заимствованной из другого языка. Словари предписывают свободное ее употребление наряду с исконными словами без каких-либо дополнительных помет или элементов рекомендации/нерекомендации. Необходимо отметить, что многие китайские заимствования имеют достаточно узкую сферу использования, т. е. являются эндемическими элементами. В основном это относится к названиям различных сортов чая (*lucha*, *molihuacha* и др.), фитонимам, обозначающим растения, названия которых отсутствуют

в английском языке (*ginseng, kai-lan* и т. д.). Данное качество заимствованные китайизмы в системе английского литературного языка приобрели неизменно благодаря статусу китайского языка как языка эзотерической ниши, нацеленного на обеспечение коммуникации строго в пределах коммуникативной среды этноса-носителя [7, с. 549]. В английском же языке китайские эндемизмы приобретают статус экзотизмов, что не обязательно затрудняет ассимиляцию, но может выступать для нее значительным препятствием.

Четвертый этап сопровождается утратой заимствованием соответствующей стилистической дифференциации. После закрепления в системе принимающего языка заимствование становится более семантически самостоятельным и уже может вступать в связи с прочими словами языка-реципиента. В частности, Б. Н. Забавников отмечает, что заимствования характеризуются отклонением в семантическом развитии на новой почве [8, с. 71–79]. На взгляд автора статьи, данную особенность иноязычных единиц можно охарактеризовать как структурную специализацию, т. е. их «встроенность» в гипо-, гиперонимическую структуру системы языка-реципиента. Достаточное количество заимствований-китайизмов имеет негативную окраску и употребляется с уничижительным/оскорбительным оттенком – *chinaman, chop-chop, coolie, gung-ho, gweilo, junkie* и др., в то время как изначально данные лексические единицы были нейтральными.

Пятый этап – закрепление заимствованной лексической единицы в толковом словаре. Полностью ассимилированное заимствование адаптировано к фонетическим, морфологическим, орфографическим законам нового языкового окружения [9, с. 29–65]. Статус некоторых китайских заимствований до сих пор остается спорным, так как не все авторитетные издания словарей семасиологического типа, такие как Oxford English Dictionary, Collins English Dictionary, признают принадлежность данных заимствований, закрепившихся в английском языке, к литературной традиции. В связи с этим в настоящее время практики определения статуса китайских заимствований, не включенных в словари английского литературного языка, и их кодификация представляются актуальной и своевременной задачей.

Необходимо отметить, что, хотя в процессе заимствования язык-реципиент, как правило, оказы-

вает непосредственное (субъективное) влияние на заимствованные единицы, в ходе чего последние претерпевают изменения на грамматическом, морфологическом, фонетическом, семантическом уровнях, некоторые заимствованные лексические единицы все же сохраняют как свое исходное значение, так и изначальную форму. Таким образом, в процессе заимствования некоторые иноязычные единицы оказываются подвержены влиянию языка-реципиента в большей степени, нежели другие, что свидетельствует не только о различиях в степени их ассимиляции в системе принимающего языка, но и неоднородности процессуальной стороны данного интересного явления.

Заключение

Как следует из рассуждений, ассимиляцию следует понимать как сложный, неоднородный и нелинейный процесс приращения иноязычного слова к системе языка-реципиента. Традиционное прохождение трех уровней ассимиляции, наиболее значимых для относительно самостоятельного функционирования заимствования в речи его носителей, хотя и позволяет признать новое слово «освоенным», однако не является окончательным. Любая степень оформленности, по-видимому, допускает ассимиляцию нового уровня, притом что лингвист без труда определит язык-донор по этимону заимствования. Пять этапов ассимиляции, согласующихся с уровневой приращением заимствований, выделены при изучении адстрата китайского происхождения в системе английского литературного языка и, вне всякого сомнения, могут быть релятивированы в отношении любого другого языка-реципиента.

Неоднородность пары контактных идиомов, взаимодействующих уже более четырех веков [10, с. 96], делает подходы к описанию ассимиляции, существующие в синхронной лингвистике, лишь частично аппликативными. Их имплементация зависит во многом от генетики заимствованного языкового материала и требованиям к его освоению.

Генез китайских заимствований в системе английского литературного языка никоим образом не ограничивается рассмотренными аспектами ассимиляции. Дальнейшие изыскания могут быть выстроены в перспективе описания семантических, функционально-стилистических и прагматических особенностей единиц данного адстрата.

Список литературы

1. Кобенко Ю. В. Меремкулова Т. И. Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та, 2018. 192 с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
3. Мечковская Н. Б. Общее языковедение: структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. специальностей. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

4. Moody A. J. Transmission Languages and Source Languages of Chinese Borrowings in English // *American Speech*. 1996. Vol. 71, № 4. P. 405–420.
5. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
6. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
7. Wray A., Grace, G. W. The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-cultural influences on linguistic form // *Lingua*. 2007. Vol. 117. P. 543–578.
8. Забавников Б. Н. Семантическое освоение французских лексических заимствований в современном немецком языке // *Филологические науки*. 1977. Вып. 4. С. 71–79.
9. Брейтер М. А. Процесс языкового заимствования как способ реализации коммуникативных потребностей в рамках межкультурного взаимодействия // *Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации*. М.: Филология, 1997. С. 49–65.
10. Кохонова К. Е. Периодизация процесса заимствования лексических единиц китайского происхождения в системе английского литературного языка // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin)*. 2019. Вып. 7 (204). С. 96–104. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-96-104.

Кохонова Ксения Евгеньевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: elsinia@mail.ru

Материал поступил в редакцию 01.11.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-32-38

ADAPTATION STAGES OF CHINESE BORROWINGS BY THE ENGLISH LITERARY LANGUAGE SYSTEM

К. Ye. Kokhonova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. English literary language is a historically heterogeneous structure, which includes various borrowed adstrata, more or less adapted by its system. Borrowings of Chinese origin as part of this recipient language have their own deep historical traditions and are the subject of this study. The synchronously functioning layer of borrowed Sinisms seems to be very heterogeneous in terms of assimilation, its levels and stages. Because the contacting languages – English and Chinese – are not related or even homologous, the process of assimilation by the system of elements of the Chinese adstratum is non-linear and has a number of characteristic features. This article is an attempt to fragment the process of assimilation/adaptation of Chinese borrowings in the system of English literary language by levels of assimilation and its stages.

The aim of the paper is to distinguish the levels and stages of adaptation of borrowed lexical units of Chinese origin by the English literary system.

Material and methods. As a general methodological foundation, a system-functional approach was used, which allows us to describe the functioning of a system or its individual part in the dynamics of linguistic evolution, an integral part of which is the phenomenon of borrowing. In the course of the study, a corpus of general and particular scientific (linguistic) methods was used, including: methods of logic (analysis, synthesis, deduction, comparison, generalization and modeling), statistics (grouping method, dialectic method), a comparative historical method with the step of internal reconstruction, component analysis method and the opposition method.

Results and discussion. In linguistics, the terms “assimilation” and “adaptation” are traditionally contrasted: borrowings “assimilate” in the system of the recipient language, and the system itself adopts borrowed units. There are two approaches to the description of the process of assimilation/adaptation of these units: the first recognizes a borrowing adapted when it corresponds to the phonetic and grammatical appearance of the original words of the recipient language system. The second approach takes into account the influence of the lexical environment of the new foreign language unit. Thus, the approaches implicitly repeat the above opposition and differ in object-subjective position in relation to the borrowed unit and the system of the recipient language. Five three levels of assimilation of Chinese borrowings in the system of English literary language are distinguished: phonetic, morphological (grammatical) and spelling. The latter seems to be the most significant for the adapting Sinisms due to their highly heterogeneous graphic appearance. There are five stages in the adaptation of these units by the English literary language system: 1) the use of the unit in the form that it possesses in its donor language; 2) adaptation of borrowing to the laws to which the lexical means of the recipient language obey at the above levels; 3) loss by a unit of accompanying comments as applied to lemmatical corpuses of dictionaries and reference publications of the recipient language; 4) loss by borrowing of the previous stylistic differentiation; 5) consolidation of the borrowed lexical unit in the explanatory dictionary.

Conclusion. The proposed stages and extrapolated approaches can find application in the practice of studying the Chinese adstratum in a number of other idioms that have historically been in contact with the Chinese language, as well as adstrata of a different origin in systems of unrelated languages. The empirical material of the study has high

theoretical and practical value and can be used in reading university courses and teaching such disciplines as intercultural communication, history, lexicology, grammar and functional stylistics of the English language, contact and social linguistics, as well as in teaching the theory and practice of translation.

Keywords: *borrowing, assimilation, adaptation, recipient language, donor language, English literary language, Chinese borrowing.*

References

1. Kobenko Yu. V., Meremkulova T. I. *Gall'skiye zaimstvovaniya v sovremennom nemetskom yazyke: strukturno-sistemnyye i funktsional'no dinamicheskiye osobennosti* [Gallic borrowings in the modern German language: structural-system and functional-dynamic features]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2018. 192 p. (in Russian).
2. Reformatskiy A. A. *Vvedeniye v yazykoznaniye* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 536 p. (in Russian).
3. Mechkovskaya N. B. *Obshcheye yazykoznaniye: strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh spetsialnostey* [General Linguistics: Structural and Social Typology of Languages: A Textbook for Students of Philological and Linguistic Specialties]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001. 312 p. (in Russian).
4. Moody A. J. Transmission Languages and Source Languages of Chinese Borrowings in English. *American Speech*, 1996, vol. 71, no. 4, pp. 405–420.
5. Sorokin Yu. S. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-ye gg. XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language. 30–90s XIX century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p. (in Russian).
6. Krysin L. P. *Inoyazychnyye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 208 p. (in Russian).
7. Wray A., Grace G. W. The consequences of talking to strangers: Evolutionary corollaries of socio-cultural influences on linguistic form. *Lingua*, 2007, vol. 117, pp. 543–578.
8. Zabavnikov B. N. Semanticheskoye osvoyeniye frantsuzskikh leksicheskikh zaimstvovaniy v sovremennom nemetskom yazyke [Semantic mastery of French lexical borrowings in modern German]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 1977, no. 4, pp. 71–79 (in Russian).
9. Breyter M. A. *Protsess yazykovogo zaimstvovaniya kak sposob realizatsii kommunikativnykh potrebnostey v ramkakh mezhkul'turnogo vzaimodeystviya* [Process of language borrowing as a way of realization of communicative needs in the context of cross-cultural interaction]. *Lingvokognitivnyye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Linguistic and cognitive problems of cross-cultural communication]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. Pp. 49–65 (in Russian).
10. Kokhonova K. Ye. Periodizatsiya protsessa zaimstvovaniya leksicheskikh yedinit kitayskogo proiskhozhdeniya v sisteme angliyskogo literaturnogo yazyka [Periodization of the borrowing process of Chinese origin lexical units in the English literary language system]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 7 (204), pp. 96–104 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-7-96-104.

Kokhonova K. Ye., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: elsinia@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'16

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-39-46

КОРРЕЛЯЦИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ И МОДУСНЫХ КАТЕГОРИЙ – ОТСУТСТВИЕ И ОТРИЦАНИЕ

Т. Л. Верхотурова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Введение. Традиционно изучаемые в философии категории попали в сферу интересов лингвистов с развитием когнитивных исследований в области языка, мотивированных тем обстоятельством, что когнитивный процесс формирования категории завершается приобретением ею имени. Среди различных типов категорий, релевантных для когнитивных штудий, обнаруживаются онтологические и модусные категории, некоторые из которых формируются и функционируют во взаимной корреляции.

Цель статьи – статья посвящена анализу характеристики онтологической категории отсутствия (с сопутствующим концептом) и выяснению функциональной взаимозависимости отсутствия и модусной категории отрицания на материале русского и английского языков.

Результаты и обсуждение. Концептуально-семантическая деривация в области научной терминологии привела к появлению у философского понятия «онтологический» значения, которое возникает в контексте понятия «категория». Научное терминологическое словосочетание «онтологическая категория» заняло весьма прочные позиции в методологии лингвистических исследований. Определение «онтологический» в лингвистике характеризует такой тип категорий, которые вычлениваются из общего континуума человеческого бытия (языковой картины мира). Отсутствие относится к сфере онтологических категорий более общего, абстрактного класса (процессы, состояния, качества, объекты и т. п.). Соответствующий концепт «отсутствие/absence» является универсальной и абстрактной структурой знания базового человеческого опыта. Хотя словарные дефиниции имен концепта *отсутствие* и *absence* отличаются чрезвычайной обобщенностью, контекст употребления этих имен позволяет выделить доминантные признаки концепта, указывающие на родственные фундаментальные концепты, среди которых обнаруживается и отрицание, представляющее собой модусную категорию (модусный концепт). Модусные концепты существуют совместно с концептуальными областями своего определения, т. е. являются вторичными концептами. «Пустота» концепта отрицания объясняет его встроенность в концепт отсутствия, совместно с которым он представляет единое знание.

Заключение. Проведенное исследование позволяет пролить свет на специфику взаимодействий онтологических и модусных категорий. Оно может быть использовано для разработки теоретических курсов по когнитивным исследованиям языка, лексикологии, спецкурсов по лингвистической концептологии.

Ключевые слова: онтологическая категория, модусная категория, отсутствие, отрицание, концепт, функция и структура концепта.

Введение

Исследуя в языке модусную категорию отрицания и сопутствующий ей концепт «отрицание», Н. Н. Болдырев выявляет в его структуре ряд основных смысловых характеристик, и среди них – *отсутствие* [1, с. 14]. Думается, что эту смысловую характеристику стоит рассмотреть в качестве самостоятельной категории.

Категории – наиболее общие философские понятия – традиционно использовались для формулирования и развития философских теорий, но в современном языкознании они все чаще попадают в фокус интереса лингвистов. Философские трактовки категорий сводятся в основном к тому, что это в высшей степени отвлеченные понятия познания че-

ловеческой реальности и самого способа познания. Распространено также определение категорий как общих понятий, образующихся в результате абстрагирования от предметов (вычлениваемых сущностей любой природы) и их особенных признаков. Всякий раздел философии изучал свои собственные категории, например: красота (эстетика), добро, мораль (этика), бытие, действительность, дух, сознание (онтология/метафизика). Впрочем, уже давно и отчетливо обозначилась мысль, что «все категории, даже те, которые по традиции относятся к универсальным, философским, логическим, должны получить языковое выражение» [2, с. 71].

Всеми признано, что Аристотель был первым философом, который в своих сочинениях впервые

разработал понятие мыслительных категорий, рассматривая их в рамках суждений (в предикатной или предметной функции). Для этой цели он должен был сопоставлять содержание высказывания о конкретном сущем с самим сущим. Такое соотношение, с точки зрения лингвиста, должно означать следующее: мыслительные (или мыслимые) категории, независимо от обыденного или научного контекста их употребления, в принципе выделяются и определяются в языке. Э. Бенвенист приводит убедительные доказательства того, что категории Аристотеля по природе своей *apriori* являются языковыми: «В той степени, в которой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить» [3, с. 111]. Поэтому категории (наравне с концептами) естественным образом вошли в область пристальных интересов (когнитивной) лингвистики: для языковеда категории – это «результат взаимодействия... основных познавательных процессов» [4, с. 5], оформленные в языке феномены и сущности [5], т. е. приобретшие **имя** (выделено в оригинале. – Т. В.), и вне словесного означения категории как таковой не существует [6, с. 307].

Распространение понятия категории в языковедческих исследованиях, особенно в когнитивной лингвистике, мотивировало необходимость решения ряда проблем: как образуются и эволюционируют категории, каковы структура и организация различных категорий и, наконец, потребность в их типологическом (классификационном) изучении (см. подробно в [7, 8]).

Следует отметить, однако, что лингвистическое метапонятие «категория» успешно закрепилось в контексте языкознания с давних пор. Такие метапонятия охватывают категории лексические и грамматические, текстовые категории, семантические категории и т. п. Их можно именовать категориями лингвистическими, они представляют собой аналитические инструменты, используемые при изучении языка как объекта, т. е. естественного языка. В естественном языке – языке первого порядка – выражаются, объективируются естественно-языковые категории, являющиеся элементами обыденной картины мира. В сферу наших интересов входит категория «отсутствие» из области естественного, обыденного языка, где она представлена среди других онтологических категорий, хотя это не исключает ее функционирования в качестве метапонятия при анализе и интерпретации лексической и грамматической семантики. Представляется, что эту категорию едва ли можно рассматривать в ряду модусных, осуществляющих в языке функцию интерпретации, таких, например,

как отрицание и кажимость [1, 4, 9]. Ниже более детально будет определяться обоснованность «диагностирования» отсутствия в качестве онтологической категории.

Методология изучения категорий различной природы

1. *Онтологические категории.* Понятие «онтология» и производное «онтологический» заимствованы лингвистикой, как это известно, у философии. Также общеизвестно, что на современном этапе развития философской мысли онтология повсеместно определяется как учение о бытии. В самом общем и отвлеченном смысле лингвистическая онтология понимается как учение о бытии и сущности языка (см. подробнее в [10]).

Придя в языковедческие тексты, значение этого понятия получило большую смысловую конкретику и метонимическое смещение. «Грамматическая категоризация отражает **онтологию самого языка** (выделено мною. – Т. В.), деление на естественные для языка категории, обеспечивающие его существование как определенной семиологической системы и выполнение возложенных на него функций» [11, с. 56]. В контексте вышеприведенной цитаты понятие «онтология» не означает научной теории или дисциплины, значение этого слова здесь указывает на то, что характеризует сам язык в его бытии и со всеми его фундаментальными свойствами. Очевидно, что в данном случае реализуется часто наблюдаемое явление семантической деривации в сфере научно-терминологической лексики. В качестве наглядного примера можно сравнить такие пары значений у терминов *фонетика, грамматика, семантика*: фонетика: 1) раздел языкознания, изучающий звуки языка и 2) звуковой строй языка, изучаемый фонетикой, входящей в номенклатуру лингвистических дисциплин; грамматика: 1) раздел языкознания, учение о строении языка и т. п. и 2) описываемый совокупностью грамматических правил формальный строй языка; семантика: 1) теория значения языковых знаков различной природы и 2) уровень смыслов и значения единиц языка, изучаемый в рамках семантики как теории значения.

Лежащая в основе подобной семантической деривации метонимия является весьма распространенным феноменом, обуславливающим характерную для терминологических аппаратов концептуально-семантическую «подвижность», эволюцию. Эволюционная смысловая динамика коснулась и термина *онтология*. Ср. также: название главы *Language and Ontology (on construing a universe)* в работе [12, с. 311], в которой Т. Гивон (как это следует не только из названия, но и из содержания главы) предпринимает попытку изучать языковые

факты о том, как организм человека истолковывает/интерпретирует (*construes*) свой универсум (свое мироздание), онтологию как действительность, бытие, реальность, возникающую в опыте (*An Ontology of Experience in a Universe of Time* [с. 320]; *The Ontology of Experience in a Spatiotemporal Universe* [с. 329]; *The Ontology of Causation and Agency* [с. 338]). Многое в языке объясняется картиной мира, которая опирается на онтологию [12, с. 4]. Онтологическими называет автор также свои заключения (*ontological conclusions*), так как они характеризуют структуру универсума (*the structure of the universe*), который в свою очередь изучается современной физикой [12, с. 352]. Из этого можно заключить, что понятие «онтология» в когнитивных исследованиях языка становится близким по смыслу к понятиям «действительность», «реальность», «вселенная». Онтология в таком случае возникает как результат когнитивной интерпретации «другого» универсума. Этот другой универсум предположительно находится за пределами или до восприятия, до когнитивной переработки, до истолкования (*construing*), иначе говоря, в хаотичной и произвольной вселенной [12, с. 318]. Такого рода «объективная реальность», в которой человеческий опыт не произвел когнитивной операции различения, расчленения (категоризации), называется в работах У. Матураны (см., например: [13]) субстратом (*substratum*), гипотетическим конструктом, который он противопоставляет человеческой реальности, т. е. той онтологии, которая оформляется в языке.

В теориях российской науки о языке это понятие соприкасается в смысловом отношении и даже приравнивается к понятию «языковая картина мира»: «Применительно к семантике и структуре естественного языка **онтологией** мы называем не то, что обретается „за окном“. Ею для нас является то, что **конструируется** (выделено в оригинале. – Т. В.) языком (а также при участии языка, его носителями и нами, лингвистами) в этом „законном“ пространстве» [14, с. 255]. Это означает, что определение *онтологический* (производное от термина *онтология*) в языковедческом контексте должно означать: «относящийся к онтологии, т. е. действительности, реальности, в той форме, в которой ее «конструирует» язык человека. См., например «...онтологический статус наблюдателя как субъекта априорного, «доязыкового» восприятия проявляется как содержание обыденного сознания языковой личности, т. е. в виде объективированной в языке – в эксплицитной лексической семантике – совокупности знаний/верований/представлений о наблюдателе» [15, с. 12]. Онтологические категории более общего класса (процессы, состояния, качества, объекты и т. д.) или обладающие конкрет-

ными характеристиками (течь, лежать, красный, дерево и т. д.), в отличие от модусных категорий, вычлениваются из общего бытийного континуума как фрагменты (природные объекты) картины мира естественного языка посредством лексической категоризации.

«Отсутствие» не является культурно значимым концептом подобно западным общекультурным, мировоззренческим, эстетическим или этическим концептам, например: прекрасное, безобразное, красота, совесть, зло, добро и т. п. Такие концепты характеризуются ярко выраженной ценностной составляющей. Однако не все концепты имеют ярко выраженную культурно-ценностную составляющую. Как раз к таким концептам относится концепт «отсутствие/absence». Он представляет собой лексический онтологический, универсальный, довольно абстрактный концепт. Универсальные (абстрактные) онтологические концепты, такие как «существование», «отсутствие», «присутствие», «расстояние», «обладание» и т. п., находят выражение во всех культурах, принадлежащих западной цивилизации. Для них не характерна (почти не характерна) ассоциативно-образная аксиология, зависящая от культуры; они вследствие этого, скорее, представляют собой понятия или весьма близки к ним. Универсальные концепты функционируют как структуры знания, представляющие фундаментальные категории общечеловеческого опыта, не подвергающиеся (слабо подвергающиеся) этнокультурной авторизации, воздействию, обработке. Они обнаруживаются в любой культуре, хотя и у таких концептов (с точки зрения З. Д. Поповой и И. А. Стернина) может быть незначительная национальная специфика [16].

Как и всякая категория, «отсутствие» предполагает наличие своего концепта, который манифестируется в картинах мира русского и английского языков, в первую очередь именем концепта. Для выявления семантического содержания лексической единицы, функционирующей в качестве имени концепта, обращаются к лексикографической информации, исследуя структуру ее дефиниций.

Были получены следующие данные в результате анализа словарных толкований¹ лексических единиц *отсутствие* и *absence*. Так как «отсутствие/absence» представляет собой онтологический достаточно абстрактный и универсальный концепт, весьма трудно идентифицировать в дефинициях имен концептов родовое понятие (таксон, центральное, ключевое слово толкования). У концептов чувств или эмоций, например, это всегда понятие «эмоция» или «чувство»: *ненависть* – **чувство**

¹ Были рассмотрены пять толковых словарей русского и пять толковых словарей английского языка. Список прилагается в конце статьи.

сильнейшей вражды, неприязни, ср. в английском: *hatred* – a very strong **feeling** of dislike for sb/sth. Хотя концепты эмоций также рассматриваются в сфере абстрактных концептов, однако степень и своеобразие абстрактности у «отсутствия» (чего-либо, кого-либо) и «эмоции» явно различны: слишком различные ситуации и типы отношений могут входить в категорию отсутствия.

В русскоязычных словарях слово *отсутствие* чаще всего толкуется посредством изрядно расплывчатых выражений и (или) синонимических подстановок: 1) положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо; 2) положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует; 3) неявка; 4) нахождение кого-либо в данном месте или в данное время; 5) несуществование, небытие, небытность; 6) не иметься в наличии; 7) не быть в данном месте. В целом обычно выделяются два значения: «положение дел, когда нет в наличии кого-либо, чего-либо» и «положение дел, когда кто-либо, что-либо отсутствует». Второе значение явно представляет собой словообразовательное определение, попросту относящее к глаголу *отсутствовать*. Русские лексикографы склонны определять в самом общем смысле «отсутствие» как «положение дел».

Английская лексикография характеризуется несколько большим разнообразием в трактовке слова *absence*: 1) the state of being away; 2) an occasion or period of being away; 3) the fact of not existing, lack; 4) a time when sb is away; 5) the fact that sb is not in the place where people expect them to be; 6) the fact that it doesn't exist; 7) the state of being without sth, 8) non-existence, lack. Но и в английском языке метаязык словарных определений можно суммировать как набор отвлеченных метапонятий – the state of, the fact of, an occasion of, перемежаемых темпоральными time/period. Напрашивается естественное объяснение отвлеченности, недостаточности определяющей конкретики у главных толкующих слов: анализируемый концепт есть не что иное, как охватывание множества весьма различных ситуаций (тракуемых как «факт», «случай, когда...», «положение дел» и т. п.). Парадоксально, но в этих ситуациях в фокусе внимания оказывается то, чего нет или не хватает, недостает. Тем не менее, несмотря на всю свою абстрактность, исследуемые концепты в обоих языках располагаются в окраинных, периферийных рамках конкретности: отсутствие все-таки входит в пределы восприятия, ср.:

(1) 'It wasn't until we **noticed the absence of female customers**, the dim red lights, and the photos of naked women on the walls that we realised why the 'barmaids' were laughing at us' [17].

(2) Винт еще не окончился, но **их отсутствие было замечено** [18].

Эта способность «отсутствия» характеризовать человеческое бытие в физической реальности подтверждает его принадлежность к области онтологических категорий.

Вопреки сильной обобщенности и скудости словарных дефиниций анализ толкований имен *отсутствие* и *absence* и их контекстных употреблений позволил выделить ряд существенных, доминантных признаков концептов «отсутствие/absence», которые очерчивают круг родственных для отсутствия концептов (см. подробно в [19]). И здесь уместно отметить, что эти родственные концепты также представляют собой не менее фундаментальные концепты человеческого универсального опыта: наличие, пространство, существование/несуществование, время, бытие/небытие, обладание/необладание и, наконец, отрицание.

2. *Роль отрицания в формировании категории отсутствия.* Категория отсутствия самым тесным образом связана с категорией отрицания, поэтому одна из задач статьи – рассмотреть ту роль, которую отрицание играет в формировании категории отсутствия.

Категория отрицания представляет собой универсальную языковую категорию, свойственную каждому языку. В конкретном языке у категории отрицания обнаруживаются специфические особенности как в отношении системы используемых языковых форм, так и в отношении их реального функционирования. В исследованиях по лингвистике можно обнаружить множество работ, посвященных характеристике и функционированию этой фундаментальной категории. Ее исследованием занимались многие российские и зарубежные ученые (В. Г. Адмони, Ш. Балли, А. И. Бахарев, Н. Н. Болдырев, В. Н. Бондаренко, В. В. Виноградов, В. В. Вишненкова, А. П. Володин, О. Есперсен, Е. В. Падучева, А. М. Пешковский, В. Н. Пилатова, М. А. Таривердиева, В. С. Храковский, Е. И. Шендельс и др.).

Вопросы, которые рассматривались в рамках исследования отрицания, разнообразны: делались попытки определить в понятийном отношении языковое и логическое отрицания, их соотношение, способы и формы выражения этой категории в языках, взаимоотношение категорий модальности и отрицания, функцию отрицания в структурировании высказываний.

Принято считать, что логическая операция отрицания и философская категория отрицания являются базисом лингвистической интерпретации отрицания. Сближает логическую и языковую интерпретацию отрицания тот очевидный факт, что отрицание представляет собой важнейшую мыслительную, когнитивную операцию. Поэтому логическое отрицание не может не выражаться и в

естественном языке, но языковое выражение не является тождественным логическому отрицанию, поскольку в формальной логике операция отрицания изучается независимо от способов и форм выражения.

В наши дни когнитивная лингвистика является одним из основных направлений в языкознании. В проблемную область лингвистической когнитивистики входят вопросы о приобретении, сохранении, анализе, интерпретации и усвоении человеческим существом информации о мире и о самом себе посредством языка. В когнитивной лингвистике проблемами отрицания занимались Н. Н. Болдырев (см., например: [1, 4, 7]), И. А. Илюхина [20], В. Н. Пилатова [21]. Так, при изучении фразеологической семантики обнаруживается, что в грамматическое и когнитивное отрицание делает вклад и культурный компонент [20]. В. Н. Пилатова [21] отмечает, что на совокупность семантически отрицательных форм правомерно смотреть как на концептуальную универсалию, континуально-дискретное явление: семантика языка континуальна, а языковые формы (концептуальный инвентарь) ее манифестации дискретны. Вариативность при передаче значения отрицания носит континуальный характер. Однако каждый вариант отрицания дискретен по той причине, что вариативность обусловлена функционально.

В когнитивных исследованиях в целом концептуализация и категоризация рассматриваются среди основных когнитивных процессов, обладающих свойством единообразия и восходящих к единым законам, которые позволяют утверждать, что языковая категоризация опирается на три системы: лексическую, грамматическую и модусную (интерпретирующую). Модусная категоризация считается не столь детально изученной в когнитивной науке о языке по сравнению с другими типами категоризации. Глубокий анализ модусных категорий предлагается в работах Н. Н. Болдырева [1, 4, 7, 8]. Именно к модусным категориям следует относить отрицание.

В структуре концепта «отрицание» обнаруживается ряд основных характеристик: *отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция*. Таким образом, делается вывод о том, что благодаря особенностям содержания и структуры «отрицание» представляет собой очень сложный концепт, играющий особую роль как механизм языковой концептуализации знаний и путей представления знаний в коммуникативной (речевой) деятельности [1]. Однако с точки зрения выражения собственно знаний о мире Н. Н. Болдырев называет данный концепт «пустым», так как он не обладает собственной информацией о реальном мире, но приобретает опре-

деленное содержание при соотнесении с другим концептом или концептуальной структурой; из самого его названия следует, что он является продуктом сознания человека, результатом концептуализации определенной коммуникативной функции, так как в реальном мире «отсутствия существования или наличия» нет, и только человек постулирует его, выражая свое восприятие определенной ситуации в процессе общения. Н. Н. Болдырев развивает такую мысль, которая представляется особенно значимой при обсуждении корреляции онтологической категории отсутствия и категории отрицания. Будучи модусным концептом, «отрицание» не существует отдельно от концептуальных областей его определения, а представляет вместе с ними единое знание, т. е. представляет собой вторичный концепт [1].

Именно «пустота» самого концепта отрицания, его вторичность, его «неотдельность» от полноценных онтологических концептов объясняет, как нам представляется, его очевидную встроенность в концепт «отсутствие/absense». Как отмечалось выше, при всем чрезвычайном разнообразии ситуаций отсутствия объединяет их в единую категорию именно отрицание наличия/существования находящегося в коммуникативном фокусе объекта любой природы: *ее отсутствие (her absence¹)*, *отсутствие собаки (the absence of a dog)*, *отсутствие любви (the absence of love)*, *отсутствие реформ (the absence of reforms)*, *отсутствие доказательства (the absence of proof)*, *отсутствие света (the absence of light)*, *отсутствие денег (the absence of money)*, *отсутствие крыши (the absence of the roof)*, *отсутствие войны (the absence of war)* и т. п. Этот список можно продолжать практически до бесконечности, так как отсутствующими разнообразными объектами (того, чего (кого) нет в обсуждаемой ситуации) могут быть одушевленные или неодушевленные существа, чувства, преобразования в различных сферах социальной жизни, природные феномены, материальные предметы, части материальных конструкций/строений, (вооруженные) действия, коммуникативные феномены в виде доводов и фактов и т. д.

При обращении к словарным толкованиям имен категории отсутствия в обывденной картине мира русского и английского языков обнаруживается типичность «апофатических» толкований, толкований через отрицание. Активно используются отрицания либо посредством лексики с отрицательной приставкой не- (ненахождение, неявка, несуществование), либо посредством предикатного отрицания с частицей «не» (не иметься в наличии)

¹ Примеры на английском языке взяты из иллюстративного материала указанных толковых словарей английского языка или являются фрагментами предложений из корпуса BNC.

и предикативного слова «нет» (нет в наличии); ср. в английском: non-existence, the fact that it doesn't exist, the fact of sb (sth) not being there и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что в английской лексикографической практике при толковании слова *absence* могут быть использованы и утвердительные комментарии, которые, содержат два ключевых признака – *away* и *lack*; ср., например: the state or a period of being away; (of) non-existence; lack. Однако сами по себе слова *away* и *lack* часто толкуются через отрицание. Подобно толкуемому с его помощью слову *absence* наречие *away* объясняется посредством предикатного отрицания: not to be here, акцентируя пространственный дейксис в семантике отсутствия. Слово *lack* также является одним из центральных компонентов толкования отсутствия, оно включает два смысла – недостаточное количество чего-либо и (или) его полное отсутствие, которые могут быть представлены в нерасчлененном виде: the state of not having sth or not having enough of it. Слово *lack* выражает идею недостаточности, ведущей к нарушению нормы или положения вещей, т. е. функциональной недостаточности; именно эта идея сохраняется в смысловом отношении в концепте отсутствия.

Заключение

В результате языковой категоризации возникают категории различного типа, определяющие основу познавательных процессов. Вхождение естественно-языковых категорий в социально и культурно принятую систему предполагает их взаимосвязь, несмотря на достаточно различную природу. Так, онтологическая категория отсутствия при формировании концепта «отсутствие/absence» опирается на модус отрицания, который позволяет интерпретировать отсутствие во всех его различных признаках (см. подробное перечисление и описание признаков концепта «отсутствие/absence» в [19]), ср., например: *a complete absence of any emotions* (признак экзистенционального отсутствия, т. е. несуществования эмоций); *в его отсутствие* (признак временного отсутствия, т. е. во время, когда человека нет); *the absence of the little name-plate outside the door* (признак пространственного отсутствия, т. е. ненахождения объекта в пространстве на определенном месте); *ощущал ее отсутствие* (признак недоступности, недостижимости, имеющий непосредственное выражение в эмоциональной сфере в виде переживания, чувствования) и т. д.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 60, № 33 (248). С. 11–16.
2. Верхотурова Т. Л. Лингвистический статус языка науки (к вопросу о языковом детерминизме) // Studia linguistica cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 65–86.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974.
4. Болдырев Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 С. 5–14.
5. Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5–14.
8. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.
9. Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
10. Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от античности до наших дней // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 30, № 10 (148). С. 15–21.
11. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ Медиа, 2016.
12. Givón T. On understanding grammar. New York: Academic Press, 1979.
13. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument // The Irish Journal of Psychology. 1988. Vol. 9, № 1. P. 25–82.
14. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: к проблеме лингвистической онтологии // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 256–267.
15. Верхотурова Т. Л. Лингвофилософская природа метакатегории «наблюдатель»: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2009. 290 с.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 190 с.
17. BNC. British National Corpus: URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 24.03.2019).
18. НКРЯ. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (дата обращения: 03.04.2019).
19. Верхотурова Т. Л. Особенности универсальной категории отсутствия // Вестн. МГЛУ. 2015. Вып. 21. С. 72–84.

20. Илюхина И. А. Когнитивные основы формирования культурной коннотации отрицательной фразеологической семантики: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2010. С. 230.
21. Пилатова В. Н. Экспрессивное отрицание в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. С. 183.

Список словарей

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка: А–Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. СПб.: Норинт, 1998.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. (Буква О). URL: azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-yazyka-v-i-dalja-bukva-o/3243 (дата обращения 03.02.2019).
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 17-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).
6. Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman Dictionaries, 1990.
7. Longman Language Activator Dictionary. London: Longman Dictionaries, 1996.
8. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 04.05.2019).
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (дата обращения: 04.05.2019).
10. Oxford Wordpower Dictionary. New 3rd edition. Oxford University Press. 2006.

Верхотурова Татьяна Леонтьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003). E-mail: office@admin.isu.ru, taverkh@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-39-46

ONTOLOGICAL AND MODUS CATEGORIES CORRELATION: ABSENCE AND NEGATION

T. L. Verkhoturova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction. Categories, traditionally studied in philosophy, got into the sphere of linguistic interests with the development of cognitive investigations in linguistics, motivated by the fact that cognitive process of category formation is completed with the acquisition by the category of its name. Among various types of categories relevant for cognitive studies ontological and modus categories are found, some of them are formed and function due to cross-correlation.

Aim. The article is devoted to the analysis of the ontological category of absence (and its concept) and to the inquiry into functional interdependence of absence and the modus category of negation on the material of the Russian and English languages.

Material and methods. Conceptual and semantic derivation in the field of scientific terminology caused the philosophical notion “ontological” to develop a new meaning in the context of the notion “category”. The scientific terminological word combination “ontological category” has rather a strong position in the linguistic methodology. The attribute “ontological” specifies the type of categories that are singled out from the universal continuum of human being (language world view). Absence refers to the sphere of ontological categories of a more general, abstract group (process, state, quality, object, etc.). The corresponding concept “otsutstviye/absence” is a universal and abstract knowledge structure of basic human experience. Although the vocabulary definitions of the concept names *otsutstviye* and *absence* are extremely generalized, the contexts in which the words can be used, highlight the dominant features of the concept, pointing to the related fundamental concepts, negation as a modus category being among them. Modus concepts exist jointly with their attributive conceptual fields. “Emptiness” of the concept of negation accounts for its being built in the concept of absence, their joint representation of unified, integrated knowledge.

Conclusion. The investigation helps to clarify the specificity of ontological and modus categories interaction. It can be used to develop theoretical courses on cognitive studies in linguistics, lexicology, conceptology.

Keywords: *ontological category, modus category, absence, negation, concept, function and structure of concept.*

References

1. Boldyrev N. N. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka [Interpretational function of language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 2011, vol. 60, no. 33 (248), pp. 11–16 (in Russian).
2. Verkhoturova T. L. Lingvisticheskiy status yazyka nauki (k voprosu o yazykovom determinizme) [Linguistic status of science language (to the question of language determinism)]. *Studia linguistica cognitive. Vyp. 2: Nauka o yazyke v izmenyayushcheysya paradigme znaniya* [Studia linguistica cognitive. vol. 2: Language science in the changing paradigm of knowledge]. Irkutsk, BGUEP Publ., 2009. Pp. 65–86 (in Russian).

3. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974 (in Russian).
4. Boldyrev N. N. Kontseptualizatsiya funktsii otritsaniya kak osnova formirovaniya kategorii [The conceptualization of the function of negation as the basis for the formation of a category]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 1, pp. 5–14 (in Russian).
5. Taylor J. R. *Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory*. Oxford, Clarendon Press, 1989.
6. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye: na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004 (in Russian).
7. Boldyrev N. N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The role of interpretational function in the formation of language categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2006, no. 3, pp. 5–14 (in Russian).
8. Boldyrev N. N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v yego funktsiyakh, yedinit'sakh i kategoriyakh [Language anthropocentrism in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1, pp. 5–12 (in Russian).
9. Semenova T. I. *Lingvisticheskiy fenomen kazhimosti* [Linguistic phenomenon of seemingness]. Irkutsk, IGLU Publ., 2007 (in Russian).
10. Bondarenko A. V. Lingvisticheskaya ontologiya ot antichnosti do nashikh dney [Linguistic ontology from ancient times to this day]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, 2009, vol. 30, no. 10 (148), pp. 15–21 (in Russian).
11. Boldyrev N. N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow-Berlin, Direkt Media Publ., 2016 (in Russian).
12. Givón T. *On understanding grammar*. N. Y., Academic Press, 1979.
13. Maturana H. R. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument. *The Irish Journal of Psychology*, 1988, vol. 9, no. 1, pp. 25–82.
14. Pereverzev K. A. Prostranstva, situatsii, sobytiya, miry: k probleme lingvisticheskoy ontologii [Spaces, situations, events, worlds: to the problem of linguistic ontology]. In: Arutyunova N. D., Levontina I. B. (Responsible editor) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 256–267 (in Russian).
15. Verkhoturova T. L. *Lingvofilosofskaya priroda metakategorii "nablyudatel'"*. Dis. dokt. filol. nauk [Linguistic and philosophical nature of the metacategory "observer". Diss. doct. of philol. sci.]. Irkutsk, 2009. 290 p. (in Russian).
16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2001 (in Russian).
17. BNC. *British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 24 March 2019).
18. NKRYa. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html> (accessed 3 April 2019).
19. Verkhoturova T. L. Osobennosti universal'noy kategorii otsutstviya [Peculiarities of the universal category of absence]. *Vestnik MGLU – Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2015, vol. 21, pp. 72–84 (in Russian).
20. Ilyukhina I. A. *Kognitivnyye osnovy formirovaniya kul'turnoy konnotatsii otritsatel'noy frazeologicheskoy semantiki*. Dis. kand. filol. nauk [Cognitive basis of cultural connotation formation in phraseology semantics. Diss. cand. of philol. sci.]. Astrakhan, 2010. 230 p. (in Russian).
21. Pilatova V. N. *Ekspressivnoye otritsaniye v sovremennom angliyskom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Expressive negation in the Modern English language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2002. 183 p. (in Russian).

Dictionaries

1. Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: A – Ya* [The big Russian monolingual dictionary]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian).
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. (Bukva O)* [The monolingual dictionary of the great living language. (Letter O)] (in Russian). URL: azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-yazyka-v-i-dalja-bukva-o/3243 (accessed 3 February 2019).
3. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [A new dictionary of the Russian language. Definitions and word-derivation]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian).
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka. Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Yu. Shvedovoy* [The Russian language dictionary. Edited by N. Yu. Shvedova, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985 (in Russian).
5. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Russian monolingual dictionary]. Moscow, Soetskaya entsiklopediya; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1935–1940 (4 vol.).
6. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London, Longman Dictionaries, 1990.
7. *Longman Language Activator Dictionary*. London, Longman Dictionaries, 1996.
8. *Merriam-Webster*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (accessed 4 May 2019).
9. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english> (accessed 4 May 2019).
10. *Oxford Wordpower Dictionary*. New 3rd edition. Oxford University Press. 2006.

Verkhoturova T. L., Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).
E-mail: office@admin.isu.ru, taverekh@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ КУЛИНАРНОГО ШОУ)

О. В. Обвинцева, Д. А. Перескокова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Введение. Целью статьи является исследование прагматических функций таких элементов дискурса, как прагматические маркеры, используемые в одном из жанров англоязычного гастрономического дискурса – кулинарного шоу, транслируемого по телевидению и в Интернете.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужили видеоэпизоды кулинарного шоу популярного британского шеф-повара Джейми Оливера, опубликованные на его официальном канале YouTube в 2018–2019 гг. Основу методологии статьи составляют дискурс-анализ, анализ прагматических маркеров и метод лингвистического описания.

Результаты и обсуждение. Во введении соотносятся понятия «дискурс» и «гастрономический дискурс». Описываются особенности гастрономического дискурса, его жанровое разнообразие, функции и прагматические установки жанра кулинарного телевизионного и интернет-шоу. Выявляются различные взгляды лингвистов на соотношение терминов «прагматический маркер» и «дискурсивный маркер». В качестве методологической основы исследования выбрана классификация прагматических маркеров Б. Фрейзера. Исследуется инвентарь прагматических маркеров, использованных в видеоэпизодах британского кулинарного шоу. Для этого все прагматические маркеры структурируются согласно типам и подтипам классификации Б. Фрейзера, производится количественный и качественный анализ полученной классификации, в результате чего устанавливаются прагматические функции, которые выполняют прагматические маркеры разных типов в исследуемом дискурсе кулинарного шоу.

Выводы. Сделаны выводы о том, что: 1) жанр кулинарного шоу гастрономического дискурса оказывает влияние на формирование гастрономических предпочтений аудитории; 2) прагматические маркеры необходимы для обозначения отношения говорящего к высказыванию, а также для облегчения процессов прагматических выводов; 3) за счет прагматических маркеров увеличивается арсенал языковых средств, участвующих в создании требуемого прагматического эффекта кулинарного шоу; 4) прагматические маркеры дискурса кулинарного шоу Джейми Оливера выполняют важные прагматические функции: помогают удерживать внимание зрителя и создают иллюзию прямого общения шеф-повара со зрителем, усиливая привлекательность кулинарного шоу для телевизионной и интернет-аудитории.

Ключевые слова: прагматические маркеры, дискурсивные маркеры, гастрономический дискурс, кулинарное шоу.

Введение

В настоящее время концепции здорового образа жизни находят своих последователей у все большего количества людей в разных странах. В связи с этим меняется отношение к культуре питания, которая все более стремится соответствовать принципам здорового образа жизни и является актуальной темой социальной коммуникации. Кулинарные книги известных всему миру шеф-поваров, обилие рецептов приготовления блюд различных национальных кухонь в Интернете, ресторанные рецензии, кулинарные блоги, телевизионные и кулинарные интернет-шоу – все эти жанры гастрономического дискурса стали в настоящее время чрезвычайно популярными.

Гастрономический дискурс, как его определяет А. В. Олянич, «особый вид коммуникации, связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления» [1, с. 168].

По справедливому замечанию М. В. Ундритцовой, «гастрономический дискурс можно решитель-

но поставить в первый ряд с другими широко известными дискурсами, поскольку питание имеет первостепенное значение в жизни человека. На сегодняшний день одно из важнейших мест занимает коммуникация, тем или иным образом имеющая отношение к пище, ее свойствам, процессу питания, способам приготовления и потребления» [2, с. 41].

Т. ван Дейк трактует дискурс в широком смысле и считает, что дискурс «является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [3, с. 121–122].

В. И. Карасик выделяет два типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный (статусно ориентированный). По его определению, статусно ориентированный дискурс – «это речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые

возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [4, с. 193].

Ф. Л. Косицкая и И. Е. Зайцева считают, что гастрономический дискурс является одним из древнейших и важнейших типов институционального общения, это тип смешанной коммуникации, который может совершаться в процессе приобретения, приготовления и потребления пищевых продуктов, а главное, в оценке качества блюд, искусстве их подачи» [5, с. 26].

Внутри гастрономического дискурса существуют различные жанры, отличающиеся своими функциями и прагматической направленностью: рецепты, инструкции по приготовлению блюд, реклама продуктов, фрагменты художественных текстов, кулинарные передачи и т. д.

М. В. Ундрицова среди жанров гастрономического дискурса особо выделяет телевизионные кулинарные передачи, «где используются кулинарная лексика и стилистика меню, экскурс в историю блюда, описание положительных свойств блюда, которые перемежаются диалогами, касающимися жизни приглашенных гостей» [2, с. 52]. Функции данного жанра гастрономического дискурса не только развлекательная, но и образовательная, когда ведущий и участники программы в непринужденной, доступной манере обучают аудиторию приготовлению блюд. Во время кулинарного шоу ведущий также выражает свое субъективно-оценочное мнение о выборе продуктов и способах приготовления и тем самым стремится популяризовать свои взгляды о культуре питания и оказывает влияние на формирование гастрономических предпочтений аудитории.

В лингвистической литературе термин «прагматический маркер» используется наряду с терминами «дискурсивный маркер», «дискурсив», обозначая языковые единицы, которые представляют собой «языковой инструмент структурирования дискурса – от фонетических и интонационных показателей до лексем и специфических синтаксических конструкций. Это слова, фразы или звуки, которые не имеют реального лексического значения, но вместо этого обладают важной функцией формировать разговорную структуру, передавая намерения говорящих при разговоре» [6].

По мнению Е. Ю. Викторовой, «Терминологический разнобой в этой области лингвистики определяется прежде всего вариативностью подходов к изучению дискурсивных слов, а также различной интерпретацией их многочисленных функций, которые в свою очередь вытекают из огромного разнообразия состава дискурсивов как особой группы единиц, их полифункциональности, а также синкретизма и диффузности их значений» [7, с. 3].

Термин «прагматический маркер» для обозначения дискурсивов использует К. Эйджмер и считает, что они отражают ментальные процессы говорящего, «комментируя то, что происходит у него в голове» [8, с. 4].

Б. Фрейзер рассматривает прагматические маркеры как широкий класс подобных единиц, выделяя дискурсивные маркеры только как один из подклассов, утверждая, что «прагматические маркеры, взятые отдельно от пропозиционального содержания предложения, являются лингвистически закодированными подсказками, которые сигнализируют о потенциальных коммуникативных намерениях говорящего» [9, с. 168].

При всем разнообразии кулинарных телевизионных и интернет-шоу их основная содержательная часть представляет собой описание процесса приготовления того или иного блюда, что обуславливает использование большого количества довольно однотипных языковых средств (названий продуктов, кухонной утвари, глаголов приготовления пищи и т. п.). Однако прагматическая установка этого популярного развлекательного жанра состоит в привлечении максимальной аудитории и удержании ее достаточно длительное время, так как от этого зависят телевизионные рейтинги, количество подписчиков в Интернете и, следовательно, доход от рекламодателей. Таким образом, выполнение этой прагматической установки зависит, в частности, и от умения ведущего использовать уместные и эффективные прагматические маркеры.

В связи с этим представляется целесообразным исследовать прагматический потенциал жанра кулинарного шоу гастрономического дискурса с помощью описания и анализа его прагматических маркеров.

Материал и методы

Материалом для данного исследования послужили видеозаписи кулинарного шоу популярного британского шеф-повара Джейми Оливера, опубликованные на его официальном канале YouTube в 2018–2019 гг.

«Джейми Оливер (James Trevor “Jamie” Oliver) является феноменом в мире индустрии питания. Он стал одним из самых любимых телеведущих не только в Великобритании, где он родился и живет по сей день, но и далеко за ее пределами. Джейми Оливер не просто повар. Он выдающаяся, яркая личность, способная научить приготовлению вкусной еды и привлечь внимание не только рецептами, но и своей харизмой и остроумием» [10].

Основными методами в работе являются дискурс-анализ, анализ прагматических маркеров и метод лингвистического описания.

Б. Фрейзер классифицировал прагматические маркеры, основываясь на их функциональных и прагматических характеристиках, в результате чего они были разделены на четыре типа: 1) базовые (Basic Pragmatic Markers), представляют информацию, которая более или менее конкретно указывает на прямое основное сообщение предложения и сигнализируют о коммуникативных намерениях говорящего; 2) комментирующие (Commentary Pragmatic Markers), лексические выражения, которые имеют как репрезентативное значение, определяющее сообщение в целом, так и процедурное значение, которое указывает на то, что это сообщение должно функционировать как комментарий к некоторому аспекту основного сообщения (*frankly, really, etc.*); 3) параллельные (Parallel Pragmatic Markers), дополняют основную цель сообщения (*damn well, for the love of God/Mike, for the last time, etc.*); 4) дискурсивные (Discourse Pragmatic Markers), выражения, которые сигнализируют о связи основного сообщения с предыдущим. В отличие от других прагматических маркеров дискурсивные не вносят вклад в значение предложения. Внутри каждого типа прагматических маркеров Фрейзер выделил несколько подтипов, что позволяет использовать данную классификацию для выявления, инвентаризации и детального анализа прагматических маркеров текста любого типа дискурса [9].

Выявление прагматических маркеров англоязычного гастрономического дискурса происходило методом сплошной выборки из текстов субтитров к следующим эпизодам кулинарного шоу Дж. Оливера: 1) JAMIE'S SPECIALS | Chicken Under a Brick | Jamie's Italian [11], где шеф-повар представляет зрителям процесс приготовления курицы под прессом. Отличительной чертой этой серии эпизодов шоу является то, что съемки проходят в одном из его собственных ресторанов; 2) Jamie's Top 7 Curry Paste Tips & Hacks | AD [12], где Дж. Оливер представляет зрителям процесс приготовления семи блюд с использованием предоставленных для рекламы продуктов компании Patak's; 3) Veggie Bhaji Burger | Jamie Oliver & Range Rover Evoque | AD [13], в котором шеф-повар демонстрирует зрителям процесс приготовления овощного бургера. Данный эпизод снят при участии компании Land Rover и является примером рекламного сотрудничества с вышеупомянутой компанией; 4) How to Make Fruit Crumble | Three Ways | Jamie Oliver [14], в котором Дж. Оливер готовит на своей собственной кухне фруктовый пирог тремя разными способами.

Результаты и обсуждение

Б. Фрейзер определяет прагматику как «процесс, посредством которого пользователь языка бе-

рет предложение, представленное грамматикой, и, учитывая контекст, в котором произносится предложение, определяет, какие сообщения и какой эффект передал говорящий» [9, с. 167].

Прагматические маркеры составляют функциональный класс лингвистических элементов, которые обычно не изменяют пропозициональное значение высказывания, но необходимы для организации и структурирования дискурса, для обозначения отношения говорящего к высказыванию, а также для облегчения процессов прагматических выводов.

Кроме того, прагматические маркеры «несут в себе повышенный манипулятивный потенциал из-за того факта, что в отличие от концептуальных лингвистических элементов они не интерпретируются, а „спонтанно распознаются“ и инструктируют целевую аудиторию сосредоточиться на том, как это было сказано, а не то, что было сказано» [15, с. 2].

Данное свойство прагматических маркеров является особенно важным для жанра кулинарного шоу, так как дает возможность за счет прагматических маркеров значительно расширить арсенал языковых средств, участвующих в создании требуемого прагматического эффекта шоу – привлечения и удержания внимания телевизионной и интернет-аудитории при просмотре видеоэпизодов, создании позитивного имиджа самостоятельного приготовления блюда, следуя принципам здорового питания.

Анализ дискурса видеоэпизодов кулинарного шоу Джейми Оливера выявил следующие типы прагматических маркеров (ПМ).

1. Базовые прагматические маркеры.

А. Структурные прагматические маркеры (представлены грамматической категорией наклонения).

В исследованном дискурсе кулинарного шоу преобладают повествовательные структуры: *I like to put the pesto on the base* [11]. *These are new potatoes, boiled and then squashed* [12]. *And then I want some more crunch* [13]. *The smell is something else and I love it when the ice cream starts to melt* [14]. Этот результат логично вытекает из того факта, что содержательная часть кулинарного шоу – это детальное описание процесса приготовления блюда. Повелительных структур немного меньше, однако они выполняют важную прагматическую функцию – сближают ведущего с аудиторией (*Come in and see us at Jamie's Italian* [11]), вовлекают зрителей в процесс приготовления блюда (*Try it with a little tiny, tiny bit of the paste* [12]), призывают оценить полученный результат (*Look out for it, it's fantastic!* [13]). Вопросительные структуры используются довольно редко, что можно считать особенностью дискурса данного конкретного кулинарного шоу, где ведущий шеф-повар работает

один, без приглашенных гостей. В этом формате ведущий обращается с вопросом к самому себе, как бы от лица зрителей (*Why am I making so much?* [14] *Could we do anything to it to sort of inflict even more deliciousness?* [14]), таким образом, используемые вопросительные структуры превращают монолог ведущего в воображаемый живой диалог с аудиторией.

Б. Лексические прагматические маркеры.

Данный тип ПМ в исследованных эпизодах кулинарного шоу представлен главным образом подтипом прагматических идиом – «выражениями, для которых не существует убедительного логического пути, ведущего от буквального прямого значения к принятому базовому прагматическому сигналу» [9, с. 174]. Существуют как прагматические идиомы, сигнализирующие о предполагаемом основном смысле сообщения, так и идиомы, которые сигнализируют о сообщении в целом (пословицы, риторические вопросы, междометия).

В рассмотренных эпизодах ведущий шеф-повар Джейми Оливер часто использует прагматические маркеры данного подтипа *let's*, выражающие дружеское побуждение к действию, сближающие его со зрителем, предлагающие поучаствовать в процессе готовки и дегустации (*let's take one of my patties; let's cook some more* [13]). Кроме того, имеется большое количество прагматических идиом, выраженных различными междометиями (*Yeah! Oh, wow! Mmm, Oh, my Lord!*), которые точно, емко и доходчиво передают позитивные эмоции шеф-повара напрямую аудитории его кулинарного шоу.

2. Комментирующие прагматические маркеры.

Комментирующие ПМ – лексические выражения, которые имеют как репрезентативное значение, определяющее сообщение в целом, так и процедурное значение, которое указывает на то, что это сообщение должно функционировать как комментарий к некоторому аспекту основного сообщения [9, с. 179].

В исследованном дискурсе кулинарного шоу, среди комментирующих прагматических маркеров преобладали ПМ следующих подтипов.

А. ПМ манеры говорения (Manner-of-speaking Markers).

Это маркеры, с помощью которых говорящий может сделать пояснение о манере передачи основного сообщения. Например, *Honestly it's amazing* [12], где ПМ *honestly* добавляет личностную нотку к энтузиазму Джейми Оливера по поводу полученного вкуса блюда, что заставляет зрителя кулинарного шоу верить шеф-повару. В другом примере, *Hopefully, I've got your tastebuds ready for some flavours!* [13] ПМ манеры говорения *hopefully* подчеркивает искренность ведущего, что тем самым сближает его со зрителем.

Б. Акцентирующие ПМ (Emphasis Markers).

Акцентирующие прагматические маркеры подчеркивают (акцентируют) силу основного сообщения и являются наиболее часто встречающимися прагматическими маркерами кулинарного шоу, функция которых – заинтересовать зрителя, привлекая его внимание к важным деталям процесса приготовления блюда. Например, *Now, it's not the same pesto that you might think* [11], где наречие *now* фокусирует зрителя на особенностях приготовления соуса песто. В другом примере *it does cut the herbs* [11], где *does* выполняет функцию усиления значения смыслового глагола для того, чтобы сделать акцент на конкретном действии – нарезке зелени.

3. Параллельные прагматические маркеры.

Третий тип прагматических маркеров – это параллельные маркеры, функция которых состоит в том, чтобы сигнализировать все сообщение в дополнение к основному сообщению.

В исследованном дискурсе кулинарного шоу, среди параллельных прагматических маркеров преобладали ПМ следующих подтипов.

А. Вокативные ПМ (Vocative Markers).

Представляют собой обращения – лицо или предмет, к которому обращена речь. В видеозипизодах кулинарного шоу Джейми Оливера вокативные прагматические маркеры используются довольно активно. Ведущий в процессе приготовления блюда обращается к помощнику на кухне: *chef (How are we doing with that chicken, chef* [11]); обращается к аудитории *guys* и *my friends (Guys, have a little look* [12]; *And that, my friends, is one hell of a mouthful!* [13]).

Вокативные прагматические маркеры, эксплицитно обозначая получателя сообщения, безусловно, выполняют важную прагматическую функцию – создают иллюзию прямого взаимодействия с аудиторией либо общения с коллегой и таким образом усиливают эффект присутствия зрителя на кулинарном шоу: как будто знаменитый шеф-повар пригласил его к себе на кухню и по-дружески общается с ним.

Поскольку Джейми Оливер в одном из эпизодов работает на кухне своего ресторана, где присутствуют другие повара, с которыми он взаимодействует, то использование обращения *chef* является своего рода прагматическим рекламным ходом, чтобы показать хорошую работу своего ресторана, сплоченность команды, частью которой является он сам.

Б. ПМ солидарности (Solidarity Markers).

С помощью этих прагматических маркеров говорящий выражает солидарность с получателем информации, сигнализирует об общности их интересов, единодушии.

В дискурсе данного кулинарного шоу обращения *my friend* и *my friends* являются образцами

прагматических маркеров солидарности, которые, без сомнения, создают необходимый прагматический эффект – демонстрируют сближение аудитории кулинарного шоу и ее ведущего, знаменитого шеф-повара. В конечном итоге с позиции «друга» эффективнее делиться со зрителем своими рецептами приготовления блюд, выбором полезных продуктов, взглядами на культуру питания и концепциями здорового образа жизни.

В. Фокусирующие ПМ (Focusing Markers).

Фокусирующие маркеры служат для привлечения внимания к теме сообщения. Например, *So, here goes potatoes* [12]; *So, it's that time where the three crumbles are ready* [14], где частица *so* сигнализирует зрителю, что начинается следующий этап приготовления блюда. В рассмотренных видео-эпизодах кулинарного шоу фокусирующие ПМ используются особенно активно, так как выполняют важную прагматическую функцию – удерживать внимание зрителя в течение довольно длительного и однообразного процесса приготовления блюда. Например, отмечая переход от одного этапа к другому (*Okay, let's have a little check of the fritters* [13]) или акцентируя внимание зрителя на промежуточных результатах (*Right, it's so easy, it's so delicious* [12]. *So look at that colour* [13]. *Yes! Right so* [14]).

4. Дискурсивные прагматические маркеры.

Прагматические маркеры четвертого типа – дискурсивные маркеры, которые «не вносят вклад в репрезентативное значение предложения, а только в процедурный смысл: они дают адресату инструкции о том, как следует интерпретировать высказывание, к которому прикреплен маркер дискурса» [9, с. 186].

В исследованном дискурсе кулинарного шоу среди дискурсивных прагматических маркеров использовались ПМ следующих подтипов.

А. ПМ изменения темы (Topic Change Markers).

Сигнализируют о том, что последующее высказывание, по мнению говорящего, является отклонением от текущей темы.

Например, *And by the way, it's a little bit like the old days in the «Naked Chef»* [13], где прагматический маркер *by the way* используется ведущим в начале высказывания, в котором он вспоминает свое раннее кулинарное шоу «the Naked Chef», отступая от основной темы – процесса приготовления блюда, оживляя тем самым основную тему готовки.

Б. Контрастивные ПМ (Contrastive Markers).

Сигнализируют, что последующее высказывание является либо отрицанием, либо контрастом некоторого суждения, связанного с предыдущим дискурсом.

Контрастивные ПМ представлены в данном дискурсе в основном маркером *but* (*You can bruise*

the flavour out, but actually I quite like making it in a food processor [11]. *I'll cook two, but you can do them in batches* [13]).

В. Поясняющие ПМ (Elaborative Markers).

Сигнализируют о том, что последующее высказывание является своего рода уточнением предыдущего дискурса. Например, *I've also got my hands quite messy* [13], где прагматический маркер *also* указывает на пояснение, что в процессе выполнения предыдущей операции руки шеф-повара могут испачкаться. В другом примере (*...400 to 500 grams of sugar, that is golden caster sugar* [14]) ПМ *that is* вводит уточнение вида сахара, который используется в рецепте.

Г. Логические ПМ (Inferential Markers).

Сигнализируют о том, что высказывание является выводом, вытекающим из предшествующего дискурса.

В дискурсе кулинарного шоу этот тип прагматических маркеров используется довольно часто и представлен в основном маркером *then* (*...half an hour again until golden and crisp and then I can show you potentially my favourite crumble* [14]. *...some parmesan, a little bit of garlic, olive oil... then just whiz it up* [11]). Логические маркеры здесь передают последовательность действий, выполняемых при приготовлении блюда.

Дискурсивные маркеры (маркеры четвертого типа) в большей степени выполняют функцию организации дискурса кулинарного шоу и в меньшей сообщают дополнительную прагматическую информацию.

Заключение

На основании проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Жанр кулинарного шоу гастрономического дискурса оказывает влияние на формирование гастрономических предпочтений аудитории, когда ведущий, популярный шеф-повар, в непринужденной, доступной манере обучает зрителей приготовлению блюд, выражает свое субъективно-оценочное мнение о выборе продуктов и способах приготовления и стремится популяризовать свои взгляды о культуре питания.

2. Прагматические маркеры составляют функциональный класс лингвистических элементов, которые обычно не изменяют пропозициональное значение высказывания, но необходимы для организации и структурирования дискурса, для обозначения отношения говорящего к высказыванию, а также для облегчения процессов прагматических выводов.

3. За счет прагматических маркеров увеличивается арсенал языковых средств, участвующих в создании требуемого прагматического эффекта кулинарного шоу – привлечения и удержания внимания

телевизионной и интернет-аудитории, создании позитивного имиджа умения самостоятельного приготовления блюда, следования принципам здорового питания.

4. Анализ типов прагматических маркеров дискурса кулинарного шоу Джейми Оливера показал, что все они выполняют важные прагматические функции: фокусирующие и акцентирующие ПМ

помогают удерживать внимание зрителя в течение довольно длительного и однообразного процесса приготовления блюда, прагматические идиомы, вокативные ПМ, ПМ солидарности вносят вклад в создание иллюзии прямого общения шеф-повара со зрителем и таким образом усиливают привлекательность кулинарного шоу для телевизионной и интернет-аудитории.

Список литературы

1. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
2. Ундрцова М. В. Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): дис. ... канд. филол. наук. М.: 2015, 290 с.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Косицкая Ф. Л., Зайцева И. Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 2 (167). С. 25–30.
6. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. 2006. URL: <https://sociolinguistics.academic.ru> (дата обращения: 02.07.2019).
7. Викторова Е. Ю. Дискурсивы в зарубежной лингвистике. 2015. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e_yu_disk_ursivy_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf (дата обращения: 08.07.2019).
8. Aijmer K. Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. 192 p.
9. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6, Issue 2. P. 167–190.
10. Русскоязычный сайт знаменитого шеф-повара. URL: <https://jaimi-oliver.ru/> (дата обращения: 08.07.2019).
11. Jamie's Specials | Chicken Under a Brick | Jamie's Italian. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-lhDIyaiALE> (дата обращения: 02.07.2019).
12. Jamie's Top 7 Curry Paste Tips & Hacks | AD. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ps5dc3eqEKw> (дата обращения: 02.07.2019).
13. Veggie Bhaji Burger | Jamie Oliver & Range Rover Evoque | AD. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z8zihLxg7pw> (дата обращения: 02.07.2019).
14. How to Make Fruit Crumble | Three Ways | Jamie Oliver. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a-dCICl6GeE> (дата обращения: 02.07.2019).
15. Furko P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse // Palgrave Communications. 2017. Vol. 3, Article number 17054 (2017). URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201754> (дата обращения: 10.07.2019).

Обвинцева Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002). E-mail: olgaobv@gmail.com

Перескокова Дарья Андреевна, студентка, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина (ул. Мира, 19, Екатеринбург, Россия, 620002). E-mail: dasha82196@gmail.com

Материал поступил в редакцию 16.07.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-47-53

PRAGMATIC MARKERS OF ENGLISH GASTRONOMIC DISCOURSE (IN THE CONTEXT OF COOKING SHOW)

O. V. Obvintseva, D. A. Pereskokova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction. The object of this research is the pragmatic functions of such discourse elements as pragmatic markers that are used in English gastronomic discourse, namely, in a TV and Internet cooking show.

Material and methods. The material for this research is the cooking show videos of popular British chef Jamie Oliver, published on his official YouTube channel in 2018–2019. The methods of the research are discourse analysis, analysis of pragmatic markers and the method of linguistic description.

Results and discussion. The introduction observes the concepts of “discourse” and “gastronomic discourse”, the features of the gastronomic discourse, its genre diversity, pragmatic potential of the TV and Internet cooking show. Various studies of linguists on the correlation of the terms “pragmatic marker” and “discourse marker” are reviewed. As the methodological basis of the research we chose Fraser’s classification of pragmatic markers. The classification

of pragmatic markers revealed from the videos, its quantitative and qualitative analysis resulted in the establishment of pragmatic functions that different types of pragmatic markers perform in the discourse of the cooking show.

Conclusion. It was concluded that: 1) the gastronomic discourse cooking show genre influences the formation of the gastronomic preferences of the audience; 2) pragmatic markers are necessary to indicate the speaker's attitude to the utterance, as well as to facilitate the process of pragmatic conclusions; 3) due to pragmatic markers, the arsenal of language means involved in creating the required pragmatic effect of the cooking show is increased; 4) pragmatic markers of the discourse of the cooking show help keep the viewer's attention and create the illusion of direct communication with the audience.

Keywords: *pragmatic markers, discourse markers, gastronomic discourse, cooking show.*

References

1. Olyanich A. V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentation theory of discourse]. Volgograd, Paradigma Publ., 2004. 507 p. (in Russian).
2. Undritsova M. V. *Gluttonicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskiye, kognitivno-pragmaticheskiye i perevodcheskiye aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i grecheskogo yazykov)*. Dis. kand. filol. nauk [Gluttonic discourse: linguo-cultural, cognitive-pragmatic and translational aspects (on the material of Russian, English, French and Greek). Diss. of cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 290 p. (in Russian).
3. Deyk T. A. van. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 310 p. (in Russian).
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
5. Kositskaya F. L., Zaitseva I. E. Frantsuzskiy gastronomicheskiy diskurs i yego zhanrovaya palitra [French gastronomy discourse and its speech genre palette]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, vol. 2 (167), pp. 25–30 (in Russian).
6. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. Otv. red. V. Yu. Mikhail'chenko [Sociolinguistic dictionary. Ed. V. Yu. Mikhailchenko]. Moscow, Rossiyskaya akademiya nauk. Institut yazykoznaniya. Rossiyskaya akademiya lingvisticheskikh nauk Publ., 2006 (in Russian). URL: <https://sociolinguistics.academic.ru> (accessed 2 July 2019).
7. Viktorova E. Yu. *Diskursivnyy v zarubezhnoy lingvistike* [Discourse markers in foreign linguistics]. 2015 (in Russian). URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/25/viktorova_e.yu._diskursivnyy_v_zarubezhnoy_lingvistike.pdf (accessed 8 July 2019).
8. Aijmer K. *Understanding Pragmatic Markers: A Variational Pragmatic Approach*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. 192 p.
9. Fraser B. Pragmatic Markers. *Pragmatics*, 1996, vol. 6, issue 2, pp. 167–190.
10. *Russkoyazychnyy sayt znamenitogo shef-povara* [Russian site of the famous chef]. URL: <https://jaymi-oliver.ru> (accessed 8 July 2019).
11. *JAMIE'S SPECIALS | Chicken Under a Brick | Jamie's Italian*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-lhDlyaiALE> (accessed 2 July 2019).
12. *Jamie's Top 7 Curry Paste Tips & Hacks | AD*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ps5dc3eqEKw> (accessed 2 July 2019).
13. *Veggie Bhaji Burger | Jamie Oliver & Range Rover Evoque | AD*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=z8zihLxg7pw> (accessed 2 July 2019).
14. *How to Make Fruit Crumble | Three Ways | Jamie Oliver*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=a-dCICl6GeE> (accessed 2 July 2019).
15. Furko P. Manipulative uses of pragmatic markers in political discourse. *Palgrave Communications*, 2017, vol. 3, article no. 17054 (2017). URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201754> (accessed 10 July 2019).

Obvintseva O. V., Ural Federal University n.a. the first president of Russia B. N. Yeltsin (ul. Mira, 19, Yekaterinburg, Russian Federation, 620002). E-mail: olgaobv@gmail.com

Pereskokova D. A., Ural Federal University n.a. the first president of Russia B. N. Yeltsin (ul. Mira, 19, Yekaterinburg, Russian Federation, 620002). E-mail: dasha82196@gmail.com

УДК 811.111

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-54-63

КОНЦЕПТЫ «ETHICS», «MEMORY», «POWER» В КРОСС-ЖАНРОВЫМ СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВЬЕТ ТАН НГУЕНА «NOTHING EVER DIES» И «THE SYMPATHIZER»)

К. А. Мячин

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск

Введение. Предпринята попытка анализа текстового материала двух разножанровых произведений одного автора. Внимание авторов привлекли механизмы актуализации смысла на уровне слова, словосочетания и предложения. В ходе анализа были также выявлены значимые для автора концепты и описана роль концептов-регулятивов в формировании смысла, репрезентированного в текстах художественного и публицистического произведений.

Цель исследования состоит в анализе текстового материала двух разножанровых произведений и в доказательстве того, что определенный набор актуальных смыслов, представленный концептами «ethics», «memory», «power», проявляющихся в рамках текста публицистического произведения, будет также присутствовать и в концептуально-смысловом содержании художественного произведения этого же автора.

Материал и методы, которые были использованы в лингвистическом анализе, представлены концептуальным, структурным и стилистическим анализом текста, ассоциативно-смысловой интерпретацией текста в контексте коммуникативной и антропоцентрической парадигм; морфологическим, лексическим и синтаксическим анализом текста с выделением отдельных его уровней, представленных словом и высказыванием. Материалом исследования выступают произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer» и «Nothing ever dies» общим объемом 727 страниц.

Результаты и обсуждение. Полученные результаты подтвердили рабочую гипотезу. Смысловая доминанта «memory» внутри смыслового поля «love – life – war – memory – sensation», обнаруженная ранее в «The Sympathizer», остается таковой и в публицистическом произведении «Nothing ever dies». Анализ произведения «Nothing ever dies» подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта «memory», значимого концепта «power», а также позволил выделить и описать свойства концептов-регулятивов «ethics» и «dual».

Заключение. Стилистический, синтаксический, концептуальный и структурный анализ двух текстов позволил выделить ранее не отмеченные нами функциональные концепты-регулятивы «ethics» и «dual», реализуемые в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, – «memory» и «power». Двойственность концепта «memory» не является внутренним атрибутом этого концепта, а возникает под влиянием концепта-регулятива «dual». Это же справедливо для других субстанциональных концептов, таких как, например, «power».

Ключевые слова: концепт, концепт-регулятив, разножанровые произведения, публицистическое произведение, дискурс, передача смысла.

Введение

Художественный и публицистический тексты относятся к разным литературным жанрам. Выбирая тот или иной стиль литературно-художественного творчества, автор выбирает определенные правила игры, которым он должен будет подчиняться. Стилистически и внутренне-структурно различные, разножанровые тексты, однако, способны одинаково успешно доносить авторские смыслы до читателя. В данной статье мы осуществили анализ текстового материала двух разножанровых произведений одного автора. Наше внимание привлекли механизмы актуализации смысла на уровне слова, словосочетания и предложения. В ходе нашего анализа мы также выявили значимые для автора концепты и описали роль концептов-регулятивов в формировании смысла, репрезентированного в текстах художественного и публицистического произведений.

Материал и методы

В ходе анализа текстов публицистического и художественного произведений одного автора были использованы следующие общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция и классификация полученных данных; а также собственно лингвистические методы, такие как: концептуальный и структурный анализ текста, стилистический анализ текста, ассоциативно-смысловая интерпретация текста в контексте коммуникативной и антропоцентрической парадигм; морфологический, лексический и синтаксический анализ текста с выделением отдельных его уровней, представленных словом и высказыванием.

Для сравнения разножанровых произведений мы использовали сравнительно-сопоставительный метод анализа, включая как сравнение и сопоставление вновь полученных лингвистических фактов, так и сравнение с опубликованными нами ранее

данными. Гипотезой нашего исследования является следующее предположение: определенный набор актуальных смыслов, представляющий концепты «ethics», «memory» и «power», проявляющихся в рамках текста публицистического произведения, будет также присутствовать и в концептуально-смысловом содержании художественного произведения этого же автора.

Мы также предполагаем, что влияние норм выбранного автором стиля произведения, публицистического или художественного, не будет ограничивать самого автора в выборе того понятийно-концептуального содержания контекста, которое необходимо ему для реализации своего художественного, гуманитарного и личностно-творческого замысла. Между тем ожидаемы и определенные различия в смысловой нагрузке двух разных по стилю произведений.

Исследование, описанное в рамках данной статьи, содержит элементы сравнительного анализа двух разножанровых произведений одного автора (с опорой на ранее полученные данные) и приемы, выявляющие сходные и различные понятийно-концептуальные особенности, формирующие смысловое поле сообщаемого автором.

Результаты и обсуждение

Анализ определения стилей, которые даны в «Большом лингвистическом словаре» (БЛС), показывает, что художественное произведение «The Sympathizer» [1] является в большей степени стандартным с точки зрения его функциональной типизации по определению, данному в словаре. Оно «характеризуется широким использованием синонимов, многозначных слов, различных тропов (эпитетов, метафор, сравнений), а также диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов. Стиль художественной литературы реализуется в рассказах, повестях, романах...» [2, с. 691].

Публицистическое произведение Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] стандартизировать по описанию, данному в БЛС, несколько сложнее, поскольку с точки зрения его функции и содержания произведение полностью вписывается в представления о норме публицистического произведения: «основные функции публицистического стиля – информационная и воздействующая... Строгая логичность изложения материалов, их фактологическая точность, употребление терминологической лексики объединяет публицистический стиль с научным, а эмоциональность, использование образно-выразительных средств – со стилем художественной литературы» [2, с. 506–507].

Изучив формат реализации «Nothing ever dies» [3], можно прийти к выводу, что эта работа несколько выходит за рамки словарного определения:

«Реализуется публицистический стиль в таких жанрах, как статья, очерк, фельетон, зарисовка, памфлет, открытое письмо, заметка, репортаж и др.» [2, с. 506–507]. Другими словами, текстовый объем произведения в 304 страницы (без указания ссылок и пр.) не входит в привычные рамки статьи, очерка, фельетона, зарисовки, памфлета, открытого письма, заметки или репортажа. Взяв во внимание содержательно-концептуальную основу произведения и то, как она реализована с позиций функционального стиля, можно было бы предложить такое жанровое наименование этого произведения, как, например, философско-публицистический роман. Для того чтобы избежать многословности, оставляем за собой право использовать наименование «публицистическое произведение» и другие производные формы.

Первая глава философско-публицистического произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] называется «Ethics» – этика, определяемая словарем философских терминов следующим образом: «раздел философии, изучающий человеческое поведение и совместную жизнь людей в аспекте их обусловленности законами свободы; наука о морали» [4, с. 708].

Этическое мировоззрение осознается и интерпретируется автором как жизненная необходимость и фундаментальная ценность, что делает возможным описание нами этого понятия с применением лингвистического термина «концепт» как входящего в концептуальную картину мира, а следовательно, и в языковое сознание Вьет Тан Нгуена.

Мы придерживаемся общепризнанного в лингвистике понимания понятия «концепт», которому, например, В. И. Карасик дает следующее определение: «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [5, с. 29]. З. Д. Асратян в своей статье «Эстетическая информация художественного текста и ее концептуализирующая роль» отмечает, что «Концепт в художественной литературе имеет дуалистическую природу, включающую как смысловой, так и эстетический компоненты. Авторская картина мира отражает не только его, автора, взгляд на мир, но и его систему эстетических приоритетов...» [6, с. 10]. Интересен взгляд зарубежного ученого Джимми ван Рийта, который дает краткое, но содержательное определение понятия «концепт» как «абстрактной реальности сознания»: «Following Kimball (2007), concepts can be defined as “abstract realities of the mind» [7, с. 78].

Мы предполагаем, что концепт «ethics» не пассивен в языковом сознании автора, а является активно действующим концептом-регулятивом (по В. И. Карасику) [5], способным связываться

с множеством других концептов, такими, например, как доминантный авторский концепт «memo-gy» или значимый концепт «power». Доказательства справедливости нашего предположения будут представлены далее по тексту.

Концепт «ethics», демонстрируя ярко выраженный оценочный признак в своем составе, демонстрирует способность соединяться с фундаментально значимыми для языкового сознания автора концептами «memo-gy» и «power». Способность концепта «ethics» связываться с концептом «memo-gy» наглядно представлена уже в оформлении структуры содержания главы, которая состоит из трех частей, репрезентирующих ее содержание: «On remembering one's own», «On remembering others», «On the inhumanities» («ethics» – «memo-gy»; «ethics» – «inhumanity») [3].

«These dead victors inhabited every neighborhood, their resting places constituting the most visible and brooding reminders in this country of the ethics of remembering one's own» [3, с. 23–24]. Содержание этого предложения демонстрирует смысловую связь понятий «ethics» – «memo-gy», выраженную словосочетанием «ethics of remembering one's own», в дословном переводе: «этика памяти своих» (перевод здесь и далее по тексту наш. – К. М.).

Захоронения погибших вьетнамских солдат находятся в каждом районе города или деревни современного Вьетнама; они вызывают тягостные чувства у посетителей и служат культурным актом реализации этики памяти своих. Концепт «ethics» выступает в роли инструмента познания и анализа окружающей действительности, исторических фактов и возможного будущего, который использует автор. Слова и высказывания, репрезентирующие этот концепт и этим представляющие этическое мировоззрение автора, могут быть обнаружены во всем корпусе текста «Nothing ever dies» [3] и не ограничиваются лишь специально отведенной для этого главой книги.

«Ethics is optics, Levinas says, but war is optics, too, as Virilio argued» [3, с. 227].

В содержании этого предложения видно, что этика сравнивается с оптическим прибором (ethics – optics), который, как известно, очень широко используется в научных исследованиях естественно-научного направления для тщательного изучения различных субстанций.

«...ethical memory calls for remembering one's own and remembering others, we also need to recognize that industries of memory constrain ethical vision» [3, с. 121] – «... этика воспоминаний призывает нас помнить о своих и помнить о чужих (других), мы также должны признать, что „индустрия памяти“ сдерживает этическое видение (ethics – optics; ethics – vision)».

Как было показано в нашей работе «Синтаксические особенности ритмической организации микротекста и модальность его восприятия (на материале произведения Вьет Тан Нгуена “The Sympathizer”)» [8, с. 44–51], концепт «memo-gy» представляет один из главных смыслов, разделяемых Вьет Тан Нгуеном как писателем. Среди прочих концептов, имеющих весомую смысло-структурирующую роль, мы уже ранее выделили те, которые располагаются в понятийно-концептуальном поле: «love – life – war – memo-gy – sensation» [8].

Следующее предложение, на наш взгляд, наглядно демонстрирует суть мировоззрения автора: «Why is it possible to murder millions and yet impossible to imagine pure forgiveness or just forgetting? Shouldn't mass murder be impossible? The fault is our own. There is no one else to blame for the limits of our spirit and our imagination» [3, с. 290].

Анализ текстового содержания публицистического произведения «Nothing ever dies» [3] Вьет Тан Нгуена показывает, что в тексте представлено множество выражений, представленных номинативом с определителем, актуализирующих смысл памяти: «industry of memo-gy» [3, с. 110], «Vietnamese memories» [3, с. 113], «their own memories» [3, с. 114], «the memories of others» [3, с. 114], «industrial memo-gy» [3, с. 115], «worldly memo-gy» [3, с. 115], «works of memo-gy» [3, с. 120], «ethical memo-gy» [3, с. 121], «the Forgotten War» [3, с. 130], «memorial power» [3, с. 136], «commemorated» [3, с. 136], «dominant memo-gy» [3, с. 138], «bunker of state memo-gy» [3, с. 139], «Korean memories» [3, с. 144], «fragmentary memories» [3, с. 151] и другие.

Одинарные лексемы и словосочетания, дополненные словами-определителями, конкретизирующими значение, такие, например, как «screen memories» [3, с. 104], «weaponized memo-gy» [3, с. 109], репрезентируют через корневую основу «mem» понятие с активным потенциалом перехода в концепт, условно названный нами «memo-gy».

Единственное словосочетание из списка выше, не содержащее морфему «mem», это: «the Forgotten War» – «Забытая война», но ведь на понятийно-смысловом уровне невозможно забыть то, чего не знал, а знание в свою очередь не могло не отложиться в памяти. Вот так об этом пишет сам автор: «Yes, remembering and forgetting entwine together; a double helix making us who we are, one never without the other» [3, с. 303].

Семантика словосочетания «one never without the other» – «одно невозможно без другого» репрезентирует прочную связь двух противоположных понятий, памяти и забвения, в языковом сознании автора. Словосочетание «entwine together» – «переплетаются» демонстрирует понимание автором

прочной связи двух понятий, а «a double helix making us who we are» – «двойная спираль, которая делает нас такими, какие мы есть», свидетельствует о ценностном отношении автора к памяти и забвению как к конструктам ментальной сущности человека.

Необходимо отметить, что в словосочетании «a double helix» – «двойная спираль» высвечивается аллюзия автора к структуре молекулы ДНК человека, которая также имеет форму двойной скрученной спирали, скрепленной множеством поперечных связей. Такое определение связанного словосочетания «double helix» можно найти в популярном интернет-сервисе «Google Переводчик»: «a pair of parallel helices intertwined about a common axis, especially that in the structure of the DNA molecule; The DNA structure is a double helix looking something like a twisted ladder» [9].

Учитывая сказанное выше, можно предположить, что в языковом сознании автора содержится прочное представление о памяти и его противоположности, забвении или антипамяти как о связанной сущности, представляющей фундаментальную ценность для человека (сравнение с молекулой ДНК не является случайным). Этим объясняется творческое и личностное стремление Вьет Тан Нгуена сохранить артефакты памяти, такие как: памятники, стелы, монументы, места захоронения воинов, фотографии с линии фронта и прочее.

Следовательно, можно предположить, что концепт «memory» в языковом сознании автора имеет двойственную природу и структуру и подразумевает также концепт «forget» как неотъемлемую его часть. Двойственность, как отмечалось нами ранее, в целом характерна для художественного стиля автора и проявляется, например, в повествовании «The Sympathizer» [1] в следующих предложениях: «I am a spy, a sleeper, a spook, a man of two faces. Perhaps not surprisingly, I am also a man of two minds» [1, с. 1]; «It was, instead, the best kind of

truth, the one that meant at least two things» [1, с. 116]; «To them he's one of us, and to us he's one of them. Neither one thing nor another» [1, с. 207]; «The double meaning was also present in how cleavage separated a woman from a man and yet drew him to her with the irresistible force of sliding down a slippery slope» [1, с. 232].

Поскольку двойственность активно реализуется в художественном творчестве автора и формирует частотно представленные оппозиции концептов: «memory» – «forget»; «power» – «weakness»; «ethics» – «unethical», можно предположить существование отдельного концепта-регулятива «dual», репрезентирующего смысл двойственности в языковом сознании автора. На наш взгляд, функциональные свойства концептов-регулятивов превосходят их субстанциональность. Это свойство проявляется в том, что концепты-регулятивы реализуются в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, такими как «memory» и «power».

Мы считаем, что механизм передачи смысла от автора произведения к читателю может быть представлен в виде цепи, состоящей из трех основных звеньев (табл. 1). Первое звено выполняет сигнально-знаковую роль и может быть определено как уровень сообщения значения («Уровень значения» в табл. 1). Словосочетание «industry of memory» является условно связанным на уровне значения, поскольку функционально-подчинительная связь между словами является в некотором роде второстепенной и отодвинутой на задний план. Слово является основным действующим элементом в словосочетании, а значение этого слова выполняет сигнально-знаковую роль.

Выражения в столбце «Уровень значения», рассматриваемые изолированно, выражают через значения слов в их составе абстрактные понятия, смысл которых, однако, может оказаться весьма приблизительным ввиду недостаточности

Таблица 1

Уровни осмысления текстового содержания на примере отрывков из произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3]

Уровень значения	Уровень понятия-концепта	Уровень смысла
/industry / of / memory/	industry of memory	This is how the <u>industry of memory</u> trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter [3, с. 110]
/Vietnam / memory/	Vietnamese memories	In these and other postwar American encounters with <u>Vietnamese memories</u> in Vietnam, Americans find themselves shown in ways that bruise them [3, с. 113]
/these / own / memories/	their own memories	Exposed only to <u>their own memories</u> , Americans who come across the rememories of others often react with fury, denial, and countercharge [3, с. 114]

контекста. Так, например, высказывание из текста: «industry of memory» является частью законченного предложения: «*This is how the industry of memory trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter*» [3, с. 110]; а высказывание «Vietnamese memories» – частью предложения «*In these and other postwar American encounters with Vietnamese memories in Vietnam, Americans find themselves shown in ways that bruise them*» [3, с. 113].

Высказывание «industry of memory» – «индустрия памяти» как отдельная единица дискурса на уровне «понятия-концепта» будет сигнализировать о тематических границах дискурса и создавать слабый ассоциативный импульс у реципиента. При этом в теории у реципиента могут возникать специальные вопросы уточняющего характера: Как связано абстрактно идеальное понятие «память» и вполне материально-конкретное «индустрия»? Для чего? Почему? и другие (в англоязычной традиции *Wh-questions*, или *What? When? Why? etc.*), на которые на понятийно-концептуальном уровне ответы будут найдены с трудом или не найдены совсем в виду ограниченности контекста.

Собственно контекст в форме развернутого законченного высказывания в виде предложения выводит словосочетание «industry of memory» на следующий дискурсивный уровень, а именно на уровень передачи смысла как в анализируемом нами предложении: «*This is how the industry of memory trains people to be part of a war machine, turning war into a game and a game into war through the narration of a first person shooter*» [3, с. 110] – «Превращая войну в компьютерную игру от первого лица стрелка, а эту игру в войну, индустрия памяти подготавливает людей к тому, что они могут стать частью военной машины».

Адресат, прочитав и осмыслив это предложение, уже был бы способен ответить на многие специальные вопросы, если бы они были заданы, поскольку развернутый контекст и законченное содержание способствовали бы этому. Реципиент способен примерить сказанное на себя, почувствовать, оценить, что приводит к формированию определенной индивидуализированной ассоциативной линии на уровне концептуализации знания, поскольку «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [10, с. 41].

Таблица 2

Кросс-жанровый сравнительный анализ высказываний из текста произведений Вьет Тан Нгуена «*Nothing ever dies*» [3] и «*The Sympathizer*» [1]

Публицистический жанр, « Nothing ever dies »	Художественный жанр, « The Sympathizer »
I think my concepts of what constitutes memory have changed over the years, from thinking of memory as something concrete to something so malleable [3, с. 233]	Lastly, I sorted through the rest of my books and my records, most purchased in the States and all bearing the fingerprints of memory ” [1, с. 13]
We need an art that enacts powerful memory , an art that speaks truth to power even when our side exercises and abuses that power” [3, с. 267]	As the debacle unfolded, the calcium and lime deposits of memory from the last days of the damned republic encrusted themselves in the pipes of my brain [1, с. 50–51]
Any ethnically defined literature is bound up with that ethnic group’s history in America because so-called ethnic literatures are forms of memory saturated by ethnic problems around the remembering of selves and others [3, с. 200–201]	...I confess that I could not help but feel pity for my sorry countrymen, their germs of loss passed back and forth until I, too, walked around light-headed in the fog bank of memory [1, с. 66]
...how some Hmong refugees, healthy by all appearances, and youthful of age, go to sleep and never wake up, their black hair turned white overnight. What has traumatized, blinded, or killed these people? Memories [3, с. 234]	That haze... that haze was my life flashing before my eyes , only it unreeled so fast I could not see much of it. What I could see was myself, but what was strange was that my life unreeled in reverse, as in those film sequences where someone who has fallen out of a building and gone splat on the sidewalk suddenly leaps up into the air and flies back through the window [1, с. 176]
My memories feel as powerful to me as yours feel to you, regardless of any differences in our places in the world, but if you have access to the megaphones of industrial memory , your memories are more powerful than mine [3, с. 115]	As that last glimmer faded, it occurred to me that the light at the end of the tunnel seen by people who have died and come back to life was not Heaven. Wasn’t it much more plausible that what they saw was not what lay ahead of them but what lay behind? This was the universal memory of the first tunnel we all pass through... [1, с. 176]

Предложение выполняет свою главную роль по «формированию, выражению и сообщению определенной мысли, передаче эмоций и чувств человека... Предложению свойственны информационная (смысловая), грамматическая и интонационная завершенность, предикативность и модальность» [2, с. 467–468]. Как единица конструкта дискурса предложение остается синтаксической единицей сообщения и передачи смысла от автора к читателю. Целое множество единиц смысла принимает участие в формировании общего смыслового поля между автором и его читателем, для адекватной интерпретации которого требуется прочитать все публицистическое произведение как максимум, а как минимум – главу как условную структурную часть большого информационного поля, конструируемого автором и разделяемого, разделяемого отчасти или не разделяемого читателем.

Стивен Пинкер в своей книге «The Language Instinct» высказывается о роли предложения в передаче информации от автора к адресату следующим образом: «*Journalists say that when a dog bites a man that is not news, but when a man bites a dog that is news. This is the essence of the language instinct: language conveys news. The streams of words called “sentences” are not just memory prods... they tell you who in fact did what to whom*» [11, с. 74]. Информация, которая передается в рамках одного предложения, локализована внутри семантических единиц в его составе, что позволяет рассматривать предложение как изолированную единицу дискурса. «*...after all, a conversation and its effects are all local phenomena. And it is true that participants to interactions are actually tied to local situations*» [12, с. 169].

Такое понимание роли предложения в макроконтексте произведения укладывается в традиционное представление о его относительной изолированности: «*Traditional definitions of sentences tend to describe them as grammatically complete units capable of standing on their own and semantically independent*» [13, с. 109].

Следовательно, представляется возможным провести синтаксический анализ предложений из текстов разножанровых произведений одного автора с целью рассмотрения способов авторской организации этих высказываний и для установления смысловых соответствий при их наличии. Проанализируем предложение из художественного произведения «The Sympathizer» [1], которое можно условно назвать «предложение X»:

«*Lastly, I sorted through the rest of my books and my records, most purchased in the States and all bearing the fingerprints of memory*» [1, с. 13].

Синтаксический анализ художественного предложения X:

– повествователь: автор через речь главного героя;

– лексика: нейтральная, за исключением словосочетания «fingerprints of memory», которое является художественно окрашенным;

– авторское высказывание «fingerprints of memory» выступает в двух смыслах: прямом и переносном. Прямой смысл актуализирует вероятность оставить отпечаток пальца на чистой поверхности листа бумаги книги (предполагаемый деятель – человек), а образный указывает на возможность памяти отпечатываться в сознании людей (предполагаемый деятель – память как идеальная сущность);

– синтаксический состав предложения – нормальный, осложненный позиционированием наречия «Lastly» как первого слова, открывающего предложение (продиктовано общей ритмической организацией предложения и наличием распространенного дополнения, но, однако, несколько выходит за рамки узусуальной тенденции английского предложения располагать наречие ближе к его концу);

– наречие «Lastly» – «наконец, наконец-то» задает эмоциональный тон предложению: «Наконец было сделано то, что должно было быть сделано давно, что давно собирался кто-то сделать» с оттенком смысла удовлетворения от все-таки сделанной работы;

– общий смысл предложения: главный герой с удовлетворением закончил разбирать старые записи и раскладывать книги, в процессе чего заметил на страницах отпечатки пальцев, которые напомнили ему об определенных событиях или состояниях из прошлого.

– Sentence X = «Lastly» + Action1 + Action2 + fingerprints of memory = Memory (fingerprinting).

Проанализируем предложение из публицистического произведения «Nothing ever dies» [3], которое можно условно назвать «предложение Y»:

«*I think my concepts of what constitutes memory have changed over the years, from thinking of memory as something concrete to something so malleable*» [3, с. 233].

– Повествователь: сам автор, от первого лица;

– лексика: нейтральная, дескриптивная;

– синтаксический состав предложения – нормальный, осложненный причастным оборотом «from thinking of memory as something concrete to something so malleable», смысл которого базируется на прямом значении слов, входящих в его состав;

– общий смысл высказывания: отношение автора к тому, что называется словом «память», с годами изменилось от представления чего-то прочного (как бетон – concrete) до понимания памяти как чего-то пластичного и податливого (как железо).

– Sentence Y = «I» + Action + Concept of memory + Change = Memory (malleable).

Проанализировав типичные для автора предложения из разных по стилю произведений, мы получили условное равенство смыслов, заключенных автором в содержании этих предложений: Memory (fingerprinting) = Memory (malleable) → Sentence X = Sentence Y. Это, на наш взгляд, свидетельствует о близком контекстуально-тематическом содержании и концептуально-смысловом наполнении предложений, которое достигается автором различными художественными средствами.

Текстовое содержание произведений является целостным в каждом отдельном случае, но в то же время содержит элементы кросс-жанровости, реализованные в некоторых дескриптивных отрывках в тексте «Nothing ever dies» [3] и исторически, географически и информационно точными частями в содержании «The Sympathizer» [1]. Подобное смешение стилей также было отмечено, например, в статье «Тексты о пожилom человеке в региональном медийном пространстве», в которой авторы Л. О. Бутакова и А. И. Викулова отмечают, что «...журналистский интернет-дискурс о пожилom человеке реализует широко распространенную медийную тенденцию жанровой диффузии» [14, с. 8]. Также, Е. С. Степанова в статье «Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса» сообщает, что «При создании научно-популярного медицинского текста учитывается культурологический опыт языковой личности, что ведет к усилению информативного изложения с использованием художественных средств. Отсюда текст изобилует метафорическими средствами, эпитетами, сравнениями, что позволяет представить медицинское знание с неожиданной перспективой» [15, с. 95].

Следующий отрывок из философско-публицистического произведения Вьет Тан Нгуена «Nothing ever dies» [3] написан, по нашему мнению, в художественном стиле. Он отличается описанием эмоционально-чувственной стороны взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Подобное описание визита в пещеру вполне могло появиться на страницах художественного произведения «The Sympathizer» [1]. Приведем весь отрывок и снабдим его переводом для наглядности.

«I made my way to where light met its opposite and I looked into the darkness. What had it been like with hundreds of people, the noise and the stench, the dimness and the terror? What was in the void now? I stood on the side of presence, facing an absence where the past lived, populated with ghosts, real or imagined, and in that moment I was afraid.

Then I heard the laughter. The girls stood on the cave's mouth, profiles outlined by sunlight, making

sure the shadows did not touch even their toes. Turning my back on all that remained unseen behind me, I walked toward their silhouettes» [3, с. 188–189].

«Я отправился туда, где свет встречается со своей противоположностью, и заглянул в самую темноту. Что чувствовали сотни людей тогда, находясь в этом шумном и зловонном месте, в котором царила темнота и страх? Что теперь в этой пустоте? Я стоял в непосредственной близости от глубины пещеры и пустоты, в которой, казалось, продолжалась жизнь прошлого, населенная призраками, живыми или вымышленными, и в этот момент мне стало страшно.

Затем я услышал смех. Девушки стояли у устья пещеры, а контуры их фигур были очерчены солнечным светом; они расположились так, чтобы тень не могла дотронуться даже до кончиков их пальцев. Обернувшись еще раз на все, что осталось в пустоте позади меня, я пошел в направлении силуэтов к выходу».

Мы считаем, что лексика, которую использовал автор в приведенном отрывке, отличается особой дескриптивностью: автор применяет непрямой метод характеристики, акцентирует внимание читателя на деталях эмоционально-чувственного восприятия действующего лица. В отрывке упоминаются три действующих лица: сам автор, девушки у устья пещеры и призраки «живые или вымышленные». Внесение в повествование такого персонажа, как «призрак», способствует приданию тексту некоторой дополнительной художественной выразительности описываемого действия и ситуации.

В то же время необходимо отметить, что «призраки» частотно входят в дискурс автора в публицистике «Nothing ever dies» [3]. Под «призраками» Вьет Тан Нгуен понимает всех погибших во время Вьетнамской войны, а в особенности погибших в тюрьмах и лагерях, которые лежат в местах массовых захоронений. «I did not feel **ghosts** at Vieng Xai but I did on my way to those caves...» [3, с. 187].

Информатизм художественного произведения «The Sympathizer» [1] заключается главным образом в том, что этот военно-исторический роман имеет в своей основе исторические факты, связанные с историей Вьетнамской войны. Историзм проявляется в выражениях, репрезентирующих достоверные географические, социально-политические и военно-исторические реалии, таких, например, как: «We could not believe that **Da Nang** and **Nha Trang** had fallen...» [1, с. 3]; «For several days I worked and reworked the list while the defenders of **Xuan Loc** were annihilated and, across our border, **Phnom Penh** fell to the **Khmer Rouge**» [1, с. 9]; «**Karl Marx**, **V. I. Lenin** and **Chairman Mao**» [1, с. 2]; «**Nikolay Chernyshevsky** actually came up with the question in his novel of the same title...» [1, с. 3];

«...and this time we heard the distinct bark of the AK-47 along with the M-16» [1, с. 47]; «...A few nights later, our ex-president secretly fled for Taiwan» [1, с. 9].

Заключение

Смысловая доминанта «memory» внутри смыслового поля «love – life – war – memory – sensation», обнаруженная нами ранее в «The Sympathizer» остается таковой и в публицистике «Nothing ever dies». Анализ публицистического произведения «Nothing ever dies» подтвердил сохраняющуюся актуальность доминантного концепта «memory», значимого концепта «power», а также позволил нам выделить и описать свойства концептов-регулятивов «ethics» и «dual».

Итак, на наш взгляд, необходимо внести ясность в ключевые положения исследования на данном этапе:

- произведения одного автора «The Sympathizer» и «Nothing ever dies» сравнимы и сопоставимы; они демонстрируют идентичность основных концептуально значимых смыслов, разделяемых автором этих произведений и сообщаемых адресату;

- языковое сознание автора выступает в качестве смыслового ядра, которое продуцирует смыслы, выраженные в понятийно-концептуально наполненном содержании, представленном художественным или философско-публицистическим нарративом;

- набор значимых концептов, найденных в одном произведении, однороден набору концептов в другом произведении, что также свидетельствует о

наличии единого смыслового центра. Концептуальное поле «love – life – war – memory – sensation», содержащееся в «The Sympathizer», также присутствует и в содержании «Nothing ever dies»;

- стилистический, синтаксический, концептуальный и компонентный анализ двух текстов позволил выделить, ранее не отмеченные нами функциональные концепты-регулятивы «ethics» и «dual», реализуемые в речи в связках с другими концептами, демонстрирующими большую субстанциональность, но меньшую функциональность, такими как «memory» и «power»;

- двойственность концепта «memory» не является внутренним атрибутом этого концепта, а возникает под влиянием концепта-регулятива «dual». Это же справедливо для других субстанциональных концептов, таких как «power»;

- концепт-регулятив «ethics» является операционным концептом, связывающимся через собственный оценочный компонент «moral» с другими концептами, такими как «war», «peace», «justice» и другими;

- текстовое содержание произведений является целостным в каждом отдельном случае, но содержит элементы кросс-жанровости, представленные некоторыми дескриптивными отрывками в «Nothing ever dies» и исторически-информационно точными частями в «The Sympathizer»;

- авторское сознание, выступая в качестве целостного смыслового ядра, и доказанная нами кросс-жанровость двух произведений наводят нас на предположение о совместимости и взаимодополняемости двух произведений по принципу Puzzle.

Список литературы

1. Viet Thanh Nguyen. The Sympathizer. New York: Grove Press, 2015. 370 p.
2. Стариченко В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. 811 с.
3. Viet Thanh Nguyen. Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2016. 374 p.
4. Кузнецов В. Г. Словарь философских терминов. М.: Инфра-М, 2005. 731 с.
5. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
6. Асратян З. Д. Эстетическая информация художественного текста и ее концептуализирующая роль // Наука о человеке. 2016. № 24. С. 10.
7. Jimmy H. M. van Rijt, Peter J. F. de Swart, Astrid Wijnands, Peter-Arno J. M. Coppen. Linguistics and education. 2019, August. Vol. 52. P. 78–88.
8. Мячин К. А. Синтаксические особенности ритмической организации микротекста и модальность его восприятия (на материале произведения Вьет Тан Нгуена «The Sympathizer») // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 44–51.
9. Google Переводчик. URL: <https://translate.google.kz> (дата обращения: 24.08.2019).
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа. Языки русской культуры, 1997. 824 с.
11. Pinker Steven. The Language Instinct. Perennial, 2000. P. 502.
12. Linell Per. Language Sciences. Vol. 40, November 2013. P. 168–173.
13. Finch Geoffrey. Key concepts in language and linguistics. Palgrave. Macmillan, 2005. 249 с.
14. Бутакова Л. О., Викулова А. И. Тексты о пожилom человеке в региональном медийном пространстве // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 5 (202). С. 7–15. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.

15. Степанова Е. С. Лингвокогнитивные особенности научно-популярного медицинского дискурса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 4 (201). С. 95–101. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-95-101.

Мячин Константин Александрович, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 664077), старший преподаватель, Северо-Казахстанский государственный университет им. академика М. Козыбаева (ул. Пушкина, 86, Петропавловск, Республика Казахстан, 150000).
E-mail: konstmyal@mail.ru

Материал поступил в редакцию 19.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-54-63

CONCEPTS “ETHICS”, “MEMORY” AND “POWER” IN CROSS-GENRE COMPARATIVE ANALYSIS (BASED ON THE WORKS OF VIET THANH NGUYEN “NOTHING EVER DIES” AND “THE SYMPATHIZER”)

К. А. Мячин

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Introduction. In this article we attempted to analyze the textual material of two multi-genre works written by one author. Our attention was drawn to the mechanisms of actualization of meaning at the level of words, phrases and sentences. In the course of our analysis, we also identified concepts that are significant for the author and described the role of concept-regulators in the formation of meaning represented in fiction and publicistic texts.

Purpose of the study. Our purpose is to analyze the textual material of two multi-genre works of literature and prove that certain set of relevant meanings, represented by the concepts “ethics”, “memory” and “power” within the text of a publicistic work, will also be present in the conceptual-semantic content of the work of fiction by the same author.

Material and methods. We have used the following methods: conceptual and structural analysis of the text, stylistic analysis of the text, associative-semantic interpretation of the text in the context of communicative and anthropocentric paradigms; morphological, lexical and syntactic analysis of the text with allocation of its separate levels represented by a word and an utterance. Works of Viet Thanh Nguyen “The Sympathizer” and “Nothing Ever Dies” with a total volume of 727 pages is the material of the research.

Results and discussion. The study confirmed the suppositional hypothesis. The semantic dominant “memory” inside the semantic field “love – life – war – memory – sensation”, which we discovered earlier in the analysis of the “The Sympathizer”, remains analogous in the publicistic work “Nothing Ever Dies”. The analysis of the work “Nothing Ever Dies” confirmed the remaining actuality of the dominant concept “memory”, the significant concept “power” and also allowed us to highlight and describe the properties of the concept-regulators “ethics” and “dual”.

Conclusion. The stylistic, syntactic, conceptual and structural analysis of the two texts allowed us to single out previously unnoticed functional concepts-regulators “ethics” and “dual” implemented in speech in conjunction with other concepts that demonstrate greater substantiality, but less functionality, such as “memory” and “power”. The duality of the concept “memory” is not an internal attribute of this concept, but arises under the influence of the concept-regulatory “dual”. The same is true for other substantial concepts, such as, for example, “power”.

Keywords: *concept, concept-regulator, multi-genre works, publicistic work, discourse, transmission of meaning.*

References

1. Viet Thanh Nguyen. *The Sympathizer*. New York, Grove Press, 2015. 370 p.
2. Starichenok V. D. *Bol'shoy lingvisticheskiy slovar'* [Great linguistic dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 811 p. (in Russian).
3. Viet Thanh Nguyen. *Nothing Ever Dies. Vietnam and the Memory of War*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London, England, 2016. 374 p.
4. Kuznetsov V. G. *Slovar' filosofskikh terminov* [Dictionary of philosophical terms]. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 731 p. (in Russian).
5. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ya. V., Grabarova E. V. *Inaya mental'nost'* [Different mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 352 p. (in Russian).
6. Asratyan Z. D. *Esteticheskaya informatsiya khudozhestvennogo teksta i yeye kontseptualiziruyushchaya rol'* [Aesthetic information of imaginative literature and its conceptualizing function]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Research*, 2016, no. 24, pp. 10–17 (in Russian). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.10.
7. Van Rit J., de Swart P., Wijnands A., Coppen P.-A. When students tackle grammatical problems: Exploring linguistic reasoning with linguistic metaconcepts in L1 grammar education. *Linguistics and Education*, 2019, vol. 52, pp. 78–88.
8. Myachin K. A. *Sintaksicheskiye osobennosti ritmicheskoy organizatsii mikroteksta i modal'nost' yego vospriyatiya (na materiale proizvedeniya V'et Tan Nguena The Sympathizer)* [Syntactic peculiarities of rhythmic organization of microtext and modality of its perception (on the material of

- Viet Thanh Nguyen's The Sympathyzer]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya – The Science of Person: Humanitarian Research*, 2019, no. 1 (35), pp. 44–51 (in Russian).
9. Google Perevodchik [Google translate]. URL: <https://translate.google.kz> [www.translate.google.com] (accessed 24 August 2019).
 10. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 824 p. (in Russian).
 11. Pinker Steven. *The Language Instinct*. Perennial, 2000. 502 p.
 12. Linell Per. *Language Sciences*. November 2013, volume 40, pp. 168–173.
 13. Finch G. Key concepts in language and linguistics. Palgrave. Macmillan. 2005. 249 p.
 14. Butakova L. O., Vikulova A. I. Teksty o pozhilom cheloveke v regional'nom mediynom prostranstve [Texts about an elderly person in the regional media space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 5 (202), pp. 7–15 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.
 15. Stepanova E. S. Lingvokognitivnyye osobennosti nauchno-populyarnogo meditsinskogo diskursa [Linguocognitive peculiarities of the scientific and popular medical discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 4 (201), pp. 95–101 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-7-15.

Myachin K. A., Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).
E-mail: konstmya1@mail.ru

УДК 81'25:165.194

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-64-71

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОГНИТИВНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ТОЧКИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Е. В. Чистова

Сибирский федеральный университет, Красноярск

Введение. Объектом исследования выступают теоретические концепции и подходы к изучению когнитивной деятельности переводчика, характерные для русскоязычной научной литературы. Цель статьи заключается в описании предметного поля когнитивного переводоведения как активно развивающегося научного направления. Первые предпосылки становления когнитивной парадигмы в отечественном переводоведении наблюдаются в 1970–1980-х гг., а к началу 2000-х гг. формируется когнитивная теория перевода с собственными целями, задачами, объектом и предметом. В 2010 г. в научный обиход входит номинация «когнитивное переводоведение», призванная обозначить самостоятельную научную дисциплину, имеющую интегративный характер и обладающую высокой степенью междисциплинарности и богатым объяснительным потенциалом.

Материал и методы. Выделяют два основных вектора когнитивных исследований в переводе: текстоцентрический и процессуально ориентированный. В рамках транслатологии текста объектом выступают форматы знания (фреймы, концепты, сценарии и т. д.), используемые переводчиком для структурирования информации исходного и переведенного текстов, а в контексте процессуальной транслатологии изучаются мыслительные процессы, протекающие в «черном ящике» переводчика. Для этой цели используется разнообразный материал, формирующий переводческий дискурс. Мыслительные операции переводчиков анализируются с двух методологических позиций: как объект, поддающийся формализации, либо как творческий синергетический процесс, не поддающийся никакой систематизации.

Результаты и обсуждение. Выявлено три ракурса рассмотрения субъектов переводческой деятельности. Первый сфокусирован на метакогнитивной деятельности переводчика и исследуется в рамках переводческого дискурса. Вторым ориентирован на изучение механизма соотнесения когнитивных программ переводчика текста и его автора. Третий рассматривает интерактивный переводческий процесс в триаде «автор – переводчик – читатель».

Заключение. Результаты работы переводоведов-когнитологов имеют высокую теоретическую значимость и активно используются в разработках искусственного интеллекта, усовершенствовании автоматизированного перевода, познании феномена лингвокреативности и введении инновационных подходов в лингводидактику перевода.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, теория перевода, научный дискурс, проблемное поле.

Введение

Предметом научных дискуссий в последнее десятилетие все чаще становятся свойства когниции в переводческой деятельности. Это связано не только с возросшим интересом к изучению когнитивных механизмов в языке, но и с поиском новых исследовательских траекторий для получения более объективных научных результатов. Стало очевидно, что лингвистическая теория перевода имеет ограниченный исследовательский ресурс, а инструментальные методики интерпретативной теории перевода не позволяют найти ответы на вопросы, связанные с мыслительными операциями переводчика. Возникновение когнитивного переводоведения (КП) стало своего рода реакцией научного сообщества на вызовы времени. Основными преимуществами КП являются 1) междисциплинарность; 2) методологическое «донорство» за счет активного использования инструментария когнитивной науки; 3) высокий объяснительный потенциал; 4) объективный, позитивистский взгляд на результаты переводческой деятельности.

В отечественной научной литературе 2000-х гг. число публикаций, выполненных в русле КП, заметно растет. Его предметное поле становится настолько обширным, что требует систематизации и аналитической обработки. На данном этапе развития направления назрела необходимость в подготовке теоретического обзора имеющихся исследований, установлении лакунарных зон и выявлении перспектив развития отечественного КП. Таким образом, целью данной статьи является описание предметного поля КП в русскоязычном научном пространстве. В круг задач входит: 1) охарактеризовать КП как самостоятельное научное направление, 2) описать ключевые векторы развития КП, 3) обозначить дискуссионные аспекты КП.

Материал и методы

В работе использовались следующие методы: 1) метод структуризации проблемного поля при сборе и систематизации информации о существующих проблемах КП, описанных в научной литературе на русском языке; 2) концептуально-сопо-

ставительный обзор научной литературы при выявлении ключевых векторов развития КП в России; 3) описательный метод при изложении полученных результатов.

Результаты и обсуждение ***Когнитивное переводоведение как самостоятельное научное направление***

Когнитивная лингвистика и современная теория перевода имеют тесные и противоречивые отношения, приведшие тем не менее к развитию нового отдельного научного направления. В отечественной лингвистике на протяжении нескольких десятилетий не было компактного и благозвучного термина, номинирующего данное научное направление. В литературе бытовали такие описательные номинации, как *когнитивная модель перевода* [1], *общая когнитивная теория перевода* [2], *когнитивно ориентированная транслатология* [3], *когнитивный подход в переводоведении* [4] и т. д.

Вопрос о наиболее предпочтительном и унифицированном варианте обозначения нового развивающегося научного направления подробно рассмотрен в коллективной монографии «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация» [5]. Посредством историко-этимологического анализа и оценочно-критического обзора имеющихся в научной литературе предтерминов авторами предложен наиболее компактный и адекватный русскоязычный термин – «когнитивное переводоведение». На эвристическую эффективность выбранной номинации указывает ее активное употребление в статьях и монографиях, а также названиях секций в рамках международных конференций [6, 7].

Предметное поле КП находится в точке пересечения исследовательских фокусов дисциплин естественно-научного цикла (когнитивная психология, нейрофизиология, нейропсихология и эргопсихометрия) и гуманитарного блока (когнитивистика, теория перевода, психолингвистика, лингвокультурология, лингвосемиотика, лингводидактика). Главной целью КП является «изучение проблем соотношения протекающих в теле и мозге человека когнитивных процессов и продуцируемых переводческих решений, роли языковой личности переводчика как субъекта познания в декодировании исходного текста и воспроизведении текста перевода, а также переводческих закономерностей, устанавливаемых с помощью методологического арсенала когнитивных наук» [8, с. 412].

В предметное поле когнитивного переводоведения так или иначе оказываются вовлечены языковеды, переводоведы, когнитологи, педагоги, нейролингвисты, терминологи, программисты, социологи, психологи, ученые, работающие в области компьютерной лингвистики, корпусной лингвисти-

ки и т. д. Передача и систематизация информации, обмен мнениями и опытом, научные дискуссии, оценивание и критика осуществляются по двум основным каналам: письменно (посредством научных статей, монографий, учебных пособий и т. п.) и устно (во время конференций, конгрессов, форумов и т. д.).

В связи с выделением когнитивного переводоведения в отдельное научное направление закономерно встает непростой вопрос об идентификации его предмета изучения. Очевидно, что предмет КП каждый раз будет определяться в зависимости от вида перевода (устный, письменный, последовательный, синхронный, шушутаж, перевод с листа и др.), субъектов переводческого процесса (автор, переводчик, читатель, билингвы v.s. профессиональные/непрофессиональные переводчики, студенты) и тематической направленности текста (художественный, научно-технический, официально-деловой и т. д.).

Ключевые векторы развития КП

Концептуально-сопоставительный обзор научной литературы показал, что отечественное когнитивное переводоведение развивается в двух глобальных направлениях: текстоцентрическом (транслатология текста) и процессуально ориентированном (процессуальная транслатология).

В рамках транслатологии текста материалом исследования выступает вербальный линейный текст, а объектом исследования является ментальная модель текста оригинала (в противовес языковым средствам структурной лингвистики). Усилия ученых в этой области сконцентрированы на извлечении иерархии смыслов и когнитивном моделировании текста оригинала. Основной исследовательской целью является изучение степени достижения эквивалентности и адекватности в текстах оригинала и перевода на когнитивном уровне. Текстоцентризм в данном случае не подразумевает приверженности к лингвистической теории перевода, ставящей во главу угла соответствие единицы исходного языка единице на языке перевода. Научная мысль здесь продвигается в русле герменевтической транслатологии, где материалом исследования по-прежнему выступают исходные и переведенные тексты, но объектом – форматы знания, призванные структурировать информацию (концепты, фреймы, сценарии, гештальты, концептосферы и т. д.), обнаруженные при сопоставлении этих параллельных текстов.

В обозначенном научном периметре прослеживается активное привлечение методов когнитивной лингвистики для описания переводческой деятельности: моделирование структуры фрейма в исходном и переведенном текстах; выявление

тенденций симметричной/асимметричной передачи номинативных полей концептов, составляющих фрейм; их сопоставление и установление степени искажения когнитивно-коммуникативного пространства текста при переводе. Интегрировав когнитивную и переводоведческую методологии, ученые значительно продвинулись в понимании ментальных моделей исходных текстов, выстраиваемых переводчиками, а также в выявлении переводческих неудач и выработке инновационных переводческих стратегий.

С помощью методов когнитивной лингвистики критическому переосмыслению подверглись и основные переводоведческие термины. Если в лингвистической теории за единицу перевода принималась минимальная единица исходного текста, имеющая эквивалент в тексте перевода, то в когнитивном переводе – это единица ориентирования [9], фрейм [10], образ-гештальт текста [11], концепт [12]. Причем в некоторых работах концепт принимается за единицу перевода [12], а в других интерпретируется как логико-лингвистическая категория [3].

В контексте процессуальной транслатологии ментальные модели текста в качестве объекта исследования сменяются ментальными процессами, происходящими в мозге переводчика во время профессиональной деятельности. Материал исследования в данном случае включает в себя не только текст перевода, но и критическую литературу о переводе, художественные произведения и фильмы, затрагивающие проблемы деятельности переводчика, интервью переводчиков, их мемуары, предисловия и послесловия, ссылки и сноски к текстам, переводческие комментарии, профессиональные блоги, чаты, страницы социальных сетей, форумы и т. д. Работы ученых посвящены изучению глубинной природы процесса перевода, выявлению его механизмов, описанию закономерностей, осуществлению моделирования. Механизм перевода исследуется на этапах восприятия, понимания, анализа текста оригинала, перевыражения и особенностей формулирования текста перевода.

Первые попытки изучения особенностей переводческого процесса в отечественном переводе наблюдаются в работах В. Н. Комиссарова, В. Н. Крупнова, В. И. Хайруллина, Л. А. Черняховской, А. Ф. Ширяева и т. д. В своих ранних работах В. Н. Комиссаров рассматривает перевод как линейно развивающийся процесс [13], однако в поздних трудах уже прослеживаются идеи о рекуррентном и более сложном течении мыслительных процессов переводчика [14]. Л. А. Черняховская подчеркивает антропоцентричность переводческой деятельности и особым образом выделяет переводчика как языковую личность, владеющую необхо-

димыми для осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации языками и выполняющую основную функцию в процессе передачи информации [15]. В. Н. Крупнов указывает на актуальность и значимость описания переводческих действий с целью выявления общих механизмов, характерных для поисково-информационной сферы в целом [16].

Значительное количество работ в русле КП посвящено выработке инновационных моделей перевода: лингвоментальная модель процесса перевода [17], гештальт-синергетическая модель перевода [11], когнитивная модель переводческого процесса [2], прототипическая модель перевода [18], когнитивно-эвристическая модель перевода [12], когнитивно-матричная модель перевода [19].

Анализ библиографических источников позволяет идентифицировать два ключевых подхода к изучению механизма переводческого процесса – формализованный и произвольный. В рамках формализованного подхода ученые стремятся упорядочить ментальные операции переводчика, обозначить общие закономерности, привести в систему, выделить универсальные стратегии, изучить прототипические приемы. Полученные результаты активно применяются в лингводидактике перевода¹, а также в разработке формального аппарата описания переводческой деятельности (см. эвристические схемы [20], логические формулы [2], типы когнитивных модуляций [21]).

Альтернативный подход вытекает из междисциплинарных исследований когнитивистики, теории перевода и синергетики. По мнению И. Н. Ремхе, «чем глубже наука пробирается в недра мыслительных процессов и познавательных структур, тем меньше видится возможностей для их формализации» [19, с. 397]. Если в лингвистической теории перевода последний рассматривается как постепенный процесс преобразования исходного текста в текст перевода в соответствии с разнообразными моделями и с применением различных трансформаций, то в КП перевод – это межъязыковой и межкультурный динамический многоэтапный процесс эвристической речемыслительной деятельности нелинейной конфигурации (на каждом этапе текстопорождения допускается возврат к предыдущему), протекающий в сознании переводчика.

В противовес шаблонному оперированию традиционными стратегиями в переводе произвольный подход открывает горизонты эвристичности переводческих действий и лингвокреативности переводческих решений. Варианты интерпретации

¹ В данной статье мы не затрагиваем область дидактики перевода, так как обзор этой темы заслуживает отдельного рассмотрения.

смысла оригинала и версии его передачи на язык перевода исследуются исходя из гипотезы о наличии интуитивных и творческих навыков переводчика, не поддающихся формализации [22]. Несмотря на стремление ученых все же сконструировать универсальную логическую модель процесса перевода [23–25], данный подход, делая ставку на уникальные познавательные структуры человеческого мышления и творческую составляющую переводческой деятельности, оставляет надежду на невозможность имитации работы человеческого мозга, лишая реалистичности идею замены переводчика-человека компьютером.

***Ракурсы рассмотрения субъекта
переводческой деятельности с позиции
когнитивного переводоведения***

Когнитивное переводоведение, как и лингвистика в целом, характеризуется антропоцентризмом и повышенным интересом к переводящей личности. Выделение и трактовка роли субъекта переводческой деятельности является одной из ключевых точек предметного поля КП. В ходе аналитической обработки имеющихся исследований в русле КП установлено существование трех прототипических ракурсов рассмотрения субъектов переводческой деятельности: 1) переводчик как субъект познания, 2) переводчик vs автор, 3) переводчик vs читатель.

В первом случае в центре внимания оказывается саморефлексия переводчика: он переосмысливает свою работу, пытается объяснить принятые решения, фиксирует рекомендации по усовершенствованию собственного мастерства. Так, в контексте деятельностной парадигмы объектом исследования становится метакогнитивная деятельность переводчика [26–28]. В рамках же когнитивно-дискурсивного переводоведения ученые обращаются к понятию переводческого дискурса – «вербального представления <...переводческой мысли...> в результате работы над конкретными произведениями коммуникации» [2, с. 6]. Основной единицей переводческого дискурса является «линейное отклонение или рассуждение переводчика о контексте явления языка или культуры, завершающееся принятием переводческого решения» [2, с. 6]. Переводческий дискурс представляет собой дискурс экспертного сообщества, когда его участниками являются члены дискурсивного сообщества переводчиков [29, с. 5]. Такого рода исследования способствуют «рассекретчиванию» мыслительных процессов переводчика в ходе декодирования воспринимаемого текста и кодирования порождаемого текста, помогают понять выбор когнитивных стратегий и интеллектуальных операций, способствующих достижению эквивалентности при переводе.

С целью изучения действий переводчика используются методы воспроизведения и ретроспекции – самооценивание, эксплицирующее мыслительный процесс принятия переводческих решений и последующий анализ их эффективности – и метод озвучивания процессов мышления «стенограмм процессов мышления». Данные методы ориентированы на распознавание переводческих стратегий и их ратификацию самими их субъектами – переводчиками. Данные, полученные таким способом, позволяют идентифицировать и классифицировать переводческие ошибки.

Ключевым концептом при анализе метакогнитивной деятельности исполнителя перевода выступает когнитивный диссонанс – явление, возникающее как «следствие осознания переводчиком различий между текстами исходного языка и языка перевода, которые не удается преодолеть в процессе движения к тождеству» [2, с. 4]. Иными словами, речь идет о переводческом дискурсе, в котором «переводчик не ставит свои знания выше или на равных со знаниями адресата, а открыто признает, что его знаний, его тезауруса недостаточно, чтобы найти наиболее адекватный вариант перевода» [29, с. 19]. Уровень когнитивного диссонанса определяет степень профессионализма переводчика. На начальных этапах формирования переводческой компетенции когнитивный диссонанс осознается как «ограниченное понимание дискурса». Следующей стадией дидактической эволюции является осознание ограничений в выборе средств языка перевода, необходимых для выполнения интенций переводческой деятельности по совокупным параметрам дискурсов исходного языка и языка перевода. На более продвинутом уровне благодаря когнитивному диссонансу реализуется эвристический потенциал переводчика, и процесс перевода становится более творческим, однако не менее мучительным. Без постоянного когнитивного диссонанса практически невозможен профессиональный рост практикующего переводчика [2, с. 33–38].

Восприятие перевода как интерактивного процесса позволяет выделить второй ракурс рассмотрения субъектных отношений – отношений переводчика и автора исходного текста. Как известно, переводческое прочтение оригинала – это подлинная герменевтическая деятельность, поэтому реконструкция ментальной структуры текста оригинала в сознании его автора позволяет переводчику погрузиться в когнитивное пространство последнего, расширить горизонты понимания авторского замысла, стать интерпретатором или своего рода «квази(со)автором текста» [30, с. 789]. Исследовательская цель таких научных работ заключается в осмыслении механизмов сопряжения

когнитивного пространства автора и переводчика в процессе концептуализации действительности и формирования продукта перевода [3]. Переводчик выступает как интерпретатор концептуальной программы, заложенной автором исходного текста, и как соавтор концептуальной программы в тексте перевода.

На основании того, что переводчик, с одной стороны, выступает медиатором между автором и реципиентом текста, а с другой – именно реципиент является реальным субъектом оценки качества перевода, возникает третий возможный ракурс рассмотрения субъектных отношений в переводческой деятельности, а именно триада «автор – переводчик – читатель». Все эти участники интерактивного переводческого процесса являются неотъемлемыми, однако «неравноположенными и неравноценными по степени их ролевого участия и силе воздействия» частями единого когнитивного события, а именно совокупности ментальных операций по «манифестации, предпониманию/пониманию и интерпретации оригинала и созданию исходной базы для порождения итогового текста перевода» определенного произведения [31, с. 457]. Поскольку реципиент выступает «целевым читателем», то его позиция в обозначенной триаде – самая сильная [31, с. 467–468]. Несмотря на то что он читает и интерпретирует перевод как вторичный текст, именно его мнение и впечатления учитываются при оценке качества полученного продукта перевода. Искажения при переводе вызваны не только национальными особенностями исходного текста, но и индивидуальным восприятием на базе когнитивных структур языковой личности переводчика. Выступая в роли посредника, переводчик должен свободно ориентироваться в пространстве дискурсивно-когнитивной базы автора [32].

Кроме того, переводчика наравне с редактором и критиком перевода рассматривают также и как «профессионального читателя». Считается, что прежде чем перевод дойдет до читателя, не владеющего языком оригинала, с произведением знакомятся наиболее внимательные, вдумчивые и компетентные читатели. Не исключено, что именно им, в частности, приписывается способность (по Канту) «понять автора лучше его самого» и «выявить скрытые, неизвестные или, по разным соображениям, не приведенные последовательно автором идеи» [31, с. 467].

Заключение

Как и всякая научная дисциплина, когнитивное переводоведение создавалось усилиями ученых многих стран. Немалая заслуга в этой области принадлежит и отечественной науке. Первые предпосылки становления когнитивной парадигмы в отечественном переводоведении наблюдаются в работах В. Н. Комиссарова, В. Н. Крупнова, В. И. Хайруллина, М. Я. Цвиллинга, Л. А. Черняховской, А. Ф. Ширяева и др. (1970–1980). С появлением диссертационных исследований Г. Д. Воскобойника, Л. В. Кушиной, А. Г. Минченкова, Е. А. Огневой, Т. А. Фесенко и др. в начале 2000-х гг. начинается формироваться когнитивная теория перевода с собственными целями, задачами, объектом и предметом. Десятью годами позже в научный обиход входит номинация самостоятельной интегративной дисциплины – КП.

Появившаяся за последние полвека литература, посвященная изучению свойств когниции в переводческой деятельности, настолько многочисленна и разнообразна, что с трудом поддается систематизации. Осмысление и анализ существующих в рамках КП различных теоретических концепций и моделей переводческого процесса является насущной задачей, стоящей перед переводоведами-когнитологами. В связи с этим описание предметного поля КП представляет несомненный теоретический и практический интерес.

Проведенный анализ позволил выявить два ключевых направления КП – текстоцентрическое, моделирующее формат знаний, используемый переводчиком для структурирования информации при знакомстве с исходным текстом и при создании текста перевода, и процессуально ориентированное, изучающее ментальные операции, протекающие в сознании переводчика в момент профессиональной деятельности. Процессуально ориентированные исследования в свою очередь делятся на те, что выполняются в рамках формализованного подхода к описанию механизма перевода, и те, что следуют произвольному подходу. Первый направлен на выработку закономерностей в переводческой деятельности, второй декларирует невозможность упорядочения мыслительных процессов и приведения в систему познавательных структур переводчика. Результаты работы ученых всех направлений имеют высокую теоретическую значимость и активно используются в нейролингвистике, компьютерной лингвистике и лингводидактике перевода.

Список литературы

1. Цвиллинг М. Я. Когнитивные модели и перевод // Вестн. МГЛУ. 2003. Вып. 480: Перевод как когнитивная деятельность. С. 21–25.
2. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2004. 296 с.
3. Огнева Е. А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 407 с.

4. Фурсова И. Н. Когнитивный подход в переводоведении // Чел.: Linguamovilis, 2013. С. 66–73.
5. Колмогорова А. В. «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация / ред. Е. В. Чистова. Красноярск: СФУ, 2017. 252 с.
6. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Болдырева. М.; Тамбов, 2017. Вып. XXX. С. 775–803.
7. Болдырев Н. Н. (ред.) Когнитивные исследования в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / под ред. Н. Н. Болдырева. М.; Тамбов, 2018. Вып. XXXIII. С. 710–764.
8. Чистова Е. В. Когнитивное переводоведение как интегративная область науки // Материалы X Междун. науч.-практ. конф. «Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика». 7–8 апреля 2017 г. Киев: Аграр Медиа Груп, 2017. С. 409–413.
9. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
10. Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 46 с.
11. Кушнина Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 437 с.
12. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 43 с.
13. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 210 с.
14. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: уч. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
15. Черняховская Л. А. Информационный вариант смысла текста и вариативность его языкового выражения: дис. ... д-ра филол. наук. МГПИИЯ. М., 1983. 403 с.
16. Крупнов В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 2005. 278 с.
17. Фесенко Т. А. Лингвоментальная модель процесса перевода // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 58–62.
18. Фесенко Т. А. Креативность и проблемы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1 (2). С. 49–54.
19. Ремхе И. Н. Матричное представление переводческого процесса. Синергетический подход // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 396–400.
21. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. 210 с.
21. Чистова Е. В. Типы когнитивных связей в мыслительной деятельности переводчика // VIII Международная конференция по когнитивной науке. 18–21 октября 2018 г. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 1058–1060.
22. Komissarov V. N. Intuition in Translation // Target. 1995. Vol. 7, № 2. P. 347–354.
23. Komissarov V. N. On Linguistic Basis of Creativity in Translation // Quaderni di Libri e Riviste D'Italia. 1996. № 33. P. 57–71.
24. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 443 с.
25. Убоженко И. В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. IV. С. 122–142.
26. Кашкин В. Б. Метакогнитивные исследования перевода // X Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб., 2009. Вып. X. С. 230–242.
27. Аликина Е. В. Переводчик как метаязыковая личность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-1 (34). С. 15–18.
28. Кушнина Л. В., Утилина С. Г. Метакогнитивная деятельность переводчика: лингвокогнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 376–379.
29. Дондукова Г. П. Переводческий комментарий как разновидность профессиональной речевой деятельности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 148 с.
30. Масленникова Е. М. Лингвокогнитивные особенности двуязычной текстовой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 788–791.
31. Мишкоров Э. Н. Полемиические заметки о ролевых играх в триаде «автор – переводчик – читатель» в герменевтической парадигме перевода // Русский язык в современном мире. 2013. № 1. С. 456–468.
32. Брызгалина Е. Д. Проблемы восприятия текста: читатель – переводчик // Языки. Культуры. Перевод. 2015. № 1. С. 341–348.

Чистова Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041). E-mail: kovelena82@mail.ru

Материал поступил в редакцию 08.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-64-71

COGNITIVE TRANSLATION THEORY IN RUSSIAN SCIENTIFIC DISCOURSE: KEY ASPECTS & PROSPECTS

E. V. Chistova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

The article presents a historical review of conceptual works on Cognitive Translation Theory worked out by Russian scientists. It differs from western tradition and has its own specific way of development. The first prerequisites

for the formation of a cognitive paradigm in Russian translation studies were observed in 1970–1980, and by the beginning of the 2000s. the cognitive theory of translation is formed with its own purpose, objectives, and subjects. The main trends of cognitive translation study in Russia are identified through the critical analysis. Firstly, some Russian scientists still prefer using the text-centric approach to compare a source text with a target text by methods of cognitive linguistics (concept, frame, scenario etc.). Secondly, others use a translation act as a study subject in the field of translation process. Meanwhile, western scientists are more focused on studying a translation event, which is only future-oriented in Russia. Thirdly, available Russian studies demonstrate polarized logic of formalized and arbitrary approaches to the translation process. The first is aimed at developing patterns in translation activity; the second declares the impossibility of bringing the translator's cognitive structures into the system. Fourthly, there are 3 specific interactions between the subjects of translation activity (translator as a cognition subject, translator vs author, translator vs reader). The results of translation cognitive scholars are of high theoretical significance and are actively used in the development of artificial intelligence, improving automated translation, understanding the phenomenon of linguistic creativity and introducing innovative approaches into methodology of teaching translation.

Keywords: *cognitive linguistics, cognitive translation theory, psycholinguistics, scientific discourse.*

References

1. Tsvilling M. Ya. Kognitivnyye modeli i perevod [Translation Cognitive Models]. *Vestnik MGLU*, 2003, vyp. 480: Perevod kak kognitivnaya deyatel'nost', pp. 21–25 (in Russian).
2. Voskoboynik G. D. *Lingvofilosofskie osnovaniya obshchey kognitivnoy teorii perevoda*. Dis. dokt. filol. nauk [Linguophilosophical foundations of the general cognitive theory of translation. Diss. doct. of philol. sci.]. Irkutsk, 2004. 296 p. (in Russian).
3. Ogneva E. A. *Kognitivno-sopostavitel'noye modelirovaniye kontseptosfery khudozhestvennogo teksta (na materiale perevoda russkoy prozy na frantsuzskiy i angliyskiy yazyki)*. Dis. dokt. filol. nauk [Cognitive-comparative modeling of the conceptual sphere of a literary text (based on the translation of Russian prose into French and English). Diss. doct. of philol. sci.]. Belgorod, 2009. 407 p. (in Russian).
4. Fursova I. N. Kognitivnyy podkhod v perevodovedenii [Cognitive approach to the translation studies]. *Chelovek: Lingvamovilis*, 2013. Pp. 66–73 (in Russian).
5. Kolmogorova A. V. "Rizomorphnyy klubok": kognitsiya vs kommunikatsiya ["Rhizomorphic tangle": cognition vs communication]. Ed. E. V. Chistova. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2017. 252 p. (in Russian).
6. Boldyrev N. N. Kognitivnaya lingvistika v antropotsentricheskoy paradigme issledovaniy [Cognitive linguistics in the anthropocentric research paradigm]. In: Boldyrev N. N. (Ed.) *Kognitivnyye issledovaniya yazyka: sb. nauch. tr.* [Cognitive Studies of Language: collection of scientific works]. Moscow, Tambov, 2017. Vol. XXX. Pp. 775–803 (in Russian).
7. Boldyrev N. N. (Ed.) *Kognitivnyye issledovaniya v gumanitarnykh naukakh* [Cognitive Studies in the Humanities]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka: sb. nauch. tr.* [Cognitive Studies of Language: collection of scientific works]. Moscow, Tambov, 2018. Vol. XXXIII. Pp. 710–764 (in Russian).
8. Chistova E. V. Kognitivnoye perevodovedeniye kak integrativnaya oblast' nauki [Cognitive translation studies as an integrative branch of science]. *Materialy X Mezhdun. nauch.-prakt. konf. "Spetsial'nyy i khudozhestvennyy perevod: teoriya, metodologiya, praktika". 7–8 aprelya 2017 g.* [Proceedings of the International Conference "General and Specialist Translation: Theory, Methods, Practice", April, 7–8, 2017]. Kyiv, AgrarMedia Grup Publ., 2017. Pp. 409–413 (in Russian).
9. Garbovskiy N. K. *Teoriya perevoda* [Translation Theory]. Moscow, Moscow University Publ., 2007. 544 p. (in Russian).
10. Khayrullin V. I. *Lingvokul'turologicheskiye i kognitivnyye aspekty perevoda*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Linguoculturological and cognitive aspects of translation. Abstract of thesis of doct. of philol. sci.]. Moscow, 1995. 46 p. (in Russian).
11. Kushnina L. V. *Vzaimodeystviye yazykov i kul'tur v perevodcheskom prostranstve: geshtal't-sinergeticheskiy podkhod*. Dis. dokt. filol. nauk [The interaction of languages and cultures in the translation space: a gestalt-synergetic approach. Diss. of doct. of philol. sci.]. Chelyabinsk, 2004. 437 p. (in Russian).
12. Minchenkov A. G. *Kognitivno-evristicheskaya model' perevoda: na materiale angliyskogo yazyka*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Cognitive-heuristic interpretation model: on the material of the English language. Abstract of thesis doct. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2008. 43 p. (in Russian).
13. Komissarov V. N. *Slovo o perevode* [Translation Considerations]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1973. 210 p. (in Russian).
14. Komissarov V. N. *Sovremennoye perevodovedeniye: uch. posobiye* [Modern Translation Studies: tutorial]. Moscow, ETS Publ., 2002. 424 p. (in Russian).
15. Chernyakhovskaya L. A. *Informatsionnyy variant smysla teksta i variativnost' ego yazykovogo vyrazheniya*. Dis. dokt. filol. nauk [An informational version of the text meaning and the variability of its linguistic expression. Diss. doct. of philol. sci.]. Moscow, 1983. 403 p. (in Russian).
16. Krupnov V. N. *Praktikum po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy* [Workshop on translation from English into Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 278 p. (in Russian).
17. Fesenko T. A. *Lingvomental'naya model' protsessa perevoda* [Linguistic model of the translation process]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2001. Pp. 58–62 (in Russian).
18. Fesenko T. A. *Kreativnost' i problemy perevoda* [Creativity & Translation Problems]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2005, no. 1 (2), pp. 49–54 (in Russian).
19. Remkhe I. N. *Matrichnoye predstavleniye o perevodcheskom protsesse. Sinergeticheskiy podkhod* [Matrix Mapping of the Translation Process. Synergetic Approach]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2016, vol. XXVI, pp. 396–400 (in Russian).

20. Marchuk Yu. N. *Metody modelirovaniya perevoda* [Translation Modeling Methods]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 210 p. (in Russian).
21. Chistova E. V. Tipy kognitivnykh svyazey v myslitel'noy deyatel'nosti perevodchika [Types of cognitive relationships in the mental activity of the translator]. *VIII mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke, 18–21 oktyabrya 2018 g.* [Proceedings of the VIII International Conference on Cognitive Science, 18–21 October 2018]. Moscow, Institute of Philology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. Pp. 1058–1060 (in Russian).
22. Komissarov V. N. Intuition in Translation. *Target*, 1995, vol. 7, no. 2, pp. 347–354.
23. Komissarov V. N. On Linguistic Basis of Creativity in Translation. *Quaderni di Libri e Riviste D'Italia*, 1996, no. 33, pp. 57–71.
24. Il'in E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity and talent]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009. 443 p. (in Russian).
25. Ubozhenko I. V. O kognitivnom modelirovanii intuitsii i tvorchestva v perevode: interpretativno-semioticheskiy podkhod [On cognitive modeling of intuition and creativity in translation: interpretative and semiotic approaches]. *Vestnik SpbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistsika – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, vol. 9 (4), pp. 122–142 (in Russian).
26. Kashkin V. B. Metakognitivnyye issledovaniya perevoda [Metacognitive Translation Studies]. *Fedorovskiye chteniya. Universitetskoye perevodovedeniye* [Fedorov Reading X. University Translation Studies]. Saint-Petersburg, 2009. Vol. 10. Pp. 230–242 (in Russian).
27. Alikina E. V. Perevodchik kak metazykovaya lichnost' [Translator as Metalinguistic Personality]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2014, vol. 4-1 (34), pp. 15–18 (in Russian).
28. Kushnina L. V., Utilina S. G. Metakognitivnaya deyatel'nost' perevodchika: lingvokognitivnyy aspekt [Metacognitive activity of a translator: linguistic-cognitive aspect]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2016, vol. XXVI, pp. 376–379 (in Russian).
29. Dondukova G. P. *Perevodcheskiy kommentariy kak raznovidnost' professional'noy rechevoy deyatel'nosti*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Translation commentary as a kind of professional speech activity. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Ulan-Ude, 2013. 148 p. (in Russian).
30. Maslennikova E. M. Linguistic and Cognitive Characteristics of Bilingual Text Communication [Linguistic and cognitive features of bilingual text communication]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2017, vol. XXX, pp. 788–791 (in Russian).
31. Mishkurov E. N. Polemicheskiye zametki o rolevykh igrakh v triade "avtor – perevodchik – chitatel'" v germeneyticheskoy paradigme perevoda [Polemic notes on role-playing games in the triad "author – translator – reader" in the hermeneutical translation paradigm]. *Russkiy yazyk v sovremennom mire*, 2013, no. 1, pp. 456–468 (in Russian).
32. Bryzgalina E. D. Problemy vospriyatiya teksta: chitatel' – perevodchik [Perception Problem of Texts: Reader – Translator]. *Yazyk. Kul'tury. Perevod – Language. Culture. Translation*, 2015, vol. 1, pp. 341–348 (in Russian).

Chistova E. V. School of Philology & Language Communication of Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041). E-mail: kovelena82@mail.ru

УДК 811.161.1.37

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-72-77

ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «СТУДЕНТ», РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

З. М. Богословская, В. С. Новикова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Актуальность данной работы определяется социальной значимостью фигуры студента в развитых человеческих сообществах и неизученностью на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) соотношенного с ней концепта. *Цель исследования* – концепт «студент» является общим для разных лингвокультур цивилизованного общества и относится к академической сфере человеческой деятельности. Настоящая работа посвящается изучению актуализированных и скрытых признаков – структурно-содержательных компонентов – концепта «студент».

Материал и методы. Объект исследования – фрагменты Национального корпуса русского языка. В данной работе изучаются минимальные контексты, обычно равные предложению, развернутые контексты, как правило, совпадающие с абзацем, а также заглавия текстов 1900–1917 гг.

В исследовании рассматриваются самые типичные употребления слова в разнотипных (художественных и нехудожественных) и разножанровых текстах НКРЯ. Используются приемы описательного метода (наблюдение, классификация, интерпретация, обобщение, арифметические подсчеты) и приемы лингвоконцептуального анализа (контекстный и семантический анализ, анализ имени концепта, соотношение имени концепта с историко-культурными данными, моделирование структуры концепта, приемы корпусной лингвистики).

Результаты и обсуждение. Выявлены категориальные (качественные, событийно-временные, пространственные) и некатегориальные (биологические, антропоморфные) признаки концепта «студент». Предложены таксономическая и ядерно-периферийная модели изучаемого концепта. При построении первой модели определена связь концепта студент с суперконцептами «человек», «образование»/«учеба» («учиться», «обучаться»), «высшее учебное заведение». В ядерно-периферийной модели данного концепта, характерного для начала прошлого века, главными сложными (составными) семами являются ‘молодой мужчина’, ‘обучающийся определенное время в университете или институте’, ‘занятый преимущественно учебной деятельностью для получения той или иной профессии’. В интерпретационном поле рассматриваемого концепта расположены предположительно его социально-политические и индивидуальные признаки. Также установлено, что в лексической семантике имени концепта «студент» отсутствует коннотация. Все собственно-оценочные признаки этого слова контекстуально обусловлены.

Заключение. Данная работа предназначена для исследователей в области лексической семантики, лингвокультурологии и для обучающихся методике лингвоконцептуального анализа.

Ключевые слова: имя концепта «студент», семантические признаки, контексты, Национальный корпус русского языка.

Введение

Исследователи, учитывая критерий распространенности ментальных и лингвокультурных образований в человеческих сообществах, перечисляют следующие виды концептов: универсальный (общий для разных народов); национально-культурный, обусловленный жизнью в определенных культурных условиях; социальный, характеризующийся отнесенностью к какому-либо социальному слою; групповой, определяющийся принадлежностью к некоторой возрастной или половой группе; индивидуально-личностный, на формирование которого оказывают влияние личностные особенности (образование, воспитание, индивидуальный опыт, психофизиологические особенности) [1, с. 45].

Опираясь на философские категории, одни лингвисты называют такие семантические признаки

языковых единиц, репрезентирующих тот или иной концепт, как количественные, качественные, событийно-временные, пространственные. В свою очередь качественные признаки подразделяются ими на биологические, хозяйственно-экономические, национально-этнические, социокультурные, психические и нравственно-духовные [2, с. 23]. Другие лингвисты к категориальным признакам относят также образно-оценочные признаки. Так, М. В. Пименова категориальные признаки делит на размерные (признаки размера, объема, веса), качественные, количественные, пространственные, темпоральные, ценностно-оценочные признаки (признаки ценности: образные – это признаки имущества, (драгоценности; собственно-оценочные: общая и частная оценка (хороший/плохой), рациональная, эмоциональная, бенефактивная оценка и пр. [3, с. 96].

Среди некатегориальных семантических признаков выделяются группы признаков живой и неживой природы. К последним относятся признаки веществ, стихий, артефактов, пищи. Признаки живой природы бывают следующие: вегетативные, витальные (признаки всех живых существ), зооморфные (анималистические, орнитологические, энтомологические, ихтиологические), антропоморфные (индивидуальные: признаки характера, волеизъявления, занятий, а также эмотивные, ментальные признаки; социальные: религиозные, интерперсональные, этические признаки). Обращается внимание на то, что у заимствованных концептов и тех, что появились в концептуальной системе недавно, эти признаки развиты слабо [3, с. 96].

На материале русского языка в составе образных компонентов различных концептов Е. А. Юрина дифференцирует первичные и вторичные (ассоциативные) образы. Первые делятся на элементарные перцептивные и комбинированные. Комбинированные и вторичные образы встречаются обычно в составе фреймов [4, с. 8].

Опираясь на вышеуказанные классификации возможных признаков тех или иных концептов, выявим содержательное наполнение концепта «студент» на основе анализа его ключевого имени. Заметим, что данный концепт и, соответственно, его репрезентант появился в русской лингвокультуре значительно позже, чем коррелятивные концепты в западноевропейских лингвокультурах, а именно в XVIII в. Это обусловлено экстралингвистическим фактором: более поздним основанием российских университетов [5, с. 143]. Слово «студент» восходит к нем. *studieren* «изучать», связанного с лат. *studere* «усердно обучаться, работать».

Материал и методы

Объектом изучения в настоящей статье являются минимальные и развернутые контексты, заглавия текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), отражающие определенный временной отрезок: 1900–1917 гг. Как известно, текстовый корпус – это универсально отформатированная совокупность текстов, считающаяся представительной для некоего языка или его варианта, диалекта, регистра, жанра и т. д., и предназначенная для выполнения исследовательских и прикладных задач [6, с. 17]. С одной стороны, он является источником исследования (см., например: «корпус – сложно организованная онтология речевой деятельности, отражающая в себе все жанровое разнообразие представленного в нем рода словесности» [7]. С другой стороны, текстовый корпус – это инструмент [8, с. 195], метод [9, с. 206] исследования.

Результаты и обсуждение

Далее в основном корпусе НКРЯ, включающем художественные и нехудожественные тексты разных жанров, рассмотрены типичные словоупотребления имени концепта «студент».

В совокупности в минимальных и развернутых контекстах НКРЯ слово «студент» встречается 7 147 раз. О начале XX в. (1900–1917) сигнализируют 551 документ и 1 290 вхождений анализируемого слова.

Приведем ниже контексты с высокочастотной сочетаемостью слова «студент»:

1) *Вместе со мною подъезжает к крыльцу молодой человек, студент Б., поселившийся недалеко от Ясной Поляны* [П. А. Сергеев. Вечер в Ясной (1910)].

2) *Наш вечный студент всё с барышнями ходит* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)].

3) *Студент долго, задумчиво глядел в окно, воруя отяжелевшими от римского права мозгами* [А. Т. Аверченко. Подходцев и двое других (1917)].

4) *Вечный студент! Уже два раза увольняли из университета* [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)].

5) *На днях в Благовещенск прибыл с сестрой студент Женевского университета* [Вести (1914.07.07) // «Эхо» (Благовещенск), 1914].

6) *Вот эти три дня разговоров с Борисом Ивановичем в архиве (он историк, студент университета, работает во Всероссийском Земском Союзе, как и я, для заработка)* [О. А. Бессарабова. Дневник (1917)].

7) *Зовут меня Петр Иванович Высоколоб, 25 лет, дворянин, студент Технологического института* [А. Ф. Кони. Пропавшая серьга (Из записок и воспоминаний судебного деятеля) (1901)].

8) *Опять студент в бобровой шинели; приятное лицо* [Б. А. Садовской. Двойник (1915)].

9) *Звоняч, – поправил густым басом высокий студент Михайлыч* [Ф. Д. Крюков. Группа Б // «Русские записки», 1916].

10) *Расскажите, в чем же дело? – спросил меня с участием студент-репетитор. – По газетам я неясно понял* [Н. А. Морозов. Повести моей жизни / В тюрьмах и крепостях / Мытарства осужденного (1912)].

11) *Зарин никакой специальности еще не избирал, а был просто бойкий, франтоватый, кое-что читавший студент, склонный к романтическим похождениям юноша* [П. Д. Боборыкин. Воспоминания (1906–1913)].

12) *Дрянненький студент Трофимов красно говорит о необходимости работать и – бездельничает, от скуки развлекаясь глупым издевательством над Варей, работающей не покладая рук для благополучия бездельников* [Максим Горький. А. П. Чехов (1914)].

13) *«Выгнанный из университета за леность студент»* (Письма, I, стр. [Ю. И. Айхенвальд. Спор о Белинском. Ответ критикам (1914)]).

14) *«Это был тогда недоучившийся студент самого скромного вида и тихого тона»* [П. Д. Боборыкин. От Герцена до Толстого (1917)].

15) *«На даче опять думали пить чай, но вместо этого другой студент, веселый и простой малый, достал водки»* [М. П. Арцыбашев. Жена (1905)].

16) *«Это был Н. Утин, игравший и тогда роль вожжа, бойкий, речистый, весьма франтоватый студент»* [П. Д. Боборыкин. От Герцена до Толстого (1917)] [10].

Прежде всего в данных контекстах имеются слова, демонстрирующие соотношенность концепта «студент» с суперконцептами «человек», «образование»/«учеба» («учиться», «обучаться»), «высшее учебное заведение»: «университет», «институт».

Слово «человек» актуализируется в первом контексте, в других же контекстах содержатся слова и словосочетания, указывающие на его разные биологические, антропоморфные признаки. Наиболее яркой семой в этом плане является «мужчина». Эта сема содержится в значениях лексических единиц: «юноша», «он», «дворянин» и др.; на ее наличие указывают антропонимы «Борис Иванович», «Петр Иванович Высоколов», «Михайлыч», «Н. Утин» и др. Скрыто эта сема присутствует в семантике в лексических единицах: «с барышнями ходит», «глядел», «прибыл», «поправил басом», «спросил», «понял», «не избирал» и в др.

Студент имеет яркий биологический признак – возраст. Этот признак связан с группой темпоральных признаков. Он актуализируется в лексических единицах «молодой», «25 лет», «юноша», «малый».

Как человек студент способен к деятельности/бездеятельности: мыслительной («ворочая отяжелевшими мозгами», «неясно понял»), речевой («три дня разговоров», «поправил густым басом», «спросить», «говорит», «речистый», «кое-что читавший»), двигательной (слова «подъезжает», «ходит», «прибыл» и др., обозначающие как самостоятельные движения, так и с помощью транспортных средств) и т. д.

Основная же деятельность студента – учебная («отяжелевшими от римского права мозгами», «недоучившийся студент»), которая реализуется, судя по контекстам, в университетах («студент университета») и институтах («студент института»). Это учеба ограничена определенными временными рамками. Семы же, обозначающие временные рамки, скрытые: на них указывает слово «вечный», содержащее образный компонент. Если студент долго учится, не соблюдая установленного срока, он называется «вечный студент».

У студента есть обязательства, предусмотренные в высших учебных заведениях. Невыполнение или плохое выполнение их («дрянный», «за леность») ведет к отчислению («два раза увольняли», «выгнанный из университета»). В университетах и институтах студент изучает научно-практические дисциплины разной направленности и в итоге приобретает искомую специальность («от римского права», «технологического института», «историк», «еще не избирал никакой специальности»).

Также контексты свидетельствуют, что кроме основной деятельности (см. об этом ниже) студент мог подрабатывать («работает для заработка», «студент-репетитор»).

Многие студенты начала XX в. придерживались передовых взглядов (это косвенно подтверждается сложным словосочетанием «поселившийся невдалеке от Ясной Поляны»), занимались незаконной, революционной деятельностью, которая приводила зачастую к судебному наказанию (об этом свидетельствуют заголовки текстов или их фрагменты «Из записок и воспоминаний судебного деятеля», «В тюрьмах и крепостях / Мытарства осужденного», «От Герцена до Толстого»).

О существовании студента в определенном временном отрезке – в дореволюционной России, в период 1900–1917 гг. – прямо указывает словосочетание «во Всероссийском Земском Союзе» [6]. Известно, что в Москве были основаны «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов, общероссийские военно-общественные организации либеральных помещиков и буржуазии, созданные в 1914 г. в целях помощи царизму в организации тыла для ведения империалистической войны 1914–1918 гг.» [11]. Косвенные же доказательства о принадлежности студента к определенной эпохе – лексические единицы «дворянин», «с барышнями ходит», «студент в бобровой шинели». Выявленный признак, тесно переплетающийся с социальным признаком, является подтверждением того факта, что мир воспринимает студента и его деятельность сквозь событийно-временную призму.

В рассмотренных контекстах и заглавиях текстов присутствуют также немногочисленные пространственные признаки концепта, связанные с другими признаками, и прежде всего с социальными, политическими, профессиональными: «невдалеке от Ясной Поляны», «вечер в Ясной», «Вишневый сад», «в архиве», «Благовещенск», «Женевского университета». Последнее словосочетание свидетельствует о возможности учебы российского человека за границей.

Анализируемые фрагменты НКРЯ содержат большое количество лексических единиц, имеющих индивидуальные, личностные семемы или

семьи: «приятное лицо», «высокий студент», «студент веселый и простой малый», «бездельничает», «студент самого скромного вида и тихого тона» и др., указывающие обычно на внешность студента, особенности его характера и поведения. Личностные признаки имеют все антропонимы, встречающиеся в данных текстах и контекстах.

Следует заметить, что именно индивидуальные, личностные признаки переплетаются с собственными-оценочными признаками: «весьма франтовый студент», «дряньный студент» и др.

Заключение

Таким образом, рассмотренные фрагменты НКРЯ позволяют смоделировать структуру концепта «студент»: таксономическую и ядерно-периферийную.

В таксономической модели концепта «студент» суперконцептами (родовыми) являются «человек»; «высшее учебное заведение»: «университет», «институт»; «образование», «учеба», субконцептами (видовыми) – «студент-репетитор», «студент-историк» и др.

В ядерно-периферийной модели, предложенной З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [12, с. 60–64], можно предположительно назвать такие ядерные признаки концепта «студент», свойственного российскому обществу начала XX в.: «молодой», «муж-

чина», «учить(ся)», «высшее учебное заведение». Все остальные выявленные признаки являются периферийными, составляющими интерпретационное поле данного концепта. В дальнейшем предстоит определить ближнюю и дальнюю периферию структуры изучаемого концепта.

В лексической семантике имени концепта «студент», заимствованного слова в русском языке, отсутствует коннотация. Вторичные (ассоциативные) признаки появляются лишь в семантике рассмотренных контекстов: «вечный студент», «ворочая мозгами» и некоторые др.

Итак, концепт «студент» является распространенным, но не универсальным (общим) концептом, имеющим национально-культурную специфику (см. подробнее [13, с. 302]). Он обладает категориальными (качественными, событийно-временными, пространственными) и некатегориальными (в основном биологическими, антропоморфными) признаками. С помощью данных корпусной лингвистики вырисовывается следующий первичный образ студента: молодой мужчина, обучающийся в конкретном вузе обычно в своей стране и реже за рубежом, как правило, занятый учебной деятельностью, погруженный в речемыслительную работу, живущий в определенную эпоху, часто придерживающийся передовых взглядов своего времени, имеющий как человек разные индивидуальные черты.

Список литературы

1. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра Системс, 2004. 256 с.
2. Богословская З. М., Щеголихина Ю. В. Семьи российских немцев и их имена: лингвокультурологический аспект. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2017. 168 с.
3. Пименова М. В. Понятийные признаки концепта УДОВОЛЬСТВИЕ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2013. № 15. С. 91–96.
4. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
5. Новикова В. С. Развитие семантико-деривационного потенциала имен коррелятивных концептов STUDENT и СТУДЕНТ в английской и русской лингвокультурах // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. № 4 (193). С. 142–146. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-142-146. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2018&issue=4&article_id=6904 (дата обращения: 09.06.2019).
6. Фильченко А. Ю., Лемская В. М. Корпусная лингвистика и использование корпусных методов при документации исчезающих языков, лингвистических исследованиях и преподавании иностранных языков. Томск: Изд-во ТГПУ. 2007. 60 с.
7. Рыков В. В. Курс лекций и цикл статей по корпусной лингвистике. URL: <http://www.rykov-cl.narod.ru/> (дата обращения: 05.08.2018).
8. Taylor C. What is corpus linguistics? // ICAME Journal. 2008. P. 179–200.
9. Ngula R. Corpus methods in language studies // Perspectives on Conducting and Reporting Research in the Humanities. 2018. P. 205–223.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.05.2019).
11. Иванова Н. А. Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. М., 1914–1917. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/046/402.htm> (дата обращения: 04.05.2019).
12. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки. 2003. 191 с.
13. Bogoslovskaya Z. M., Novikova V. S., Itcenko A. V. The name of the concept STUDENT in Russian and English languages: on lexicographical material // Procedia – Social and behavioral sciences, 2015. V. 41. P. 301–305. DOI: [org/10.1016/j.sbspro.2015.11.653](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.653).

Богословская Зоя Матиновна, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: matinovna@tpu.ru

Новикова Вера Станиславовна, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: novikovavs@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-72-77

SIGNS OF CONCEPT “STUDENT” REPRESENTED IN RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Z. M. Bogoslovskaya, V. S. Novikova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The concept “student” is common to different linguistic cultures of a civilized society and relates to the academic sphere of human activity. This work is devoted to the study of actualized and hidden features – structurally-meaningful components – of the concept “student”.

Material and methods. The object of the study is the fragments of Russian National Corpus (RNC). In this paper, we study minimal contexts, usually equal to the sentence and detailed contexts, usually coinciding with the paragraph, as well as the headings of texts reflecting 1900–1917.

The relevance of this work is determined by the social significance of the student’s figure in developed human communities and the lack of knowledge on RNC material of the concept related to it.

The study examines the most typical uses of the word in multi-style (literary and non-literary) and multi-genre texts of RNC.

The methods of the descriptive method (observation, classification, interpretation, generalization, arithmetic calculations) and the methods of linguo-conceptual analysis (contextual and semantic analysis, the analysis of the concept name, correlation of the concept name with historical and cultural data, modeling the structure of the concept, corpus linguistics techniques) are used in the work.

Results and discussion. The categorical (qualitative, event-time, spatial) and non-categorical (biological, anthropomorphic) signs of the name of concept “student” are revealed. The taxonomic and nuclear-peripheral models of the studied concept are proposed. During the construction of the first model, the connection between concept “student” and super-concepts “human”, “education/to study” (“to learn”), “higher educational institution is determined”. In the nuclear-peripheral model of this concept, being characterized for the beginning of the last century, the main complex (compound) semes are ‘young man’, ‘studying for a certain time at a university or institute’, ‘engaged mainly in educational activities to obtain one or another profession’. The socio-political and individual characteristics are presumably found in the interpretational field of the considered concept. It was also established that there is no connotation in the lexical semantics of the name of concept “student”. All self-evaluative features of this word are contextually determined.

Conclusion. This work is intended for researchers in the field of lexical semantics, linguo-culturology and for students of linguistic conceptual analysis techniques.

Keywords: concept name “student”, its semantic attributes, contexts of Russian National Corpus.

References

1. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk, Tetra Sistems Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
2. Bogoslovskaya Z. M., Shchegolikhina Yu. V. *Sem'i rossiyskikh nemtsev i ikh imena: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Families of Russian Germans and their names: linguo-culturological aspect]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2017. 168 p. (in Russian).
3. Pimenova M. V. Ponyatiynnye priznaki kontsepta UDOVOL'STVIYE [Conceptual signs of the concept “pleasure”]. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2013, no. 15, pp. 91–96 (in Russian).
4. Yurina E. A. *Obraznyy stroy yazyka* [The figurative system of language]. Tomsk, Tomsk university Publ., 2005. 156 p. (in Russian).
5. Novikova V. S. Razvitiye semantiko-derivatsionnogo potentsiala imen korrelyativnykh kontseptov STUDENT i STUDENT v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh [Development of semantic-derivative potential of names of correlative concepts of STUDENT in English and Russian language cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, vol. 4 (193), pp. 142–146 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-142-146. URL: https://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2018&issue=4&article_id=6904 (accessed 9 June 2019).
6. Fil'chenko A. Yu., Lemskaya V. M. *Korpusnaya lingvistika i ispol'zovaniye korpusnykh metodov pri dokumentatsii ischezayushchikh yazykov, lingvisticheskikh issledovaniyakh i prepodavanii inostrannykh yazykov* [Corpus linguistics and the use of corpus methods in the documentation of endangered languages, linguistic research and teaching foreign languages]. Tomsk, TSPU Publ., 2007. 60 p. (in Russian).
7. Rykov V. V. *Kurs lektsiy i tsikl statey po korpusnoy lingvistike* [Lecture course and series of articles on corpus linguistics] (in Russian). URL: <http://www.rykov-cl.narod.ru> (accessed 5 May 2019).
8. Taylor C. What is corpus linguistics? *CAME Journal*, 2008, pp. 179–200.
9. Ngula R. Corpus methods in language studies. *Perspectives on Conducting and Reporting Research in the Humanities*, 2018. Pp. 205–223.
10. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The national corpus of the Russian language] (in Russian). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 14 May 2019).

11. Ivanova N. A. *Izvestiya Glavnogo komiteta Vserossiyskogo zemskogo soyuza pomoshchi bol'nym i ranenym voynam* [News of the Main Committee of the All-Russian land Union for Assistance to the Sick and Wounded Soldiers]. Moscow, 1914–17 (in Russian). URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/046/402.htm> (accessed 4 May 2019).
12. Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Istoki Publ., 2003. 191 p. (in Russian).
13. Bogoslovskaya Z. M., Novikova V. S., Itcenko A. V. The name of the concept STUDENT in Russian and English languages: on lexicographical material. *Procedia – Social and behavioral sciences*, 2015, vol. 41, pp. 301–305. DOI: [org/10.1016/j.sbspro.2015.11.653](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.653).

Bogoslovskaya Z. M., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: matinovna@tpu.ru

Novikova V. S., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: novikovavs@tpu.ru

УДК 81.42

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-78-83

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА «СТАНДАРТ» В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

Н. В. Куркан

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Исследования типологии профессиональных дискурсов и субдискурсов представляют собой одно из наиболее перспективных направлений коммуникативной лингвистики. Инженерная коммуникация как дискурсивная деятельность в силу своего динамичного развития, определяемого стремительными изменениями технологий, общества, промышленности и, как следствие, постоянным взаимодействием и обменом информацией между участниками инженерного сообщества, начинает привлекать внимание лингвистов. Несмотря на значительное количество исследовательских работ, посвященных изучению дискурса в отдельных социальных институтах, инженерный дискурс на сегодняшний день остается малоизученным, поскольку при преобладающем в отечественной лингвистике подходе к инженерной коммуникации как к разновидности научного (или научно-технического) дискурса проблемы ее выделения в отдельную дискурсивную структуру практически не ставились. Поскольку дискурс находит свое воплощение в определенных жанрах, а жанры в свою очередь всегда находятся в поле того или иного дискурса, авторы выдвигают предположение, что инженерный дискурс наряду с периферийными жанрами, характерными и для других дискурсов, обладает в первую очередь самостоятельными ядерными жанрами, выражающими собственные ценности, стратегии, информацию. Настоящая работа посвящена особенностям лексической организации жанра «стандарт» в аспекте степени его соответствия основной цели инженерной коммуникации.

Материал и методы. Эмпирическую базу исследования составили тексты действующих национальных стандартов на устройства и оборудование в различных сферах инженерной деятельности, что стало объектом примененного в работе анализа дискурса. Основной метод исследования – автоматизированный контент-анализ, эффективность которого показана в работах зарубежных школ анализа дискурса, а также в исследованиях российских ученых, позволил выявить количественный аспект лексической организации документов.

Результаты и обсуждение. На основании анализа лексической организации текстов стандартов были определены основные дискурсивные аспекты исследуемого жанра, что характеризует стандарт как ядерный жанр инженерного дискурса.

Заключение. Жанр стандарта полностью отвечает основной цели инженерной коммуникации, его особенности определены требованиями профессионального дискурса и коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: инженерный дискурс, институциональный дискурс, профессиональная коммуникация, речевые жанры.

Введение

Интерес исследователей к инженерной коммуникации как к дискурсивной деятельности обусловлен чрезвычайно динамическим прогрессом данной сферы профессиональной коммуникации, определяемым стремительным развитием технологий, общества, промышленности и, как следствие, постоянным взаимодействием и обменом информацией между участниками инженерного сообщества. Объект данного исследования весьма сложен и неоднозначен, о чем говорит, среди прочих, факт отсутствия общепринятого определения данного понятия, и в настоящее время сложно говорить о общепринятом определении. Многие отечественные ученые рассматривают институциональные дискурсы как сложное коммуникативное явление, которое помимо речевого действия включает социальный контекст, представление об участниках коммуникации и их характеристиках, а также процессы восприятия и интерпретации сообщения [1–5]. В данном исследовании под дискурсом понима-

ется «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими и другими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующих с адресатом, обуславливающим упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» [6, с. 172]. Поскольку «всякий дискурс находит свое воплощение в определенных жанрах, а речевой жанр не может существовать вне поля того или иного дискурса» [7], данное исследование предполагает, что инженерный дискурс наряду с периферийными жанрами, характерными и для других дискурсов, обладает в первую очередь самостоятельными ядерными жанрами, выражающими собственные ценности, стратегии, информацию.

Целью данной работы стал анализ жанра «стандарт», а именно рассмотрение количественных характеристик лексической организации текста стандарта в аспекте степени его соответствия основной

цели инженерной коммуникации – решению производственных задач и оптимизации технологий, что может характеризовать его как ядерный жанр инженерного дискурса.

Материал и методы

Сложность объекта исследования приводит к использованию множества подходов при изучении институциональных дискурсов: логико-аналитического [8, 9], когнитивно-прагматического [10], дискриптивного [11]. В качестве методологического подхода в работе используется анализ дискурса французской структурно-семиологической школы, в котором предметом анализа является «корпус текстов... как одна из частей признанного социального института, который определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания» [12, с. 28]. Этим требованиям соответствует выбранный эмпирический материал – корпус текстов действующих национальных и межгосударственных стандартов на устройства и оборудование в различных сферах инженерной деятельности, утвержденных и введенных в действие Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). Выбор стандарта в качестве эмпирического материала обусловлен тем фактом, что данный вид документа, «устанавливающий единые нормы и требования к продукции, документам и т. д., обязательные к применению в той или иной отрасли народного хозяйства» [13, с. 38], составляется с учетом определенных жанровых аспектов, которые отражают особенности профессиональной коммуникации инженеров.

В ходе исследования было проанализировано 184 страницы стандартов, общее количество словоформ в которых составило более 40 тыс. (42 042).

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественный аспект лексической организации документов. Эффективность применения этого метода показана в работах уже упомянутых исследователей французской школы анализа дискурса, более поздних работах зарубежных и российских ученых [14–17], поскольку метод позволяет достаточно подробно провести анализ больших информационных массивов [15, с. 52]. На первом этапе при анализе языкового воплощения жанра были выявлены количественные параметры организации лексического состава стандарта, отражающие различные дискурсивные аспекты. При помощи приложения количественного анализа Content Pro был обработан весь массив документов и получены значения частотности для каждой леммы. Данные были доработаны: скорректированы ре-

зультаты в случае неудовлетворительного грамматического/орфографического оформления. В некоторых случаях были созданы более крупные категории для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива. Например, категория «Числа» – объем номеров стандартов и количественных показателей, категория «Устройства и оборудование» позволила оценить частоту упоминания и объем в тексте названий различных технологий, категория «Величины» – объем маркеров физических величин, категория «Свойства» – маркеры характеристик оборудования, на которое вводятся исследуемые стандарты.

Результаты и обсуждение

В результате автоматизированного контент-анализа были выявлены количественные параметры организации лексического состава исследуемого объединенного текста стандартов, отражающие различные дискурсивные аспекты. Наиболее частотные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1
Частота употребления лексических единиц
в объединенном массиве текстов стандартов

№	Единицы	Частота	
		Абс.	%
1	Числа	3 258	7,75
2	Устройства и оборудование	723	1,64
3	Величины	500	1,14
4	ГОСТ	496	1,13
5	Должен	396	0,90
6	Испытание	324	0,74
7	Данные	323	0,73
8	Стандарт	309	0,70
9	Системы	293	0,67
10	Требование	283	0,64
11	Измерение	232	0,53
12	Свойства	227	0,52
13	Быть	221	0,50
14	Возмущение	197	0,45
15	ИСО/ISO	188	0,43
16	Качество	180	0,41
17	Оборудование	173	0,39
18	Оценка	140	0,32
19	Безопасность	139	0,32
20	Общий	128	0,29
21	Помеха	122	0,28
22	Соответствие	119	0,27
23	Приложение	115	0,26
24	Средство	109	0,25
25	Обеспечение	106	0,25
26	Технический (ие)	104	0,24
27	Перемещение	100	0,23
28	Необходимо	96	0,22
29	Интервал	94	0,22
30	Значение	93	0,22
32	Рабочая	91	0,21

Единицы категорий «Числа», «Устройства и оборудование» и «Величины», а также аббревиатура ГОСТ и формы глагола «должен» оказались наиболее частотными, что подтверждает императивный характер стандарта и тот факт, что количественные и технические характеристики являются

его постоянной и одной из самых значимых составляющих.

Категория «Числа», которая на 90,9 % состоит из количественных показателей расчетов и на 7,35 % из номеров стандартов (табл. 2), оказалась наиболее частотной в текстах стандартов (более 7,75 % от всего объема проанализированных слов), что подтверждает тот факт, что количественные характеристики являются постоянной составляющей текстов исследуемого жанра.

Таблица 2

Составляющие категории «Числа»

Единица	Частота, %
Расчеты и значения величин	7,05
Номера стандартов	0,57
Прочие	0,12

Императивный характер стандарта отражается и в частоте использования следующих категорий и единиц: категория «Устройства и оборудование» (табл. 3), вторая по частоте встречаемости ее единиц, включает наименования технологий, на определенные требования к которым и были введены рассматриваемые нами стандарты, и представляет вторую по объему входящих в ее состав единиц от общего числа (1,64 %). Если вспомнить, что основная цель инженерной коммуникации – решение производственных задач при помощи введения новых или оптимизации существующих технологий, то частота упоминания в общем тексте единиц именно этой категории позволяет нам предположить, что жанр стандарта может соответствовать этой цели, а лексические единицы, наименования технологий, наполняющие данную категорию, являются своего рода дискурсивными формулами.

Таблица 3

Лексические единицы категории «Устройства и оборудование»

Единица	Частота, %
Датчики	0,26
Приборы	0,13
Элемент	0,05
Оси	0,04
Сети	0,04
Машины	0,03
Станки	0,03
Шпиндель	0,02
Радиатор	0,02

Анализ категории «Величины», третьей по объему ее составляющих, подтверждает специфику исследуемого жанра инженерного дискурса, а именно однозначность толкования используемых лексических единиц, то есть использования лексических единиц, которые исключают иное понимание, отличное от того, которое изначально подразумевалось адресантом.

Таблица 4

Лексические единицы категории «Величины»

Единица	Частота, %
Напряжение	0,24
Жесткость	0,12
Частота	0,13
Нагрузка	0,13
Длина	0,07
Давление	0,07
Температура	0,04
Расстояние	0,04
Скорость	0,02
Сопротивление	0,02
Толщина	0,02

Следующие лексические единицы мы предлагаем отнести к группе дискурсивных маркеров, которые номинируют

- тип стандарта – *ГОСТ* (1,13 %), *стандарт* (0,70 %), *ISO* (0,43 %),
- коммуникативную ситуацию: *испытания* (0,74 %), *измерения* (0,53 %), *оценка* (0,32 %), *соответствие* (0,27 %),
- характерные дискурсивные формулы: *данные* (0,73 %), *системы* (0,67 %), *помеха* (0,28 %).

Можно предположить, что присутствие обозначенных дискурсивных маркеров определяется целью исследуемого жанра, которая, как обозначено ранее, состоит в установлении соответствия технологии или вводимых условий определенным требованиям.

На завершающем этапе были приняты во внимание дискурсивные и жанровые параметры на основании речеведческого подхода, предложенного Т. В. Шмелёвой [18, 19]. Именно такой подход, по мнению Т. В. Шмелёвой, позволяет рассмотреть жанр как модель высказывания и его воплощение в различных речевых ситуациях. Согласно данному подходу, к дискурсивным параметрам относятся: 1) тип дискурса, в котором существует жанр. В данном исследовании это инженерный дискурс; 2) положение жанра: стандарт является ядерным жанром инженерного дискурса, поскольку соответствует цели профессиональной коммуникации инженеров, которой является оптимальное решение производственных задач. В качестве жанровых параметров рассматриваются: 1) коммуникативная цель. Стандарты создаются с целью установления соответствия продукции, услуги или системы определенным требованиям. Коммуникативная цель стандарта определяет его как императивный жанр, указывающий на характер осуществления неосуществленных действий автором, адресатом или третьими лицами [20, с. 25]; 2) адресант. Рассматриваемые в данной работе стандарты РФ вводятся в действие Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстан-

дарт), т. е. адресант жанра «стандарт» является коллективным: подразумевает коллектив отдельно взятых личностей – представителей названного Федерального агентства; 3) адресат. Стандарты предназначены для специалистов, отвечающих за проектирование, разработку, производство и поставку продуктов и процедур, в отношении которых стандарты устанавливают четкие критерии. Адресат стандарта заинтересован в исполнении изложенных требований, поскольку это в его интересах; 4) отношения между адресантом и адресатом. Данный параметр регулируется в направлении от адресанта, который принимает и вводит в действие определенные требования посредством этого жанра, к адресату, который должен гарантировать соответствие требованиям стандарта при соблюдении определенных условий; 5) композиция жанра. Композиционная структура жанра стандарта в инженерном дискурсе представляет собой четкую последовательность обязательных разделов (*информационные данные, классификация, основные параметры, технические требования и т.д.*), которая в свою очередь также соответствует стандартам разработки и утверждению стандартов; 6) языковое воплощение – все лексические, грамматические, стилистические средства, при помощи которых реализуется жанр. Спецификой рассматриваемого жанра является использование единиц с однозначным толкованием, исключающим возможность иных значений, отсутствие субъективного начала. Отмечено преобладание дискурсивных формул – особых слов и словосочетаний, характерных для употребления представителями в рамках рассматриваемого дискурса, таких как термины, преимущественно технических (*сплавы медно-цинковые, осциллографы смешанных сигналов*), текстовые клише (*«введен в действие в качестве стандарта приказом Федерального агентства...»*),

«настоящий стандарт распространяется на...»), аббревиатуры и сокращения (*ISO, ГОСТ, монитор VGA, приборы серии DPO4000B*), нормативные ссылки.

Заключение

Итак, анализ количественных параметров лексической организации позволяет установить, что корпус стандартов на различные технологии и оборудование, принятых и введенных в действие постановлением Росстандарта, в целом отвечает требованиям к инженерному дискурсу:

- наиболее частотны в текстах маркеры императивного характера: числа (расчеты и номера), наименование оборудования, формы глагола «должен»;

- относительно часто встречающиеся единицы подтверждают характер однозначности, исключающие иное толкование, нежели то, которое было заложено авторами стандарта;

- в текстах присутствуют значительные по частоте использования лексические единицы, номинирующие тип жанра, типичную коммуникативную ситуацию, типичные дискурсивные формулы;

- наиболее часто лексические единицы указывают и цель жанра «стандарт» – установление соответствия технологии определенным требованиям, что в свою очередь полностью соответствует основной цели инженерной коммуникации, которой является решение производственных задач и оптимизация технологий.

Таким образом, исследуемые тексты не просто относятся к сфере инженерной коммуникации, но и занимают ядерное положение среди жанров инженерного дискурса. Они не несут в себе научного знания, что характерно для жанров научного дискурса, а направлены на решение производственных задач и оптимизацию технологий.

Список литературы

1. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса: учеб. пособие. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого, 1981. 113 с.
2. Никульшина Н. Л. Письменный научный дискурс как объект моделирования в учебных целях // Вестн. Тамбовского гос. ун-та. 2008. Вып. 3 (59). С. 245–249.
3. Ширяева Т. А. Когнитирование институционального делового дискурса. Краснодар, 2008. 51 с.
4. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 403 с.
5. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 32–35.
6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М., 2013. 208 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
8. Austin J. R. How to do things with words. Oxford University Press. 1962. 167 p.
9. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.
10. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
11. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.

12. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
13. Краткий словарь видов и разновидностей документов / отв. ред. А. С. Малитиков. М.: ВНИИДАД, 1974. 80 с.
14. Broom L., Reese S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
15. Можаяева Г. В., Мишанкина Н. А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 294. С. 52–61.
16. Мишанкина Н. А., Зильберман Н. Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98.
17. Мишанкина Н. А., Черныш О. А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.) // Вестн. Томского гос. ун-та. 2018. № 434. С. 30–39.
18. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1.
19. Шмелева Т. В. Речевой жанр // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 573–574.
20. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. 1990. № 2. С. 20–32.

Куркан Наталья Владимировна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: kurkan@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 21.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-78-83

LEXICAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF TECHNICAL STANDARDS IN ENGINEERING DISCOURSE

N. V. Kurkan

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The study of discourse typology is one of the advanced research lines in communicative linguistics. Engineering communication is becoming a subject of increased focus for linguists due to its rapid development driven by dynamic changes in technology, society and industry, which is resulted in continuous exchange of information between the members of the engineering society. Despite the significant number of discourse studies in different social institutions, engineering discourse remains an understudied area as Russian researchers traditionally consider it as a part of the scientific or scientific and technical discourse. In view of the fact that discourse is translated into certain genres, and genres, in turn, are always included into a certain discourse field, authors propose the idea that the engineering discourse provides a series of particular core genres which reflect the values, strategy and information of engineering communication and make it distinct from the scientific discourse. The paper addresses the distinguishing characteristics in lexical organization of the technical standard to reveal the fact that the genre of standard meets the goals of engineering communication.

Material and methods. As the empiric material of the research 184 pages of running Russian standards for the engineering technology and equipment were used. The texts of the standards were exploited as the subject matter for discourse analysis. Content analysis as a general research technique provided the identification of the quantitative aspect in the lexical structure of technical standards. The efficiency of this technique was proven by international schools of discourse analysis and by national researchers as well.

Results and discussion. The analysis of the lexical structure of standards revealed the key discursive aspects of the studied genre, which identified the standard as a core genre of engineering discourse.

Conclusion. As to performed analysis, the technical standard genre meets the primary goal of professional communication in the engineering field. The peculiar characteristics of the genre studied are determined by the demands of discourse and communicative situation as well.

Keywords: *engineering discourse, institutional discourse, LSP, speech genres.*

References

1. Borbot'ko V. G. *Elementy teorii diskursa: uchebnoye posobiye* [Elements of discourse theory: study guide]. Groznyy, Tolstoy Chechen-Ingushetia State University Publ., 1981. 113 p. (in Russian).
2. Nikul'shina N. L. Pis'mennyy nauchnyy diskurs kak ob'yekt modelirovaniya v uchebnykh tselyakh [Written scientific discourse as the modelling object for academic purposes]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Review*, 2008, vol. 3 (59), pp. 245–249 (in Russian).

3. Shirayayeva T. A. *Kognitivnoye modelirovaniye institutsional'nogo delovogo diskursa* [Cognitive modelling of institutional business discourse]. Krasnodar, 2008. 51 p. (in Russian).
4. Malysheva E. G. *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya*. Dis. dokt. filol. nauk [Russian sport discourse: theory and methodology of cognitive study. Diss. of doct. of philol. sci.]. Omsk, 2011. 403 p. (in Russian).
5. Golovanova E. I. Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnosheniye ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: interrelation of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2013, vol. 1 (292), issue 73, pp. 32–35 (in Russian).
6. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Linguistics of discourse]. Moscow, 2013. 208 p. (in Russian).
7. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
8. Austin J. R. *How to do things with words*. Oxford University Press, 1962. 167 p.
9. Searle J. R. Priroda intentsional'nykh sostoyaniy [The Nature of Intentional States]. *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow, Progress Publ., 1987. Pp. 96–126 (in Russian).
10. Dijk T. A. van. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).
11. Baranov A. N. *Vvedeniye v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow, Corona Editorial URSS Publ., 2001. Pp. 252–281 (in Russian).
12. Seriot P. *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of sense: French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p. (in Russian).
13. *Kratkiy slovar' vidov i raznovidnostey dokumentov* [Concise dictionary of document types and varieties]. Ed. by Malitikov A. S. Moscow, VNIIDAD Publ., 1974. 80 p. (in Russian).
14. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*, 1995, vol. 19, no. 1, pp. 5–19 (in Russian).
15. Mozhayeva G. V., Mishankina N. A. Kontent-analiz istoriograficheskogo istochnika [Content analysis of historiographical source]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, vol. 294, pp. 52–61 (in Russian).
16. Mishankina N. A., Silberman N. N. Vostochno-slavyanskiye yazyki v refleksii naivnogo nositelya yazyka: kontent-analiticheskoye issledovaniye kommunikatsii internet-soobshchestv [East Slavic languages in the reflection of a naïve native speaker (content-analytical study of the social networks communication)]. *Rusin*, 2017, vol. 2 (48), pp. 78–98 (in Russian).
17. Mishankina N. A., Chernysh O. A. Leksika delovogo protokola v diskursivnom aspekte na materiale protokolov 1918–1933 gg. [Lexical organization of the record in a discursive aspect (on the basis of records dated by 1918–1933)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2018, vol. 434, pp. 30–39 (in Russian).
18. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [The speech genre model]. *Zhanry rechi – The Speech Genres*, 1997, vol. 1 (in Russian).
19. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr [Speech genre]. In: Ivanov L. Yu. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Encyclopaedic reference book]. Moscow, Flinta Publ., 2003. Pp. 573–574 (in Russian).
20. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech genre. Opportunities for description and language teaching]. *Russistik. Rusistika – Russistik. The Journal of modern challenges in language teaching*, 1990, vol. 2, pp. 20–32 (in Russian).

Kurkan N. V., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).
E-mail: kurkan@tpu.ru

УДК 811.111'42
DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-84-91

КОММУНИКАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ АНТАГОНИСТИЧЕСКОЙ ИГРЫ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Г. А. Вильданова, И. В. Кожухова

¹ Казанский инновационный университет, Казань

² Челябинский государственный университет, Челябинск

Введение. Проанализирован коммуникативный инструментальный ситуаций политического взаимодействия, трактуемых в рамках теории игр как антагонистическая игра.

Материал и методы. Анализ лингвистической составляющей политической игры осуществляется с опорой на теоретико-игровую модель и позволяет выявить особенности модели игры участников политического взаимодействия; коммуникативные стратегии, специфичные для дискурса «политика»; языковое оформление исследуемых речевых стратегий и тактик. В качестве эмпирического материала выбран политический дискурс Д. Трампа как манифестация некооперативной игры.

Результаты и обсуждение. Теория игр выступает как инструмент прогнозирования стратегического поведения игроков и находит применение в политической лингвистике, так как цели и содержание политического дискурса подразумевают планирование стратегий коммуникативного поведения с целью достижения желаемого эффекта воздействия. Анализ дискурса Д. Трампа выявляет активное применение стратегий, присущих участникам антагонистической игры – некооперативной игры с нулевой суммой. Руководствуясь стремлением получить максимально возможный выигрыш в ситуациях политического взаимодействия, политик находит оптимальным использование коммуникативных стратегий конфликта и непредсказуемости в политических столкновениях интересов. Конфронтация вербализуется посредством различных проявлений активной и реактивной речевой агрессии, реализуемых в дискурсе Д. Трампа при помощи тактик констатации некомпетентности, обвинения, упрека, оскорбления, насмешки и колкости. В рамках стратегии неопределенности и непредсказуемости используются противоречивые высказывания, затрудняющие политическое прогнозирование. Данные коммуникативные стратегии являются рациональными в ситуациях краткосрочного взаимодействия, например на президентских выборах. В долгосрочной практике урегулирования международных отношений и управления отдельной страной применение речевых стратегий антагонистических игр в ситуациях политического взаимодействия непродуктивно.

Заключение. Антагонистическая игра является типичным и наиболее рациональным, с точки зрения Д. Трампа, сценарием любого политического коммуникативного взаимодействия. Основными коммуникативными стратегиями президента США являются стратегии конфронтации, непредсказуемости и неопределенности. В дискурсе «политика» преобладает рационально-эвристическая форма речевой агрессии.

Ключевые слова: теория игр, антагонистическая игра, политический дискурс, коммуникативная стратегия, игра с нулевой суммой, речевая агрессия.

Введение

В настоящей статье рассматриваются коммуникативные ресурсы политического взаимодействия, трактуемого в рамках теории игр как антагонистическая игра. На примере дискурса Д. Трампа принята попытка изучить и описать коммуникативный инструментальный частный случай некоалиционной игры и продемонстрировать возможности теоретико-игровой модели для анализа стратегического речевого взаимодействия в современной политической коммуникации.

Выбор эмпирического материала обоснован ослабевающим интересом к «феномену Трампа»: с момента выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 2016 г. и по настоящее время заявления и поступки 45-го президента США Дональда Трампа получают противоречивые оценки как со стороны его соотечественников, так и со стороны мировой общественности. Недоумение

международного сообщества вызывает тот факт, что такие опытные и, казалось бы, обреченные на успех политические деятели, как, например, Хиллари Клинтон, Тед Круз, Марко Рубио, оказались не у дел, а позиционируемая ими концепция демократичного и толерантного политика, умело апеллирующего к американским ценностям с опорой на теорию фреймов от «гуру» политической коммуникации Дж. Лакоффа, разбилась в пух и прах о политический дилетантизм Д. Трампа. Успешность нестандартного, с позиции американского истеблишмента, поведения кандидата в президенты, а вскоре и президента США поднимает вопрос о валидности современных методик манипулятивного воздействия в политической коммуникации, необходимости инвентаризации существующего инструментария для анализа политического дискурса и инспирирует исследования политических текстов с позиций разных научных областей знания [1].

Можно смело утверждать, что современный политический дискурс превратился в «методологический узел, в котором сходятся интересы различных направлений исследований» [2, с. 180].

В свою очередь, принимая во внимание стратегический характер политического взаимодействия и актуальность междисциплинарной научной парадигмы, мы привлекаем методологию теории игр в область исследования политической лингвистики и предлагаем анализ коммуникативного поведения Д. Трампа с опорой на теоретико-игровую модель. В рамках данного исследования речь пойдет, во-первых, об особенностях модели игры, в которую Д. Трамп вовлекает участников политического взаимодействия; во-вторых, о коммуникативных стратегиях, специфичных для дискурса 45-го президента США, и, в-третьих, о языковом оформлении исследуемых речевых стратегий и тактик. Полагая, что данная структура анализа способствует созданию достаточно детальной и ясной картины одного из актуальных аспектов реализации стратегической коммуникации в современном политическом дискурсе.

Результаты и обсуждение

Прежде всего необходимо отметить, что основной задачей теоретико-игровых изысканий является моделирование ситуаций стратегического взаимодействия между игроками. Примечательно, что, изначально разработанная в рамках математической экономики, в настоящее время теория игр находит применение в различных областях знания [3]. Яркой иллюстрацией возможностей имплементации теоретико-игрового подхода является труд американского политолога С. Брамса «Теория игр и гуманитарные науки: мост между двумя мирами» (*Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds*), где исследователь экстраполирует инструментарий теории игр на проблемы теологии, политики, литературы, истории и философии [4]. Помимо этого, вдохновляющим примером нам послужили разработки исследователей, применяющих методики как гуманитарных, так естественнонаучных отраслей знания: в области философии языка (С. Пинкер) [5], лингвокультурологии и экспертизы языка (С. В. Иванова, З. З. Чанышева) [2] и др.

Что касается политологии, в настоящее время теория игр – это важный инструмент политического консультирования и прогнозирования поведения игроков. Как правило, в столкновениях краткосрочных интересов используются антагонистические игры – вид некооперативной игры, когда выигрыш одной из сторон равен проигрышу другой (игры с нулевой суммой), в то время как коалиционные (кооперативные) игры с ненулевой суммой

применяются при анализе и прогнозах среднесрочных политических стратегий [6].

Несмотря на тот факт, что лингвистика делает первые шаги в теоретико-игровом направлении, очевидно, что модели, разработанные теоретиками игр, применимы к политической коммуникации, дополняя традиционную методику ее исследования. Политический дискурс неслучайно попадает в фокус теоретико-игровых исследований: игра встроена в политическое взаимодействие, задачи и содержание политического дискурса подразумевают планирование стратегий коммуникативного поведения с целью достижения желаемого эффекта воздействия.

По мнению специалистов в области теории игр, Д. Трамп активно внедряет в коммуникативное взаимодействие модель антагонистической игры в ее наиболее бескомпромиссном проявлении, которое получило такие неформальные обозначения, как «игра в цыпленка» (*game of chicken*), «ястребы и голуби» (*hawks and doves*), и описывается в реалиях русского языка как «брать на слабо/кто струсит первым». Цель подобной игры-противостояния – заставить другого игрока сдать позиции первым под психологическим давлением и получить весь выигрыш. Думается, что Д. Трамп, известный как успешный, жесткий, не терпящий возражений и несговорчивый предприниматель, переносит привычные ему и принятые в американском обществе стратегии ведения бизнеса (борьба, агрессия, риск и непредсказуемость) в политическую деятельность [7]. Можно предположить, что жесткая политическая риторика Трампа – это проявление профессиональной деформации его личности: в бизнесе он успешно применяет модель антагонистической игры и продолжает эксплуатировать апробированный шаблон, диктуя правила игры и «совершая сделки» в привычной ему манере в новой профессиональной деятельности. Наглядным примером служит уникальное для дипломатической практики письмо Д. Трампа турецкому лидеру Т. Эрдогану, которое уже назвали образцом «модернистской дипломатической практики». В тексте прямо заявляется: «Давайте обсудим хорошую сделку!» – «Let's work out a good deal!», «Вы можете заключить отличную сделку». – «You can make a great deal» и оговариваются условия сделки: «Вы не хотите, чтобы Вас обвинили в резне и убийстве тысяч людей, а я не хочу быть ответственным за разрушение турецкой экономики – но я это сделаю». – «You don't want to be responsible for slaughtering thousands of people, and I don't want to be responsible for destroying the Turkish economy – and I will» [8]. Вполне понятно недоумение мировой общественности как реакция на нетрадиционное содержание дипломатического послания главы

государства, и все же, несмотря на необычность эпистолярного стиля Трампа, это уникальное письмо еще одна демонстрация того факта, что американский лидер остается верен своей любимой стратегии – непредсказуемости – и по привычке пытается «брать на слабо» политических деятелей международного уровня.

Для того чтобы разобраться в логике игры Д. Трампа, необходимо прежде всего сформулировать, какие цели он преследует и каким представляет себе взаимодействие с другими игроками. Ключом к пониманию цели игры Трампа является его же дискурс, например, в своих предвыборных выступлениях политик неустанно заявлял, что намерен только побеждать, не приемлет компромиссов и проигрыша. Прочитаем некоторые из его «победоносных» выступлений: «Если меня изберут президентом, то мы будем выигрывать, мы будем выигрывать, мы будем выигрывать!» – «If I am elected president – we will win, we will win and we will win!» (на дебатах Республиканской партии на канале ABC News); «Я спокойно приму результаты этих великих и исторических президентских выборов, только если я выиграю!» – «I will totally accept the results of this great and historic presidential election if I win!» (на выступлении в г. Делавэре, штат Огайо); «Я буду скулить, пока не выиграю!» – «I will keep whining until I win!» (в интервью на канале CNN); «Мы выигрываем, мы выигрываем, мы выигрываем!» – «We are winning, we are winning, we are winning!» (на выступлении в г. Сент-Огастина, штат Флорида) и т. п.

Что касается ситуаций взаимодействия с другими игроками, очевидно, что Д. Трамп расценивает их как одноразовые мероприятия, т. е. столкновения краткосрочных интересов. Складывается впечатление, что он не задумывается о последствиях своих слов, мнении окружающих и будущем своей репутации, бросает все доступные ресурсы на достижение победы в данном конкретном случае и не гнушается пользоваться некрасивыми с моральной точки зрения приемами, публично оскорбляя политических оппонентов (например, давая им непolitкорректные прозвища: Безумный Берни – Crazy Bernie, Горбатая Хилари – Crooked Hillary, Мелкий Марко Рубио – Little Marco Rubio и т. п.). Таким образом, налицо игра с нулевой суммой, сценарий которой не предусматривает кооперации, выигрыш одной стороны равнозначен проигрышу другой. При этом стратегии и предпочтения игроков, какими иррациональными они бы ни казались на первый взгляд, могут показать себя как оптимальные и рациональные в случае выигрыша. Например, во время президентских выборов Д. Трамп обошел противников, так как антагонистическая игра – это привычная для него стихия, однако данное преи-

мущество оборачивается против него, так как в долгосрочной практике урегулирования международных отношений и управления отдельной страной «целесообразно использовать коалиционные игры и кооперативные игры с компромиссными оптимумами, отражающими учет взаимных интересов» [6, с. 37]. Обращаясь непосредственно к анализу коммуникативного инструментария антагонистической игры, исследователи выделяют следующие стратегии, применяемые 45-м президентом США в ситуациях политического взаимодействия [2, 9–11]:

– **стратегия конфронтации и конфликта.** По мнению А. П. Чудинова, «политическую деятельность отличает постоянная диалектика агрессивности», которая «резко возрастает в периоды, когда политическое решение должны принять широкие массы граждан (выборы, референдум, политические демонстрации и др.)» [12, с. 65–66]. Избирательная кампания 2016 г. в США наглядно продемонстрировала данное положение на примере конфликтотенной и агрессивной риторики будущего президента: в ситуациях коммуникативного взаимодействия Д. Трамп вынуждает оппонентов играть по его правилам, втягивая их в противостояние, бесстрашно атакует и не сдается до последнего.

Для характеристики коммуникативного оформления применяемых им стратегий обратимся к исследованию речевой агрессии К. Ф. Седова. Выдающийся отечественный психоллингвист отмечает, что конфликтное поведение, как лакмусовая бумажка, проявляет своеобразие языковой личности, при этом разнообразие языковых форм, употребляемых в состоянии конфликта, сводится к следующим типам речевых стратегий: инвективному, куртуазному и рационально-эвристическому [13]. Опираясь на классификацию средств проявления речевой агрессии К. Ф. Седова, рассмотрим, какая из данных стратегий доминирует в конфликтотенном дискурсе Трампа. Анализ речевого поведения Д. Трампа выявляет обилие как достаточно прямых, так и косвенных проявлений речевой агрессии, реализуемых посредством следующих тактик:

тактика констатации некомпетентности, обвинения и упрека – активная составляющая персонального дискурса Д. Трампа как способ делегитимизации противника. Во время предвыборной кампании он неоднократно выступал с обвинениями в некомпетентности Х. Клинтон, ссылаясь на недочеты в ее политической деятельности. Например: «Некомпетентная Хилари не знает, о чем она говорит. Не имеет представления. Она принимала такие плохие решения». – «Incompetent Hillary doesn't know what she's talking about. She doesn't have a clue. She's made such bad decisions» [14].

«Проблема в том, что вы говорите, но ничего не делаете, Хилари. Ничего. Совсем как когда вы управляли Госдепартаментом, и обнаружилась недостача шести миллиардов долларов. Как могли потеряться шесть миллиардов долларов? Вы управляли Госдепартаментом, и в это время украли шесть миллиардов. Никто не знает. Они исчезли, шесть миллиардов. Если вы станете президентом, страну ожидает беспорядок». – «The problem is, you talk, but you don't get anything done, Hillary. You don't. Just like when you ran the State Department, \$6 billion was missing. How do you miss \$6 billion? You ran the State Department, \$6 billion was either stolen. They don't know. It's gone, \$6 billion. If you become president, this country is going to be in some mess» [15].

Данная тактика, закономерная в период избирательной кампании, остается в арсенале политика и во время президентства. При этом она зачастую подкрепляется *тактикой оскорбления*. В разные периоды правления Трамп позволяет себе резкие высказывания и уничижительные ярлыки в адрес таких не согласных с ним политических деятелей и сотрудников, как бывший руководитель его же избирательной кампании Стив Бэннон («бестолковый Стив» – «Sloppy Steve»), бывший помощник президента и директор по коммуникациям в Управлении по связям с общественностью Омароса Маниголт-Ньюман («чокнутая Омароса» – «Wacky Omarosa»), председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы Дж. Пауэлл («профан» – «clueless»), бывший директор по коммуникациям Энтони Скарамуччи («некомпетентный» – «totally incapable»), бывший госсекретарь США Рекс Тиллерсон («тупица» – «dumb as a rock»; «лентяй» – «lazy as hell») [16], спикер палаты представителей конгресса США демократ Н. Пелоси («третьесортный политик» – «third-rate politician») и др. [17].

Тактика насмешки и колкости. Дискурс Трампа обнаруживает интенсивное использование иронии и сарказма как средств активной и реактивной агрессии, например: «Трамп: Я верну рабочие места. Вы же их вернуть не можете. Клинтон: На самом деле, я раздумывала над этим вопросом. Трамп: Да, в течение 30 лет». – «Trump: I will bring back jobs. You can't bring back jobs. Clinton: Well, actually, I have thought about this quite a bit. Trump: Yeah, for 30 years» [18].

«Она ошиблась не только относительно налогов, она ошибалась и в том, что касается Ливии, Сирии, Ирака. Возможно, она и Обама вам нравятся, но то, как они организовали вывод войск из Ирака, вакуум, который там оставили, способствовал формированию ИГИЛ. Они начали с небольшой территории и сейчас распространились в 32 государствах, Хилари. Поздравления. Отличная ра-

бота». – «She has made bad judgment not only on taxes, she's made bad judgements on Libya, on Syria, on Iraq. Her and Obama whether you like it or not, the way they got out of Iraq, the vacuum they left, that's why ISIS formed in the first place. They started from the little area and now they are in 32 different nations, Hillary. Congratulations. Great job» [19].

Нижеследующее выступление (10.10.2019) Д. Трампа на митинге в Миннеаполисе, штат Миннесота, иллюстрирует все вышеупомянутые тактики (ирония, оскорбление, обвинение и упрек) в адрес кандидата на пост президента США Дж. Байдена и его сына: «Кстати, что случилось с Хантером (сын Байдена). Где он, черт побери? Где Хантер? Друзья, у меня идея для новой надписи на футболке. Я люблю наших полицейских, но давайте сделаем надпись на футболке «Где Хантер?». Хантер, ты ничего не знаешь об энергетике, ты ничего не знаешь о Китае, ты вообще ничего не знаешь, честно говоря. Хантер, ты неудачник. Так за что ты получил полтора миллиарда долларов, Хантер? И твой отец тоже никогда не отличался сообразительностью. Он никогда не был хорошим сенатором. Он был хорошим вице-президентом, только потому что умел "...» (груб. вм. «угождать») Обама». – «By the way, whatever happened to Hunter. Where the hell is he? Where's Hunter? Hey fellows, I have an idea for a new t-shirt. I love the cops, but let's do another t-shirt "Where's Hunter?" Hunter, you know nothing about energy, you know nothing about China, you know nothing about anything, frankly. Hunter, you're a loser. Why did you get one point five billion dollars, Hunter. And your father was never considered smart. He was never considered a good Senator. He was only a good vice president because he understood how to kiss Barack Obama's ass» [20].

Особой популярностью пользуются токсичные посты Д. Трампа в «Твиттере», изобилующие оскорбительными ярлыками и пропитанные агрессивной риторикой в адрес неугодных политиков личностей. Думается, что «Твиттотворчество» 45-го президента США как манифестация агрессии в социальных сетях может послужить объектом отдельного исследования. В целом, очевидно, что конфронтация на основе речевой агрессии – излюбленное коммуникативное действие и отточенное оружие Д. Трампа, ориентированное на то, чтобы вызвать состояние фрустрации, выбить почву из-под ног политических противников, заставить их дрогнуть и уступить. Характер используемых им тактик позволяет предположить, что политик тяготеет к крайней форме проявления рационально-эвристической стратегии речевой агрессии;

– **стратегия неопределенности и непредсказуемости.** Традиционно политический и дипломати-

ческий дискурс изобилует эвфемизмами и уклончивыми высказываниями в целях камуфляжа и вуалирования неприглядной действительности [21]. Но в отличие от уклончивого и политкорректного Б. Обамы Д. Трамп прямолинеен и прибегает к иным митигативным средствам [22]. Дискурс 45-го президента США полон противоречивых высказываний, которые в итоге не дают четкого представления о его позиции по многим политическим и социальным вопросам, например об его отношении к закону об абортх: «Я полностью поддерживаю право женщины самой решать судьбу своей беременности». – «I'm totally pro-choice» (Fox News, October 31, 1999); «Я за запрет абортов». – «I'm pro-life» (СРАС, February 10, 2011); «Послушайте, я поддерживаю право женщины решать судьбу своей беременности. Я ненавижу аборты. Ненавижу. Ненавижу все, что стоит за этим понятием. Я чувствую себя неловко, когда обсуждается этот вопрос, но все же я верю в возможность выбора. Я за выбор, но ненавижу саму мысль об аборте». – «Look, I'm very pro-choice. I hate the concept of abortion. I hate it. I hate everything it stands for. I cringe when I listen to people debating the subject, but you still – I just believe in choice. I am strongly for choice, and yet I hate the concept of abortion» (NBC News, October 24, 1999); «Я горжусь тем, что я противник абортов». – «I am very, very proud to say that I'm pro-life» (Cleveland, Ohio, August 6, 2015) [23].

Политик не может до конца определиться, как он относится к НАТО: «Я рассматриваю НАТО как положительное явление». – «I see NATO as a good thing» (Washington Post, March 21, 2016); «Я думаю, что НАТО устарело». – «I think NATO is obsolete» (ABC News, March 27, 2016) [23]. В итоге создается впечатление, что политик постоянно лжет и не имеет четкой политической программы, его действия не поддаются прогнозированию.

Говоря о непредсказуемости Д. Трампа, нельзя не затронуть стратегическую «теорию безумца», суть которой состоит в устрашении противника путем внушения ему мысли, что у власти находится неадекватный человек, способный на крайние меры, в том числе на применение ядерного оружия. Р. Никсон применял «стратегию безумца» для давления на Советский Союз во время войны во Вьетнаме, однако в целом данная концепция показала себя неэффективной. По мнению В. Е. Косякова, в настоящее время в СМИ наблюдается тенденция формирования образа Трампа как безумного и непредсказуемого политика, способного развязать ядерную войну с КНДР или разрушить экономику Турции. Однако ультимативные угрозы Д. Трампа часто вызывают реакцию, обратную

ожидаемой, и больше запугивают союзников США и его соотечественников, чем противников [10]. Например, ультимативное обращение к лидеру КНДР вызывает встречные угрозы:

«Трамп: Пусть кто-нибудь из представителей этой бедной и голодающей страны сообщит ему, что у меня тоже есть ядерная кнопка, но она гораздо больше и мощнее, чем его ядерная кнопка, и она работает!» – «Will someone from his depleted and food starved regime please inform him that I too have a Nuclear Button, but it is a much bigger & more powerful one than his, and my Button works!» [24].

«Ким Чен Ын: США следует знать, что ядерная кнопка у меня на столе. Вся территория США находится под прицелом наших ядерных орудий. Соединенные Штаты никогда не смогут развязать войну против меня и нашей страны». – «Kim Jong-un: The US should know that the button for nuclear weapons is on my table. The entire area of the US mainland is within our nuclear strike range. The United States can never start a war against me and our country» [25].

В плане исследуемой проблемы, этот факт подчеркивает ущербность применяемых Трампом коммуникативных стратегий антагонистической игры, которую он переносит в сферу международных отношений. Руководствуясь стремлением получить максимально возможный выигрыш в ситуациях политического взаимодействия, политик находит рациональным и оптимальным использование стратегий конфликта и непредсказуемости в любых столкновениях интересов, что существенно отличает его от плеяды американских профессиональных политиков-президентов последних десятилетий (Б. Обама, Дж. У. Буш, Б. Клинтон, Дж. Х. Буш, Б. Клинтон).

Заключение

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Антагонистическая игра является типичным и наиболее рациональным, с точки зрения Д. Трампа, сценарием любого политического коммуникативного взаимодействия.
2. Основными коммуникативными стратегиями Д. Трампа являются стратегии конфронтации, неопределенности и непредсказуемости: в конфликтном дискурсе политика преобладает рационально-эвристическая форма речевой агрессии, в то время как амбивалентность строится на основе противоречивого дискурса.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что теоретико-игровой подход дополняет существующую методологию исследования коммуникации и открывает интересные перспективы для исследования политического дискурса.

Список литературы

1. Иванова С. В., Борисова А. С. Лингвистика сегодня: от интердисциплинарности к трансдисциплинарности (III Фирсовские чтения. Москва, 14–15 ноября 2017 г.) // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 1. С. 215–222.
2. Иванова С. В., Чанышева З. З. Идеологическая составляющая содержания как объект лингвистической экспертизы политического текста // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 180–190.
3. Вильданова Г. А. Теоретико-игровой подход к исследованию коммуникации // Вестн. Пермского нац. исслед. ун-та. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 3. С. 59–67.
4. Brams S. Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds. MIT Press, 2011. 310 p.
5. Pinker S., Lee J. Rationales for Indirect Speech: The Theory of the Strategic Speaker // Language, Cognition, and Human Nature: selected articles. New York: Oxford University Press, 2013. P. 302–356.
6. Салин П. Б., Югра В. А. Формальные модели теории игр в политологии и их приложения к экспертным экономическим моделям // Гуманитарные науки. Вестн. Финансового ун-та. 2012. № 4 (8). С. 32–42.
7. Вильданова Г. А. Национально-культурная специфика непрямой коммуникации (на примере американского варианта английского языка) // Вест. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 85–89. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-85-89.
8. Turkey's Erdogan threw Trump's Syria letter in bin // BBC News. 2019. October, 17. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 29.10.2019).
9. Овсянников В. В. Амбивалентность в речи Трампа // Язык науки и техники в современном мире: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, апр. 2017 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2017. С. 132–136.
10. Кедровский И. А. Манипулятивные стратегии политического общения через призму комического // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Междунар. научно-практ. конф. Минск, 2018. С. 145–155.
11. Косяков В. Е. К вопросу о внешней политике Дональда Трампа: продуманная стратегия «безумца» или спонтанное принятие решений? // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 2. С. 289–292.
12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2008. 256 с.
13. Седов К. Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психоллингвистика. М., 2007. С. 250–278.
14. Transcript: The most important exchanges of the presidential debate, annotated // Los Angeles Time. 2016, September, 27. URL: <https://www.latimes.com> (дата обращения: 20.10.2019).
15. The Full Transcript of the Third Presidential Debate Between Donald Trump and Hillary Clinton // Fortune. 2016, October, 19. URL: <https://fortune.com> (дата обращения: 24.10.2019).
16. Raymond A. K. Trump Hired Them, Then He Called Them Incompetent // New York. 2019, August, 19. URL: <http://nymag.com> (дата обращения: 28.10.2019).
17. Pelosi: Trump had 'meltdown' during White House meeting on Syria – as it happened // The Guardian. 2019, October, 16. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 17.10.2019).
18. Transcript of the First Debate // New York Times. 2016, September, 27. URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 28.10.2019).
19. Full transcript: Second 2016 presidential debate // Politico. 2016, October, 10. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения: 28.10.2019).
20. Donald Trump Minnesota Rally Speech Transcript: Minneapolis, MN Rally October 10, 2019 // Rev. 2019, October, 10. URL: <https://www.rev.com> (дата обращения: 17.10.2019).
21. Пастухова О. Д. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 24 с.
22. Кожухова И. В., Пастухова О. Д. Митигативные средства в новых СМИ (на материале сайта hopesandfears.com) // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: материалы III конф. PMMIS (Челябинск, 28–29 марта 2019 г.). Челябинск, 2019. С. 167–171.
23. Weiland N. Donald Trump's Greatest Self-Contradictions // Politico. 2016, May, 5. URL: <https://www.politico.com> (дата обращения: 28.10.2019).
24. Donald Trump boasts that his nuclear button is bigger than Kim Jong-un's // The Guardian. 2018, January, 3. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 26.10.2019).
25. Kim Jong-un says 'nuclear button is on my desk', as he announces plan to mass produce and deploy warheads // South China Morning Post. 2018, January, 1. URL: <https://www.scmp.com> (дата обращения: 26.10.2019).

Вильданова Гузель Агзамовна, кандидат филологических наук, доцент, Казанский инновационный университет (ул. Московская, 42, Казань, Россия, 420111). E-mail: guzelec@gmail.com

Кожухова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет (ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, 454001). E-mail: vinantov@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-84-91

ANTAGONISTIC GAME COMMUNICATIVE RESOURCES IN CONTEMPORARY AMERICAN POLITICAL DISCOURSE

G. A. Vildanova, I. V. Kozhukhova

Kazan Innovative University, Kazan, Russian Federation

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction. The article considers communicative instrumentarium of political interaction treated in game theory as antagonistic game.

Material and methods. Analysis of political non-cooperative game linguistic constituent is implemented on the basis of game theory model and it reveals: 1) the peculiarities of game pursued by players in the political interaction under study; 2) communicative strategies specific for the politician discourse; 3) linguistic formalization of the speech strategies and tactics under analysis. The research focuses on Trump political discourse material manifesting non-cooperative game strategies.

Results and discussion. Game theory is a ubiquitous tool of players strategic behaviour forecasting and can be implemented in political linguistics since political discourse aims and content imply communication strategic planning. Trump discourse analysis reveals active incorporation of strategies common for antagonistic game (non-cooperative zero-sum game). In effort to achieve the biggest pay-off the politician considers it expedient to employ communicative strategies of conflict and unpredictability in any political collision of interests. The strategy of confrontation in Trump discourse is manifested through various kinds of active and reactive speech aggression realized by means of incompetence assertion tactic, tactics of accusation, reproach, offence, ridicule and irony. The strategy of unpredictability and ambiguity employs contradictory utterances complicating political forecasting. These communicative strategies are rational in short-term interactions, e.g., presidential elections. Antagonistic games communicative strategies are not effective in long-term practice of foreign relations regulation and state governance.

Conclusion. Donald Trump considers antagonistic game to be the most effective scenario of any political interaction. The USA president's dominant communicative strategies are the ones of confrontation, unpredictability and ambiguity. Rational-heuristic type of speech aggression dominates the discourse of the politician.

Keywords: *game theory, antagonistic game, political discourse, communicative strategy, zero-sum game, verbal aggression.*

References

1. Ivanova S. V., Borisova A. S. Lingvistika segodnya: ot interdistitsiplinarnosti k transdistitsiplinarnosti (III Firsovskiy chteniya. Moskva, 14–15 noyabrya 2017 g.) [Linguistics today: from interdisciplinary to transdisciplinary character (III Firsov readings. Moscow, 2017, November, 14–15)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2018, vol. 22, no. 1, pp. 215–222 (in Russian).
2. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Ideologicheskaya sostavlyayushchaya soderzhaniya kak ob'yekt lingvisticheskoy ekspertizy politicheskogo teksta [Ideological content component as object of political text linguistic expertise]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2018, no. 1 (67), pp. 180–190 (in Russian).
3. Vil'danova G. A. Teoretiko-igrovoy podkhod k issledovaniyu kommunikatsii [Game theoretic approach to communication study]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta. Problemy yazykoznavaniya i pedagogiki – PNIPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 59–67 (in Russian).
4. Brams S. *Game Theory and the Humanities: Bridging Two Worlds*. MIT Press, 2011. 310 p.
5. Pinker S., Lee J. *Rationales for Indirect Speech. Language, Cognition, and Human Nature: selected articles*. New York: Oxford University Press, 2013. Pp. 302–356.
6. Salin P. B., Yurga V. A. Formal'nyye modeli teorii igr v politologii i ikh prilozheniya k ekspertnym ekonomicheskim modelyam [Formal models of the games theory and their applications to expert economic models]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2012, no. 4 (8), pp. 32–42 (in Russian).
7. Vil'danova G. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika nepryamoy kommunikatsii (na primere amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka) [National and cultural specificity of indirect statement (based on American English)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 85–89. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-11-85-89 (in Russian).
8. Turkey's Erdogan threw Trump's Syria letter in bin. *BBC News*, 2019 October, 17. URL: <https://www.bbc.com/news> (accessed 29 October 2019).
9. Ovsyannikov V. V. Ambivalentnost' v rechi Trampa [Ambivalence in Trump speech]. *Yazyk nauki i tekhniki v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Science and technology language in the contemporary world: collection of scientific articles]*. Omsk, OmsTU Publ., 2017. Pp. 132–136 (in Russian).
10. Kedrovskiy I. A. Manipulyativnyye strategii politicheskogo obshcheniya cherez prizmu komicheskogo [Manipulative strategies of political communication from the perspective of comicality]. *Aktual'nyye problemy humanitarnogo obrazovaniya: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Topical aspects of humanitarian education: collection of V International conference of scientific articles of the V International scientific-practical conference]*. Minsk, 2018. Pp. 145–155 (in Russian).

11. Kosyakov V. E. K voprosu o vneshney politike Donal'da Trampa: produmannaya strategiya "bezumtsa" ili spontannoye prinyatiye resheniy? [To the question of foreign policy of Donald Trump: a well-thought madman strategy or spontaneous decision making?] *Nauka i biznes: puti razvitiya – Science and Business: Ways of Development*, 2019, no. 2, pp. 289–292 (in Russian).
12. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2008. 256 p. (in Russian).
13. Sedov K. F. Rechevaya agressiya i agressivnost' kak cherta rechevogo portreta [Speech aggression and aggressiveness as part of speech portrait]. *Sotsial'naya psikholingvistika* [Social psycholinguistics]. Moscow, 2007. Pp. 250–278 (in Russian).
14. Transcript: The most important exchanges of the presidential debate, annotated. *Los Angeles Time*, 2016, September, 27. URL: <https://www.latimes.com> (accessed 20 October 2019).
15. The Full Transcript of the Third Presidential Debate between Donald Trump and Hillary Clinton. *Fortune*, 2016, October, 19. URL: <https://fortune.com> (accessed 24 October 2019).
16. Raymond A. K. Trump Hired Them, Then He Called Them Incompetent. *New York*, 2019, August, 19. URL: <http://nymag.com> (accessed 28 October 2019).
17. Pelosi: Trump had 'meltdown' during White House meeting on Syria – as it happened. *The Guardian*, 2019, October, 16. URL: <https://www.theguardian.com> (accessed 17 October 2019).
18. Transcript of the First Debate. *New York Times*, 2016, September, 27. URL: <https://www.nytimes.com> (accessed 28 October 2019).
19. Full transcript: Second 2016 presidential debate. *Politico*, 2016, October, 10. URL: <https://www.politico.com> (accessed 28 October 2019).
20. Donald Trump Minnesota Rally Speech Transcript: Minneapolis. *Rev*, 2019, October, 10. URL: <https://www.rev.com> (accessed 17 October 2019).
21. Pastukhova O. D. *Kommunikativno-pragmaticheskiye osobennosti evfemizmov v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)*. Dis. kand. filol. nauk [Communicative and pragmatic peculiarities of euphemisms in political discourse (in English and Russian). Diss. cand. philol. sci.] Chelyabinsk, 2019. 24 p. (in Russian).
22. Kozhukhova I. V., Pastukhova O. D. Mitigativnyye sredstva v novykh SMI (na materiale sayta hopesandfears.com) [Mitigative strategies in new media (based on hopesandfears.com)]. *Zhurnalistkiy tekst v novoy tekhnologicheskoy srede: dostizheniya i problemy: materialy III konf.* [Journalistic text in a new technological environment: achievements and problems: materials III conf. PMMIS (Chelyabinsk, March 28–29, 2019)]. Chelyabinsk, 2019. Pp. 167–171 (in Russian).
23. Weiland N. Donald Trump's Greatest Self-Contradictions. *Politico*, 2016, May, 5. URL: <https://www.politico.com> (accessed 28 October 2019).
24. Donald Trump boasts that his nuclear button is bigger than Kim Jong-un's. *The Guardian*, 2018, January, 3. URL: <https://www.theguardian.com> (accessed 26 October 2019).
25. Kim Jong-un says 'nuclear button is on my desk', as he announces plan to mass produce and deploy warheads. *South China Morning Post*, 2018, January, 1. URL: <https://www.scmp.com> (accessed 26 October 2019).

Vildanova G. A., Kazan Innovative University (ul. Moskovskaya, 42, Kazan, Russian Federation, 420111).
E-mail: guzelec@gmail.com

Kozhukhova I. V., Chelyabinsk State University (ul. Brat'yev Kashirinykh, 129, Chelyabinsk, Russian Federation, 454001)
E-mail: vinantov@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

УДК 81'27:004 + 070.431

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-92-100

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ СМИ

Н. Н. Кошкарлова, Ю. А. Дудина

Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Введение. Проведен анализ публикаций в немецких СМИ, описывающих события Второй мировой войны.

Материал и методы. В качестве материала для анализа в настоящем исследовании были выбраны статьи, размещенные в немецкоязычных газетах *Süddeutsche Zeitung*, *Die Welt*, а также русскоязычные переводы соответствующих материалов с сайта «ИноСМИ.ру». В качестве доминирующих в настоящем исследовании применялись следующие методы: метод контент-анализа как разновидность содержательно-тематического направления, лингвостилистический метод в двух его вариантах – лексико-стилистический и лексико-семантический анализ, лингвопрагматический и когнитивно-дискурсивный методы.

Результаты и обсуждение. Мифологизированный характер статей, в которых производится ревизия истории, репрезентирован в виде концептов «обман» и «пропаганда». Дискредитирующий характер ревизионистских материалов усиливается через применение отрицательно-оценочной тактики обвинения, которая в межкультурном политическом пространстве может быть не эксплицирована при помощи лексических средств, а являться результатом стилистических и риторических средств того или иного жанра. Деструктивный характер публикаций определяется концептуальной оппозицией политического дискурса «свои» – «чужие», что проявляется в обсуждении событий не только далекого прошлого, но и современной геополитической ситуации. В материалах подобного рода наличествуют все признаки фейкового (дипфейкового) сообщения, что позволяет трактовать их как функционирующие в рамках феномена постправды.

Заключение. Попытки «деифологизировать» историю – это одно из мощнейших оружий информационно-психологической войны, репертуар средств которой охватывает как события исторического прошлого, так и современную геополитическую ситуацию. Медиадискурс в целом и средства массовой информации в частности – это мощный инструмент формирования общественного мнения и трансляции тех или иных аксиологических установок. В условиях современного информационного противоборства важным является не допустить ситуацию, при которой журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В этом отношении огромную роль играет анализ публикаций ревизионистского характера на предмет изучения лингвистических и экстралингвистических механизмов дискредитации прошлого.

Ключевые слова: Вторая мировая война, информационно-психологическая война, ревизионизм, немецкие средства массовой информации, медиадискурс

Трудности переходного периода:
прежняя правда уже обернулась ложью,
а новая ложь еще не стала правдой.

В. Колечицкий

Введение

В преддверии 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне особую актуальность приобретают исследования, целью которых является противостояние столь популярным ревизионистским теориям, когда происходит фальсификация итогов войны, «подмена ее смысла и значения», что «является частью современной антироссийской информационной войны» [1, с. 229]. Термин «информационная война» употребляется в ряду синонимичных ему понятий «информационно-психологическая война», «информационное

противоборство». Однако, несмотря на большое количество понятий, релевантных для исследуемого феномена, ни один из них не имеет четкого определения и трактовки.

С. Л. Кушнерук объясняет отсутствие однозначной дефиниции: 1) сложностью и многогранностью понятия, которое изучается представителями различных научных направлений – политологами, социологами, философами и др.; 2) расхождением теоретических и методологических позиций исследователей, которые занимаются изучением анализируемого феномена; 3) собственно лингвистическими причинами, а именно несовпадением семантического объема понятий, передаваемого лексическими средствами английского и русского языков [2, с. 333–334].

В условиях информационной войны медиадискурс, в рамках которого ведется идеологическое и аксиологическое противостояние, все больше тяготеет к аргументативно-полемическому типу интеракции, который Н. С. Болотнова определяет как «медиадискурс, включающий аналитику, нацеленную на утверждение определенных идей, положений, оценок, которые нуждаются в доказательности и специальной аргументации» [3, с. 138]. Автор указывает, что специальная аргументация используется в медиадискурсе, поскольку система одних взглядов, идей и ценностей вступает в конфронтацию со взглядами, идеями и ценностями противоположной стороны.

Действительно, стратегии и тактики, используемые акторами в ходе информационно-психологического противоборства, характеризуются аналитической оценкой тех или иных событий прошлого или настоящего (иногда такой анализ экстраполируется в будущее), которая в большей степени противоречит реальному положению дел, обеспечивая основу для создания фиктивной (ложной, фейковой) информации. Г. Н. Нурышев называет такие технологии когнитивным моделированием, которое направлено на переформатирование сознания [4]. По мнению автора, яркий пример такой технологии – «фальсификация истории Великой Отечественной войны, ядра сакральной исторической матрицы России» [4, с. 69].

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков неотъемлемым компонентом информационных и идеологических войн называют «войны памяти», основной целью которых является переформатирование «массового исторического сознания в пользу дискурса дискредитации всего советского, включая победу советского народа во Второй мировой войне» [5, с. 11]. В современных геополитических условиях и обстоятельствах все активнее распространяется информация с целью пересмотра и (или) переписывания истории Второй мировой войны, что приводит «к сознательному искажению и фальсификации истории войны и ее последствий в угоду политической конъюнктуре, превращается в растущую угрозу массовому сознанию» [6, с. 298]. Полагаем, что изучение материалов подобного рода будет способствовать сокращению и элиминации сообщений клеветнического, сфабрикованного и ложного характера, а инвентаризация репертуара стратегий и тактик, применяемых в ревизионистских концепциях дискредитирующего характера, важна и в социальном плане.

Материал и методы

Общественная значимость лингвистической интерпретации ревизионистских лжеучений состоит в том, что манипулятивный потенциал таких сообще-

щений редуцируется, так как потребителю информации (специалисту или обывателю) становятся очевидными способы манипулирования информацией, к которым Г. А. Копнина относит: умолчание, селекцию, передергивание, искажение, переворачивание, конструирование [7, с. 53]. При этом под умолчанием автор подразумевает сокрытие информации от адресата; селекцию трактует как пропуск важной и правдивой информации и подачу только выгодных для адресанта фактов; передергивание – это акцент только на выгодных для создателя ложной информации фактах или сторонах явления; преуменьшение, преувеличение, нарушение пропорций – это искажение; замена «черного» на «белое» – это переворачивание, а конструирование – это создание того, чего не существует в реальности.

В качестве материала для анализа в настоящем исследовании были выбраны статьи, размещенные в немецкоязычных газетах *Süddeutsche Zeitung*, *Die Welt*, а также русскоязычные переводы соответствующих материалов с сайта ИноСМИ.ру. Выбор подобного эмпирического материала отвечает современной парадигме лингвистических учений, когда в формировании общественного сознания перво-степенная роль отводится средствам массовой информации и медиадискурсу в целом (см., например: [8–10]). Также в определенном смысле интернет-сайты газет и интернет-портал «ИноСМИ.ру» могут трактоваться как языковые корпуса, так как корпус – это «представленный в электронном виде, **как правило** (выделение наше. – Н. К., Ю. Д.), размеченный для анализа в лингвистических целях, обеспеченный сравнительно простой в использовании поисковой системой репрезентативный массив неотредактированных текстов, представляющих как можно большее количество „вариантов“ языка» [11, с. 87].

В качестве доминирующих в настоящем исследовании применялись следующие методы: метод контент-анализа как разновидность содержательно-тематического направления, лингвостилистический метод в двух его вариантах – лексико-стилистический и лексико-семантический анализ, лингвопрагматический и когнитивно-дискурсивный методы. Предложим краткую характеристику указанных методов. Содержательно-тематическое направление, представленное контент-анализом, важно при анализе публикаций массмедийного дискурса на определенную тематику (в нашем случае – на тему Второй мировой войны), так как «СМИ организуют, упорядочивают динамично меняющуюся картину мира с помощью устойчивой системы так называемых медиатопиков или регулярно воспроизводимых тем, к которым относятся, например, такие как политика, бизнес, спорт, культура, погода, новости международной и региональной

жизни и т. п.» [12, с. 12]. Лексико-стилистический анализ в рамках лингвостилистического метода включает «исследования общественно-политической лексики и политической терминологии» [12, с. 18], а целью лексико-семантического анализа является «анализ функционально-семантических групп лексики» [12, с. 22]. Лингвопрагматический метод – это «исследование коммуникативных стратегий, тактик и приемов, используемых в политических текстах», «средств речевого воздействия, в том числе оценочных», «компонентов прагматической рамки политического текста (факторы автора, адресата, субъектно-адресатных отношений, интенции)» [13, с. 63]. Когнитивно-дискурсивный метод инкорпорирует когнитивный и дискурсивный подходы к анализу лингвистических явлений в совокупности с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами.

Результаты и обсуждение

12 марта 2017 г. на сайте газеты *Süddeutsche Zeitung* была опубликована статья под заголовком *So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab* [14] – *Путинская Россия чествует героев, которых никогда не было* [15]. Агрессивный прагматический потенциал анализируемого материала содержится уже в самом заголовке, который является элементом заголовочного комплекса. К. В. Прохорова определяет заголовочный комплекс как систему, которая состоит из нескольких компонентов и включает в себя ряд элементов, а именно: тематическое название полосы, рубрику, заголовок, подзаголовок, внутренние заголовки, шапку, лид, предтексты, вставки, подписи к фотографиям, подпись [16, с. 14–15]. Все указанные элементы представлены в статье: заголовок, фотография (рис. 1), подпись к ней, лид.

Рис. 1

Лид статьи концептуально поддерживает и тематически развивает заголовок статьи, риторика которой заключается в том, что некоторые из событий зимы 1941/42 гг. – это миф и инсценировка со стороны российского государства.

* Die Rote Armee schlug im Winter 1941/42 Hitlers Wehrmacht vor Moskau zurück – aber die «28 Helden von Panfilow» sind reine Fiktion. Wer heute an die Wahrheit erinnert, ist für die Mächtigen in Russland ein «Drecksack». – *В Красной армии было много героев, которые зимой 1941/42 гг. нанесли поражение вермахту под Москвой. Однако «28 героев-панфиловцев» – это миф, который Россия вновь инсценирует.*

Лексические единицы со значением «миф, выдумка» репрезентируют концепт «обман», который в данном случае эксплицирует значение «то, что не соответствует действительности (исторической правде)»:

* In der neuen Produktion lassen Special Effects die Schlachten noch realistischer wirken. Doch auch das ändert nichts daran, dass die Geschichte einen Haken hat – sie ist frei erfunden. – *Использованные в новом фильме (фильм «Двадцать восемь панфиловцев», 2016. – Н. К., Ю. Д.) спецэффекты позволяют еще более реалистично представить себе происходившие сражения. Но и это ничего не меняет, поскольку в самой истории есть одна звезда – она была полностью выдумана.*

* Bereits 1948 kam eine Untersuchung des militärischen Oberstaatsanwalts der UdSSR, Nikolai Afanassjew, zu dem Ergebnis, dass Mitarbeiter der Armee-Zeitung Roter Stern die Erzählung auf der Grundlage dünner Frontmeldungen erfunden hatten. – *Еще в 1948 году было проведено расследование главным военным прокурором СССР Николаем Афанасьевым. В результате он пришел к выводу о том, что сотрудник армейской газеты «Красная звезда» выдумал эту историю, используя в качестве ее основы непроверенные сообщения с фронта.*

* Der Staat hält derweil an dem Mythos fest. – *Государство тем временем продолжает крепко держаться за этот миф.*

В аксиологическое и семантическое пространство концепта «обман» автор статьи включает также День Победы, отмечаемый в России 9 мая, парад на Красной площади, памятники, победные надписи на автобусах и автомобилях:

* Während der deutsche Raub- und Vernichtungsfeldzug in der Erinnerung der Bundesrepublik nicht einmal mit einem Gedenktag präsent ist, ist er in Russland allgegenwärtig – wenngleich überwiegend in der Form von Staats wegen gepflegter Mythen. Der «Tag des Sieges» am 9. Mai ist neben Neujahr der zweitwichtigste Feiertag des Landes. Die Erinnerung beschränkt sich aber nicht auf Denkmäler und die Parade auf dem Roten Platz. Sie ist in den Alltag eingewoben; Busse werden mit dem Schriftzug «nach Berlin» versehen, Autos ironisch mit Aufklebern als «Trophäe» markiert. – *В то время как грабительская война немцев, война на уничтожение, не пред-*

ставлена в системе воспоминаний Федеральной Республики ни одним памятным днем, в России она повсеместна: хотя преимущественно **в виде тщательно культивируемых государством мифов**. «День Победы», отмечаемый 9 мая, после Нового года является наиболее важным праздником в этой стране. Однако воспоминание о прошлом не ограничивается памятниками и парадами на Красной площади. Оно вплетено в ткань повседневной жизни – автобусы украшаются надписями «На Берлин», автомобили иронично маркируются стикерами со словом «Трофей».

Другим логически связанным с предыдущим является концепт «пропаганда». Негативная коннотация самого термина, использующегося для обозначения концепта, не раз становилась предметом научного внимания специалистов [17–19]. В анализируемой статье немецкого издания пропаганда ассоциируется с проводимой В. Путиным политикой, которая, по мнению автора, реализуется в том числе и через празднование Дня Победы:

** 72 Jahre nach dem entbehungsreichen Sieg ist der Große Vaterländische Krieg stetiger Bezugspunkt von Wladimir Putins Politik und der staatlichen Propaganda. – Спустя 72 года после доставшейся огромной ценой победы Великая Отечественная война продолжает оставаться постоянной точкой отсчета для политики Владимира Путина и государственной пропаганды.*

Лейтмотивом большинства западных публикаций является мысль о том, что присоединение Крыма к России – это аннексия. Анализируемый материал не стал исключением в этом плане, что, безусловно, детерминировано реализацией концептуальной оппозиции политического дискурса «свои» – «чужие»:

** Wie tief dieses Erlebnis sitzt, und wie leicht es sich politisch missbrauchen lässt, wurde nach der Maidan-Revolution deutlich, als der Kreml und die Staatsmedien ... das eigene Volk für die Krim-Annexion und den Krieg im Donbass mobilisierten. – Как глубоко находится этот опыт в душах людей и как легко им манипулировать в политических целях, стало очевидным после революции майдана, когда Кремль и государственные средства массовой информации ... мобилизовали свой собственный народ для поддержки аннексии Крыма и войны в Донбассе.*

Дискредитирующий характер статьи усиливается через применение отрицательно-оценочной тактики обвинения, которая в межкультурном политическом пространстве может быть не эксплицирована на лексическом уровне, а выводиться из стилистики и риторики того или иного жанра:

** In der neu aufgelegten Ost-West-Konfrontation erscheine es aus der Sicht der Regierung als unschick-*

lich, den Beitrag der USA und Großbritanniens zu würdigen. Viel einfacher ist es da, alte Legenden wie die von den Panfilow-Helden aufzufrischen: «Jeder Ansatz, diese Mythen zu zerstören, kommt dann einem Angriff auf die Grundfesten des Staates gleich». – В новой версии конфронтации между Востоком и Западом, по мнению правительства, представляется неуместным оценивать по достоинству вклад Соединенных Штатов и Великобритании, подчеркивает Соколов. Намного проще, как считают власти, освежать такие старые легенды, как подвиг героев-панфиловцев. «Любые попытки разрушить подобные мифы сравниваются с нападками на основы государства».

Очередная попытка разрушить подобные «мифы» была предпринята автором статьи Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten [20] – *Когда сталинские генералы уничтожили почти 400 T-34* [21], опубликованной в газете Die Welt 12 июля 2018 г. Анализируемый материал представляет собой яркий пример влияния экстралингвистических факторов на ценностное содержание медиадискурса, так как именно в июле – августе 2018 г. в России отмечалось 75-летие победы в Курской битве. Историческая операция под Курском не осталась без внимания немецкой прессы, однако в указанном материале многие данные фальсифицированы и даже ошибочны.

Так, согласно данным, представленным в анализируемом материале, битву под Прохоровкой (одно из направлений Курской битвы) выиграла немецкая армия, потеряв три танка.

** Die deutsche Seite verlor nach offiziellen Angaben durch Feindeinwirkung drei Panzer. So war die Panzerschlacht von Prochorowka nicht nur kein sowjetischer Sieg, sondern im Gegenteil eine schwere Niederlage. – Немецкая сторона потеряла, по официальным сообщениям, в результате воздействия противника три танка. Таким образом, танковое сражение под Прохоровкой не только не было победой советских войск, но, напротив, стало для них тяжелым поражением.*

В приведенном примере находим один из лингвистических признаков сфабрикованного (фейкового) сообщения – анонимная атрибуция, которая может выражаться в использовании следующих лексических маркеров мистифицированного сообщения: *по официальным данным, наш источник сообщил, по словам такого-то* и т. д. В следующем примере мы также не находим ссылок на официальные документы, подтверждающие сказанное автором:

** Der britische Historiker Richard Overy schrieb 1995 vom «wichtigsten Einzelsieg des Krieges», den die Rote Armee an diesem Tag errungen habe. Der Militärhistoriker und ehemalige Bundeswehr-Oberst*

Karl-Heinz Frieser hat schon 2007 solche Darstellungen als mindestens stark übertrieben entlarvt. Vor allem aus Rechtfertigungsgründen gegenüber Stalin, so sein Ergebnis, sei die Panzerschlacht von Prochorowka von Offizieren der Roten Armee falsch dargestellt worden. So konnte das auf deutscher Seite beteiligte II SS-Panzerkorps schwerlich allein an diesem Montag 400 Panzer verlieren, weil es während der gesamten Schlacht um Kursk nur 33 Totalverluste erlitt. – *Британский историк Ричард Овери (Richard Overy) написал в 1995 г. о «самой важной одиночной победе в войне», которую одержала в тот день Красная армия. Но военный историк и бывший полковник бундесвера Карл-Хайнц Фризер (Karl-Heinz Frieser) еще в 2007 г. назвал подобные оценки как минимум сильно преувеличенными. По его мнению, офицеры Красной армии неверно излагали события танкового сражения под Прохоровкой прежде всего из желания оправдаться перед Сталиным. Так, например, участвовавший в боях II танковый корпус СС вряд ли мог потерять в тот понедельник 400 танков, потому что за всю битву под Курском его потери составили лишь 33 полностью уничтоженных машин.*

Деструктивный прагматический потенциал анализируемого материала усиливается за счет эмоционально-оценочной лексики, которая используется для описания положения Советской армии в битве под Прохоровкой: *разбиты, разгромлены, тяжелое поражение.*

* Zwei sowjetische Panzerbrigaden gingen auf diese Weise am 12. Juli 1943 verloren. Zwischen 207 und 235 der 514 Kettenfahrzeuge wurden total zerstört, weitere etwa 150 mussten teils aufwendig repariert werden – die Zahlen sind widersprüchlich. ...So war die Panzerschlacht von Prochorowka nicht nur kein sowjetischer Sieg, sondern im Gegenteil eine schwere Niederlage. – *Таким образом, две советские танковые бригады 12 июля 1943 года были разгромлены. От 207 до 235 гусеничных машин из общего числа в 514 были полностью разбиты, еще приблизительно 150 нуждались в серьезном ремонте – числа противоречивые. ...Таким образом, танковое сражение под Прохоровкой не только не было победой советских войск, но, напротив, стало для них тяжелым поражением.*

Риторика и стилистика материала в немецкой газете направлены на доказательство того, что бои под Курском не были «лебединой песней» немецких танковых войск. Как известно, фразеологизм «лебединая песня» (нем. Schwanengesang) употребляется для обозначения последнего, наиболее значительного проявления таланта и способностей:

* So war vom «Schwanengesang» der deutschen Panzerwaffe die Rede, von einem «wahrhaft titanisch-

en Duell zweier stählerner Armaden». – *Потом говорили о «лебединой песне» немецких танковых войск, о «поистине титанической дуэли двух стальных армад».*

Такие попытки не могли не вызвать ответной реакции противоположной стороны. В российской прессе был опубликован ряд опровержений приведенных в анализируемой публикации фактов (см., например: [22]). Аналогичное опровержение последовало вслед за публикацией от 9 июля 2019 г. в немецкой газете Die Welt статьи под заголовком Der «Sieg» der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war [23] – «Победа» Красной армии, которая фактически была поражением [24].

Деструктивный прагматический потенциал содержится уже в самом заголовке, где слово Sieg (Победа) заключено в кавычки, употребляющиеся в данном случае в метаязыковой функции, которая передает эксплицитную иронию адресанта к предмету высказывания, его отрицательное отношение, сомнение в истинности и достоверности произошедших событий. Материал представляет собой очередную попытку «демифологизации» героической истории нашей страны, но теперь уже со ссылкой на мнения двух историков (из Германии и Великобритании). Согласно их точке зрения, никакой победы Красной армии под Прохоровкой не было, как и самого масштабного сражения.

* Der deutsche Militärhistoriker Karl-Heinz Frieser hat darauf schon wiederholt hingewiesen, unter anderem in einem WELT-Interview. Aber jetzt wird seine auf Akten in deutschen und russischen Archiven sowie auf Zeitzeugenaussagen gestützte Entmystifizierung der Panzerschlacht von Prochorowka durch optische Beweise eindeutig bestätigt. – *Немецкий военный историк Карл-Хайнц Фризер (Karl-Heinz Frieser) уже не раз указывал на это, в том числе и в одном из интервью газете «Вельт». Но теперь его основанная на документах из немецких и российских архивов, а также на показаниях очевидцев события демифологизация танкового сражения под Прохоровкой однозначно подтвердилась визуальными средствами.*

* Sein britischer Kollege Ben Wheatley nämlich hat in einem ansonsten wenig beachteten Bestand deutscher Luftaufklärungsbilder von der Ostfront im amerikanischen Nationalarchiv in College Park (US-Bundesstaat Maryland) mehrere Aufnahmen gefunden, die mit größter Klarheit die katastrophale Niederlage der Roten Armee bei Prochorowka belegen. Sein Aufsatz darüber ist vor Kurzem erschienen. – *Его британский коллега Бен Уитли (Ben Wheatley) нашел в малоизвестном собрании фотографий немецкой воздушной разведки с Восточного фронта в Американском национальном архиве в «Колледж парке» (штат Мэриленд) множество снимков, ко-*

которые с очевидностью доказывают катастрофическое поражение Красной армии под Прохоровкой. Недавно опубликована его статья на эту тему.

Как видно из приведенных контекстов, аргументом в пользу так называемой демифологизации истории Второй мировой войны послужили фотографии, найденные в архивах и подлежащие анализу только с помощью специальной оптики. В современных условиях такие фотографии вполне правомерно отнести к разряду дипфейка, под которым понимается «вполне реалистичная и трудно распознаваемая цифровая трансформация аудио или видео» [25, с. 147]. Полагаем, что дипфейк, как и собственно фейковая информация, попытки ревизии истории Второй мировой войны, создание фальсифицированной информации относительно исторических событий функционируют в рамках феномена постправды, который мы определяем как «деструкцию и трансформацию социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются „псевдоновости“, создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории» [26, с. 15].

В контекст анализируемой публикации вплетены и христианские символы, выполняющие для россиян интегрирующую и священную роль. Речь идет о Звоннице – основном памятнике мемориального комплекса «Прохоровское поле», установленном в память о танковом сражении 12 июля 1943 г. По мнению автора статьи, Звонница, на куполе которой расположена сфера с семиметровой фигурой Богородицы, должна быть снесена, так как никакой победы Красной армии под Прохоровкой не было.

* Eine goldene Muttergottes thront auf der schnee-weißen, seltsam in die Höhe gezogenen Kapelle. Das Denkmal südwestlich des russischen Dorfes Prochorowka, errichtet in der Regierungszeit von Boris Jelzin, erinnert an den Triumph der Roten Armee in der «größten Panzerschlacht des Zweiten Weltkrieges» genau hier, am 12. Juli 1943 Für ein Siegesdenkmal gibt es jedoch keinerlei Anlass. – *Золотая фигура Богородицы восседает на белоснежной, непривыч-*

но устремленной ввысь часовне. Этот памятник, расположенный к юго-западу от русской деревни Прохоровки и воздвигнутый во времена Бориса Ельцина, напоминает о триумфе Красной армии в «крупнейшем танковом сражении Второй мировой войны», произошедшем здесь 12 июля 1943 г. Но вообще-то этот памятник нужно немедленно снести.

В приведенном примере установка памятника ассоциируется с прецедентным именем, ставшим для современной истории России знаком реальных исторических (не всегда позитивных) событий.

Заключение

Таким образом, анализ публикаций в немецкой прессе, в которых производится дискредитация и ревизия хода и итогов Второй мировой войны, позволяет нам прийти к следующим выводам. Материалы такого рода – это фальсифицированные и ложные сообщения, функционирующие в рамках феномена постправды. Попытки «демифологизировать» историю – это одно из мощнейших оружий информационно-психологической войны, репертуар средств которой охватывает как события исторического прошлого, так и современную геополитическую ситуацию. Медиадискурс в целом и средства массовой информации в частности – это мощный инструмент формирования общественного мнения и трансляции тех или иных аксиологических установок. В условиях современного информационного противоборства важным является не допустить такое положение дел, при котором журналистика фактов подменяется журналистикой мнений. В этом отношении огромную роль играет анализ публикаций ревизионистского характера на предмет изучения лингвистических и экстралингвистических механизмов дискредитации прошлого. Все это будет способствовать элиминации информационных поводов для конфликтного и деструктивного взаимодействия, невозможности поддержания и эксплуатации ревизионистской и агрессивной риторики, исключения деструкции политического и массмедийного дискурса. Стремлением политиков, историков, лингвистов, рядовых граждан должна быть ситуация, при которой происходит не отторжение и противостояние ценностей, а их взаимодействие и интеграция.

Список литературы

1. Косых Е. С. Ревизия Второй мировой войны и информационная война против России // Человек и общество в условиях войн и революции. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2015. С. 229–234.
2. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских средствах массовой коммуникации // Лингвистика информационно-психологической войны. Кн. 2 / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина и др.; под ред. проф. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2019. С. 331–369.
3. Болотнова Н. С. Регулятивность в публичном аргументативно-полемиическом медиадискурсе информационно-медийной языковой личности // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 7 (172). С. 138–145.

4. Нурышев Н. Г. Информационно-психологические операции в системе гибридных войн // Геополитика и безопасность. 2017. № 2. С. 65–73.
5. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс-Пи. 2015. № 1 (18). С. 10–19.
6. Степанов С. А. Детская болезнь национализма в Европе и как к ней относиться в России? // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 297–310.
7. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта: Наука, 2010. 176 с.
8. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: опыт исследования современной английской медиаречи. М.: КРАСАНД, 2010. 288 с.
9. Macnamara J. R. The Role and Effects of Mass Media in Modern Societies // Media and Male Identity. London: Palgrave Macmillan, 2006. P. 63–67.
10. de Mooij M. Mass Media, Journalism, Society, and Culture // Human and Mediated Communication around the World. Springer. Cham. 2014. P. 309–353.
11. Козлова Н. В. Лингвистические корпуса: определение основных понятий и типология // Вестн. НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11, вып. 1. С. 79–88.
12. Руженцева Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 208 с.
13. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов; А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба, Н. Н. Кошкарлова, О. Н. Кондратьева, М. В. Никифорова, И. С. Пирожкова, Н. Б. Руженцева, О. А. Солопова. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 303 с.
14. Hans J. So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab // Süddeutsche Zeitung. Март 12, 2017.
15. Ханс Ю. Бессмертные. URL: <https://inosmi.ru/social/20170125/238594689.html> (дата обращения: 01.08.2019).
16. Прохорова К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности. СПб.: Лаб. операт. печати факультета журналистики СПбГУ, 2005. 80 с.
17. Brunello A. R. A Moral Compass and Modern Propaganda? Charting Ethical and Political Discourse // Review of History and Political Science. 2014. June. Vol. 2, № 2. P. 169–197.
18. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21, № 3. August. P. 627–631.
19. Walton D. What is propaganda, and what is wrong with it? // Public Affairs Quarterly. 1997. Vol. 11, № 4. October. P. 383–413.
20. Althaus J. Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten // Die Welt. Июль 12, 2018.
21. Альтхаус Й. Когда сталинские генералы уничтожили почти 400 Т-34. URL: <https://inosmi.ru/social/20180716/242753315.html> (дата обращения: 01.08.2019).
22. Немецкая пресса битву под Прохоровкой записала в победы вермахта. URL: <https://moe-belgorod.ru/news/society/1019172> (дата обращения: 07.08.2019).
23. Kellerhoff S. F. Der «Sieg» der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war // Die Welt. Июль 9, 2019.
24. Die Welt (Германия): «победа» Красной армии, которая на самом деле была поражением. URL: <https://inosmi.ru/history/20190710/245448576.html> (дата обращения: 01.08.2019).
25. Chesney R., Citron D. Deepfakes and the new disinformation war. The coming age of post-truth geopolitics // Foreign Affairs. 2019. January / February. P. 147–155.
26. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 50–56.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080). E-mail: nkoshka@rambler.ru

Дудина Юлия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080). E-mail: dudina_yuliya@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-92-100

WORLD WAR II AS VIEWED BY GERMAN MASS-MEDIA

N. N. Koshkarova, Yu. A. Dudina

National Research South-Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Introduction. The paper explores the articles in the German mass-media describing the events of World War II.

Material and methods. The articles published in the German newspapers Süddeutsche Zeitung, Die Welt and the Russian translation of these articles from the site ИноСМИ.ru serve as the material for the analysis. The following

methods were used: content-analysis as a kind of content and semantic direction, linguistic and stylistic method in two of its variations – lexical and stylistic and lexical and semantic analysis, linguistic and pragmatic and cognitive and discursive methods.

Results and discussion. Confabulated character of the articles which aim to revise the history is represented through the concepts DECEPTION and PROPAGANDA. The damaging character of the revisionist materials is intensified through the usage of the negative tactic of accusation which in the intercultural political area may not be explicitly depicted on the lexical level but be rendered from the stylistics and rhetoric of this or that genre. The destructive character of the publications is determined by the conceptual opposition of the political discourse ‘friend-foe’ and is manifested in the discussion of the events not only belonging to the past but inherent to the modern geopolitical situation. In the materials of this kind all features of the fake (deepfake) message are present which let us interpret them as functioning in the framework of the post-truth phenomenon.

Conclusion. One of the most powerful weapons of the information and psychological warfare are the attempts to “deconfabulate” the history. The repertoire of information and psychological warfare’s means embraces the past events and the modern geopolitical situation. The media-discourse in general and mass-media particularly is a great instrument of forming a public opinion and transmitting these or those axiological priorities. In the context of modern information confrontation it is important to prevent the situation when the journalism of facts is substituted by the journalism of opinions. In this respect the analysis of the revisionist publications plays a great role in terms of studying the linguistic and extra-linguistic mechanisms of discrediting the past.

Keywords: *World War II, information and psychological warfare, revisionism, German mass-media, media-discourse.*

References

1. Kosykh E. S. Reviziya Vtoroy mirovoy voyny i informatsionnaya voyna protiv Rossii [Revision of World War II and information war against Russia]. *Chelovek i obshchestvo v usloviyakh voyn i revolyutsii* [Man and society in the context of wars and revolutions]. Samara, 2015. Pp. 229–234 (in Russian).
2. Kushneruk S. L. Diskursivnyy mir informatsionno-psikhologicheskoy voyny v britanskikh sredstvakh massovoy kommunikatsii [Discursive world of information and psychological warfare in the British mass-media]. In: A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina et al. *Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny*. Kn. 2. Red. prof. A. P. Skovorodnikov [Linguistics of information and psychological warfare. Book. 2. A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina et al. Ed. prof. A. P. Skovorodnikova]. Krasnoyarsk, SibFU Publ., 2019. Pp. 331–369 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. Regulativnost' v publichnom argumentativno-polemicheskom mediadiskurse informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti [Regulativity in public argued and polemic discourse of informational and media language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, vol. 7 (172), pp. 138–145 (in Russian).
4. Nuryshv N. G. Informatsionno-psikhologicheskiye operatsii v sisteme gibridnykh voyn [Information and psychological operations in the system of hybrid wars]. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2017, no. 2, pp. 65–73 (in Russian).
5. Rusakova O. F., Rusakov V. M. Agonal'nyy diskurs sovremennoy politiki pamyati [Agonal discourse of modern memory policy]. *Diskurs-Pi*, 2015, no. 1 (18), pp. 10–19 (in Russian).
6. Stepanov S. A. Detskaya bolezn' natsionalizma v Evrope i kak k ney otnosit'sya v Rossii? [Childish illness of nationalism in Europe and how is it treated in Russia?]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya – Socio-humanitarian knowledge*, 2011, no. 2, pp. 297–310 (in Russian).
7. Kopnina G. A. *Rechevoye manipulirovaniye* [Speech manipulation]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 176 p. (in Russian).
8. Dobrosklonskaya T. G. *Voprosy izucheniya mediatekstov: opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi* [Issues of media-texts' study. experience of modern English media-speech research]. Moscow, KRASAND Publ., 2010. 288 p. (in Russian).
9. Macnamara J. R. The Role and Effects of Mass Media in Modern Societies. *Media and Male Identity*. London, Palgrave Macmillan, 2006. Pp. 63–67.
10. Mooij M. de. Mass Media, Journalism, Society, and Culture. *Human and Mediated Communication around the World*, Springer. Cham, 2014. Pp. 309–353.
11. Kozlova N. V. Lingvisticheskiye korpusa: opredeleniye osnovnykh ponyatiy i tipologiya [Linguistic corpora: definition of main notions and typology]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, vol. 11, no. 1, pp. 79–88 (in Russian).
12. Ruzhentseva N. B. *Metodologiya i metodiki analiza massmediynogo politicheskogo teksta* [Methodology and methods of mass-media political text analysis]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2018. 208 p. (in Russian).
13. Chudinov A. P., Budayev E. V., Dzyuba E. V., Koshkarova N. N., Kondratiev O. N., Nikiforov M. V., Solopova O. A. *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta*. Otv. red. A. P. Chudinov [Theory and methodology of political text linguistic analysis]. Responsible ed. A. P. Chudinov. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t Publ., 2016. 303 p. (in Russian).
14. Hans J. So feiert Putins Russland Helden, die es niemals gab [So Putin's Russia celebrates heroes that never existed]. *Süddeutsche Zeitung*. Mart 12, 2017.
15. Khans Yu. *Bessmertnyye* [Immortals] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/social/20170125/238594689.html> (accessed 1 August 2019).
16. Prokhorova K. V. *Gazetnyy zagolovok: problemy i funktsional'nyye vozmozhnosti* [Newspaper headline: problems and functional opportunities]. Saint-Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 80 p. (in Russian).

17. Brunello A. R. A Moral Compass and Modern Propaganda? Charting Ethical and Political Discourse. *Review of History and Political Science*, 2014, June, vol. 2, no. 2, pp. 169–197.
18. Lasswell H. D. The Theory of Political Propaganda. *The American Political Science Review*, 1927, vol. 21, no. 3, August, pp. 627–631.
19. Walton D. What is propaganda, and what is wrong with it? *Public Affairs Quarterly*, 1997, vol. 11, no. 4, October, pp. 383–413.
20. Althaus J. Als Stalins Generäle fast 400 T-34 zerstörten. *Die Welt*. Juli 12, 2018.
21. Al'tkhaus Y. *Kogda stalinskiye generaly unichtozhili pochtu 400 T-34* [When Stalin generals destroyed almost 400 T-34] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/social/20180716/242753315.html> (accessed 1 August 2019).
22. *Nemetskaya pressa bitvu pod Prokhorovkoy zapisala v pobedy vermakhta* [German press attributed Prokhorovka battle to Wehrmacht victory] (in Russian). URL: <https://moe-belgorod.ru/news/society/1019172> (accessed 7 August 2019).
23. Kellerhoff S. F. Der „Sieg“ der Roten Armee, der in Wirklichkeit eine Niederlage war. *Die Welt*. Juli 9, 2019.
24. *Die Welt (Germaniya): „pobeda“ Krasnoy armii, kotoraya na samom dele byla porazheniyem* [Die Welt (Germany): “victory” of Red Army which in reality was a defeat] (in Russian). URL: <https://inosmi.ru/history/20190710/245448576.html> (accessed 1 August 2019).
25. Chesney R., Citron D. Deepfakes and the new disinformation war. The coming age of post-truth geopolitics. *Foreign Affairs*, 2019, January/February, pp. 147–155.
26. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B. Na puti k pravde, vedushchem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Forth to truth and back to hoax: post-truth in modern political communication]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2019, no. 1 (73), pp. 50–56 (in Russian).

Koshkarova N. N., National Research South-Ural State University (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080). E-mail: nksohka@rambler.ru

Dudina Yu. A., National Research South-Ural State University (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080). E-mail: dudina_yuliya@mail.ru

УДК 81'371

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-101-110

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ВОЗВРАТНЫХ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ГОВОРАХ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ПРОПОЗИЦИИ

О. В. Пересада¹, Н. А. Корепина²

¹ Иркутский государственный университет, Иркутск

² Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

Введение. Представлен фрагмент описания значений возвратных диалектных глаголов, образованных от существительных, с целью изучения прагматических аспектов языковой семантики.

Материал и методы. Приведены мнения ученых о понятии возвратности, о классификации возвратных глаголов. Описано место анализируемых глаголов среди различных классов возвратных глаголов и определено, что отсубстантивные возвратные глаголы относятся к группе отложительных глаголов.

Результаты и обсуждение. Выявлено семантическое разнообразие постфикса -ся. Возвратная морфема располагает не только грамматическими значениями, она обязательно выполняет словообразовательную функцию и участвует в создании множества единиц с новым лексическим значением. Классификация способов словообразования возвратных диалектных глаголов проведена в соответствии с подобной классификацией общеупотребительных русских глаголов. Большинство диалектных глаголов имеют не общие, а индивидуальные значения. Определены когнитивные модели характеризующих наименований действий, представленных возвратными отсубстантивными глаголами. Приведены примеры пропозиций глаголов. Установлено, что характеризующие возвратные глаголы могут иметь моно- и полипропозитивные структуры. Выяснилось, что анализируемые наименования могут выражаться отыменными глаголами через указание на субъект и объект пропозиции. Это связано с типами отражаемых ситуаций: характеристикой внутренних и внешних качеств человека и взаимоотношений людей. Большинство полипропозитивных наименований возникли на основе метафоры. Многие структуры метафоричных глаголов включают модус фиктивности и модус оценки, выражающий отношение говорящего к обозначаемому. Фиктивная и оценочная модальность могут осложняться эмотивной модальностью – неодобрением, пренебрежением. Возникающая экспрессия носит чисто словообразовательный характер. Использование сложных способов образования (суффиксально-постфиксального; префиксально-суффиксально-постфиксального) для многих характеризующих глаголов является одним из средств создания экспрессии.

Заключение. У отыменных глаголов возвратный постфикс не выполняет своей функции показателя актантной деривации. Постфикс -ся маркирует не актантную деривацию, а количество участников, степень агентивности и другие параметры ситуации. В некоторых случаях выбор возвратного/невозвратного варианта отыменного глагола для обозначения характеризующего наименования не всегда объясним.

Ключевые слова: диалектная лексика, производное слово, пропозиция, семантика, возвратность, постфикс -ся, метафорические модели, оценочная лексика, субъективная модальность.

Введение

Изучение структурной организации и семантики слов различных частей речи является одной из актуальных проблем современной диалектологии. В данной работе описываются возвратные глаголы, образованные от существительных, в говорах Прибайкалья и Иркутской области.

Исследованию возвратных глаголов посвящено множество работ, однако следует отметить, что понятие возвратности трактуется учеными неоднозначно.

Многие исследователи (М. В. Ломоносов, Ф. И. Буслаев, А. Х. Востоков, А. А. Шахматов и др.) относили к возвратным не все глаголы с постфиксом -ся, а только образованные от переходных, например, *мыться* от *мыть* [1, 2]. В понятие «возвратный глагол» Ф. Ф. Фортунатов включил все глаголы на -ся, которые имеют сопоставления с соответствующими

глаголами без -ся. М. А. Пешковский считал возвратными все глаголы с постфиксом -ся.

Возвратными (или рефлексивными) глаголами русского языка принято называть «непереходные глаголы, в состав основы которых входит несловоизменяемый постфикс -ся» [3, с. 62]. Рефлексивные глаголы имеют в своем составе постфикс -ся или его алломорф -сь (рефлексивный показатель), который не зависит от функции словоизменяющего или словообразовательного статуса этого показателя [4, с. 1]. Слово «рефлексивный» (от лат. *reflexus*) имеет значение «обратное движение, поворот», т. е. можно сказать, что действие рефлексивного глагола возвращается на себя.

В нашей работе мы считаем (вслед за «Краткой русской грамматикой») возвратными глаголами «все глаголы с постфиксом -ся, не имеющие страдательного значения» [5, с. 309].

По мнению исследователей, «в развитии учения о возвратности (и возвратных глаголах, в частности) в русистике можно выделить три основных этапа: грамматический (возвратность трактуется как разновидность залога или характеризуется залоговой природой); лексико-грамматический (возвратные глаголы рассматриваются как словообразовательные классы) и функционально-семантический (возвратность определяется как функционально-семантическая категория)» [6, 7].

Многие русские лингвисты, такие как А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, С. Карцевский, В. А. Янко-Триницкая, В. А. Белашапкина, Л. А. Новиков и другие, занимались описанием классификаций возвратных глаголов. Их классификации различаются лишь подробностью членения глаголов на классы, в целом же схожи между собой. Кроме того, при классификации русских возвратных глаголов используются различные подходы: логический и деривационный [8].

Основная сложность в описании возвратных глаголов состоит в их неоднородности, что связано с семантическим разнообразием аффикса -ся (-сь). История происхождения постфикса -ся связана с существованием формы винительного падежа возвратного местоимения себя (=ся). Функция постфикса заключалась в указании на соотношенность субъекта и объекта, т. е. он выступал как аналитический компонент.

Первоначально, по мнению В. В. Виноградова, невозвратная и возвратная формы являлись формами одного и того же слова [1]. Возвратная форма, считал ученый, обозначала замкнутое в субъекте то же самое действие, которое не было направлено на посторонний объект. Например, *веселить* и *веселиться*; *мыть* и *мыться*; *бросать* и *бросаться*; *запасти* и *запасться* и т. п. [1]. Однако, как считал В. В. Виноградов, это синтаксическое соотношение явилось причиной лексических различий. Разные падежные функции бывшего возвратного местоимения отразились в глагольных формах на -ся, что привело к разнообразию значений возвратных форм глаголов [1]. Вследствие этого видоизменились грамматические соотношения возвратных и невозвратных форм глаголов. Значения и оттенки значения постфикса стали зависеть от разрядов глаголов и их семантических различий, от лексической природы тех основ глаголов, к которым этот аффикс прикрепляется.

Диалектологов привлекает не только разнообразие семантики постфикса -ся, но и его морфемный статус, дистрибутивные свойства и специфика функционирования [8].

Однако, «каким бы набором грамматических значений ни располагала возвратная морфема, она обязательно выполняет – в любом славянском языке

– еще и словообразовательную функцию, участвуя в создании множества единиц с новым (отдельным) лексическим значением» [9].

Таким образом, категорию возвратности можно считать в большей мере семантико-словообразовательной, чем грамматической [1].

Вследствие этого наиболее часто словообразовательное значение постфикса -ся определяют путем сопоставления производных и производящих основ глаголов. При изучении значения -ся (-сь), исследователи отмечают, что «основной его грамматической функцией является устранение переходности или усиление непереходности, а словообразовательной – усиление самостоятельности действия, его сосредоточенности в самом себе» [2, 6, 10].

Однако некоторые возвратные формы обособились от соответствующих невозвратных форм, развили самостоятельные значения. В таких случаях провести соответствия невозможно, что связано с отсутствием коррелята.

«Возвратные глаголы, для которых не существует (по крайней мере, на синхронном уровне) парного им невозвратного глагола» [11], называют отложительными.

Таких глаголов в современном русском языке достаточно много. Их можно встретить в следующих лексических классах: глаголы поведения, глаголы эмоций; глаголы, обозначающие физиологические состояния человека, и некоторых других.

Выделяют морфологические классы отложительных глаголов по их соотношению с невозвратными. Особое место занимают глаголы, образующиеся приставочно-постфиксальным способом. Сочетание приставки и постфикса -ся получило название «конфикс» [12], «циркумфикс» [13, с. 34], в некоторых работах такие соединения именуются рамочной морфемой [6]. Такие глаголы, по мнению лингвистов, нельзя использовать для определения словообразовательного значения постфикса -ся, так как новое значение возвратного глагола создается сочетанием аффиксов, а это уже новая словообразовательная морфема [2].

У приставочных отложительных глаголов имеется невозвратный глагол с той же основой и другой приставкой, например: *поинтересоваться* (ср. *интересоваться* – *интересовать*, *заинтересоваться* – *заинтересовать*).

К группе собственно отложительных глаголов относятся варианты, «когда не только глагол, но даже соответствующая глагольная основа не существуют без возвратного постфикса: *улыбаться*, *бояться*, *лениться*, *издеваться*, *кичиться*, *надеяться*, *смеркаться*, *нездоровиться* и др.» [11].

Как известно, в русском языке постфикс -ся (самостоятельно или совместно с приставками) мо-

жет добавлять различные залоговые значения действительного залога: возвратное (*купаться*), взаимное (*ссориться*), страдательное (*воспитываться*) и др.

Поскольку у отложительных глаголов отсутствуют формы действительного залога без -ся (например, *боять*), модификатор (-ся), обычно придающий значение недействительного залога, перестает работать – нечего модифицировать. Таким образом, форма «*бояться*» с нерабочим модификатором имеет значение действительного залога, тогда как сама подобна форме с работающим модификатором (ср.: -ть *воспитываться*) и выглядит как глагол со значением недействительного залога.

К группе собственно отложительных глаголов относятся и случаи образования по модели возвратных глаголов от имен: *брататься*, *лениться* и т. д. Среди глаголов данного класса мы находим отыменные глаголы, существующие только в возвратном варианте (например, *толпиться* от *толпа*). Образование глагола от имени – одно из возможных объяснений возникновения возвратных глаголов без соотносительных невозвратных.

Материал и методы

В данной статье нами рассмотрена семантическая структура отсубстантивных возвратных глаголов в говорах на основании их распределения по тематическим группам.

Материалом исследования явились отсубстантивные диалектные глаголы (219) и соответствующее количество мотивирующих существительных. Слова отбирались путем сплошной выборки из «Иркутского областного словаря» и «Словаря русских говоров Прибайкалья» (отражает диалектный состав Тункинского, Баргузинского, Кабанского районов Бурятии).

С целью изучения прагматических аспектов языкового значения определены когнитивные модели при образовании характеризующих наименований действий, обозначенных возвратными отсубстантивными глаголами. Представлены пропозиции анализируемых глаголов.

Результаты и обсуждение

Были выделены 28 возвратных глаголов в группе характеризующих наименований. Не выявлены возвратные глаголы среди функциональных наименований. После отбора возвратные глаголы разбивались по группам с учетом способов образования:

- 1) суффиксально-постфиксальные глаголы (13);
- 2) префиксально-суффиксально-постфиксальные глаголы (15).

В результате исследования выявлялись словообразовательные типы отсубстантивных возвратных глаголов в говорах Прибайкалья и Иркутской

области.

В русском языке, как отмечают авторы «Краткой русской грамматики», «суффиксально-постфиксальные глаголы мотивируются существительными (*толпиться*) и прилагательными (*скупиться*)» [5]. «Почти все суффиксально-постфиксальные глаголы, мотивированные существительными и прилагательными, имеют продуктивный суффикс -и-; суффикс -ова- представлен лишь в глаголах *почковаться* (спец.), *рубцеваться* и *столоваться*; -а- – лишь в *нуждаться*, *брататься*, *жениться* (прост.); -е- лишь в *виднеться*» [5].

В диалектном словообразовании продуктивна и чаще других используется одна модель данного типа, которая имеет: суф. -и- и постф. -ся: *барышниться* «*наряжаться, завиваться*», *глазиться* «*подавать признаки жизни, открывать глаза*», *горбуниться* «*тяжело работать*», *зубиться* «*огрызаться, отвечать язвительно, дерзко*», *ивниться* «*заснаваться, важничать*», *куражиться* «*ломаться, капризничать*», *лешииться* «*вести беззаботную, праздную жизнь*», *причальиться* «*приютиться*», *рогатиться* «*задираться*», *способиться* «*справиться*».

Суф. -а(ть) и -ова(ть) представлены, как и в литературном языке, в редких случаях: *вожжаться* «*общаться, водиться с кем-либо*», *вошкаться* «*возиться, копошиться*», *гуртоваться* «*собираться тесно, вплотную, в большом количестве*».

«Глаголы, мотивированные существительными, имеют следующие значения: „совершать действия, свойственные кому-, чему-н.“, иногда с дополнительным значением уподобления» [5]. Сравним разг. *невеститься* и диал. *барышниться* «*вести себя как барышня*», *лешииться*, *вошкаться*, *горбуниться*. Значение «создавать что-н.» имеют в нормативном языке глаголы *колоситься*, *почковаться* (спец.), в диал. – *кучиться*, *гуртоваться*; значение «совершать действие, названное мотивирующим словом»: *суетиться* (разг.) и *куражиться* «*заниматься куражом*» (диал.). Остальные глаголы в говорах имеют индивидуальные значения.

Большинство суффиксально-постфиксальных диалектных глаголов, как и нормативных, относятся к несов. виду (исключение – *способиться*).

Префиксально-суффиксально-постфиксальные диалектные глаголы, как и нормативные глаголы, мотивированные существительными, имеют суффикс -и- и принадлежат к сов. виду.

Литературные «глаголы, мотивированные существительными, имеют значения: „приобрести, получить что-н.“ – глаголы с приставкой о-: *остепениться* (разг., шутил.); об-: *обынтеллигентиться* (разг.). В отдельных случаях содержатся приставки за-: *заилиться*; при-: *прилуниться*, *приосаниться*; про-: *прослезиться*, *проштрафиться* (разг.),

провиниться; рас-: *раскошелиться* (разг.), *распогодиться* (разг.); у-: *удосужиться* (разг.)» [5]. Ср. диалектные глаголы: *обдетиться* «обзавестись детьми», *обумиться* «образумиться, одуматься».

Остальные глаголы имеют индивидуальные значения: *озвериться*, *обеситься*, *обмишенииться*, *разбабиться*, *раскупороситься*.

В диалектном словообразовании встретились возвратные глаголы, образованные посредством других приставок, не отмеченных в «Краткой русской грамматике», например, от-: *отпариться* «отделиться от кого-либо, разобищиться», обес-: *обесстужиться* «обидеться, рассердиться», обессониться «измучиться от бессонницы»; из-: *изварначиться* «испортиться, распутиться», раз-, на-: *накудриться* «завиться», *начучелиться* «некрасиво одеться»; под-: *подмундериться* «странно, необычно одеться»; до-: *доумиться* «догадаться, додуматься».

Выяснилось, что в группу возвратных отыменных глаголов входят глаголы состояния, отношения, деятельности, т. е. глаголы из разных лексико-семантических групп. Они служат для выражения отношения людей друг к другу, к происходящим событиям, к окружающей действительности.

Семантическое поле «Отношение»

1. Наименования действий, связанных с межличностными отношениями

1.1. Наименования действий, связанных с объединением людей

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные при помощи суф. -и(ть) и постф. -ся: *способиться* «справиться», *причалиться* «приютиться»; суф. -ова(ть) и постф. -ся: *гуртоваться* «собираться тесно, вплотную, в большом количестве»; суф. -а(ть) и постф. -ся: *вожжаться* «общаться, водиться с кем-либо».

Структуры с одной пропозицией

Способиться – некто (S) справляется (P) с кем-то (O (S)) каким-то *способом* (Instr.).

В глаголе «способиться» характеризуются не внутренние или внешние свойства субъекта, а его деятельность. Можно наблюдать сходство данной пропозиции с пропозицией глаголов, образованных от имен, имеющих орудийную семантику. Пропозициональная структура глагола не осложнена субъективным восприятием субъекта. Фразеологичность глагола связана с непредсказующей отвлеченной семантикой мотиватора *способ* «действие, прием».

Гуртоваться – некто (S) образует (P) *гурт* (O (Res)) (целое по части).

Глагол образован от существительного со значением совокупности «гурт». В поверхностной структуре эксплицируется объект – результат. На-

именование «гуртоваться» является результатом метонимии (целое по части). Часть (значение слова «гурт» – стадо скота) расширяется до целого («совокупность кого-либо»). Метонимичность обусловила фразеологичность глагола, хотя мотиватором послужило слово с предсказующей семантикой совокупности.

Полипропозитивные структуры

Причалиться – некто обрел приют (O (Loc)). Причал – это пристанище. Приют *подобен причалу* (O (Loc)).

Идиоматичность глагола определяется многоаспектностью значения существительного – локативного аргумента пропозиции. В процессе метафоризации, формирующей семантику глагола, участвуют три пропозиции: на основании сходства производимого впечатления сравниваются свойства двух предметов, непосредственно не связанных между собой.

Вожжаться – некто общается с кем-то. Общение – средство связи, *как бы* некто держит вожжи. Вожжи – средство связи. Общение *подобно* управлению *вожжами* (O (S)). *Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение* (экспр.).

Оценочное наименование «вожжаться» возникло на основе метафоры. Производящей основой в поверхностной структуре глагола представлен объект зависимой пропозиции, который определяет главный предикат по мнимому признаку, формантом представлен предикат первой пропозиции. Субъекты метафоры являются одним лицом, уподобляются их реальное и мнимое действия. Кроме того, пропозиция осложняется модусами фиктивности, оценки и эмотивности (неодобрения). При этом осуждается общение с какими-то неприятным субъекту лицами, а не процесс общения как таковой: – *Не вожжайся с ним, брось, добру-то не научит, а худо ты сам умеш* (Братск. Большеокинское).

1.2. Наименования действий, связанных с разобщением людей

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью прист. от-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *отпариться* «отделиться от кого-либо, разобищиться»; прист. обес-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *обесстужиться* «обидеться, рассердиться».

Монопропозитивная структура

Отпариться – некто (S) лишился (P) *пары* (O (S)).

Полипропозитивная структура

Обесстужиться – некто испытывает обиду к кому-то. Стужа холодная. Обида *подобна* холоду, *стуже* (O (S)).

Несмотря на то что значение мотиваторов неоднородно, в поверхностной структуре наименований (как с одной, так и несколькими пропозициями) выступает объект пропозиции.

Минимальная фразеологичность глагола «отпариться» объясняется мотиватором с количественным значением. Кроме того, значение предиката «отделиться» уточняет приставка от-.

Метафора формирует семантику глагола «обесстужиться». В процессе именования на основе сходства производимого впечатления уподобляются свойства разных субъектов.

Отметим, что у глагола поверхностная структура парадоксальная. Внешняя форма слова «обесстужиться», на первый взгляд, должна иметь значение «лишиться стужи (холода)», поскольку приставка -обез/с обозначает «лишить чего-нибудь, освободить от чего-нибудь». И, соответственно, глагол должен именовать ситуацию объединения людей, а не их разобщение. В действительности мы наблюдаем несоответствие поверхностной структуры глагола его семантике, что увеличивает идиоматичность слова.

2. Наименования действий, связанных с родственными отношениями

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью прист. об-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *обдетиться* «обзавестись детьми».

Монопропозитивная структура

Обдетиться – некто (S) приобрел (P) детей (O).

В поверхностной структуре производного глагола эксплицируется объектный аргумент пропозиции, указывающий на родственные отношения. Пропозиция имеет минимальную идиоматичность и не осложнена субъективной модальностью, что связано с семантикой мотиватора – дескриптивным именем. Производящим является имя субъекта, имеющего постоянные социальные роли.

3. Наименования действий, связанных с речевой деятельностью

В тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *зубиться* «огрызаться, отвечать язвительно, дерзко»; *кучиться* «надоедать просьбами, документать».

Полипропозитивные структуры

Зубиться – некто произносит слова. Слова резкие, острые. Зуб острый. Слова *подобны* зубам (O). Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение.

Кучиться – некто надоедливо просит кого-то. Просьба – это сближение, *как бы* некто создает кучу. Куча – это сближение. Просьба *подобна* сближению в кучу (O). Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение.

Оба глагола являются результатом метафоризации. В процессе наименования сравниваются свойства разных объектов действительности. Глаголы характеризуются отрицательной оценочностью.

В значении производящего «куча» (нагромождение чего-либо) уже содержится отрицательная оценочность, которая перешла в глагол «кучиться».

Вероятно, фразеологизм «точить зубы» – *зlobиться, стараться причинить вред* сыграл свою роль в формировании семантики глагола «зубиться».

Пропозиции данных глаголов осложняются модусом оценки, отражающей мнение номинатора об именуемом действии «это плохо».

Значение постфикса -ся в возвратных глаголах группы «Отношения» однозначно определить сложно. Его можно интерпретировать как рефлексивное (собственно-возвратное) (*отпариться, обесстужиться* – ср.: *освободиться* «сделать себя свободным») либо взаимно-возвратное (реципрокальное) (*вожжаться, кучиться, гуртоваться* – ср.: *встречаться*).

Семантическое поле «Состояние. Качество»

4. Наименования действий, связанных с характеристикой лица

4.1. Наименования действий, связанных с поведением людей

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *иваниться* «зазнаваться, важничать», *лешиться* «вести беззаботную, праздную жизнь»; суф. -а(ть) и постф. -ся: *вошкаться* «возиться, копошиться»; прист. из-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *изварначиться* «испортиться, распусться»; прист. раз-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *разбабиться* «расслабиться».

Полипропозитивные структуры

Разбабиться – некто расслабился. Баба слабая. Некто *подобен* бабе (O (S)). Некто полагает, что это плохо. Это вызывает пренебрежение.

Лешиться – некто ведет беззаботную жизнь, *как бы* леший ведет беззаботную жизнь. Беззаботная жизнь кого-либо *подобна* беззаботной жизни лешего (O (S)). Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение.

Вошкаться – некто копошится, *как бы* вошка копошится. Медлительность кого-либо *подобна* медлительности *вошки* (O (S)). Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение.

Итак, в тематической группе «Наименования действий, связанных с поведением людей» оценке обычно подвергается то, что «плохо», т. е. беззаботная жизнь, безделье, плохая работа, зазнайство, капризы, проявление слабости: *лешиться, ивниться, вошкаться, куражиться, разбабиться*.

В поверхностной структуре глаголов выступает субъект пропозиции. Оценка в производящем обусловливает оценочность производных глаголов. Фразеологичность глаголов повышена за счет присутствия модусных смыслов: это плохо.

Оценочный глагол «*леши́ться*» образован метафорически. Тождество устанавливается между действиями основного и вспомогательного субъектов метафоры с помощью модуса фиктивности на основе производимого впечатления.

Глагол «*вошкаться*» также имеет метафорическую структуру. Уподобляются действия двух субъектов метафоры.

Человек в говоре оценивается и по моральному поведению. Это еще одно метафорическое наименование «*разбавиться*».

Глаголы данной подгруппы являются оценочными и осложнены рациональной модальностью «плохо». Также присутствует эмотивная модальность: это неодобрение в производных «*вошкаться*» и «*леши́ться*» и пренебрежение в слове «*разбавиться*» /— Мужик-то наш совсем разбавился/.

4.2. Наименования действий, связанных с эмоциональным состоянием

В данную группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *куражиться* «ломаться, капризничать», *рогатиться* «задираться»; прист. о-, суф. -и(ть) и постф. -ся, прист.: *озвериться* «озвереть»; рас-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *раскупориться* «рассердиться, придя в состояние нервного возбуждения».

Наличие нескольких пропозиций в оценочных необразных наименованиях и наименованиях, произошедших на основе метафоры, имеет различную природу. Для того чтобы установить закономерности, глаголы со второй оценочной пропозицией будут условно рассматриваться нами как производные с одной пропозицией.

Монопропозитивная структура

Куражиться — некто проявляет *кураж* (=куражится) (Р) перед кем-то. **Некто полагает, что это плохо.**

Именная часть предиката, которая представлена в поверхностной структуре глагола, является абстрактным существительным. По мнению исследователей, значение отвлеченных существительных — это качества или признаки, отвлеченные от предмета и представленные как субстанции. По этой причине данные существительные являются нерелевантными словами и лишены «денотативной ориентации», которая актуализирует различное значение языковой единицы в зависимости от ситуации [14, с. 438]. Предсказуемая семантика таких производящих обуславливает минимальную фразеологичность глаголов. Однако слово «*кураж* для русских говоров — факт „эксклюзивный“, поскольку галлицизм с абстрактной семантикой в них практически нет» [15, с. 45]. В словарях русского литературного языка XX–XXI вв. *кураж* имеет следующие определения: с одной стороны, «задор, смелость, развязность», с другой — «озор-

ство, ломанье, проявление самодурства». В говорах преобладают негативные оттенки значения. Глагол «*куражиться*» — наименование с оценочным предикатом «хорошо/плохо». Однако наименование не является экспрессивным, поскольку семы интенсивности в значении нет.

Полипропозитивные структуры

Озвериться — некто разозлился. Зверь злой. Некто подобен *зверю* (О (S)). **Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение (экспр.).**

Рогатиться — некто стал задираться, *как бы* бык задирается, поэтому (саус) бык выставляет *рога* (О). Задирание кого-либо *подобно* задиранию рогов быка. **Некто полагает, что это плохо.**

Раскупориться — некто сердится, поэтому (саус) некто краснеет, *как бы* купорос (S) покрывает металл, поэтому (саус) металл краснеет. Некто *похож* металлу.

Лексика, характеризующая аффективное состояние ярости и человека в таком состоянии, имеет высокую степень экспрессивной окрашенности. Экспрессия обладает выраженной отрицательной коннотацией. Выяснилось, что основными средствами создания производных глаголов с экспрессивной окраской являются, во-первых, подбор экспрессивных мотиваторов, а во-вторых, использование в процессе словообразования метафорической мотивации.

Так, формирование семантики глагола «*рогатиться*» проходит две ступени ассоциативной связи. Первый этап — отождествление двух способов действия: животного и человека. Конкретизация способа действия животного происходит на втором этапе. Глагол обладает высокой фразеологичностью.

Более сложную структуру имеет пропозиция глагола «*раскупориться*». Первая и вторая, третья и четвертая связаны между собой каузальной причинно-следственной связью. Модус фиктивности сравнивает пропозиции следствия. В поверхностной структуре реализуются компоненты пропозиций причины (субъект третьей пропозиции и предикат первой). Глагол обладает высокой фразеологичностью.

4.3. Наименования действий, связанных с физическим состоянием

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *глазиться* «подавать признаки жизни, открывать глаза»; прист. о-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *обессониться* «измучиться от бессонницы»; прист. обес-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *обеситься* «сойти с ума».

Монопропозитивная структура

Обессониться — некто испытывает состояние *без сна* (Р).

Полипропозитивные структуры

Глазиться — некто подает признаки жизни, *поэтому* (саус) некто открывает глаза (О).

Обеситься – некто сходит с ума, **как бы** бес (злой дух) (S) вселяется. Сумасшествие *подобно* вселению беса.

В поверхностной структуре глаголов данной тематической группы эксплицируется объект пропозиции (существительное со значением лица «бес» или части тела «глаз») или именной компонент предиката (существительное со значением состояния «сон»).

Глагол «*обессониться*» имеет минимальную фразеологичность: семантика складывается из значения мотиватора и значений формантов.

Глагол «*глазиться*» имеет полипропозитивную каузальную структуру с причинно-следственной связью.

Глагол «*обеситься*» можно считать метафорическим образованием: сравниваются подобные свойства разных предметов действительности.

В глаголах, выражающих изменения во внутреннем состоянии субъекта, постфикс -ся указывает на то, что субъект сам охвачен действием-состоянием. Это лексическое значение глаголов, которые не имеют соответствий форм без -ся, родственно общевозвратному значению возвратных соотносительных глаголов [1].

4.4. Наименования действий, связанных с внешним видом

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *барышниться* «*наряжаться, завиваться*»; прист. на-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *накудриться* «*завиться*», *начучелиться* «*некрасиво одеться*»; прист. под-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *подмундироваться* «*странно, необычно одеться*».

Монопропозитивная структура

Накудриться – некто завил кудри (O).

Полипропозитивные структуры

Подмундироваться – некто надевает странные вещи (*мундир*) (O (целое по части)). **Некто полагает, что это странно.**

Начучелиться – некто некрасиво оделся. Чучело некрасивое. Некто подобен чучелу (O (S)). **Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение (экспр.).**

Барышниться – некто нарядился. Барышня нарядная. Некто подобен барышне (O (S)). **Некто полагает, что это плохо. Это вызывает неодобрение.**

Во внешнем виде ценится прежде всего чистота и аккуратность. Внешность обычно оценивается женщинами: /– *Девчонка уж барышниться стала; ишь кака выражоха: накудрилася, а шея и пятки грязны*/. Не одобряется вычурность в одежде: /– *В кого она у их вертоголова, начучелится и целый день таскается*/.

Метонимичные отношения формируют значение глагола «*подмундироваться*»: видовое значение

мотиватора «*мундир*» расширяется до родового: «вещи».

Значение постфикса -ся у глаголов данной подгруппы можно соотнести с собственно возвратным использованием. В этой ситуации происходит воздействие субъекта на себя или часть своего тела. Сравнить: *бриться, мыться, причесываться*.

Поле «Действие и деятельность»

5. Наименования действий, связанных с умственной деятельностью

Группа представлена глаголами, образованными при помощи прист. до-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *доумиться* «*догадаться, додуматься*»; прист. об-, суф. -и(ть) и постф. -ся: *обмишниться* «*ошибиться*», *обумиться* «*образумиться, одуматься*».

Монопропозитивные структуры

Доумиться – некто доводит до ума (O);

обумиться – некто обретает ум (O).

Приставки до- и об- создают оттенки значений глаголов «*доумиться*» и «*обумиться*», т. е. тоже участвуют в формировании значений.

Полипропозитивная структура

Обмишниться – некто принял неправильное решение, **как бы** некто выстрелил мимо мишени. Ошибка *подобна* промаху при стрельбе по мишени (O).

В метафоричном наименовании «*обмишниться*» отождествляются подобные действия одного предмета с помощью модуса фиктивности.

6. Наименования действий, связанных с физической деятельностью

В данную тематическую группу вошли глаголы, образованные с помощью суф. -и(ть) и постф. -ся: *горбуниться* «*тяжело работать*».

Полипропозитивная структура

Горбуниться – некто занимается трудом. Труд тяжел, **поэтому** (caus) некто сгибается. *Горбун* (S) сгибается. Некто становится **подобным** горбуну.

При формировании семантики глагола «*горбуниться*» между компонентами значения возникает каузальная причинно-следственная связь с нерасчлененной структурой, что ведет к непредсказуемому значению слова. Также структуру глагола осложняет метафорическая мотивация. Отождествляются свойства не связанных друг с другом предметов действительности на основе семы «внешний вид».

Выводы

В результате анализа семантической структуры диалектных отыменных возвратных глаголов можно сделать следующие выводы: в диалектном глагольном словообразовании действуют те же способы словообразования, что и в литературном языке: суффиксально-постфиксальный, префиксально-суффиксально-постфиксальный и т. п. Однако для

диалектных глаголов чаще характерны индивидуальные, а не общие словообразовательные значения.

Характеризующие наименования, образованные суффиксально-постфиксальным или префиксально-суффиксально-постфиксальным способами, возникают на базе как одной, так и нескольких пропозитивных структур. Нами выделено 10 монопропозитивных и 18 полипропозитивных наименований.

При формировании значений данных слов в поверхностной структуре пропозиции обычно указывается на субъект, объект и предикат пропозиции. По нашему мнению, на это влияет тип отражаемой ситуации. При характеристике внутренних и внешних качеств человека, взаимоотношений людей основную роль играют данные участники ситуации. А, например, такие аргументы пропозиции, как место или инструмент, чаще востребованы при образовании функциональных наименований.

Большинство полипропозитивных наименований возникли на основе метафоры (подобно). Кроме того, многие структуры метафоричных глаголов осложняются модусом фиктивности (как бы) и модусом оценки, которая выражает отношение говорящего к обозначаемому (это плохо). Фиктивная и оценочная модальность могут осложняться эмоциональной модальностью — неодобрением, пренебрежением.

Следует отметить такую семантико-словообразовательную особенность диалектных отыменных

глаголов, как отсутствие у них специальных экспрессивных аффиксов. Вследствие этого глаголы в диалекте образуются по стилистически нейтральным моделям. Таким образом, возникающая экспрессия носит чисто словообразовательный характер [16, с. 131]. А поскольку для многих характеризующих глаголов используются более сложные способы образования (суф. — постф.; преф. — суф. — постф.), можно предположить, что выбор сложной формальной структуры — одно из средств создания экспрессии.

У отыменных глаголов возвратный постфикс, по мнению А. Б. Летучего, уже не выполняет своей функции показателя актантной деривации. «Скорее нужно считать, что при образовании глагола от имени языковая система выбирает, исходя из семантики ситуации и семантических аналогов, один из возможных вариантов: возвратный (*толпиться*) или невозвратный (*вьюжить* от *вьюга*)» [11]. Таким образом, «при отыменных глаголах показатель -ся маркирует не актантную деривацию, а количество участников, степень агентивности и другие параметры ситуации. В некоторых случаях выбор возвратного/невозвратного варианта отыменного глагола не вполне тривиален и не объясняется в терминах очевидных семантических противопоставлений: ср. *дымит* (от *дым*) и *дымиться* (возможно, также образован от *дым*, а не от *дымь*)» [11].

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
2. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: АН СССР, 1962. 248 с.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 487 с.
4. Калашникова К. В., Сай С. С. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования) // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 56–64.
5. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина и др.; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 2002. 726 с.
6. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 16 с.
7. Хадеми М. М., Мохаммади М. Р. Средства выражения категории возвратности в русском и персидском языках // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 825–829.
8. Сай С. С. К вопросу о семантической классификации русских возвратных глаголов // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. С. 285–289.
9. Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола / отв. ред. С. И. Богданов; СПбГУ; Вологод. гос. пед. ун-т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 219 с.
10. Норман Б. Ю. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 271–274.
11. Летучий А. Б. Возвратность // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. СПб.: Нестор-История, 2016. Ч. 1. С. 268–340.
12. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М., 1997. С. 267–268.
13. Мельчук И. А. О внутренней флексии в индоевропейских и семитских языках // Вопросы языкознания. 1963. № 4. С. 27–40.
14. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
15. Березович Л. Б., Сурикова О. Д. К семантической истории «многоканальных» заимствований: случай кураж // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 35–55.
16. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 278 с.

Пересада Оксана Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Иркутский государственный университет (ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, Россия, 664003). E-mail: art-oksana@yandex.ru

Корепина Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Иркутский национальный исследовательский технический университет (ул. Лермонтова, 83, Иркутск, Россия, 664074). E-mail: cosmir@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.07.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-101-110

SEMANTICS OF REFLEXIVE DENOMINATIVE VERBS IN THE DIALECTS IN THE ASPECT OF THE THEORY OF PROPOSITIONS

O. V. Peresada¹, N. A. Korepina²

¹ Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

The article presents a fragment of the analysis of the semantics of reflexive denominative dialect verbs in order to study the pragmatic aspects of the linguistic meaning. The scientists opinions about the concept of reflexivity, the classification of reflexive verbs are presented. The place of the analyzed verbs among different classes of reflexive verbs is described. It is determined that the reflexive verbs belong to the group of the deponent verbs. The semantic diversity of the postfix -sja (-ся) is identified. The reflexive morpheme has not only grammatical meanings, it necessarily performs the word-formation function and participates in the creation of a set of units with a new lexical meaning. The classification of the ways of word formation of reflexive dialect verbs is carried out in accordance with such a classification of common Russian verbs. Most of the dialect verbs do not have common meanings, but individual ones. The cognitive models characterizing the kinds of actions represented by denominative reflexive verbs are defined. The examples of the verb propositions are given. It is established that the characterizing reflexive verbs can be mono- and polypropositional structures. It turned out that these denominations can be represented by the denominative verbs indicating a subject, object and propositions. This is due to the types of situations reflected: characteristics of internal and external qualities of a person and human relationships. Most polypropositional denominations appeared on the basis of metaphors. Many structures of metaphorical verbs include the Mode of the fictitious nature and the assessment Mode, expressing the attitude of the Speaker towards the signified. The fictitious and evaluative modality can be complicated by emotive modality – disapproval, neglect. The resulting expression is purely word-formational in its nature. The use of complex methods of the formation (suffixal-postfixal; prefix-suffixal-postfixal) for many characterizing verbs is one of the means of expression creation. The reflexive postfix of the denominative verbs does not perform its function of the actant derivation indicator. The postfix -sja does not mark the actant derivation, but the number of participants, the degree of agentivity and other parameters of the situation. In some cases, the choice of a reflexive / non-reflexive variant of the denominative verb to denote the characterizing name is not always explainable.

Keywords: *proposition, semantics, derivative, dialect vocabulary, reflexivity, postfix -sja, metaphoric models, evaluative vocabulary, subjective modality.*

References

1. Vinogradov V. V., Zolotova G. A. (ed.) *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)* [Russian language (grammatical teaching about the word)]. Moscow, Russian Language Publ., 2001. 720 p. (in Russian).
2. Yanko-Trinitskaya N. A. *Vozvratnyye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Reflexive verbs in modern Russian]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 248 p. (in Russian).
3. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran', Pilgrim Publ., 2010. 487 p. (in Russian).
4. Kalashnikova K. V., Say S. S. *Sistemnyye otnosheniya mezhdu klassami russkikh refleksivnykh glagolov v svyazi s ikh chastotnymi kharakteristikami (po dannym korpusnogo issledovaniya)* [System relations between classes of Russian reflexive verbs in connection with their frequency characteristics (according to the corpus study)]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha "Problemy tipologii i obshchey lingvistiki"* [Materials of the International conference devoted to the 100th anniversary of prof. A. A. Kholodovich "Problems of typology and General linguistics"]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2006. Pp. 56–64 (in Russian).
5. Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N. *Kratkaya russkaya grammatika* [Short Russian Grammar]. Moscow, 2002. 726 p. (in Russian).
6. Lukina S. L. *Russkiye vozvratnyye glagoly i ikh angliyskiye ekvivalenty*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Russian reflexive verbs and their English equivalents. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Voronezh, 2001. 16 p. (in Russian).

7. Khademi M. M., Mokhammad M. R. Sredstva vyrazheniya kategorii vozvratnosti v russkom i persidskom yazykakh [Means of expression of the category of reflexivity in the Russian and Persian languages]. *Molodoy uchenyy*, 2016, no. 5, pp. 825–829 (in Russian).
8. Say S. S. K voprosu o semanticheskoy klassifikatsii russkikh vozvratnykh glagolov [On the question of semantic classification of Russian reflexive verbs]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008. Pp. 285–289 (in Russian).
9. Shabrova E. N. *Morfemika dialektного glagola* [Morphemics of a dialect verb]. Saint-Petersburg, SPbSU Publ., 2003. 219 p. (in Russian).
10. Norman B. Yu. Vozvratnyye glagoly-neologizmy v russkom yazyke i sintaksicheskiye predposylki ikh obrazovaniya [Reflexive verbs-neologisms in the Russian language and syntactic preconditions of their formation]. *40 let Sankt-Peterburgskoy tipologicheskoy shkole* [40 years of St. Petersburg typological school]. Moscow, Znak Publ., 2004. Pp. 271–274 (in Russian).
11. Letuchiy A. B. Vozvratnost' [Reflexivity]. *Materialy k korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Glagol* [Materials for the corpus grammar of the Russian language. Verb]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016. Part 1. Pp. 268–340 (in Russian).
12. Reformatskiy A. A. *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to linguistics]. Moscow, 1997. Pp. 267–268 (in Russian).
13. Mel'chuk I. A. O vnutrenney fleksii v indoevropeyskikh i semitskikh yazykakh [On internal flexion in Indo-European and Semitic languages]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 1963, no. 4, pp. 27–40 (in Russian).
14. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (in Russian).
15. Berezovich L. B., Surikova O. D. K semanticheskoy istorii "mnogokanal'nykh" zaimstvovaniy: sluchay kurazh [On the semantic history of "multichannel" borrowings: the case of courage]. *Voprosy yazykoznaniya – Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 2016, no. 4, pp. 35–55 (in Russian).
16. Zemskaya E. A., Kitaygorodskaya M. V., Shiryayev E. N. *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis* [Russian colloquial speech. General issue. Word-formation. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 278 p. (in Russian).

Peresada O. V., Irkutsk State University (ul. Karla Marksa, 1, Irkutsk, Russian Federation, 664003).

E-mail: art-oksana@yandex.ru

Korepina N. A., Irkutsk National Research Technical University (ul. Lermontova, 83, Irkutsk, Russian Federation, 664074).

E-mail: cosmir@yandex.ru

ТИПЫ ПУБЛИЦИСТОВ КАК ИНФОРМАЦИОННО-МЕДИЙНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

А. В. Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Изучение различных информационно-медийных языковых личностей представляет особый интерес в связи с усилением роли новых информационных технологий и их влиянием на мышление, картину мира и речевое поведение современного человека. С этим связана актуальность данного исследования, посвященного выявлению разных типов современных публицистов.

Цель статьи – определение типовых и индивидуальных особенностей современных публицистов как информационно-медийных языковых личностей с учетом разных моделей их речевого поведения и реакции на актуальные информационные поводы.

Методика исследования основана на использовании дискурсивного, семантико-стилистического, сопоставительного анализа с опорой на теорию регулятивности как одно из направлений коммуникативной стилистики текста.

Результаты и обсуждение. Выявлены особенности современного публициста как синкретичной информационно-медийной языковой личности, обладающей критическим мышлением, желанием и способностью доказывать и аргументировать свое мнение, полемичностью в осмыслении различных актуальных для общества информационных поводов, явно выраженной риторической компетентностью, ярким медиаобразом и своеобразным идиостилем, в основном ориентированным на неконформизм. Определены типы современных публицистов на основе их речевого поведения и целей: 1) гиперреалист (для него характерны натурализм, фактографичность, демонстративность); 2) публицист-просветитель (выступает как эксперт или моральный авторитет, занимается учебной или просветительской деятельностью); 3) публицист-романтик (увлечен собственной картиной мира, своими принципами, гармоничен, имеет богатый собственный опыт, позитивный настрой); 4) публицист-идеолог (фанатичный пропагандист, верен определенной идеологии, которую страстно отстаивает и навязывает, выстраивает дихотомию или антиномию, парадоксален). Выявлены общие и индивидуальные регулятивные средства, структуры и способы регулятивности, характерные для медиадискурса современных публицистов в целом и для индивидуальных дискурсивных практик рассматриваемых в статье медиаперсон. К индивидуальным особенностям публицистов отнесены: различие интенций, масштаб информационных поводов для полемики; выбор средств и способов воздействия на массовую аудиторию, наличие в медиадискурсе авторских регулятивных средств и структур, логической и (или) риторической аргументации.

Заключение. Предложенный подход к изучению медиадискурса современных публицистов с точки зрения типовых и индивидуальных проявлений данных информационно-медийных личностей показал, что выявленные типы языковых личностей, проявляющих себя в речевом поведении, отличаются по цели, средствам и эффекту воздействия, что обусловлено не только объективными факторами, но индивидуально-авторскими особенностями данных личностей. Полученные результаты представляют интерес для медиалингвистики, лингвоперсонологии, теории речевого воздействия, речевой конфликтологии, коммуникативной стилистики текста.

Ключевые слова: медиадискурс, информационно-медийная языковая личность, типы информационно-медийных языковых личностей публицистов, коммуникативная стилистика текста, теория регулятивности.

Введение

Исследование публицистики было и остается актуальной задачей стилистики, теории речевой коммуникации, медиалингвистики. Публицистику определяют как «вид творческой деятельности, для которой характерны социальная актуальность предмета отражения, идеологическая острота, яркость формы и интенция воздействия на общественное мнение, эмоции и поведение людей» [1, с. 226]. Публицистический дискурс рассматривают как разновидность риторического, отмечают его прагматичность, эмотивную функцию, нацеленность на внушение, убеждение, побуждение [2].

Есть и отличная от традиционной трактовка публицистики. Публицистику определяют как «вы-

сказывания авторов комментариев к актуальным новостным постам в социальных медиа, обладающие такими признаками, как социальная направленность, стремление указать на решение значимой проблемы, художественность, развернутость» [3, с. 220].

Проблема воздействия публициста и его медиадискурса на общество всегда интересовала исследователей. Например, сравнительный анализ литературы и публицистики, их общность и различие, особенности коммуникативного влияния художественного и публицистического дискурсов рассматриваются в работе А. Д. Хасавова [4]. Данные социологических опросов о влиянии медиатекстов на массовую аудиторию содержатся в статье

А. А. Левицкой [5]. Различные аспекты методики анализа воздействия медиадискурсов публичных языковых личностей и описание их особенностей содержатся в работах [6–8] и др.

Особый интерес представляет исследование информационно-медийной личности публициста и его медиадискурса. Это связано с тем, что изменения в современной жизни неизбежно связаны с необходимостью обсуждения острых проблем, волнующих общество, с появлением и деятельностью ярких публичных языковых личностей, реагирующих на происходящее. Особые акценты в их деятельности связаны с появлением новых каналов связи и использованием богатых возможностей Интернета.

Эпоха Интернета и социальных сетей стимулировала появление нового типа языковых личностей – информационно-медийных. Под информационно-медийной языковой личностью понимается «носитель языка, формирование и самореализация которого происходит под влиянием новых информационных технологий в результате участия в сетевом общении. Для информационно-медийной личности характерны: открытость как готовность к новой информации и насущная потребность в ней; публичность в оценке новой информации; многоуровневость и мозаичность мировидения, эклектичность мировосприятия; полидискурсивность; индивидуализация, самодостаточность, стремление к самопрезентации; свобода выражения себя, своих оценок и ценностных установок» [9, с. 264]. Публичные информационно-медийные языковые личности характеризуются известностью, узнаваемостью, открытостью, полидискурсивностью текстовой деятельности, эффектом воздействия на общество и др. (см. подробнее [9]).

Публицист как тип информационно-медийной языковой личности характеризуется синкретизмом, это синкретичная языковая личность, совмещающая в себе роли писателя и журналиста, иногда блогера, это человек с ярко выраженным критическим мышлением, склонностью подтверждать свою точку зрения цитатами из конкретного источника, для этой личности характерен реализм в восприятии актуальных событий в обществе: либо он является реалистом, либо маскируется под реалиста. В отличие от писателя, публицист работает в малых жанрах, это мастер малых форм. Его установка – излагать свою позицию кратко, ярко, экспрессивно, едко, иногда конфликтно и саркастически, но главное – интересно. Предположительно целью деятельности публициста является вовлечение массовой аудитории в свое мировидение и воздействие в соответствии со своим представлением о чем-либо.

В отличие от журналиста, добывающего факты, публицист работает с готовыми фактами (инфор-

мационными поводами). Под информационным поводом нами понимается «актуальное событие, произошедшее в краткосрочном промежутке времени, на которое обратило внимание как минимум более трех-четырех информационных агентств и которое затем получило высокий рейтинг медиационирования как топовая новость в различных средствах массовой информации» [9, с. 264]. Публицист балансирует между фактами и мнением. Если перестает балансировать, становится либо пропагандистом, либо уходит от того, в чем он не является компетентным.

Публицист – это зачастую журналист, достигший литературного мастерства, это личность, которая предьявляет свое мнение как свое видение информационного повода. Публицисты могут быть идеальным орудием пропаганды или просвещения. Общим для публицистов является то, что это высокоинтеллектуальные личности, это лидеры мнений, которые пишут много, работают с целевой аудиторией, используют, как правило, три-четыре информационные площадки для самопрезентации. Они либо стимулируют острые или скандальные ситуации, либо участвуют в них, имеют большой социальный и профессиональный опыт. Это люди с очень широким кругозором, эрудицией, отличаются контактностью и богатым информационным тезаурусом.

Целью данной статьи является исследование медиадискурса некоторых ярких публицистов с целью выявить типы данных информационно-медийных личностей на основе разных моделей их речевого поведения и оценки различных информационных поводов. Под медиадискурсом понимается «открытое, динамично развивающееся коммуникативное пространство, репрезентируемое каналами массовой информации, характеризующееся нелинейностью, открытостью, поликодовостью» [9, с. 265].

Исследование выполняется в русле одного из направлений коммуникативной стилистики текста – теории регулятивности, в рамках которой выделяются различные регулятивные средства (элементы текста, соотносимые в сознании адресата с определенной микроцелью автора); регулятивные структуры, отражающие взаимосвязь регулятивных средств; способы регулятивности (принципы организации текста), регулятивные стратегии как виды коммуникативных стратегий (см. о регулятивности [10–11] и др.).

Материал и методы

Методика исследования является комплексной, она включает использование дискурсивного анализа, семантико-стилистического и сопоставительного, а также учет ответных реакций пользователей Интернета, оставляющих свои комментарии к рас-

смаатриваемым медиатекстам благодаря особым возможностям, связанным с новыми информационными технологиями. У каждой анализируемой персоны есть: включенность в социальные сети и мессенджеры, общение с аудиторией СМИ (передача, ролики, лекции) как площадка для объяснения и донесения своего особого мнения, возможности получения эксклюзивной информации, цитируемость и известность.

В качестве материала в статье использовались медиатексты публицистов: В. Познера, А. Невзорова, Д. Губина, Л. Радзиховского, которые олицетворяют, на наш взгляд, разные типы публицистов. Выбор материала связан и с возможностью последующего сопоставительного анализа, позволяющего выявить типовые особенности, характерные для данного типа информационно-медийной языковой личности в целом.

Результаты и обсуждение

Сопоставительный анализ текстовой деятельности в медиапространстве публицистов А. Невзорова, В. Познера, Д. Губина, Л. Радзиховского в рамках рассматриваемого в исследовании материала позволяет выделить некоторые общие особенности данного типа информационно-медийных языковых личностей.

Все они относятся к языковым личностям синкретичного типа, которые трактуются нами как «совмещающие речевые, коммуникативные и когнитивные особенности разных типов языковых личностей» [9, с. 90]. Для названных выше медиаперсон характерно совмещение особенностей информационно-медийных языковых личностей писателя, журналиста, блогера. В частности, речь идет о таких качествах информационно-медийной личности писателя, как особый акцент на содержании сообщения, свобода общения с массовым адресатом, признание творчества как главного критерия профессиональной деятельности, значимость личностного самовыражения, создание индивидуального формата общения с массовой аудиторией, собственный стиль и жанровые предпочтения, высокий уровень культуры и широта информационного тезауруса.

Отметим особенности информационно-медийной языковой личности журналиста, значимые для характеристики публициста как синкретичной личности. Журналист является профессиональным работником в сфере массовой коммуникации, как было отмечено нами ранее [9]. Для него характерны: живая реакция на актуальные информационные поводы, ориентация на массовую аудиторию, эрудиция, достаточный уровень общей и речевой культуры, наличие своего стиля, стремление к свободе самовыражения и в то же время учет законо-

дательно закрепленных ограничений в рамках профессиональной деятельности и наличие этических обязательств (см. подробнее: [9]).

В роли блогеров как информационно-медийных личностей публицисты реализуют такую особенность, как свобода выбора информационного повода для интерпретации, ограниченность форматом сайта, свобода целей и мотивов, ориентация на своих подписчиков. Существует специфика медиакритики популярных блогеров, которые «в основном несут ясную информационно-эмоциональную нагрузку с резкими и однозначными оценками-советами, тогда как тексты медиакритиков-профессионалов в большей степени концентрируются на сдержанной по эмоциям, взвешенной, доказательной, но нередко амбивалентной и наполненной (скрытой) иронией базе оценок этических, эстетических и иных категорий (не говоря уже о том, что медиакритики старшего поколения часто действуют в русле просветительства и воспитания „хорошего вкуса“)» [12, с. 48]. Выявленные А. В. Федоровым и А. А. Левицкой факторы, влияющие на популярность медиакритиков-блогеров, представляются вполне убедительными (адресность, длительность, интерактивность, мультимедийность, ясность и понятность языка, эмоциональность, степень неконформизма) [12].

К типовым особенностям публициста как информационно-медийной языковой личности можно отнести реалистическое восприятие действительности в полемическом ключе или маскировку под реализм в критической интерпретации актуальных информационных поводов. С учетом этого фактора нами выделены типы публицистов: публицист-гиперреалист (к этому типу можно отнести А. Невзорова), публицист-просветитель (В. Познер), публицист-романтик (Л. Радзиховский, Д. Губин), публицист-идеолог (А. Проханов, Д. Киселев, В. Соловьев и др.).

Рассмотрим их подробнее.

Для публициста-гиперреалиста характерны натурализм на грани цинизма, демонстративность (он просто фиксирует острые факты, заостряя на них внимание). Публицист этого типа критикует представителей власти, церковные сообщества, глупость, выдающиеся пороки, доходя до эпатажности. В основе его дискурсивной деятельности лежит острая критика. См. суждение о событиях в Магнитогорске в передаче «Невзоровские среды» от 2 января 2019 г. на радиостанции «Эхо Москвы» [13] в связи с произошедшей там трагедией: *Там Россия в очередной раз напомнила миру, что является великой газовой державой. И вот это сообщение абсолютно незаслуженно резонирует... Это чисто русская грустная социалка. Почему-то все упустили, что только за 18-й год состоялись и*

остались незамеченными примерно 27 подобных случаев и тоже с жертвами...

Гиперреалист часто использует такие регулятивные средства, как метафоры, позволяющие уйти от ответственности, он мастерски вуалирует свою острую критику метафорами, гротеском, иронией на основе регулятивных структур повтора и контраста, балансируя на грани этики, доводя сообщение до абсурда: *На новогоднем информационном безрыбье начали привычно раздувать горе горькое, и уже грохнул этот стартовый пистолет, объявивший кросс скорби. Мы знаем, что у публики праздной особенно котируются драмы с трупами, с оживающими младенцами, особенно под развалинами, особенно с героями МЧС, которые в течение многих суток никак не могут разобрать завал одного подъезда...* [13].

Обычно в медиадискурсе данная личность использует в качестве доминанты регулятивности яркие литературные формы гротеска, иронии, нанизывает различные литературные приемы. Ср. фрагмент о чиновниках, названных автором чиновниками-бандерлогами в связи с упомянутой трагедией в Магнитогорске: *Они хоть как-то шевелятся, шевелят усами, прячут кокосы за щеку, делают сострадательные мордочки. Рассуждая о космосе и достижениях НАСА в этой области, А. Невзоров иронически заключает: «...единственное космическое достижение, единственное космическое тело, которое мы можем предъявить человечеству, — это Рогозин...»* [13].

Особенности информационно-медийной личности писателя в дискурсивной деятельности публициста этого типа проявляются в построении сценария, использовании ярких изобразительно-выразительных средств регулятивности, включая тропы и индивидуально-авторские новообразования (ср.: *очень взнервленный приятель; рыдатели; раскража гвоздей; народец* и др.).

Данная информационно-медийная языковая личность виртуозно оперирует фактами, подвергая их собственной интерпретации, находит актуальность в банальном, постоянно изобретает новые приемы и средства воздействия. В качестве примера приведем фрагмент медиадискурса, в котором наблюдается ряд регулятивных структур, усиливающих друг друга, формирующих конвергенцию как способ регулятивности: повтор, нанизывание оценочных эпитетов и прием обманутого ожидания: *Эта радость взрыва и обрушения, она всегда с нами, она всегда доступна на всей территории бывшего СССР, потому что массовое совковое строительство для простонародья, такое вот ширпотребное строительство, оно было абсолютно фейковым и адски халтурным...* [13].

Данный тип публициста действует подобно измерительному прибору, при этом увеличивая масштаб и ракурс объекта, как микроскоп: если нет среды, на которую он смотрит, он пуст и бесполезен, ничего нового в информацию он не привносит, ищет яркие несоответствия, скабрзность, эмоционально волнующие аудиторию факты, проверяет их. Если они подтверждаются, он начинает подбирать сюжет и форму их оригинальной творческой подачи, размышляет, как их предъявить, думает, как это работает в качестве аргумента и как инструмент убеждения. Исходит из принципов объективности, рациональности и юридической грамотности.

Анализ комментариев к анализируемому медиадискурсу А. Невзорова позволяет судить о преобладании нелицеприятных оценок в адрес автора и неприятии его суждений. Ср. некоторые примеры: *zydfhm20161009196004 января 2019 | 13:14 Сплошная ЗЛОБА. Озлобленность, не лучший советчик, здравомыслию; kochinspb05 января 2019 | 16:04 НЕТ ни капли добра в этом человеке* и др. [13]. Вместе с тем есть и другие мнения, поддерживающие острую критику, которая доминирует в данном медиадискурсе: *idée_fixe04 января 2019 | 19:46: Хорошая передача. Правдивая...* [13].

К типу публициста-просветителя можно отнести В. Познера, для которого характерны аналитическое мышление и сдержанная полемичность с опорой на реальные факты. Ему присущи выдержка и нейтральность позиции, значительная роль подтекстовой информации, эзопов язык. Его сила — глубокое знание контекста и видение перспективы. Публицист этого типа следует традиции литературной критики (ср. деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и др.). Не случайно В. В. Познер писал под псевдонимом «Вольтер»: «Вольтер: под таким псевдонимом Владимир Владимирович Познер анонимно более года (2011–2012 гг.) публиковал свой взгляд в The New Times на российскую политику» [<https://pozneronline.ru/category/kolonka-poznera/pisma-voltera/>].

У языковой личности данного типа полемичность не является такой острой, как у публициста-гиперреалиста. В медиадискурсе В. Познера, например, полемичность завуалирована, он часто полемизирует с самим собой, его полемика нейтральна, не эпатажна. Сравним его общие рассуждения, включающие повествование от первого лица множественного числа, об уличных протестах в Москве в связи с выборами в городскую думу: *«...У нас в Москве это происходило, какая разница человеку, который живет в Хабаровске, — пройдут эти люди в Мосгордуму, не пройдут. Не понимают того, что на самом деле это касается и их, потому что то же самое произойдет и в Хабаровской*

думе. Но пока еще политически **мы** на таком уровне сознания, что — нет, да и вообще **нам** лень, неинтересно, ну его к черту» [14].

При обсуждении дела Константина Котова в эфире RTVI с Екатериной Котрикадзе и Тихона Дзядко на вопрос, что бы он хотел спросить у судьи Нины Шараповой, которая отклонила жалобу защиты, и почему общественный резонанс вокруг этого дела не повлиял на смягчение приговора, В. Познер ограничивается риторическими вопросами: *Да, вопросы у меня есть, наверное, один вопрос, тот самый, который я задал последним, и, конечно, он в какой-то степени риторический вопрос, но тем не менее. Я говорил о том, что сегодня в России доверие к суду находится на весьма низком месте, и я спрашивал судью, господина Минина, как он думает, его решение повысит доверие к суду в России? Я этот же вопрос адресовал бы Мосгорсуду с этим решением, как они там полагают, или это им безразлично вообще, как относятся рядовые граждане к суду, доверяют или не доверяют? Если не безразлично, то мне интересно, каковы их ощущения от этого решения: повысится или, наоборот, еще ниже опустится?* [15].

В другом случае, полемизируя с Л. Волковым [16] в блоге о своем выступлении в университете США в сентябре 2018 г. [17], В. Познер достаточно спокойно и интеллигентно излагает свою точку зрения, используя нейтральную и книжную лексику как средство регулятивности, а также прием антитезы: *Должен разочаровать господина Волкова: никакого «экспортного варианта» моей персоны не существует. Что говорю в России, то говорю за границей — с той, правда, разницей, что иногда приходится объяснять вещи, которые в России знают. Кроме того, я не работаю на Первом канале. Он, канал, покупает мою программу.*

Для медиадискурса публициста этого типа характерно знание фактов и умелое оперирование ими: *Путин и в самом деле первым позвонил Бушу и предложил помочь в борьбе против международного терроризма. Это общеизвестный факт. То, что помощь отвергли, — ложь, я этого не говорил. Напротив, помощь эту приняли и в Афганистане, и в размещении американского военного контингента в Средней Азии* [17].

Автор блога выражает собственное видение информационного повода, умело и ненавязчиво используя регулятивные средства и структуры: прецедентные тексты, синонимы, объединенные приемом градации, индивидуально-авторское новообразование: *Господин Волков, как мне сообщили, является помощником и правой рукой господина Навального. Так это или нет, я точно не знаю, и,*

говоря откровенно, мне это безразлично. Но если это так, то господин Волков таким «отчетом» оказывает своему шефу (?) медвежьёму услугу. Можно сколько угодно не соглашаться с моей точкой зрения, но так бессовестно исказить суть того, что я сказал, да и просто врать — стыдновато [17].

На вопрос о своей позиции на телевидении, свободе слова и компромиссе следует прямой и честный ответ. Эффект воздействия возникает на основе конвергенции как способа регулятивности, использования доверительной манеры общения, использования нейтральной лексики, вопросно-ответного изложения, прецедентного текста, инверсии, ярко выраженной личной позиции: *Можно идти, на любом телевидении приходится идти на некоторые компромиссы, это в любой стране, этот опыт я имею. Но можно не врать, можно быть объективным и можно стараться давать своей публике максимум информации. Есть некоторые вещи, о которых говорить невозможно на нашем федеральном телевидении, есть люди, которых я не могу пригласить, при том что я не в штате Первого канала. Я это говорю только для того, чтобы было ясно, что мою программу покупают. Ну, кто покупает? Первый канал — это кто? Это Эрнст, человек, кстати говоря, очень творческий, помимо того что он высокопоставленный государственный чиновник. Он покупает не кот в мешке — и нигде не покупают кот в мешке, он хочет знать, кого я собираюсь пригласить, от этого зависит многое. Поэтому есть определенная категория лиц, ну, Навальный, например, очевидно, которого я не могу пригласить. Хотел бы, и не потому, что я большой поклонник Навального, но потому, что он фигура, он ньюсмейкер, как говорят, и я считаю, что народ имеет право знать, что он говорит. Я ему буду задавать все вопросы, может быть, очень неприятные даже, но он должен быть. Его нет — и это один из компромиссов* [18].

Высокая требовательность к себе, чувство профессиональной и личной ответственности за свое слово характерно для В. Познера как публициста-просветителя: *Вопрос не в том, сколько тебя смотрят, вопрос в качестве обсуждения, в качестве общения со зрителем. А если мы будем козырять просмотрами... Мне это просто вообще кажется малоинтересным. С точки зрения денег — это может быть интересно, но не с точки зрения журналистской работы, скажем так* [18].

Судя по комментариям к некоторым медиатекстам В. Познера, можно отметить доминирующую поддержку адресатов, разделяющих его позицию (больше, чем тех, кто не принимает ее): **vlaser08 октября 2018 | 09:36: Согласен с Владимиром**

Познером: цитаты г-на Волкова – это искажение его слов, точнее, его интенций и тех смыслов, которые он хотел передать. Йель – учебное заведение, в России по закону пропаганда в учебных заведениях запрещена, а вот просвещение, высказывание своего мнения разрешены. Полагаю, что в США есть аналогичные нормы. **Текст Познера и стиль его речи – это просветительская лекция, высказывание своего профессионального журналистского мнения. Текст Волкова превращает Познера в пропагандиста. Для независимого журналиста Познера это – оскорбление...** *niza210402 октября 2018 | 13:44*: Даже по цитатам видно, что текст Волкова написан в довольно стебовом стиле :) ответ вызывает некоторую неловкость за автора, пафос и излишняя серьезность немного неуместны в данном случае [17].

К типу публициста-романтика можно отнести Л. Радзиховского, являющегося действующим журналистом, постоянно находящимся в потоке информации. Имеет богатый жизненный опыт, свои особые принципы, которым он верен в профессиональной деятельности, гармоничен по сути, но легко способен перенимать черты чужих стилей, отстаивает позитивные установки, для него характерна вера в лучшее при общем критическом настрое. Его цель – объяснительное наставление (либо оптимистическое, либо пессимистическое), он ориентирован на определенную программу, оценивая различные актуальные информационные поводы. Например, рассуждая об итогах 2018 г., он приходит к выводу: **В наше время серьезные события – это не политические шоу и кривляния на сцене, а открытия, которые реально меняют мир. Но я о таких глобальных открытиях в уходящем году не слышал** [19].

Критика и полемичность его медиадискурса нацелены на позитивные изменения, отличаются точностью формулировок, афористичностью, артистизмом. В медиадискурсе автора доминирует контраст как способ регулятивности, часто используются такие регулятивные средства и структуры, как метафоры, сравнения, инверсия, парцелляция: *То, что журналист-международник Rogozin возглавляет космическую отрасль, само по себе не проблема. Проблема – что его работа заключается только в том, что он бороздит языком просторы СМИ. Я совершенно не склонен считать Илона Маска новым Теслой и величайшим гением. Но у него все-таки есть хоть какие-то реальные достижения. По сравнению с Сергеем Королевым он, скорее всего, выглядел бы очень бледно. Но нет у нас больше Королевых. Есть Rogozины* [19]. Все это делает медиатекст Л. Радзиховского убедительным.

Способность к широким обобщениям и метафоричность суждений отличают данный тип пуб-

лициста: *Вообще, мировая политика все больше и больше превращается в троллинг. В российской внешней политике, кроме троллинга Запада, нет ничего. При этом Россия не в состоянии объяснить, чего же именно хочет. Американцы тем временем ведут свою великую борьбу с Трампом, которая, по сути, тоже троллинг, только внутривнутриполитический. Конечно, это бьет и по России* [19].

Для Радзиховского характерны метафорическое мышление и беспощадность критических оценок, отражающих несоответствие желаемому: *Из крупных событий я, конечно, отметил бы английскую историю с брекзитом, которая особенно трогательна на фоне того, что англичане имеют самую долгую историю развитой свободной демократии. И вот после всех этих сотен лет конкурентных свободных выборов (о чем нам говорят как о величайшем счастье) люди, видя гвоздь, взяли и с размаху голой ногой на него наступили. После чего прыгают и визжат* [19].

Публициста данного типа отличает критическое мышление, умение мыслить глобальными категориями, афористичность. Из регулятивных структур преобладают контраст, сравнение, из регулятивных средств – метафора и парцелляция. При этом обращает на себя внимание острота личных суждений, касающихся актуальных проблем в жизни общества. Ср: **Власть есть, идеологии – нет. Правды, наверное, тоже. Председатель Конституционного суда Валерий Зорькин, выступая по случаю 25-летия нашего основного закона, сравнил Конституцию РФ с «мерседесом». У которого отличная комплектация, а зависит все от водителя, качества топлива и дорог. Я бы сравнил скорее не с «мерседесом», а с текстом пьесы. Какие актеры подобраны, какой режиссер ставит – так и сыгрывают** [20].

К публицистам-романтикам в журналистике и публицистам-просветителям в профессиональной деятельности можно отнести Д. Губина. Для него характерны четкие ориентиры в оценке действительности, активность и увлеченность (он работает в нескольких СМИ). Как публицист в освещении информационных поводов он идет от выводов к фактам. Так, в блоге «Абсолютно точный прогноз на 2019-й и далее» [21] отмечается: *«В России все зависит от элит. А им предстоит решить две проблемы: защитить свою собственность и вернуть расположение Запада»*.

Далее в острой критической манере с иронией автор рассуждает о перспективах развития российского общества, опираясь на исторический экскурс, выделяя ключевые моменты разных этапов в истории России. Из регулятивных средств и структур автором используются метафора и градация,

а в качестве способа регулятивности – контраст, в рамках которого противопоставлены разные факторы: настоящее – будущее; воображаемое – реальное; общество – политическая элита: *Будущее России предсказывать на редкость просто – если отказаться от взгляда на сегодняшний день, согласно которому этот день великолепен, а грядущий будет даже лучше, чем позволяет представить самое пылкое воображение.*

В своем прогнозе я исхожу из более реалистической оценки. Россия – одна из многочисленных стран с авторитарным правлением, в которых крайне слабы формальные горизонтальные общественные связи. Поэтому будущее зависит не от общества, а от воли и недовольства политической элиты. То есть от самоощущения богатейших людей страны, которые либо встроены в систему власти, либо хорошо знают, как она работает [21].

Опора на факты, широкий информационный тезаурус усиливают воздействие медиадискурса данной личности. Об этом можно судить по описанию автором различных этапов в истории России от эпохи Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина до наших дней. При этом смысловое развертывание медиадискурса автора строится на основе контраста как способа регулятивности: общество – элита, простые люди – правящий класс: *В общем, если кто-то хочет предсказать будущее России, ему следует забыть о том, чего хочет, чего боится и на что надеется простой человек. Принимать в расчет нужно только страхи и желания правящего класса* [21].

Острота личных оценок сочетается с мастерством изложения аргументов и диалогической манерой повествования по типу *риторический вопрос – ответ*: *О чем больше всего мечтала номенклатура при Сталине? Об избавлении от страха репрессий. Поэтому после смерти Сталина реформы вылились в ограничение власти НКВД-МГБ-КГБ, в реабилитацию жертв ГУЛАГа и осуждение культа личности. Эти преобразования своей цели достигли, чему доказательством судьба Хрущева. Свергнутый, он не сгинул на Лубянке или лесоповале, а спокойно дожил век на госдаче.*

Следующий вопрос: *а чего больше всего боялась советская элита при Хрущеве?* Это тоже известно: *хрущевской дикости в сочетании с непредсказуемостью, личного своеволия, когда лидер страны то насильственно внедрял кукурузу, то стучал ботинком в ООН, обещая всем показать кузькину мать...* [21].

Знакомство с медиадискурсом Д. Губина позволяет судить о его исключительной убежденности в своих суждениях. Данный тип публициста

скрупулезен в методах работы с информацией, педантичен и рационален. Эти качества в полной мере проявляются в работе автора в качестве колумниста в газете «Деловой Петербург». В стилистическом плане медиадискурс Д. Губина отличается разнообразием регулятивных средств и структур, характеризуется метафорическим типом мышления автора. Ср. яркие регулятивные средства, использованные в анализируемом медиатексте: *кремлевский тяжеловес, охранная грамота Кремлю, система встала на курс «Богатей! Приватизируй!», токсичные люди, поиграть в войнушку и т. д.*

Что касается публицистов-идеологов, к ним можно отнести А. Проханова, В. Соловьева, Д. Киселева и др. Для них характерна роль активных пропагандистов определенной идеологии. Анализ их медиадискурса как публицистов-идеологов может быть предметом специального исследования и не входил в задачи данной статьи.

Заключение

Проведенный анализ медиадискурса известных публицистов позволил условно выделить разные типы данных информационно-медийных личностей на основе моделей их речевого поведения и целевых установок. К типовым особенностям публицистов можно отнести: синкретичный характер их языковых личностей, выражающийся в совмещении ими особенностей языковых личностей писателя, журналиста, блогера; реалистическое восприятие актуальных информационных поводов и критичность в их оценке; стремление к полемике; метафорическое мышление; риторическое мастерство в использовании ярких регулятивных средств и структур (метафор, сравнений, иронии, гротеска, парцелляции и др.), особенно частое обращение в качестве способа регулятивности к контрасту.

В качестве проявлений индивидуального начала в рамках анализируемых дискурсивных практик отмечены характерные для данных типов публицистов различные способы выражения критической оценки актуальных информационных поводов с акцентом на логических или эмоциональных аргументах; разный выбор самих поводов, их масштаб; тематические предпочтения (акценты на политике или бытовых проблемах); различный уровень риторической культуры публицистов и учет ими этики речевого общения; стилистическое своеобразие информационно-медийных личностей публицистов, связанное с разным отбором и организацией регулятивных средств и структур, ориентированных на массового адресата.

Список литературы

1. Корконосенко С. Г. Публицистика // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. С. 226–228.
2. Каминский П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2007. № 1. С. 97–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-issledovaniya-publitsistiki-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 16.10.2019).
3. Загидуллина М. В. Публицистика 2.0: к определению понятия // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 2. С. 220–235. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistika-2-0-k-opredeleniyu-ponyatiya> (дата обращения: 16.10.2019).
4. Хасавов А. Д. Социально-антропологические особенности публицистического дискурса в контексте медийных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Т. 7, № 2. С. 67–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-antropologicheskie-osobennosti-publitsisticheskogo-diskursa-v-kontekste-mediynyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 16.10.2019).
5. Левицкая А. А. Медиакомпетентность и аналитическое мышление аудитории: социологические опросы последних лет // Медиаобразование. 2015. № 1. С. 30–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakompetentnost-i-analiticheskoe-myshlenie-auditorii-sotsiologicheskie-oprosy-poslednih-let> (дата обращения: 16.10.2019).
6. Болотнова Н. С. Публичная языковая личность и медиасреда: проблема речевого воздействия // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 9 (162). С. 42–48.
7. Каширин А. А. Особенности индивидуального медиадискурса журналиста Д. Киселева (на материале программы «Вести недели») // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 6 (159). С. 143–147.
8. Болотнов А. В. Использование экспериментальной методики в анализе воздействия публичной языковой личности и ее медиатекстов на массового адресата // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 2 (191). С. 68–74. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-68-74.
9. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.
10. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М., 1987. 140 с.
11. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А., Болотнов А. В., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. 492 с.
12. Федоров А. В., Левицкая А. А. Блоговая медиакритика: медиаобразовательная функция // Медиаобразование. 2015. № 1. С. 43–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogovaya-mediakritika-mediaobrazovatel'naya-funktsiya> (дата обращения: 16.10.2019).
13. Невзоровские среды. 2 января 2019 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2344503-echo/> (дата обращения: 07.01.2019).
14. Познер В. Чувства солидарности у нас вообще нет // Познер Online. 16.10.2019. URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26443/> (дата обращения: 16.10.2019).
15. Познер В. На мой взгляд, это контрпродуктивная политика // Познер Online. 15.10.2019. Интервью. URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26440/> (дата обращения: 16.10.2019).
16. Волков Л. 27 сентября 2018. URL: <https://www.facebook.com/leonid.m.volkov/posts/1957388400950450> (дата обращения: 07.01.2019).
17. Познер В. 1 октября 2018 г. Господин Волков таким «отчетом» оказывает своему шефу медвежью услугу. URL: <https://pozneronline.ru/2018/09/22725/> (дата обращения: 07.01.2019).
18. Познер В. Вопрос не в том, сколько тебя смотрят, вопрос в качестве // Познер Online. 14.10.2019. URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26436/> (дата обращения: 16.10.2019).
19. Радзиховский Л. Троллинг на высшем уровне. В 2018-м политика окончательно перестала быть серьезным делом. URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/25/Trolling_na_vysshem_urovne (дата обращения: 16.10.2019).
20. Радзиховский Л. Пьеса «Конституция». Основной закон страны как постановка: все зависит от актеров и режиссера. URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/16/Pesa_Konstitucija_Skol (дата обращения: 16.10.2019).
21. Губин Д. Абсолютно точный прогноз на 2019-й и далее. URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2019/01/07/1755699.html> 1 января 2019 (дата обращения: 16.10.2019).

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: nsb@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 21.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-111-120

TYPES OF POLITICAL ESSAYS WRITERS AS INFORMATIONAL AND MEDIA LANGUAGE PERSONALITIES

A. V. Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. Researching of different informational and media language personalities is of great interest in connection with intensive role of new information technologies and their influence on thinking, world picture and

speech behavior of up-to-date person. The relevance of this study is connected with it. The research points to detection of different types of modern political essays writers.

The aim of the article – determination of typical and individual peculiarities of up-to-date political essays writers as informational and media language personalities subject to different models of their speech behavior and reaction to topical informational reasons.

Material and methods of research are based on discursive, semantic and stylistic, comparative analysis usage supported by regulative theory as one of communicative stylistic of text trend.

Results and discussion. Peculiarities of modern political essays writers as a syncretic information and media language personality with critical thinking, a desire and the ability to prove and argue his opinion, polemic approach in understanding various informational issues relevant for society, strongly pronounced rhetorical competence, a lively media image and a special idiostyle, mainly oriented to nonconformism. The types of modern political essays writers on basis of their speech behavior and aims are revealed. They are the following: 1) hyperrealist (distinguishing capacity of this type is naturalism, factuality, demonstrativity); 2) political essays writer-enlightener (he can be an expert or moral authority, be engaged in educational or enlightening activity); 3) political essays writer-enlightener-romantic (passionate about his own picture of the world, his principles, harmonious, has his own rich experience, positive attitude); 4) political essays writer-enlightener-ideologist (a fanatic-propagandist, faithful to a definite ideology, which he passionately upholds and imposes, builds a dichotomy or antinomy, is paradoxical). Common and individual regulative means, structures and ways of regulativity, which are typical for media discourse of modern political essays writers and for individual discursive practices of media personalities are revealed. Individual peculiarities of political essays writers are the following: difference in intensions, scale of informational reasons for controversy; choice of means and ways of influence on mass audience, availability of author's regulative means and structures, logical and/or rhetorical argumentation in media discourse.

Conclusion. The proposed approach to studying a modern political essays writers' media discourse from the point of view of typical and individual manifestations of these information and media language personalities revealed that detected types of language personalities which show themselves in speech behavior are different in their aim, means and effect of influence, which is due not only to objective factors, but individual copyright features of these individuals, but individual and author's peculiarities of these personalities. These findings are of interest for media linguistics, linguistic personology, theory of speech influence, speech conflict study, communicative stylistics of text.

Keywords: media discourse, informational and media language personality, types of informational and media language personalities of political essays writers, communicative stylistics of text, regulative theory.

References

1. Korkonosenko S. G. Publitsistika [Journalism]. In: Duskayeva L. R. (ed.) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Media linguistics in terms and notions: dictionary-reference]. Moscow, Flinta Publ., 2018. Pp. 226–228 (in Russian).
2. Kaminskiy P. P. Printsipy issledovaniya publitsistiki na sovremennom etape [Principals of political essays research in up-to-date period]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal. Philology*, 2007, no. 1, pp. 97–105 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-issledovaniya-publitsistiki-na-sovremennom-etape> (accessed 16 October 2019).
3. Zagidullina M. V. Publitsistika 2.0: k opredeleniyu ponyatiya [Political essays 2.0: definition of notion]. *Vestn. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatura – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 220–235 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publitsistika-2-0-k-opredeleniyu-ponyatiya> (accessed 16 October 2019).
4. Khasavov A. D. Sotsial'no-antropologicheskiye osobennosti publitsisticheskogo diskursa v kontekste mediynykh kommunikatsiy [Social and anthropological peculiarities of political essays discourse in context of media communication]. *Kommunikologiya – Communicology*, 2019, vol. 7, no. 2, pp. 67–82 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-antropologicheskiye-osobennosti-publitsisticheskogo-diskursa-v-kontekste-mediynykh-kommunikatsiy> (accessed 16 October 2019).
5. Levitskaya A. A. Mediakompetentnost' i analiticheskoye myshleniye auditorii: sotsiologicheskiye oprosy poslednikh let [Media competence and analytical thinking of audience: social questioning of last years]. *Mediaobrazovaniye – Media education*, 2015, no. 1, pp. 30–42 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakompetentnost-i-analiticheskoye-myshlenie-auditorii-sotsiologicheskiye-oprosy-poslednikh-let> (accessed 16 October 2019).
6. Bolotnova N. S. Publichnaya yazykovaya lichnost' i mediasreda: problema rechevogo vozdeystviya [Public language personality and media sphere: the problem of speech influence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, vol. 9, pp. 42–48 (in Russian).
7. Kashirin A. A. Osobennosti individual'nogo mediadiskursa zhurnalista D. Kiseleva (na materiale programmy "Vesti nedeli") [Features of individual media discourse of journalist D. Kiselev (on the material of program "News of the week")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, vol. 6 (159), pp. 143–147 (in Russian).
8. Bolotnov A. V. Ispol'zovaniye eksperimental'noy metodiki v analize vozdeystviya publichnoy yazykovoy lichnosti i yeye mediatekstov na massovogo adresata [Usage of experimental methods in analysis of public language personality and its media texts influence on mass addressee]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, vol. 2 (191), pp. 68–74 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-68-74.

9. Bolotnov A. V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Textual activity of informational and media language personality as a reflection of its communicative and cognitive styles]. Tomsk, Tomsk TsNTI Publ., 2015. 274 p. (in Russian).
10. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of speech system]. Moscow, 1987. 140 p. (in Russian).
11. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative stylistics of text: lexical regulativity in textual activity]. Ed. by N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. 631 p. (in Russian).
12. Fedorov A. V., Levitskaya A. A. Blogovaya mediakritika: mediaobrazovatel'naya funktsiya [Media critics in blog: media educational function]. *Mediaobrazovaniye – Media education*, 2015, no. 1, pp. 43–48 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogovaya-mediakritika-mediaobrazovatel'naya-funktsiya> (accessed 16 October 2019).
13. *Nevzorovskiye sredi*. 2 yanvarya 2019 g. [Nevzorov's Wensdays] (in Russian). URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2344503-echo/> (accessed 7 October 2019).
14. Pozner V. Chuvstva solidarnosti u nas voobshche net [We don't have feeling of solidarity at all]. *Pozner Online*. 16.10.2019 (in Russian). URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26443/> (accessed 16 October 2019).
15. Pozner V. Na moy vzglyad, eto kontrproduktivnaya politika [In my opinion it's a contrary productive practice]. *Pozner Online*. 15.10.2019 Interview (in Russian). URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26440/> (accessed 16 October 2019).
16. Volkov L. 27 sentyabrya 2018 [The 27-th of September] (in Russian). URL: <https://www.facebook.com/leonid.m.volkov/posts/1957388400950450> (accessed 7 October 2019).
17. Pozner V. 1 oktyabrya 2018 g. Gospodin Volkov takim "otchetom" okazyvayet svoyemu shefu medvezh'yu uslugu [Mr. Volkov is doing disservice to his boss by such kind of "report"] (in Russian). URL: <https://pozneronline.ru/2018/09/22725/> (accessed 7 October 2019).
18. Pozner V. Vopros ne v tom, skol'ko tebya smotryat, vopros v kachestve [The question is not in how many people watch your show but in the quality]. *Pozner Online*. 14.10.2019 (in Russian). URL: <https://pozneronline.ru/2019/10/26436/> (accessed 16 October 2019).
19. Radzikhovskiy L. *Trolling na vysshem urovne. V 2018-m politika okonchatel'no perestala byt' ser'eznym delom* [Trolling is at top level. Finally politics stopped being serious in 2018] (in Russian). URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/25/Trolling_na_visshe_urovne (accessed 16 October 2019).
20. Radzikhovskiy L. *P'yesa "Konstitutsiya". Osnovnoy zakon strany kak postanovka: vsye zavisit ot akterov i rezhissera* [The play "Constitution". The main law of the country as staging: everything depends on actors and director] (in Russian). URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/16/Pesa_Konstitucija_Skol (accessed 16 October 2019).
21. Gubin D. *Absolyutno tochnyy prognoz na 2019-y i daleye* [Absolutely exact prognosis for 2019 and later] (in Russian). URL: <https://www.rosbalt.ru/blogs/2019/01/07/1755699.html> 1 January 2019 (accessed 16 October 2019).

Bolotnov A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: nsb@tspu.edu.ru

О РЕГУЛЯТИВНЫХ СРЕДСТВАХ И СТРУКТУРАХ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

А. В. Шутова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Актуальность данного исследования определяется новым для современного языкознания коммуникативно-деятельностным подходом к анализу поэтического текста с целью выявления его регулятивного потенциала в творчестве одного из самых известных поэтов Серебряного века О. Э. Мандельштама. В связи с недостаточной изученностью эволюции поэтической картины мира автора представляет особый интерес анализ регулятивных средств и структур в его ранней лирике, значимых для организации диалога автора и адресата.

Цель статьи – анализ регулятивных средств и структур в раннем творчестве О. Э. Мандельштама на материале первого сборника поэта «Камень» (1913). Предпринята попытка систематизировать регулятивные средства и структуры в творчестве автора, определить основные функции данных структур в поэтических текстах.

Результаты и обсуждение. По итогам проведенного исследования было установлено, что в раннем творчестве Мандельштама представлен широкий спектр регулятивных средств, помогающих актуализировать в сознании читателя тот или иной образ, выполняя эстетическую функцию. Процедура анализа включала следующие этапы: 1) выявление регулятивных средств и структур; 2) их систематизация; 3) изучение их функций в наиболее характерных для автора стихотворениях, относящихся к раннему периоду в творчестве Мандельштама из сборника «Камень»; 4) проведение рецептивных экспериментов, направленных на выявление воздействия поэтического слова и определение его регулятивных возможностей. Среди наиболее часто используемых автором средств регулятивности следует отметить метафору и сравнение. В связи с тем, что стихотворения, включенные в сборник «Камень», часто носят описательный характер, поэт использует синтаксические конструкции, осложненные деепричастными или причастными оборотами, рядами однородных членов.

Заключение. На основе полученных результатов был сделан вывод о том, что поэтические тексты Мандельштама, относящиеся к раннему творчеству, обладают достаточно высокой степенью воздействия на читателя благодаря наличию в них ярких и выразительных лексических регулятивов. Результаты проведенного исследования позволяют конкретизировать идиостиль автора и его поэтическую картину мира.

Ключевые слова: регулятивность, теория регулятивности, регулятивные средства и структуры, поэтическая картина мира, О. Э. Мандельштам.

Введение

Статья посвящена анализу регулятивных средств в лирике известного поэта Серебряного века О. Э. Мандельштама.

В рамках активно разрабатываемого научного направления – коммуникативной стилистики текста – сформирован понятийно-терминологический аппарат и обширная исследовательская база [1–8]. В частности, исследованию творчества О. Э. Мандельштама уделяли внимание Н. С. Болотнова и А. А. Пономарева (анализ религиозных образов и их воплощение в лирике поэта) [9]; А. А. Васильева (исследование творчества Мандельштама в ассоциативном аспекте) [10, 11]; А. Н. Аксенова (изучение музыкальных образов в поэзии Мандельштама) [12]; А. В. Болотнов [13], П. А. Становкин [14] (анализ отдельных концептов в творчестве автора) и др. Однако в регулятивном аспекте ранняя лирика О. Э. Мандельштама специально не рассматривалась.

В рамках коммуникативной стилистики текста наряду с теорией текстовых ассоциаций и теорией смыслового развертывания текста активно разрабатывается теория регулятивности. Регулятивность трактуется как «системное качество текста,

способность управлять познавательной деятельностью читателя» [15], регулятивная эпифункция рассматривается как «проявление эстетической функции художественного текста как формы общения» [3, с. 181].

На уровне макроструктуры текста исследователями выделяются способы регулятивности, на уровне элементов текста исследуются регулятивные средства. Н. С. Болотнова отмечает, что «регулятивные средства с точки зрения первичной текстовой деятельности соотносятся с понятием „стимул“, с точки зрения вторичной деятельности – с „реакцией“, коррелируя в сознании читателя с мыслительными структурами» [3, с. 182]. Одна из главных функций регулятивных средств – выполнение той или иной психологической операции в интерпретационной деятельности читателя. Средства регулятивности дифференцируются на лингвистические (выделенные в соответствии с поуровневой речевой стратификацией: ритмико-звуковые, лексические, морфологические, словообразовательные и синтаксические) и экстралингвистические (композиционные, логические, графические).

Нередко можно говорить о преобладании средств регулятивности одного типа в творчестве

того или иного автора. В целом они определяются «как спецификой художественной сферы общения, так и своеобразием творческого метода автора, традициями литературных школ, направлений, к которым он принадлежит, индивидуально-авторским мировидением» [3, с. 184].

Нами исследован регулятивный потенциал ранней лирики поэта, представлена систематизация регулятивных средств и структур в творчестве автора, установлены основные функции данных структур в поэтических текстах, включенных в сборник «Камень». В перспективе возможен выход на динамику творческого метода Мандельштама на основе сопоставления преобладающих регулятивных средств и структур в раннем и позднем творчестве поэта (стихотворениях 1930–1937 гг.).

Материал и методы

Исследование проведено на материале 76 поэтических текстов Мандельштама из сборника «Камень» [16]. Сборник включает 23 стихотворения 1908–1913 гг. (позднее он был дополнен текстами 1914–1915 гг. и переиздан в конце 1915 г. (на титуле значится – 1916)). Ранние поэтические тексты отличаются особой мелодичностью и спокойным и плавным ритмом. Отбор регулятивных средств в основном сводится к метафорам, эпитетам и олицетворениям. Чаще всего они используются в описании окружающего поэта мира, по большей части иллюзорного, отражают поиски своего я, своего творческого и жизненного пути. «Включенные в первый сборник Мандельштама „Камень“ стихи 1908–1911 гг. – это стихи ученика символистов, но при этом они лишены „потусторонности“, всей положительной идеологии и философии символизма. Это стихи о мире туманном и ненастоящем» [17].

Методика анализа поэтических текстов автора включала этапы: 1) выявление регулятивных средств и структур; 2) их систематизация; 3) изучение их функций в наиболее характерных для автора стихотворениях, относящихся к раннему периоду в творчестве Мандельштама; 4) проведение рецептивных экспериментов, направленных на выявление воздействия поэтического слова и определение его регулятивных возможностей.

Результаты и обсуждение

На ритмико-звуковом уровне ранние стихотворения Мандельштама отличают плавность и спокойная интонация. Поэт часто использует ассонанс (ср.: «В огромном омуте прозрачно и темно» (1910) – повторение звуков «у», «о» придает тексту ощущение протяженности, медлительности, тяжести) и аллитерацию («Смутно дышащими листьями» (1911) – использование слов с шипящими звуками создает ощущение легких шорохов и тиши-

ны). Однако уже в некоторых ранних текстах встречается чеканная интонация, заставляющая делать паузы после каждой строки. Сами тексты изобилуют призывом к действию («Сегодня дурной день» (1911); «Я ненавижу свет» (1912) и др.).

Обратимся к анализу регулятивных изобразительно-выразительных средств в лирике поэта. Наиболее распространены метафоры и сравнения, присутствующие почти в каждом стихотворении анализируемого сборника (метафоры: *хрусталь небосвода* («Сусальным золотом горят» (1908)); *бледно-голубая эмаль* («На бледно-голубой эмали» (1909)); *Я и садовник, я же и цветок* («Дано мне тело – что мне делать с ним» (1909)); *дум туманный перезвон* («Скудный луч, холодной мерою» (1911)) и др.; сравнения: *Божье имя, как большая птица* («Образ твой мучительный и зыбкий» (1912)); *Чудовищна – как броненосец в доке* («Петербургские строфы» (1913)); *В темной арке, как пловцы, / Исчезают пешеходы* («Дворцовая площадь» (1915)) и др.).

Реже встречаются эпитеты, яркие и наполненные метафорическим смыслом (*неживой небосвод, смеющийся хрусталь* («Сусальным золотом горят» (1908)); *туманный бред* («Только детские книги читать» (1908)); *игрушечный удел, робкие законы* («Есть целомудренные чары» (1909)) и др.).

На приеме олицетворения нередко построены целые поэтические тексты автора («Невыразимая печаль» (1909); «О небо, небо, ты мне будешь сниться!» (1911); «Адмиралтейство» (1913) и др.).

Рассмотрим подробнее одно из стихотворений.

О, небо, небо, ты мне будешь сниться!
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!

В небольшом по объему, но очень емком по содержанию поэтическом тексте чувства и состояние лирического героя переданы с помощью обращения к природной стихии, а именно к небу, как к чему-то святому, всеобъемлющему. Герой отождествляет его с некой зрячей сущностью, которая, однако, по какой-то причине утратила свою способность. Образ огня как всепоглощающего начала передан в стихотворении с помощью использования слов одной тематической группы: *сгорел, дым, пепел*. Благодаря указанным средствам автору удалось передать меланхоличное настроение лирического героя, рассуждающего о своей жизни, о пережитом дне как о безвозвратно ушедшем, о жизни, туманной и сумрачной.

Встречается в поэтических текстах сборника и прием оксюморона с целью подчеркнуть необычность созданного образа (*немолчный напев тишины* («Звук осторожный и глухой» (1908)); *я от жизни смертельно устал* (Только детские книги

читать» (1908)); *слушаю тишь* («Есть целомудренные чары» (1909)); *нежный лед руки* («Как кони медленно ступают» (1911)) и др.). Необычные, контрастные фразы придают поэтическим текстам самобытность, выводя читателя на новый уровень восприятия текста, выходящего за границы стандартной сочетаемости слов.

Регулятивные структуры, основанные на синонимических сближениях слов в поэтическом контексте, также характерны для ранних стихотворений автора (*тишину переплывает / Полночных птиц незвучный хор* (Слух чуткий – парус напрягает» (1910)); и *страстно, и томно, и ласково* («Из омута злого и вязкого» (1910)). Подобные структуры используются поэтом для того, чтобы подчеркнуть значимость описываемого образа, показать разные его грани с помощью точно подобранных лексических средств. Рассмотрим подробнее один из поэтических текстов, датированный 1911 г.:

*Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Легкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.*

*И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьется упрек, –
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!*

*Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы.
И двойным бытием отраженным
Одурманены сосен стволы.*

*Небо тусклое с отсветом странным –
Мировая туманная боль –
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.*

В стихотворении представлена текстовая парадигма синонимического типа: воздух *пасмурный* – небо *тусклое* – *сумрачная* жизнь. Обратившись к словарю синонимов [18], находим следующее: среди синонимов к слову «пасмурный» отмечены: «тусклый» (54), «сумрачный» (41). Использование данной текстовой парадигмы поэтом создает у читателя соответствующее настроение: грусти, тоски, меланхолии. Также стихотворение характеризуется такими регулятивными средствами, как метафора (*легкий крест прогулок*), сравнение и персонификация (*дикой уткой взовьется упрек*), метафорический эпитет (*пасмурный воздух, равнодушная отчизна, сонное озеро*), олицетворение (*одурманены сосен стволы*). Использованная на протяжении всего стихотворения инверсия придает тексту особую мелодику: всякий раз акцентируется

внимание на стоящих в финальной части строк прилагательных, имеющих наибольшую смысловую нагрузку в рамках данного стихотворения.

Еще шире и многообразнее как средство регулятивности в ранней лирике Мандельштама представлена антонимия (*такое маленькое царство / Так много поглотило сна* («Невыразимая печаль» (1909)); *То всею тяжестью оно идет ко дну... / То, как соломинка, минуя глубину, / Наверх всплывает без усилий* («В огромном омуте прозрачно и темно» (1910)); *приливы и отливы рук* («На перламутровый челнок» (1911)); *все исчезает – остается / Пространство, звезды и певец* («Отравлен хлеб и воздух выпит» (1913) и др.). С помощью антонимии поэт хочет показать противоречивость окружающего мира, его неоднозначность и многоплановость.

Такие средства регулятивности, как риторические вопросы и восклицания, в ранних стихотворениях Мандельштама подчеркивают те или иные чувства, переживания лирического героя, находящегося под впечатлением от восприятия окружающего мира и природы. Это нашло отражение в стихах: «Сусальным золотом горят» (1908); «Слух чуткий – парус напрягает» (1910); «Смутно-дышащими листьями» (1911) и др.), желающего ответить на вечные вопросы («Дано мне тело – что мне делать с ним» (1909); «Отчего душа – так певуча» (1911)) и др.

Среди синтаксических средств регулятивности можно отметить синтаксический параллелизм («Только детские книги читать» (1908); «Невыразимая печаль» (1909); «Из омута злого и вязкого» (1910) и др.) и частое использование сложных синтаксических конструкций, придающих поэтическим текстам плавность и мелодичность. Рассмотрим один из указанных выше поэтических текстов.

*Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Все большое далеко развеять,
Из глубокой печали восстать.*

*Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.*

*Я качался в далеком саду
На простой деревянной качели,
И высокие темные ели
Вспоминаю в туманном бреду.*

Данный поэтический текст интересен в композиционном плане. Каждое четверостишие – это

одно предложение. В первом случае используются однородные сказуемые в неопределенной форме (*читать, лелеять, развеять, восстать*). Второе и третье четверостишия осложнены однородными членами предложения – личными глаголами (*устал, не приемлю, люблю, не видал, качался, вспоминаю*). Помимо этого в тексте присутствуют однородные определения (*простая деревянная качеля, высокие темные ели*). Использование осложненных конструкций придает тексту размеренность и плавность. В сознании воспринимающего текст субъекта возникает образ лирического героя, много повидавшего в своей жизни, успевшего от нее устать, но смирившегося со своей судьбой. Поэтический текст относится к одному из самых ранних (датирован 1908 г.) и отражает особенности того литературного направления, к которому тяготел Мандельштам в начале своего творчества – символизма.

Нами были проведены два пилотажных рецептивных эксперимента, направленных на выявление степени воздействия поэтического слова и определение его регулятивных возможностей по модифицированной методике шкалирования Ч. Осгуда.

В эксперименте приняли участие 20 человек в возрасте 20–33 лет. В качестве информантов выступили студенты, преподаватели Томского государственного университета и Томского государственного педагогического университета, учителя, люди разных профессий и специальностей. Получено 213 ответов.

Цель первого эксперимента состояла в выявлении силы воздействия подчеркнутых в предложениях слов и оборотов в баллах и аргументации своего ответа. В качестве материала информантам предлагались два поэтических текста автора: «Невыразимая печаль» (1909) и «Заснула чернь. Зияет площадь аркой» (1913). Выбор данных поэтических текстов обусловлен тем, что в них присутствуют яркие регулятивные средства, способные вызывать различные ассоциации в сознании читателя.

Были получены следующие результаты. В стихотворении «Невыразимая печаль» у респондентов вызвали интерес два олицетворения: «*Невыразимая печаль открыла два огромных глаза*» (ср. некоторые комментарии: «усиление печали приданием ей свойств живого существа»; «от этого оборота разыгрывается воображение»; «становится жутко, когда зрительно представляешь этот образ» и др.) и «*Цветочная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь*» (см. ряд комментариев: «вызывает ассоциацию с игрой света хрусталя на солнце»; «необычное олицетворение, передающее, очевидно, зрительное впечатление лирического героя (переливы хрусталя под лучами солнца)»; «оборот ассоциируется с эмоциями человека» и др.).

Во втором поэтическом тексте информанты чаще всего отмечали как обладающее наибольшим воздействием, судя по высоким баллам, второе четверостишие, в котором метафорически описана судьба России и лирического героя. Были выделены, например, такие обороты, как: «*Россия, ты – на камне и крови*» (см. комментарии: «мысли о многогранной истории России»; «автор подчеркивает, что государство переполнено войнами и борьбой за власть»; «жестокость и трагизм истории России» и др.).

Во втором эксперименте респондентам необходимо было самостоятельно подчеркнуть в поэтических текстах наиболее важные, на их взгляд, слова и обороты, оценить силу воздействия поэтических текстов по 5-балльной шкале и пояснить свою точку зрения. В качестве материала были выбраны следующие стихотворения: «В огромном омуте прозрачно и темно» (1910), «На бледно-голубой эмали» (1909), «Дано мне тело – что мне делать с ним» (1909). В стихотворении «В огромном омуте прозрачно и темно» большинство респондентов отметили в качестве наиболее важного фрагмент, включающий текстовую парадигму антонимического типа: «*То... идет ко дну, / То – как соломинка, минув глубину, / Наверх всплывает без усилий*». Приведем некоторые комментарии: «в тексте передается атмосфера хандры»; «ощущение, что герой находится на грани между забвением и нормальным трезвым состоянием»; «стихотворение вселяет грусть»; «в стихотворении много туманных образов»; «возникает чувство одиночества и отчаяния» и др.).

Стихотворение «На бледно-голубой эмали» вызвало неоднозначную оценку респондентов. Некоторые посчитали, что в тексте просто описывается работа художника (ср. ответ: «стихотворение про художника, рисующего узоры на посуде»). Однако подавляющее большинство информантов отметили обилие метафор и эпитетов в поэтическом тексте, таких как: «*бледно-голубая эмаль*», «*застыла тоненькая сетка*», «*сознание минутной силы*», «*забвение печальной смерти*» (ср. комментарии: «красивое описание природы, неба, деревьев на его фоне. Во второй части передано мироощущение поэта»; «Интересные описательные обороты заставляют работать воображение»; «Стихотворение интересно сопоставлением природного и бытового и финальным философским четверостишием, в котором поэт размышляет о способности творчества давать ощущение „минутной силы“ и „печальной смерти“» и др.).

Последний поэтический текст «Дано мне тело – что мне делать с ним» вызвало наибольший отклик среди информантов. Большинство подчеркнули в качестве наиболее важных в плане воздействия первые строки стихотворения, так как они заключают в себе риторические философские вопросы о

смысле жизни человека (ср., например, ответ: «Стихотворение заставляет задуматься о том, что мы имеем и как этим правильно распорядиться (в данном случае наше тело, жизнь)»). Интерес у участников эксперимента вызвал метафорический оборот «Я и садовник, я же и цветок» (ср. один из полученных ответов: «Ответственность каждого за свою жизнь»). В целом респонденты отметили, что при прочтении данного поэтического текста возникает позитивное чувство, приятное впечатление, желание задуматься над собственной жизнью.

Заключение

Таким образом, в раннем творчестве Мандельштама представлен широкий спектр регулятивных

средств, помогающих актуализировать в сознании читателя тот или иной образ, выполняя эстетическую функцию. Среди наиболее часто используемых автором средств регулятивности следует отметить метафору и сравнение. В связи с тем, что стихотворения, включенные в сборник «Камень», часто носят описательный характер, поэт использует синтаксические конструкции, осложненные деепричастными или причастными оборотами, рядами однородных членов. По результатам проведенных рецептивных экспериментов можно сделать вывод о том, что ранние поэтические тексты Мандельштама обладают достаточно высокой степенью воздействия на читателя благодаря наличию в них ярких регулятивных средств.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 312 с.
2. Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994. 213 с.
3. Болотнова Н. С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistika*. Opole, 1998. Вып. VII. С. 179–189.
4. Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // *Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века*. СПб., 1998. С. 242–247.
5. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Бакланова Е. А., Болотнов А. В., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. Н. С. Болотновой. Томск, 2001. 331 с.
6. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: поиск ключей к эстетическому коду // *Слово. Семантика. Текст: сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. В. В. Степановой / отв. ред. В. Д. Черняк*. СПб., 2002. С. 137–143.
7. Болотнова Н. С. Регулятивность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под. ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 328–331.
8. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // *Сибирский филол. журн.* 2003. № 3–4. С. 198–207.
9. Болотнова Н. С., Пономарева А. А. О некоторых религиозных образах в поэзии О. Э. Мандельштама и их лексическом воплощении // *Молодежь и наука: проблемы и перспективы: материалы филол. секции II обл. конф. студ., аспирантов и молодых ученых (16–22 апр. 1998 г.)*. Томск, 1998. С. 7–12.
10. Васильева А. А. Регулятивные средства и структуры в лирике О. Э. Мандельштама // Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др. *Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности*. Томск, 2011. С. 235–249.
11. Васильева А. А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 32 с.
12. Аксенова А. Н. Музыкальные образы в поэзии О. Э. Мандельштама // *Сибирская школа молодого ученого: тр. регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. III: Лингвистика. Стилистика художественного текста. Литературоведение*. Томск, 1999. С. 77–79.
13. Болотнов А. В. Регулятивные средства и структуры, актуализирующие концепт «хаос», в лирике О. Э. Мандельштама // Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др. *Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности*. Томск, 2011. С. 249–264.
14. Становкин П. А. Лексические особенности воплощения концепта «путь» в сборнике «Камень» О. Мандельштама // *Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике Серебряного века: материалы VII Всерос. науч.-практ. семинара*. Томск, 2004. С. 105–110.
15. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М.: Наука, 1987. 140 с.
16. Мандельштам О. Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2017. 1182 с.
17. Гинзбург Л. Я. «Камень». URL: http://destructionen.narod.ru/ginsburg_kamen.htm, свободный (дата обращения: 16.09.2019).
18. Словарь синонимов. URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: 17.09.2019).

Шутова Алена Владимировна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: alyshutova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-121-127

ABOUT REGULATORY MEANS AND STRUCTURES IN EARLY LYRICS OF O. E. MANDELSTAM

A. V. Shutova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The topicality of the research is determined by a new communicative-activity approach to the analysis of a poetic text that is very relevant for modern linguistics in order to identify its regulatory potential in the work of one of the most famous poets of the Silver Age O. E. Mandelstam. In connection with the insufficient study of the evolution of the author's poetic worldview, it is of particular interest to analyze the regulatory means and structures in his early lyrics that are significant for organizing a dialogue between the author and the addressee. The purpose of the article is the analysis of regulatory means and structures in the early work of O. E. Mandelstam with the material of the first album of the poet "Stone" (1913). An attempt has been made to systematize regulatory means and structures in the work of the author, to determine the main functions of these structures in poetic texts.

Results and discussion. According to the results of the study, it was found that Mandelstam's early work presents a wide range of regulatory means that help to actualize a particular image in the reader's mind, performing an aesthetic function. The analysis procedure included the following steps: 1) identification of regulatory means and structures; 2) their systematization; 3) the study of their functions in the most characteristic poems for the author, relating to the early period in the work of Mandelstam from the album "Stone"; 4) conducting receptive experiments aimed at identifying the effects of the poetic word and determining its regulatory capabilities. Among the most frequently used by the author regulatory means, a metaphor and comparison should be singled out. Due to the fact that the poems included in the album "Stone" are often narrative, the poet uses syntactic constructions complicated by the adverbial participial phrases or participial phrases, lines of homogeneous members.

Conclusion. Based on the results, it was concluded that Mandelstam's poetic texts related to early work have a fairly high degree of influence on the reader due to the presence of bright and expressive lexical regulators in them. The results of the study will help in substantiation of the author's individual style and his poetic worldview.

Keywords: *regulativity, theory of regulativity, regulatory means and structures, poetic worldview, O. E. Mandelstam.*

References

1. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinit lekshicheskogo urovnya* [Communicative literary text and comprehensive analysis of lexical units]. Tomsk, TSPU Publ., 1992. 312 p. (in Russian).
2. Bolotnova N. S. *Lekshicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta v assotsiativnom aspekte* [Lexical structure of literary text in associative aspect]. Tomsk, TSPU Publ., 1994. 212 p. (in Russian).
3. Bolotnova N. S. O teorii regulativnosti khudozhestvennogo teksta [On the theory of regulatory text]. *Stylistika. Opole*, 1998, no. VII, pp. 179–189 (in Russian).
4. Bolotnova N. S. Ob izuchenii assotsiativno-smyslovyykh poley slov v khudozhestvennom tekste [On the study of associative-semantic fields of words in a literary text]. *Rusistika: Lingvisticheskaya paradigma kontsa XX veka* [Russian studies: linguistic paradigm of the end of the 20th century]. Saint Petersburg, 1998. Pp. 242–247 (in Russian).
5. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A., Bolotov A. V., Vasil'yeva A. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika khudozhestvennogo teksta: lekshicheskaya struktura i idioshtil'* [Communicative style of literary text: lexical structure and idioshtil']. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, 2001. 331 p. (in Russian).
6. Bolotnova N. S. Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte: poisk klyuchey k esteticheskomu kodu [Communicative literary text: finding keys to aesthetic code]. In: Chernyak V. D. (Editor-in-chief). *Slovo. Semantika. Tekst: sbornik nauchnykh trudov, posvyashch. yubileyu prof. V. V. Stepanovoy* [Word. Semantics. Text: collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Professor V. V. Stepanova]. Saint Petersburg, 2002. Pp. 137–143. (in Russian).
7. Bolotnova N. S. Regulativnost' [Regulativity]. In: Kozhina M. N. (ed.) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. Pp. 328–331 (in Russian).
8. Bolotnova N. S. Poeticheskaya kartina mira i yeye izucheniye v kommunikativnoy stilistike teksta [Poetic picture of the world and its study in the communicative style of the text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2003, vol. 3-4, pp. 198–207 (in Russian).
9. Bolotnova N. S., Ponomareva A. A. O nekotorykh religioznykh obrazakh v poezii O. E. Mandel'shtama i ikh lekshicheskoy voploshchenii [About some religious images in the poetry of O. E. Mandelstam and their lexical embodiment]. In: *Molodezh' i nauka: problemy i perspektivy: materialy filol. sektsii II obl. konf. stud., aspir. i molodykh uchenykh (16–22 apr. 1998 g.)* [Youth and science: problems and prospects: materials of the philological section of the II Regional Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists (April 16–22, 1998)]. Tomsk, 1998. Pp. 7–12 (in Russian).
10. Vasil'yeva A. A. Regulativnyye sredstva i struktury v lirike O. E. Mandel'shtama [Regulatory tools and structures in the lyrics of O. E. Mandelstam]. In: Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: lekshicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative style of the text: lexical regulation in textual activity]. Tomsk, 2011. Pp. 235–249 (in Russian).

11. Vasil'eva A. A. *Leksicheskiy aspekt assotsiativnogo razvertyvaniya poeticheskikh tekstov O. E. Mandel'shtama* [Lexical aspect of associative deployment of O. E. Mandelstam's poetic texts]. Tomsk, 2004. 32 p. (in Russian).
12. Aksenova A. N. *Muzykal'nyye obrazy v poezii O. E. Mandel'shtama* [Musical images in the poetry of O.E. Mandelstam]. *Sibirskaya shkola molodogo uchenogo: tr. region. nauch.-prakt. konf. stud., aspir. i molodykh uchenykh. T. III. Lingvistika. Stilistika khudozhestvennogo teksta. Literaturovedeniye* [Siberian school of young scientist: proceedings of the regional scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists. T. III: Linguistics. The style of the literary text. Literary criticism]. Tomsk, 1999. Pp. 77–79 (in Russian).
13. Bolotnov A. V. *Regulyativnyye sredstva i struktury, aktualiziruyushchiye kontsept "khaos", v lirike O. E. Mandel'shtama* [Regulatory tools and structures that actualize the concept of chaos in the lyrics of O.E. Mandelstam]. In: Bolotnova N. S., Babenko I. I., Baklanova E. A. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulyativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative style of the text: lexical regulation in textual activity]. Tomsk, 2011. Pp. 249–264. (in Russian).
14. Stanovkin P. A. *Leksicheskiye osobennosti voploshcheniya kontsepta "put'" v sbornike "Kamen'" O. Mandel'shtama* [Lexical features of the embodiment of the concept of "path" in the collection "Stone" by O. Mandelstam]. *Poeticheskaya kartina mira: slovo i kontsept v lirike Serebryanogo veka: materialy VII Vserossiyskogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Poetic picture of the world: the word and concept in the lyrics of the Silver Age: materials of the VII All-Russian scientific-practical workshop]. Tomsk, 2004. Pp. 105–110 (in Russian).
15. Sidorov E. V. *Problemy rechevoy sistemnosti* [Problems of Speech System]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 140 p. (in Russian).
16. Mandel'shtam O. E. *Polnoye sobraniye poezii i prozy v odnom tome* [A complete collection of poetry and prose in one volume]. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2017. 1182 p. (in Russian).
17. Ginzburg L. Ya. *"Kamen'"* [Stone] (in Russian). URL: http://destruction.narod.ru/ginsburg_kamen.htm (accessed 16 September 2019).
18. *Slovar' sinonimov* [Synonym dictionary] (in Russian). URL: <https://sinonim.org/> (accessed 17 September 2019).

Shutova A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: alyshutova@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1.0

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-128-135

АГИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА», РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. С. Шилова, А. Н. Кошечко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Исследуется агиографическая традиция в «Житии Великого грешника» и в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Осмысление творчества писателя в аспекте его генезиса, эволюции и трансформации особое значение уделяется религиозно-философскому содержанию его романистики. Обращение писателя к произведениям древнерусской словесности в вопросе изучения религиозно-философского содержания творчества. Житийные тексты служат для писателя образцом духовных ценностей. Можно отметить наличие определенного интереса к агиографической традиции в романах Ф. М. Достоевского, однако до сих пор это направление не было представлено комплексным анализом в литературоведении.

Материал и методы. Материалом исследования служат художественные, публицистические тексты и эго-документы Ф. М. Достоевского. В работе используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический, биографический методы, а также метод концептуального анализа с использованием аксиологического подхода.

Результаты и обсуждение. В центре внимания исследователей оказываются вопросы о воплощении житийной традиции в исследуемых произведениях на уровне структуры и идейных замыслов, однако, как правило, направлены на работу внутри художественных текстов и демонстрируют рецептивный литературоведческий обзор заявленной проблематики или же имеют интерпретацию христианских мотивов и образов.

Заключение. Целостное исследование агиографической традиции в творчестве Ф. М. Достоевского на материале романа «Братья Карамазовы» и «Жития Великого грешника» может быть осуществлено при применении комплекса подходов в изучении: исторического, культурологического, биографического, также необходимым является применение аксиологического подхода в анализе художественных текстов писателя, в публицистике, эго-документах самого Достоевского, так и его близкого круга. Следует выстроить соответствующую структуру исследуемых материалов с обоснованием их привлечения. В данном направлении изучение авторской идеологии, понимание мировоззренческой позиции автора и особенностей его сознания, а также исследование среды исторической действительности и ее влияние на писателя, что позволит привнести новые понимания в проблеме исследования агиографической традиции в литературоведческом анализе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», «Житие Великого грешника», агиография, житие, православие, русская культура, нравственность, духовность, святость, ценности, аксиологический подход.

Введение

Древнерусская словесность в период своего существования и развития имела огромное влияние на становление общественного уклада, являлась отражением национальных культурных традиций и историко-политических событий, была возвращена на глубокое понимание христианских ценностей. Памятники этого важного для развития нашего государства периода отличаются не только художественной и исторической ценностью, но и являются носителями высоких духовных идеалов русского народа. Для Достоевского как человека и писателя проблема духовно-нравственного идеала имела принципиально важное значение [1, с. 151]. Опре-

деление ценностей, идеалов, смыслов человеческого бытия для писателя становится вопросом неустанный поиска и имеет отражение в художественном наследии.

Агиография занимает одно из ключевых разделов в древнерусской словесности, благодаря своему ценностному содержанию, тексты, посвященные описанию жизни и подвигов святых становятся нравственным ориентиром. Образ святого раскрывает человеческие добродетели и является поведенческим ориентиром для читателей и слушателей.

На протяжении всего периода существования Древней Руси агиографические памятники имеют

неизменную популярность, а в конце XIV – начале XV в. жития святых становятся самым распространенным жанром [2, с. 85]. Во время развития литературного процесса в период Российского государства агиография как жанр не исчезает, а редуцируется и трансформируется, обретая продолжение в творчестве писателей последующих веков. Д. С. Лихачев в послесловии «Великого наследия» отмечает преемственность древнерусской литературы «в высокой идейной направленности русских литературных произведений XIX и XX веков», «в неустанных поисках смыслов и правды жизни» [2, с. 474–475].

Древнерусская агиография достаточно подробно и всесторонне исследована в работах представителей отечественного литературоведения. О. В. Ключевский [3], И. В. Яхонтов [4] и др. рассматривали житийные тексты с исторической точки зрения, другие ученые обращали внимание на проблемы природы жанра древнерусских агиографических произведений, их стилистические особенности, специфику образной системы (В. П. Адрианова-Перетц [5], Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев [6], И. П. Еремин [7], А. Н. Ужанков [8] и др.). Ряд исследователей специализируются на языковых особенностях агиографической литературы (В. Н. Топоров [9], И. В. Грекова [10], Т. П. Рогожникова [11] и др.). Существуют работы, в которых акцентировано внимание на изучении околожанрового пространства агиографических текстов (Д. С. Лихачев [2], И. П. Еремин [7] и др.).

Интерес к изучению памятников древнерусской агиографии на протяжении многих веков не угасает не только в литературоведческом кругу, но и актуален для исследователей смежных областей гуманитарных наук: истории, культурологии, социологии, лингвистики. Стоит отметить, что в практике литературоведческого исследования агиографической традиции в русской литературе сложно выделить как самостоятельное направление и выстроить его ретроспективную эволюцию, однако стоит отметить тенденцию роста научного интереса к данной проблематике. В современном отечественном литературоведении расширяется диапазон изучения репрезентации житийной традиции в русской литературе XIX–XXI вв., при этом особое внимание исследователей обращено к творчеству Ф. М. Достоевского. Н. А. Бердяев отмечает, что именно в XIX в. «формировалась русская душа, ее эмоциональная жизнь» [12, с. 5]. Мы находим отражения этих характерных черт эпохи в произведениях Ф. М. Достоевского. Е. В. Николаева отмечает: «Древнерусская, а в особенности агиографическая традиция оказывается для писателей неоценимым источником творческого вдохновения в поисках новых форм и способов выражения. В это вре-

мя значительно углубляются психологизм, исповедальность русской литературы, углубляется философское, а в случае с романами Достоевского и религиозно-философское содержание романистики» [13].

С точки зрения культурно-исторического и ценностного контекстов необходимо заметить, что идеологический фундамент отечественного литературоведения XX в. долгое время не позволял в полной мере говорить о религиозных смыслах агиографических текстов. Как замечает В. Н. Топоров в своей монографии «Святость и святые в русской духовной культуре», еще несколько лет назад обращение к теме святости в русской культуре могло бы показаться странным, безнадежно устаревшим и ненужным: «Происходящие в последнее время изменения в отношении государства к церкви и религии и в общественном сознании приводят к возрождению интереса к тому, что было забыто, отринуто, поругано. Появляется желание найти в прошлом то, что может помочь разобраться в настоящем и бросить луч света на будущее, иначе говоря, возобновить права наследования, от которых столь поспешно отказались ранее, и взять с собой это родовое наследие в дальнейший путь» [9, с. 490].

Смена идеологической и ценностной парадигмы литературоведческой науки позволила в 1990-х гг. обратиться к качественно новому разговору о религиозной специфике древнерусской агиографической традиции, изучения ее генезиса и эволюции, последующего художественного осмысления в произведениях художественной литературы XVIII–XXI вв. Как отмечает А. В. Растягаев: «Творчество писателей XVIII в. рассматривалось вне агиографической традиции, а его религиозная составляющая игнорировалась. Только сейчас стало возможным полноценное, всеобъемлющее исследование житий святых, которое должно помочь шире взглянуть на жанровое развитие русской средневековой словесности, теоретически осмыслить жанр жития в аспекте его генезиса, эволюции и трансформации» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – А. Ш., А. К.) [14, с. 2].

Этот принцип мы можем применить к изучению житийной традиции в русской литературе в целом и наследию Ф. М. Достоевского в частности, особое внимание уделив завершающим творческий путь писателя и являющимся итогом его религиозно-философских исканий роману «Братья Карамазовы» и «Житию Великого грешника».

«Братья Карамазовы», последний роман Великого Пятикнижия, по словам К. В. Мочульского, становится вершиной, «с которой нам открывается органическое единство всего творчества писателя. Все пережитое, передуманное и созданное им

находит свое место в этом огромном синтезе» [15, с. 420]. В свою очередь «Житие Великого грешника» исследователь сравнивает с «духовным центром» творчества Достоевского, «как подземный источник, он питает своими водами его большие романы семидесятых и восьмидесятых годов» [15, с. 490]. «Житие Великого грешника» является неоконченным замыслом писателя, представлено серией набросков и неразрывно связано с созданием романа [16, с. 291]. На протяжении нескольких лет концепция его воплощения существенно менялась Достоевским в черновиках, писатель на протяжении длительного периода размышлял над изложением идеи будущего романа, но она так и не смогла стать воплощенной.

Материал и методы

Материалом исследования являются художественные тексты Достоевского: «Житие Великого грешника», роман «Братья Карамазовы», «Дневник писателя», эго-документы. Методологической основой исследования является комплексный подход, в рамках которого используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический методы анализа художественных, публицистических, документальных текстов. Также в нем применены элементы биографического метода и контекстуального анализа с использованием аксиологического подхода.

Результаты и обсуждение

«Житие Великого грешника» и «Братья Карамазовы» как произведения позднего периода творчества Достоевского являются квинтэссенцией его романного творчества и одновременно формой итоговой рефлексии лично пережитого опыта писателя, что находит свое отражение в сложных идейно-смысловых структурах этих текстов, посвященных поиску ответов на важнейшие вопросы человеческого существования: о существовании Бога и веры в него, нравственные и духовные основы, вопросы о смысле жизни, судьбе человека.

В истории отечественного достоевсковедения исследователи обращались к разным аспектам изучения традиций житийной литературы в этих произведениях (В. Е. Ветловская, В. В. Кусков, Г. Б. Пономарева, Б. Н. Тихомиров и др.). Зачастую в центре внимания оказывался роман, «житие» принято воспринимать как черновые записи, относящиеся к замыслу написания романа.

В настоящее время мы также обнаруживаем возрастание интереса к проблеме исследования агиографической традиции в романах Ф. М. Достоевского, в диссертациях и монографиях: «Житийные мотивы в творчестве Достоевского» Е. В. Натарзан [17]; «„Житие Великого грешника“ – транс-

формация замысла, жанровое своеобразие, роль в творческой эволюции Ф. М. Достоевского» В. В. Сайченко [18]; «Будут все как дети Божи...» – традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“» А. Ланцов [19] и др.

Как правило, существующие исследования житийной традиции в произведениях Достоевского осуществляются через исследования особенностей поэтики произведений, изучение особенностей трансформации житийных мотивов в литературном процессе в XIX–XX вв. в целом. В. Е. Ветловская отмечает наличие формул, характерных для агиографии, например, в *образах героев* или *житийной ориентации повествователя* в «Братьях Карамазовых» [20]. В. В. Кусков подчеркивает использование Достоевским в написании романа «Братья Карамазовы» текстов Евангелия, апокрифической литературы, а также обнаруживает в романе *сюжеты и образы*, характерные для русской агиографии [21]. Г. Б. Пономарева указывает на проявление житийной традиции в способе раскрытия *образа героя*, говорит о житийном идеале, который обнаруживается в романе «Братья Карамазовы» [22]. А. Ланцов говорит о новой жанровой модели, соединяющей в себе признаки жития и романа, поэтика такого произведения частично сохраняет элементы агиографического канона, в центре внимания работы оказываются жанровые особенности романа [23].

Стоит отметить и другое направление в изучении агиографической традиции в представленных текстах Достоевского. Основные векторы исследования устремлены на интерпретацию собственно религиозных компонентов в произведениях. Обращение к подобным работам в рамках изучения агиографической традиции является значимым в понимании отношения Достоевского к вере человека в Бога, православию, идеалу святости. Например, Т. А. Касаткина публикует сборник работ, отражающих современное состояние изучения романа «Братья Карамазовы», где рассматриваются вопросы о Боге, грехопадении, использования библейских текстов [23]. Б. Н. Тихомиров обращается к теме осмысления замысла Достоевского относительно его произведения «Житие Великого грешника» и в размышлениях о названии и композиции незаконченного произведения подчеркивает особое отношение к теме Бога и человека [16].

Изучение религиозного мировосприятия и его отражения в творчестве Достоевского становится одним из ведущих направлений в постсоветском достоевсковедении. Начиная с последних десятилетий XX в. появляется большое количество работ, авторы которых рассматривают Достоевского как христианского автора, писавшего с позиции глубо-

ко верующего человека. В свою очередь среди исследователей религиозных мотивов есть и те, кто заявляет об излишней христианизации художественного творчества писателя.

Религиозная проблематика в текстовом наследии Достоевского становилась объектом изучения не только среди литературоведов, а также философов, богословов с целью найти ответы на вопросы в вечно актуальных темах о смысле существования человека и о его вере в Бога. В свет выходят следующие исследования: К. Исупов «Метафизика Достоевского» [24], Преп. Иустин (Попович) «Философия и религия Достоевского» [25], Волкова Е. А. «Религиозные и исторические воззрения Ф. М. Достоевского» [26], О. И. Сыромятников «Поэтика русской идеи в Великом Пятикнижии Ф. М. Достоевского» [27] и др.

Выявление способов репрезентации агиографической традиции в творчестве писателя возможно с помощью методов компаративистики, с одной стороны, и аксиологического подхода – с другой. Комплексная методология исследования позволит осмыслить и описать ценностный потенциал произведений писателя, изучить личность автора, особенности его мышления, понимания православной религиозной традиции в понимании мира и человека. По замечанию Л. Г. Дорофеевой, проблема целостного анализа агиографического произведения может быть решена в случае, если будет сохранено единство содержания и формы текста, при этом «содержание имеет право быть богословским, а анализ при этом может оставаться литературоведческим» [28, с. 19].

К этой же проблеме обращается В. В. Лепяхин и утверждает, что изучение жития происходит «без внутренней органичной связи его содержания и формы, без учета его назначения, его роли как в церковной, так и в духовной жизни человека» [29]. Среди основных функций содержания жития исследователь выделяет следующие: удостоверяет святость изображаемого, указывает основные ступени духовности, дает читателю пример для подражания через религиозный опыт святого [29]. Несомненно, следует учитывать, что система ценностей древнерусских агиографов отличалась от писательского круга последующих столетий. А. Н. Ужанков приводит характерное объяснение, что для понимания значения и смысла древнерусской словесности необходимо «попытаться взглянуть на древнерусские духовные творения и мирскую словесность глазами их создателей и попытаться понять их предназначение в ближайшем культурном окружении эпохи, в которую они были созданы, и, что особенно важно для произведений XI–XVII вв., с учетом религиозного мировоззрения их творцов» [30, с. 13]. В связи с этим возникает необходимость привлечения

биографических источников для изучения ценностно-мировоззренческой позиции Достоевского¹, сопоставительного анализа с аксиологическим вектором мышления древнерусского человека с отчетливым иерархическим приоритетом духа и духовных императивов. Это позволит обнаружить новые смыслы в формах и способах рецепции житийных первоисточников в поздних произведениях писателя, но и выработать стратегию интерпретации и понимания его религиозно-философских идей.

Н. О. Лосский дает подробную характеристику отношения Достоевского к христианству и феномену святости: «В жизни и творчестве Достоевского религиозный идеал святости занимает господствующее положение... в его произведениях высшие положительные образы воплощают святость или, по крайней мере, движение к ней» [31, с. 174]. По мысли философа, этот идеал отражают герои романа «Братья Карамазовы», а создание безусловно положительного типа святости находит отражение в замысле и основной идее «Жития Великого грешника». Следовательно, изображение героя-святого в системе художественного творчества писателя неразрывно связано с пониманием святости в православной традиции.

Исследование литературного и культурно-исторического контекста судьбы писателя позволяет выявить спектр представлений Достоевского о формировании ценностной структуры личности, ее воспитании на основе традиций, ценностей и смыслов русской культуры [32]. Именно приобщение к религиозному опыту православия сформировало духовный фундамент его собственной личности еще в раннем детстве, когда будущий писатель знакомился с историей Ветхого и Нового Завета, Священным Писанием, житиями великих русских святых [18, с. 50–51].

Вечные вопросы о человеческих ценностях и жизненных ориентирах волновали писателя и были осмыслены в «Житии Великого грешника» и романе «Братья Карамазовы». А. Н. Кошечко, исследуя специфику сознания писателя, говорит следующее: «Достоевский приходит к выводу, что в мире, который считает себя нормальным и естественным, происходит подмена Абсолютной Истины Христа сиюминутными душевными переживаниями, и, как следствие, человечество отказывается видеть и понимать эсхатологическую сущность происходящего, стремится к существованию в пределах своих эгоистических потребностей, утрачивает нравственные и духовные ориентиры, удерживающие от зла в различных его проявлениях

¹ Можно говорить об определенной тенденции – проявлении интереса писателей – современников Достоевского к житийному наследию (М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, А. И. Куприн и др.).

(духовном, нравственном, мировоззренческом, социальном)» [33, с. 23].

Мировоззренческие установки Достоевского, несомненно, влияют на организацию образного мира героев в произведениях. Мысли, чувства и поступки главных героев романа «Братья Карамазовы» служат для нас ориентирами в поиске ответов на вечные вопросы. Писатель не создает образ героя-святого, не следует агиографическому канону, а, напротив, его герои теряют нравственный идеал (Федор Карамазов, Иван Карамазов, Смердяков), за редким исключением стремятся к его поиску (Алеша Карамазов, Зосима). Но Достоевский прямо не говорит о греховности героев, не осуждает их. Несмотря на это, процессы самосознания у героев происходят в переломные моменты внутренней борьбы помыслов и чувств в их разумах и душах. И не случайно разговоры и мысли о Боге, вере, святости могут быть внешне выражены насмешкой, презрением, неверием. Представление не только привычного положительного значения ценностей кажется нетипичным, непривычным и, возможно, непонятным. Писатель демонстрирует возможный путь человека к бездуховности, утрату нравственного идеала. Здесь важно пояснить, что «в произведениях Достоевского сознание героев, ориентированных на атеистическую духовность, не лишается аксиологии, поскольку специфическая и релевантная каждому конкретному типу система ценностей является необходимым компонентом его структуры. Для Достоевского ценности – это не специфически социальное явление, а уровень духовной организации личности» [34, с. 96].

Мы выделяем комплекс подходов в исследовании источников, в связи с этим исследование мировосприятия писателя, особенностей его сознания необходимо для полноценного понимания мотивов привлечения этой традиции, обращение к житийному тексту. *Исторический подход* подразумевает выявление особенностей трансформации житийных мотивов в литературном и историческом процессах в России. *Культурологический*

подход позволит отразить специфику художественных и эстетических аспектов текстов Достоевского через сопоставление всех культурных ценностей эпохи в литературе, культуре, науке, философии и религии. В рамках *биографического подхода* интерпретировать мировоззрения Ф. М. Достоевского, разностороннее изучение особенностей его авторского сознания, непосредственно оказывающих влияние на жизненные установки автора, его религиозное воспитание и религиозно-философское восприятие житийной традиции.

Заключение

В реализации целостного системного анализа агиографической традиции в «Житии Великого грешника» и романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, на наш взгляд, необходимо осуществить подбор и изучение разнородных источников. При этом концентрировать внимание не только на рецептивном анализе поэтики произведений, использовать применение аксиологического подхода в анализе художественных текстов писателя, в публицистике, эго-документах самого Достоевского, так и его близкого круга. Следует выстроить соответствующую структуру исследуемых материалов с обоснованием их привлечения.

Применение многоуровневого подхода в изучении поставленной проблемы: исторического, культурологического, биографического аспектов, а также использование аксиологического подхода в литературоведческом анализе способствуют организации комплексного исследования агиографической традиции в творчестве Ф. М. Достоевского на материале романа «Братья Карамазовы» и «Жития Великого грешника». Литературоведческий анализ агиографической традиции в представленных произведениях Достоевского формируется из совокупности семантических доминант уникального мира писателя: мировоззрения, жизненного опыта, особенностей творческой деятельности, а также привлечения исследований исторического и культурного контекстов в России XIX в.

Список литературы

1. Кошечко А. Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2014. 312 с.
2. Лихачев Д. С. Избранное: Великое наследие; Заметки о русском. СПб.: Logos, 1998. 559 с.
3. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1989. 512 с.
4. Яхонтов И. В. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. 377 с.
5. Адрианова-Перетц В. П., Еремин И. П. Жития (в русской литературе XI – начала XIII века) // История русской литературы: в 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. I. Литература XI – начала XIII века. 1941. С. 315–346.
6. Дмитриев Л. А., Лихачев Д. С., Лурье Я. С. и др. История русской литературы X–XVII вв.: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и литература» / под ред. Д. С. Лихачева. М.: Просвещение, 1979. 462 с.
7. Еремин И. П. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.; Л., 1966. 266 с.
8. Ужанков А. Н. О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII в. Калининград, РГУ им. И. Канта, 2007. 257 с.

9. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Первый век христианства на Руси. Т. 1. М.: Гнозис, 1995. 875 с.
10. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2014. 217 с.
11. Рогожникова Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2000. 42 с.
12. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
13. Николаева Е. В. Агиографические традиции в русской литературе второй половины XIX в. Издательский совет Русской православной церкви. URL: http://theophanica.ru/traditions_in_russian_hagiographic_literature_of_the_second_half_of_xix_century.php (дата обращения: 10.05.2019).
14. Растягаев А. В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII в.: проблема генезиса и жанровой трансформации. Самара, 2007. 410 с.
15. Мочульский К. В. Достоевский: жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1980. 561 с.
16. Тихомиров Б. Н. Житие великого грешника // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник. СПб., 2008. С. 291–298.
17. Натарзан Е. В. Житийные мотивы в творчестве Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 190 с.
18. Сайченко В. В. «Житие Великого грешника» – трансформация замысла, жанровое своеобразие, роль в творческой эволюции Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2002. 223 с.
19. Ланцов А. «Будут все как дети божии...»: традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Алетей, 2012. 64 с.
20. Ветловская В. Е. Поэтика «Братьев Карамазовых». Л., 1972. 198 с.
21. Кусков В. В. Мотивы древнерусской литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестн. МГУ. Серия 10: Филология. 1974. Вып. 5. С. 22–28.
22. Пономарева Г. Б. «Житие великого грешника» Достоевского (структура и жанр) // Исследования по поэтике и стилистике / ИРЛИ. Л., 1972. С. 66–86.
23. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007. 835 с.
24. Исулов К. Г. Метафизика Достоевского. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
25. Иустин (Попович) преподобный. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
26. Волкова Е. А. Религиозные и исторические воззрения Ф. М. Достоевского. Воронеж: VG, 2017. 330 с.
27. Сыромятников О. И. Поэтика русской идеи в «Великом Пятикнижии» Ф. М. Достоевского. СПб.: Маматов, 2014. 368 с.
28. Дорофеева Л. Г. Проблема изучения русской агиографии // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 1. С. 11–23.
29. Лепяхин В. В. Иконичная агиография. URL: <https://www.portal-slovo.ru/art/35902.php> (дата обращения: 10.05.2019).
30. Ужанков А. Н. О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: стадии и формации. М.: Языки славянской культуры, 2009. 264 с.
31. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
32. Кошечко А. Н. Экзистенциальная судьба Ф. М. Достоевского: способы отражения в слове / под ред. д-ра филол. наук, проф. А. С. Янушкевича. Томск: Изд-во ТГПУ, 2014. 160 с.
33. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания // Вест. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.
34. Кошечко А. Н. «Мир с Богом» и «мир без Бога»: религиозный и атеистический типы духовности в экзистенциальной аксиологии романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Сибирский филол. журн. 2014. Вып. 3. С. 94–104.

Шилова Алина Сергеевна, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: na4arova.lina@yandex.ru.

Кошечко Анастасия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры, директор Международного научно-практического центра аксиологии и методологии духовно-нравственного воспитания, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: Nastyk78@mail.ru.

Материал поступил в редакцию 22.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-128-135

HAGIOGRAPHICAL TRADITION IN DOSTOYEVSKY'S WORKS (THE STUDY OF "THE LIFE OF THE GREAT SINNER" AND "THE BROTHERS KARAMAZOV"): TO THE PROBLEM STATEMENT

A. S. Shilova, A. N. Koshechko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The hagiographic tradition is explored in "The Life of the Great Sinner" and in the novel "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevsky.

Materials and research methods. The material of the study are the artistic, journalistic and documentary texts of F. M. Dostoevsky. The work uses the cultural-historical, comparative, structural, typological, biographical methods, as well as the method of conceptual analysis.

Results and discussion. The focus of researchers is on the implementation of life traditions in the works under study at the level of the structure and ideological plans of the works, for example, the life orientation of the narrator, the system of characters. All available research trajectories are usually directed to work inside artistic texts and demonstrate a receptive literary review of the stated problems, or have an interpretation of Christian motifs and images.

Conclusion. A holistic study of hagiographic tradition in the work of F. M. Dostoevsky on the material of the novel "The Brothers Karamazov" and "The Life of the Great Sinner" can be implemented by applying a set of approaches to the study: historical, cultural, biographical. It is also necessary to use the axiological approach in the analysis of the literary texts of the writer, in journalism, ego-documents of Dostoevsky himself, and his close circle. An appropriate structure of the materials under study should be built with the rationale for their involvement. In this direction, the study of the author's ideology, understanding of the author's worldview and features of his consciousness, as well as the study of the environment of historical reality and its influence on the writer, which will bring new insights into the problem of studying hagiographic tradition in literary analysis.

Keywords: F. M. Dostoevsky, novel "The Brothers Karamazov", "Life of the Great Sinner", hagiography, life, Orthodoxy, Russian culture, morality, spirituality, values, anti-value.

References

1. Koshechko A. N. *Formy ekzistentsial'nogo soznaniya v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo*. Dis. dokt. filol. nauk [Forms of existential consciousness in the work of F. M. Dostoevsky. Diss. of doct. of philol. sci.]. Tomsk, 2014. 312 p. (in Russian).
2. Likhachev D. S. *Izbrannoye: Velikoye nasledie; Zametki o russkom* [Favorite: Great Heritage; Notes on Russian]. Saint Petersburg, Logos Publ., 1998. 559 p. (in Russian).
3. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskiye zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian lives of saints as a historical source]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 512 p. (in Russian).
4. Yakhontov I. V. *Zhitiya svyatykh severnorusskikh podvizhnikov pomorskogo kraya kak istoricheskiy istochnik* [The lives of the holy north Russian ascetics of the Pomeranian region, as a historical source]. Kazan, 1881. 377 p. (in Russian).
5. Adrianova-Peretts V. P., Eremin I. P. *Zhitiya (v russkoy literature XI – nachala XIII veka)* [Lives (in Russian literature of the XI – early XIII centuries). *Istoriya russkoy literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 volumes]. Moscow – Leningrad, AN SSSR Publ., 1941–1956. Vol. I. Literatura XI – nachala XIII veka [Vol. I. Literature of the XI – beginning of the XIII century]. 1941. Pp. 315–346 (in Russian).
6. Dmitriyev L. A., Likhachev D. S., Lur'ye Ya. S. et al. *Istoriya russkoy literatury X–XVII vv.: ucheb. posobiye dlya studentov ped. in-tov po spets. no. 2101 "Russkiy yazyk i literatura"*. Pod red. D. S. Likhacheva [History of Russian literature X–XVII centuries: textbook for students of pedagogical institutes in specialty no. 2101 "Russian language and literature". Ed. D. S. Likhachev]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1979. 462 p. (in Russian).
7. Eremin I. P. *Literatura Drevney Rusi (etyudy i kharakteristiki)* [Literature of Ancient Russia (studies and characteristics)]. Moscow, Leningrad, 1966. 266 p. (in Russian).
8. Uzhankov A. N. *O problemakh periodizatsii i spetsifike razvitiya russkoy literatury XI – pervoy treti XVIII v.* [About the problems of periodization and the specifics of the development of Russian literature of the XI – first third of the XVIII century]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2007. 257 p. (in Russian).
9. Toporov V. N. *Svyatost' i svyatyie v russkoy dukhovnoy kul'ture. Pervyy vek khristianstva na Rusi. T. 1* [Holiness and saints in Russian spiritual culture. The first century of Christianity in Russia. Vol. 1]. Moscow, Gnozis Publ., 1995. 875 p. (in Russian).
10. Grekova I. V. *Evolutsiya agiograficheskogo zhanra v funktsional'no-stilisticheskoy aspekto*. Dis. kand. filol. nauk [The evolution of the hagiographic genre in the functional-stylistic aspect. Diss. cand. of philol. sci.]. Biysk, 2014. 217 p. (in Russian).
11. Rogozhnikova T. M. *Psikholingvisticheskiye problemy funktsionirovaniya polisemantichnogo slova*. Avtoref. dis. dokt. filol. [Psycholinguistic problems of the functioning of the polysemantic word. Abstract of thesis doct. philol. sci.]. Ufa, 2000. 42 p. (in Russian).
12. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 320 p. (in Russian).
13. Nikolayeva E. V. *Agiograficheskiye traditsii v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v. Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Hagiographic traditions in Russian literature of the second half of the twentieth century, Publishing Council of the Russian Orthodox Church] (in

- Russian). URL: http://theophanica.ru/traditions_in_russian_hagiographic_literature_of_the_second_half_of_xix_century.php (accessed 10 May 2019).
14. Rastyagayev A. V. *Agiograficheskaya traditsiya v russkoy literature XVIII v.: problema genezisa i zhanrovoy transformatsii* [Hagiographic tradition in Russian literature of the XVII century: the problem of genesis and genre transformation]. Samara 2007. 410 p. (in Russian).
 15. Mochul'skiy K. V. *Dostoyevskiy: zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky: life and work]. Paris, YMCA-Press Publ., 1980. 561 p. (in Russian).
 16. Tikhomirov B. N. *Zhitiye velikogo greshnika* [The life of the great sinner]. *Dostoyevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: essays, letters, documents: dictionary-reference book]. Saint Petersburg, 2008. Pp. 291–298 (in Russian).
 17. Natarzan E. V. *Zhitiyye motivy v tvorchestve Dostoyevskogo*. Dis. kand. filol. nauk [Life motives in the work of Dostoevsky. Diss. cand. philol. sci.]. Novosibirsk, 2000. 190 p. (in Russian).
 18. Saychenko V. V. *"Zhitiye Velikogo greshnika" – transformatsiya zamysla, zhanrovoye svoeyebrazie, rol' v tvorcheskoy evolyutsii F. M. Dostoyevskogo*. Dis. kand. filol. nauk ["The Life of the Great Sinner" – the transformation of design, genre identity, role in the creative evolution of F. M. Dostoevsky. Diss. cand. philol. sci.]. Krasnodar, 2002. 223 p. (in Russian).
 19. Lantsov A. *"Budut vse kak deti bozhii...": traditsii zhitiynoy literatury v romane F. M. Dostoyevskogo "Brat'ya Karamazovy"* ["There will be everything like God's children...": traditions of everyday literature in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2012. 64 p. (in Russian).
 20. Vetlovskaya V. E. *Poetika "Brat'yev Karamazovykh"* [Poetics of "The Brothers Karamazov"]. Leningrad, 1972. 198 p. (in Russian).
 21. Kuskov V. V. *Motivy drevnerusskoy literatury v romane F. M. Dostoyevskogo "Brat'ya Karamazovy"* [Motives of Old Russian Literature in the novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov"]. *Vestnik MGU. Seriya 10: Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 10. Philology*, 1974, vol. 5, pp. 22–28 (in Russian).
 22. Ponomareva G. B. *"Zhitiye velikogo greshnika" Dostoyevskogo (struktura i zhanr)* ["The Life of the Great Sinner" by Dostoevsky (structure and genre)]. *Issledovaniya po poetike i stilistike* [Studies on poetics and stylistics]. Leningrad, Institute of Russian Literature Publ., 1972. Pp. 66–86 (in Russian).
 23. *Roman F. M. Dostoyevskogo "Brat'ya Karamazovy": sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. Pod. red. T. A. Kasatkinoy [The novel by F. M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov": the current state of study. Ed. T. A. Kasatkina]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 835 p. (in Russian).
 24. Isupov K. G. *Metafizika Dostoyevskogo* [Metaphysics of Dostoevsky]. Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2016. 208 p. (in Russian).
 25. *Iustin (Popovich), prepodobnyy. Filosofiya i religiya F. M. Dostoyevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, Izdatel' D. V. Kharchenko Publ., 2007. 312 p. (in Russian).
 26. Volkova E. A. *Religioznyye i istoricheskiye vozzreniya F. M. Dostoyevskogo* [Religious and historical views of F. M. Dostoevsky]. Voronezh, VG Publ., 2017. 330 p. (in Russian).
 27. Syromyatnikov O. I. *Poetika russkoy idei v "Velikom Pyatiknizhii" F. M. Dostoyevskogo* [Poetics of the Russian idea in the "Great Pentateuch" F. M. Dostoevsky]. Saint Petersburg, Mamatov Publ., 2014. 368 p. (in Russian).
 28. Dorofeyeva L. G. *Problema izucheniya russkoy agiografii* [Problems of studying Russian hagiography]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent – Slovo.ru: Baltic Accent*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 11–23 (in Russian).
 29. Lepakhin V. V. *Ikonichnaya agiografiya* [Iconic hagiography]. *Obrazovatel'nyy portal "Slovo"* [Educational portal "Word"]. (in Russian). URL: <https://www.portal-slovo.ru/art/35902.php> (accessed 10 May 2019).
 30. Uzhankov A. N. *O spetsifike razvitiya russkoy literatury XI – pervoy trety XVIII veka: stadii i formatsii* [On the specifics of the development of Russian literature of the XVIII – the first third of the XVII century: stages and formations]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2009. 264 p. (in Russian).
 31. Losskiy N. O. *Dostoyevskiy i yego khristianskoye miroponimaniye* [Dostoevsky and his Christian outlook]. New York, Izd-vo im. Chekhova Publ., 1953. 406 p. (in Russian).
 32. Koshechko A. N. *Ekzistentsial'naya sud'ba F. M. Dostoyevskogo: sposoby otrazheniya v slove*. Pod red. dokt. filol. nauk, prof. A. S. Yanushkevicha [The existential fate of F. M. Dostoevsky: the ways of reflection in a word. Ed. doctor of philology, prof. A. S. Yanushkevich]. Tomsk, TSPU Publ., 2014. 160 p. (in Russian).
 33. Koshechko A. N. *Dostoyevskiy i apostasiya: k vosprosu ob atributivnykh kharakteristikakh ekzistentsial'nogo soznaniya* [Dostoevsky and apostasy: the problem of attributive characteristics of the existential consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).
 34. Koshechko A. N. *"Mir s Bogom" i "mir bez Boga": religioznyy i ateisticheskiy tipy dukhovnosti v ekzistentsial'noy aksiologii romana F. M. Dostoyevskogo "Besy"* ["Peace with God" and "Peace without God": religious and atheistic types of spirituality in the existential axiology of the novel by F. M. Dostoevsky "Demons"]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 3, pp. 94–104 (in Russian).

Shilova A. S., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: na4arova.lina@yandex.ru.

Koshechko A. N., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Nastyk78@mail.ru.

УДК 82.091

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-136-146

ДИПТИХ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «ЗАБЛУДИЛСЯ Я В НЕБЕ...»: МОДУЛЯЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА

Е. А. Стамикова, О. Н. Русанова

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Исследование содержит имманентный анализ лирического микроцикла О. Э. Мандельштама «Заблудился я в небе – что делать?». Два стихотворения с одинаковым названием понимаются авторами статьи как две части сложного художественного единства. *Цель работы* – выявить принципы лирической циклизации на примере одного из микроциклов позднего периода творчества Мандельштама в аспекте соотносительности структур цикла между собой.

Материал и методы. Художественный мир диптиха авторы статьи анализируют в динамическом аспекте, в связи с развитием лирического сюжета поиска истинного пути. Этапами этого сюжета являются смена настроений лирического героя – от растерянности и отчаяния до открытого вызова непонимающему его обществу. Как итог – стремление к истинному искусству, приобщение к вечному взамен сиюминутной славы.

Особое внимание уделяется не только поэтике (образный язык, стиховедческие аспекты), но и интерпретации сущностных антиномий, отражающих мировоззренческие авторские доминанты (небо – земля, жизнь – смерть, вечное – настоящее и другие). Кроме того, выявлены литературные аллюзии, играющие важную смыслообразующую роль в стихах Мандельштама. В качестве литературного претекста рассматривается «Божественная комедия» Данте Алигьери. Сопоставительный анализ с этим произведением в плане образной структуры и логики развертывания сюжета позволяет глубже выявить смысловые нюансы мандельштамовского микроцикла.

Результаты и обсуждение. В результате последовательного сопоставления основных образов, стиховых особенностей и логики развертывания сюжета выявлен основной принцип циклизации – модуляция смыслов в рамках ключевой темы. Подобный художественный ход отражает неопределенность в размышлениях и настроениях поэта, вызванных сложными жизненными обстоятельствами. У лирического героя возникает стремление отречься от «земных» проблем, найти свой истинный путь. Итогом этого пути становится приобщение к вечному искусству, служение народу.

Заключение. Статья адресована всем интересующимся русской поэзией Серебряного века, в частности творчеством О. Э. Мандельштама, а также специалистам-филологам, занимающимся вопросами поэтики лирического текста.

Ключевые слова: лирика О. Э. Мандельштама 1930-х гг., лирический сюжет, Данте, смыслопорождающие структуры текста.

Введение

Изучение творчества О. Э. Мандельштама началось еще в 1920-х гг., правда, за рубежом, и прежде всего – русскими эмигрантами. (Основоположником западного мандельштамоведения по праву считается К. Ф. Тарановский, обратившийся к творчеству поэта в 1930-х гг. Он же в 1968 г. в Гарвардском университете организовал семинар, посвященный О. Мандельштаму [1, с. 93].) А на родине имя поэта на долгое время было вычеркнуто из литературного процесса. Лишь в 1961 г. вышел мемуарно-документальный цикл И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», в котором наряду с другими деятелями отечественной и западной культуры речь шла и о Мандельштаме. С 1995 г. это направление в отечественном литературоведении приобретает систематический характер: с тех пор о нем написаны монографии [2–4], разделы и главы книг [5, 6], защищены диссертации [7–9], выходят сборники статей. Представляется, что «мандельшта-

мовский бум» не случаен. Большой художник всегда привлекателен с точки зрения эвристического потенциала. Не стала исключением и наша статья.

Материал и методы

Два варианта стихотворения «Заблудился я в небе...», которые послужили предметом нашего разговора, были написаны О. Мандельштамом в Воронеже. Согласно периодизации его творчества, составленной Н. Струве, они относятся к позднему периоду творчества поэта (по свидетельству составителей комментария к двухтомному изданию сочинений поэта, 9–19 марта 1937 г. [10, с. 566]), чрезвычайно драматичному по мироощущению. Тема поэта в истории в то время – одна из центральных. Поэт, с одной стороны, стремится смириться с эпохой, режимом (стихотворения «Стансы» (1935), «Не мучнистой бабочкою белой...» (1936), «Ода» (1937)) [2, с. 115], но, с другой – отчетливо чувствуется разочарование в том, что он ви-

дит вокруг, появляются религиозные мотивы, противопоставление «земли» и «неба» («Как светотени мученик Рембрандт...» (1937), «Тайная вечеря» (1937), «Я скажу это начерно, шепотом...» (1937)) в специфическом, мандельштамовском ключе.

Оба стихотворения не составляют замкнутого единства. И тем не менее поэт настаивал на том, что их надо печатать рядом, «потому что это разные стихи, несмотря на совпадение четырех строк» [10, с. 566]. Н. Я. Мандельштам в воспоминаниях писала: «О. М. собирался сохранить оба побега „Заблудился я в небе“ и напечатать их рядом: композиторы ведь всегда так делают, и художники тоже... Если я доживу до свободного издания О. М., я обязательно выполню его волю» [11, с. 187].

Стихотворения были опубликованы уже после смерти поэта в 1955 г. в Нью-Йорке издательством имени Чехова под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова.

В череде исследовательских работ в мандельштамоведении есть и специальные исследования, посвященные именно стихам этого микроцикла. Аспекты анализа различны: исследование центральных образов в их генезисе, семантике и сюжетной динамике (образ неба [4], флорентийская образность [12]).

Путь анализа отдельного лирического стихотворения как целого (имманентный анализ) определен традицией, основанной в отечественном литературоведении еще в 1920-х (в практике формалистов, например, Б. И. Ярхо) и обстоятельно оформившейся 1960–1970-х гг. (Ю. М. Лотман и др.), однако и в настоящее время востребованной (в том числе в трудах Ю. Н. Чумакова) (см., например, статью М. Л. Гаспарова [13], написанную в этом ключе). Как пишет известный современный исследователь С. Н. Бройтман: «Поэзия всегда существует в единственном числе. И лучший путь проникновения в ее „единственную единственность“ – прочтение конкретного стихотворения во всей его неповторимости» [6, с. 9]. Этот путь анализа близок и нам. Нас интересует динамический аспект лирического сюжета, образной системы, стиховых моментов в каждом из двух вариантов, но и принцип трансформации этих планов поэтики в сложном художественном целом. Тем более что О. Э. Мандельштам активно экспериментировал с разнообразными формами сложного единства: сборники («Камень», «Tristia»), книги («Воронежские тетради»), циклы («Стихи о неизвестном солдате»), микроциклы, состоящие из двух-трех стихотворений и не всегда атрибутируемые как таковые самим автором (цикл о воронежской жажде [14]; «двойчатка» театральных стихотворений о Петербурге («В Петербурге мы сойдемся снова...» и «Чуть мерцает призрачная сцена...») [15].

В этом ключе интересен опыт анализа композиции именно этой «двойчатки» (по данным П. Нерлера, это термин Н. Я. Мандельштам [16, с. 22]) как принципа художественного единства микроцикла [17]. В. И. Тюпа утверждает, что два варианта стихотворений – это «своеобразные палимпсесты» (рукописный текст, нанесенный поверх предыдущего текста), которые соотносятся друг с другом как черновик с чистовиком или как «предварительная и окончательная завершенность» [17, с. 165], что определяет семантическое напряжение между текстами. В обоснование он приводит цитату из статьи О. Мандельштама «Разговор о Данте»: «Сохранность черновика – закон сохранения энергетики произведения. Для того чтобы прийти к цели, нужно принять и учесть ветер, дующий в несколько иную сторону» [18, с. 127].

Частично согласимся с исследователем, однако, как представляется, имеет смысл говорить не столько о черновом и чистовом вариантах одного произведения, сколько о двух частях сложного художественного целого, поскольку они представляют модуляции на одну тему в разных эмоциональных «тональностях» и построены на развитии единого лирического сюжета.

В современном литературоведении собран уже достаточно внушительный материал по осмыслению принципов циклизации [19–21]. Если говорить о композиционных единствах, состоящих из двух стихотворений, то чаще исследователи употребляют термины «двойчатка» или «диптих». Так, под двойчаткой М. Л. Гаспаров понимает «два перекликающихся целых», «пару стихотворений, отчасти повторяющих, а отчасти дополняющих друг друга» [22, с. 197]. Диптих же в традиционном смысле представляет собой двусторчатый складень с живописным или рельефным изображением на каждой створке или две картины, связанные единым замыслом [23, с. 260]. А. А. Чевтаев в работе «„Стихи похвальные России“ и „Стихи похвальные Парижу“ В. К. Тредиаковского как лирический диптих» использует его как литературный термин в значении «микроциклического поэтического образования» [24, с. 278], состоящего из двух произведений. Основанием для их объединения становится полная или частичная идентичность названий, сходство композиционного строя, идейное родство и общая аксиологическая направленность. Исходя из представленных определений, воспользуемся вторым, поскольку помимо тематической, образной переклички эти два стихотворения начинаются с одинаковой строчки (т. е. можно говорить о единстве названий), и даже более – четырех строк, есть совпадения на уровне организации стихотворной речи, стилистики, но и расхождения в настроениях и в сюжетной логике.

Результаты и обсуждение

По комментариям супруги поэта Н. Я. Мандельштам, первый вариант стихотворения «Заблудился я в небе...» был написан раньше и сохранился в чистовиках, второй – только в черновом автографе; по нему оно и публикуется ныне в составе «Воронежских тетрадей» (третья книга стихов, написанная в 1937 г.).

Сами по себе «Воронежские тетради» – сложное художественное единство, они включают в себя циклы («Стихи о неизвестном солдате») и микроциклы («Кама», «Заблудился я в небе – что делать?..», «Стихи к Н. Штемпель»), посвященные разным темам, но связанные образом лирического героя и мотивным комплексом. В общей же логике художественного целого «Тетради...», думается, представляют собой изображение «пути» лирического героя «от неба» на землю (подобно трилогии вочеловечивания А. Блока), пути со-единения с «народом» (образ народа в поздней лирике Мандельштама неоднократно становился предметом исследования, в частности и в работе М. Л. Гаспарова [4]. На особенности субъектной организации, обнаруживающей схождение/расхождение/единение я (лирического героя) и мы (народа) в стихах этой поры указывал С. Н. Бройтман [6]). И в рассматриваемых нами стихах отчетливо звучит одна из ведущих тем позднего периода, тема миссии поэта, поэта и народа, которая обозначилась в творчестве Мандельштама еще в начале 1930-х гг. («Нет, не спрятаться мне от великой мур...» (1931), «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) и другие) и стала ведущей в конце жизни.

Для понимания остановимся подробнее на интерпретации каждого стиха диптиха отдельно, тем более что иного выхода, кажется, нет. Поэтика «намёков», недоговоренностей в последней период творчества поэта не оставляет шансов понять стихотворение иначе, как только в результате тщательного анализа всех уровней стиховой поэтики и контекстуальных связей.

Сюжет диптиха выстраивается с проекцией на шедевр мировой литературы: в образной системе отчетливо выявляются параллели с «Божественной комедией» Данте Алигьери за счет прямого упоминания Дантовых атлетических дисков (кругов ада) и флорентийской тоски. Данте и шире – «флорентийская» образность – ключевой мотивный комплекс в творчестве Мандельштама (образ Данте встречается, например, в известной работе «Разговор о Данте» (1933), впервые опубликованной в полном объеме в 1987 г. Подробно о флорентийской образности в лирике Мандельштама писала М. П. Гребнева [12]). Н. Я. Мандельштам писала в воспоминаниях: «Он не случайно выбрал Данте, чтобы изложить свою поэтику: Данте для О. М. –

это источник, от которого пошла вся европейская поэзия, и мера поэтической правоты» [11, с. 242]. С личностью Данте Осипа Мандельштама сближает и «созвучие» их биографий: оба были вынужденными политическими изгнанниками (как известно, О. Мандельштам сослан за антисталинскую эпиграмму, Данте изгнан из Флоренции после переворота в 1301 г., приговорен к смертной казни за антиеократические идеи (принадлежал к белым гвельфам) и не смог больше вернуться на родину).

В завязке сюжета «Божественной комедии» лирический герой, имеющий автобиографические черты (в переводе М. Лозинского в поэме упоминается имя лирического героя: Дант, оттого что отошел Вергилий, / Не плачь, не плачь еще... («Чистилище», XXX, 55–56)), потерял цель в жизни («Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины...» («Ад», I, 1–3)), надежду на изменение политического строя и процветание народа. С одной стороны, он обостренно чувствует одиночество, но с другой – единение с народом, комплекс чувств, характерный и для Мандельштама второй половины 1930-х гг. «Комедия», по сути, представляет собой путь преодоления духовного кризиса, стремления к мировой гармонии и справедливости, противодействия тирании жестоких монархов и авторитарной церкви.

Данте как герой «Комедии...» – это герой-искалатель: разочаровавшись в прежних идеалах, он отправляется в поиске истины в нелегкий путь (в ад, затем чистилище и рай), который ему помогают преодолеть его проводники: античный поэт Вергилий, возлюбленная Беатриче и теолог Бернард (о спутниках Данте исследователи писали достаточно много. Так, Вергилий, по мнению филолога-итальяниста Р. И. Хлодовского «олицетворяет человеческий разум, – это воплощение... наук о человеке», противопоставление церковно-религиозному мышлению Средневековья. Он – учитель Данте как поэт-классик, написавший «Энеиду», ему подражал Данте: «Ты единственный, у кого я воспринял тот прекрасный стиль, который меня прославил» [25]. Язычник Вергилий ведет героя по кругам ада.

Образ Беатриче, во-первых, связан с реальным историческим лицом флорентийки, которую в юности любил Данте, во-вторых, это «прекрасная дама», воспеваемая им в сборнике «Новая жизнь». Э. Жильсон в работе «Данте и философия» утверждает, что Беатриче – аллегория теологии, которая ведет Данте к тайнам мироздания [26, с. 190]. С этой позицией соглашается и Р. И. Хлодовский, но он добавляет: «Через ад, чистилище и рай может пройти тот, кому помогает «красотою слога»

античный певец и для кого высокая облагораживающая человека любовь к «единственной на свете» слилась с устремленностью к богу» [25]. Третий проводник – Бернард Клервоский – был идейным вдохновителем Данте в области теологии: его главной идеей было единение с Богом через созерцание, то есть «способность воспринимать и передавать божественный свет в его полноте, отражать его, не прибегая к посредничеству разума» [27, с. 540]. Именно этот путь прозрения истины Бернард хочет показать лирическому герою поэмы: «Так я взирал на рвение святое того, кто, окруженный миром зла, жил, созерцая, в неземном покое» (Рай, XXXI, 109). Бернард также был сторонником «культы Мадонны», она является идеалом, физическим и нравственным совершенством. «Мария – это прекрасная дама трубадуров, стоящая на недосягаемом пьедестале» [28, с. 9], именно ее образ послужил опорой для создания образа Беатриче). Российский литературовед кандидат философских наук К. В. Сергеев так описывает эту ситуацию: «Некто попадает в безвыходную ситуацию... оказывается в преддверии иного мира, уже отвергнутый человеческим миром, но еще не принятый миром высшим. Не в силах найти выхода, найти „истинный путь“, он демонстрирует отказ от поиска, готовый возвратиться во тьму. В этот момент перед отчаявшимся человеком возникает образ, ему не только не безызвестный, но и им горячо любимый образ Вергилия» [29, с. 28]. Аллегорические образы проводников обозначают верный, с точки зрения автора, способ поиска истины: искусство, любовь, вера. Представшая во время пути перед Данте галерея человеческих портретов-судеб и комментариев по этому поводу «знающих» спутников помогают найти ответ на мучившие поэта вопросы. Пройдя восходящий путь до Эмпирея, лирический герой Данте достигает прозрения: «И тут в мой разум грянул блеск с высот, / Неся свершенья всех его усилий...» (Рай, XXXII, 140–141).

В противоположность направлению движения героя Данте (снизу вверх) лирический герой Мандельштама изначально (в завязке) оказывается «вверху», в чужом для него пространстве «неба», он одинок (одинокость героя может быть связано с чувством общего недоверия, возникшего у Мандельштама после прочтения близкому кругу знакомых стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), ставшего причиной ссылки поэта) (в отличие от Данте, попавшего в загробный мир в сопровождении близких ему по духу проводников), обуреваем чувствами смятения, растерянности и неосознанного страха – привычное сочетание настроений для Мандельштама 1930-х гг.

Обосновать такое положение в завязке лирического сюжета можно двояко. Во-первых, отталки-

ваясь от мандельштамовской трактовки образа неба в ранней лирике (сборник «Камень»). Здесь он восходит к античной мифологической модели («Я повторяю это имя / Под вечным куполом небес...» «Encyclica» (1914), «Ведь купол твой, по слову очевидца, / Как на цепи подвешен к небесам» «Айя-София» (1912)), ассоциируется с неземным, духовным началом, сочетается со знаками разных культур, вызывает размышления о преемственности культурного развития, любовании достижениями человека. Поэт причастен к этой высшей сфере и практически не пишет о земных реалиях.

Но в стихах 1930-х гг. трактовка «неба» осуществляется им уже в ином ключе: оно часто изображается двойственным, противоречивым – это «временное чистилище» и «небохранилище», «прижизненный дом» (например, в стихотворении «Я скажу это начерно, шепотом...»), «усиливается контраст двух сопряженно-противоположных понятий – земли и неба» [2, с. 165] (в стихах «Небо вечери в стену влюбилось...», «Я скажу это начерно – шепотом...» (9 марта 1937 г.)). В этом смысле вызов «небу» – это спор с самим собой прежним, отказ от чистого искусства, понимание необходимости гражданской ответственности поэта.

Второй вектор прочтения – в свете общей сюжетной логики «Воронежских тетрадей», в которых неоднократно шла речь о смерти («Я должен жить, хотя я дважды умер» (апрель 1935 г.), («Стихи о неизвестном солдате» (март 1937 г.)). Вот как об этом пишет исследователь М. Павлов: «С произведениями, написанными весной 1937 г., складывается двойственная ситуация: с одной стороны, несмотря на «гибельный» смысл предшествующих стихов, стихи продолжают, коль скоро поэт как личность еще присутствует в мире. С другой стороны, «Неизвестный солдат» заканчивается картиной всеобщей гибели «с гурьбой и гуртом» лирического героя, наделенного собственной датой рождения Мандельштама: «в ночь с второго на третье / Января в девяносто одном / ненадежном году». Иными словами, стихи после «Неизвестного солдата» созданы поэтом уже как бы «после гибели» и не вполне имеют отношение к земному у поэта, чем продиктована некоторая отстраненность поэтического взгляда...» [14, с. 173]. Написанные после «Солдата» стихи «Заблудился я в небе...» могут быть интерпретированы как поиск истины после смерти. И в этом случае ассоциации с сюжетом «Божественной комедии» Данте весьма уместны: поэт, ищущий истину, отправляется в иной мир.

В сюжетной логике цикла «Заблудился я в небе...» образ неба неоднозначен, в нем угадываются различные смысловые нюансы в зависимости

от динамики настроения и мысли лирического героя. С одной стороны, небо может быть прочитано в иносказательном ключе, который становится понятен только в контексте цикла стихов, сопровождающих «Оду» Сталину. Имя вождя в нем соотносилось с пространством высшим, с вертикалью, с горой (о чем убедительно писал М. Гаспаров [4]). С другой стороны, небо представляет собой высшее пространство в мироздании, оно сакрально маркировано (как в христианской модели мира) и, наконец, оно связано с представлением о мировой/вечной культуре, приобщение к небу дает понимание высшего предназначения, служения своему народу, вечную память.

В первой строке диптиха «небо» воплощает чуждого оппонента. Заметим, при ясном именовании лирического героя местоимением первого лица единственного числа «небесный» субъект не называется им прямо, используется перифраз как возможность уйти от однозначной трактовки образа («*тот, кому оно [небо] близко*»; и во втором стихотворении – «*Ты, который стоишь надо мной*»).

При отсутствии «учителей-проводников», спутников в небесном мире неопределенному адресату (небу? или себе самому?) задает свой вопрос лирический герой – «что делать?». В такой формулировке он отсылает читателя к социально-философскому роману Н. Г. Чернышевского. Единение с народом, размышления о разумном устройстве жизни преобразует трактовку темы творчества. Личный план размышлений, связанный с пониманием роли поэта в мировой культуре, за счет этого литературного контекста обретает гражданское звучание.

Он одинок, и никто не дает ему прямых ответов на вопросы, даже «небо». Его путь – путь самоопределения, а этапы пути – не знакомство с судьбами грешников/праведников, но развитие мысли лирического героя, т. е. мир представлен внутренне переживаемым. С самого начала характер поведения лирического героя можно определить как активного героя-правдоискателя, потому и интонационно-синтаксический строй первого стиха близок возбужденной разговорной речи. Здесь преобладают интенции вызова, требования, упрека, оправдания, упорства.

Брошенный вызов («*ответь!*») подчеркивает состояние отчаяния, сильного напряжения лирического героя, поскольку на свой вопрос ответа так и не получает. Самостоятельный же поиск ответа оказывается сложнее, чем прохождение «Дантовых» кругов ада: для грешников изначально предопределен и понятен смысл наказания за совершенные ими грехи («*Легче было вам...*»).

«Ясность» в положении тех, с кем встретился Данте в загробном мире, у Мандельштама выраже-

на глаголом *звенеть*, употребленном для характеристики атлетических дисков/кругов ада. Как и другие ключевые образы цикла образ звона неоднозначен для трактовки: в нем «вычитывается» колокольный звон, но и древнерусское – «слава звенит». В последнем значении он восходит к средневековой культурной традиции. По замечанию Ю. М. Лотмана, «она (слава. – Е. С., О. Р.) не вещественна и поэтому... более ценна, являясь атрибутом того, кто уже не нуждается в материальных знаках, так как стоит на высшей ступени. <...> Чем более несбыточна, нереальна с точки зрения здравого практического смысла, чем более отделена от фактических результатов – семиотична – была цель, тем выше была слава попытки ее реализации. Несбыточность, химеричность, практически – нереализуемость увеличивала *славу* предприятия» [30, с. 446, 449]. В следующей своей статье, посвященной этому вопросу, Ю. М. Лотман разделяет сферы употребления слова «слава» на христианско-церковную и феодально-рыцарскую. Для первой было характерно строгое «различение славы земной и славы небесной»: «Релевантным оказывается здесь не признак „слава/бесславие“, „известность/неизвестность“, „хвала/поношение“, а „вечность/тленность“. Земная слава – мгновенна» [31, с. 457]. Приведем еще одно любопытное замечание ученого: «Она (слава. – Е. С., О. Н.) не передается и не принимается, „доходит до отдаленных языков“, и до позднейшего потомства. Ей всегда приписываются звуковые признаки: ее „гласят“, „слышат“. Ложная слава „с шумом“ погибает. Кроме того, у нее есть признаки коллективной памяти. <...> Слава измеряется не величиной, а долговечностью» [31, с. 461–462].

При том что в стихах Мандельштама прямого словосочетания «слава звенит» нет, образно-стиховой строй цикла ассоциативно отсылает к этой формуле. Даже на уровне фонетики опорные согласные корня глагола *звенит* и гласный *е* на протяжении цикла работают на создание смыслового комплекса неба/звона/вечной славы. Ясно слышится повтор звонкого согласного *з* (11 раз – в первом варианте стихотворения, 10 – во втором), причем большей частью он оказывается в выгодном, сильном положении – в начале слова или в сочетании с гласными и звонкими согласными. Аллитерационное соединение *з* с другими звуками звучит в богатстве красок, создает звуковой эффект, подобный переливчатому приятному звучанию – отчетливо в сочетании с гласными (*заблудился, глаза, разорвите*), смягченно с мягкими согласными (*звенеть, разнять, жизнью, глазницы, прижизненный*) или подчеркнуто жестко – с твердыми звонкими (*звона, раздастся*) и глухими (*близко*) согласными. В сильной же, ударной позиции оказывается глас-

ный *е* (в небе, делать, ответ, легче, девять, звенеть, сердце) преимущественно в первой строфе первого стиха. Звук этот объединяет два слова *небо* и *звенеть*; именно с «небесной» образностью он будет ассоциироваться в контексте диптиха.

Ритмика, задаваемая строфической композицией и размером, определяется идейным содержанием и влияет на характер развития лирического сюжета. Выдержанный трехстопный анапест с рифмовкой ЖМЖМ (и как вариант в первой и третьей строфах второго стиха ЖМЖММ), встречаемый ранее в стихах Мандельштама этого же периода («За гремучую доблесть...», «Нет, не спрятаться мне...», «Небо вечера в стену влюбилось», «Может быть, это точка безумия», «Я скажу это начерно, шепотом...»), по замечанию М. Гаспарова, отсылает к гражданской лирике Надсона [4, с. 81]. Каждое из двух стихотворений состоит из шестнадцати строк, но в строфической композиции есть важные различия: первое стихотворение содержит четыре катрена, позднее – три строфы, одна из которых (срединная) – шестистрочная, ее окольцовывают пятистрочные.

Во второй строфе мысль лирического героя возвращает его в прошлое, «на землю» в поисках ответа на вопрос (в стихах начала 1930-х гг. образ земли у Мандельштама несет семантику адскую, апокалиптическую («Ленинград» (1930), «Ламарк» (1932)), в стихах же 1937 г. «земля» – это еще и пространство, в котором необходимо выживать в «страшную пору»), возникает пока неотчетливое противопоставление *неба* и *земли*. На этом этапе герой предстает в претерпевающей ипостаси, чувствует себя жертвой обстоятельств. Употребление им инфинитива формирует образ неперсонифицированного зла, против которого он протестует («*Не разнять меня с жизнью*»). А далее он пытается разобраться в собственных неясных ощущениях. В связи с этим отчетливее начинает звучать *ж* за счет многократного употребления однокоренных слов с окказиональной семантикой *жизни* (*жизнью*, *отслуживши*, *живущих*, *прижизненный*, *глубже*). Сюда же можно отнести и ассонансы с акцентами на ударном *и* (*дисков*, с *жизнью*, *снится*, в *глазницы*, *Флорентийская*, *била*, не *кладите*) в словах, формирующих «жизненную» образность. В рассуждениях лирического героя *жизнь*, в отличие от зла, обретает антропоморфные очертания («*ей снится*», возможно, в значении – *мечтается*), и она воспринимается им противоречиво. Ее отношение к лирическому герою выражается в антиномии «*убивать и сейчас же ласкать*». Направленные на него действия (*убивать*, *ласкать*, не *кладите*, *разорвите*) мыслятся как не реализованные пока, но предощущаемые (на фоне свершенного действия – *била* [жизнь]). Наметившийся драма-

тизм поддерживается и образом «флорентийской тоски», утрачиваемой культуры: она «бьет», как резкая головная боль, в «*уши, в глаза и в глазницы*». В перечислении телесных частей чувствуется нагнетание угрозы, истончение жизненного начала («живые» глаза – «мертвые» глазницы). Перечислительный ряд (уши, глаза, глазницы, виски, сердце, грудь) как будто изначально расчленяет образ лирического я еще до требовательного утверждения им: «*Лучше сердце мое разорвите / Вы на синего звона куски*». Образ разорванного сердца – апофеоз драматизма, ощущаемого лирическим героем, отсутствия гармонии и спокойствия. Эта же семантика прослеживается и в усечении рифмы (*ласкать / тоска*), сильно выбивающейся на фоне остальных полных рифм, звучащей нарочито неблагоприятно.

В третьей строфе лирический герой обретает уверенность, проявляет себя более активно и решительно. Глаголы с отрицанием (*не разнять*, *не кладите* – дважды) в срединной части первого стихотворения знаменуют кульминацию лирического сюжета – отрицание навязываемой воли и понимание своего предназначения. Здесь помимо уже упомянутых субъектов (*я*, *жизнь*, *зло*) появляются некие *Вы* (с большой буквы, чем отмечается «Их» особая важность и многочисленность) – люди, живущие в той же стране, в ту же «страшную пору», что и он сам. Интересу субъектных отношений в воображаемом диалоге лирического героя с его оппонентами выражаются в основном с помощью сравнительных прилагательных (*лучше*, *хуже*, *выше*, *легче*), рисующих напряженную, непримиримую ситуацию. Он отказывается от их «*остроласкового лавра*», обнажающего двойственность его положения, поскольку венец является и атрибутом жертвенного образа Христа, принявшего смерть во имя искупления грехов людей, и лавровым венцом победителя поэтических состязаний; у Мандельштама он может быть связан с неприятием положения, признанного властью поэта, с отрицанием переходящей, мнимой славы. Состояние растерянности, неопределенности, выражавшееся глаголами несовершенного вида, в третьей строфе сменяется глаголами повелительного наклонения, что будет соответствовать моменту отрицания неприемлемой жизни. Поэт занимает позицию, противоположную *Им*.

Заключительная строфа обозначает раздельный рубеж на *до* и *после* смерти. Для именования лирического я появляется перифраз («*всех живущих прижизненный друг*»), характерный прием для обозначения «небесного» собеседника, что, вероятно, связано с изменением статуса лирического героя, приобщением его к пространству неба после смерти («*И когда я усну, отслуживши*»). Смерть – не конец жизни, а переход в иное состояние,

в пространство вечного неба, мировой культуры. После осознания своей миссии и принятия судьбы в речи лирического героя появляются глаголы будущего времени, намечающие направление пути (в вечное будущее). Жизненный путь осмысливается поэтом как служение «всем живущим прижизненным друзьям», с которыми он чувствует духовную связь. Последние две строчки строфы связывают в вертикаль два полюса, две точки пути лирического героя – «землю» и «небо», «жизнь» и «вечную жизнь». Только посмертно он получит истинную оценку своего творчества, своей жизни: *«Он раздается и глубже и выше – / Отклик неба – в остывшую грудь»*. Нисходящая интонация в финале содержит сложный комплекс эмоциональных ноток грусти и отчаяния. Звуковые сочетания *бж* и *вш* логически завершают сюжет пророчеством «конца» лирического героя – от звучного к бесшумному звучанию. Вышедшие на первый план гласные *ы* и *у* в словах *выше* и *глубже*, как знаки неба и земли, «откликнутся» в последней строке первого стиха (в остывшую грудь), но и в последней строфе второго стиха: *черноты, образцы, борцы*, тучу ведут, уздцы, связывая воедино начало и конец пути лирического героя.

Итак, уже в первом стихе цикла возникают важнейшие для автора антитезы *неба и земли, смерти и жизни, славы истинной, бессмертной и официального признания, преходящего, одиночества поэта и единства, общности с народом*. Контрастность как принцип образной структуры отражает основную мысль о противоречивости жизни и выражает субъективное ощущение драматизма бытия здесь.

Во втором стихотворении диптиха дословно повторяется первое четверостишие, лирический герой как бы вновь возвращается в начальную точку размышлений, воспроизводит круговой характер назойливой мысли, не оставляющей поэта. Однако добавленная пятая строка во втором стихе меняет ритм и, соответственно, интонационный строй. Перечислительный ряд из глаголов (*Задыхаться, чернеть, голубеть*) как бы снимает возрастающий протест. Разъяснительная интенция становится доминирующей в речи поэта. Она подчеркивается и распространенным синтаксисом с большим количеством уточняющих слов и сочетаний. Все стихотворение от начала до конца пронизано словами с ударным *е* (если не..., не, если..., виночерпий, без пены, скворешни, теней, весенний, вешний), напоминающем о небесной тематике. В сочетании с активизировавшимся ударным *а* (Дантовых, задыхаться, не вчерашний, чашник, дай, здоровье, кружащейся башни, рукопашной, облака, обаянья) создается иной звуковой строй стиха, формирующий образ лирического *я*, обретшего истинный путь (отметим, что в первом стихе ударный *а* также

звучал последовательно (Дантовых, не разнять, убивать, ласкать, в глаза, тоска, остроласковый лавр, раздастся), образуя внутреннюю рифму (не разнять/убивать, ласкать/в глаза/тоска) и созвучия (ласкать/остроласковый/лавр), причем не тривиальные, цепляющие слух и воображение. Но в контексте первого стиха (в ином звуковом «аккомпанементе») он подчеркивал чувство противоречивости жизни).

Монологическая форма рассуждения уже во второй строфе сменяется установкой на диалог. «Небесный» субъект понимается как более близкий собеседник, лирический герой обращается к нему *ты*, подбирает ему иные «имена» – *виночерпий, чашник*. Образ виночерпия традиционен в лирике Мандельштама, восходит к древней культуре античности, содержит витальную семантику воды/жидкости/вина. С просьбой восстановления жизненного начала обращается теперь лирический герой к небу (*«Дай мне силу без пены пустой / Выпить здоровье кружащейся башни»*). Аргументом для удовлетворения просьбы является измененное самоосознание. Сниженная, разговорная форма именования себя прежнего – *«Если я не вчерашний, не зряшний»*, т. е. «ненужный, ни к чему не годный» [32, с. 230] – противоположна по смыслу высокому/небесному «имени»-перифразу *я* теперешнему, настоящему, приобщившемуся к небесному миру.

Третья, заключительная строфа цикла описывает картину небесной жизни. Немало описательности способствует кратное сокращение глаголов во второй и третьей строфах (соответственно 3 и 1) и одновременно возрастающее количество существительных, употребленных в переносном значении (*пена пустая* – в значении «мнимая слава», *кружащаяся башня* – «поэзия», *рукопадная лазурь шальная* – вероятно, «творчество как деятельность» и т. д.), то, что еще в первом стихотворении характеризовало «небесную» образность. Отметим, единственный глагол, употребленный в финальной строфе, используется в форме настоящего времени, что в контексте этого цикла может трактоваться как время вечное. Описание небесного пейзажа начинается с перечисления – «птичьих» гнезд (*«Голубятни, черноты, скворешни»*), являющихся для лирического героя знаками высшего мира (*«Самых синих теней образцы»*). В этот момент позиция лирического героя – позиция созерцателя, как и в «Божественной комедии» Данте, попавшего в мир небесный.

С большей детализацией разработан в последней строфе аллитерационный и ассонансный стих: преобладавшие в первых двух строфах шипящие, тихие звуки, в том числе в сочетании с сонорными согласными (вчерашний, не зряшний, стоишь, чашник, башни, рукопашной, шальной), постепенно

сменяются иными, звучными сочетаниями (дай, здоровье, трижды повторенный – лед, ведут под уздцы). Звон вновь начинает звучать (поэт обретает второе рождение, истинную славу). Приходит ощущение умиротворения, неизбежности и приятия свершившейся судьбы, неотвратимости наказания виновных: «Облака, обаянья борцы, – / Тише: тучу ведут под уздцы». Рифма здесь звучит стройно, подчеркивая строфическую ясность закольцованной композиции (5-6-5), подчеркнута не разговорность речи, а литературность и гармоничность.

Заключение

Таков художественный мир диптиха О. Мандельштама, смысловая интерпретация которого осложняется невозможностью однозначной трактовки образов. Подробный анализ стиховых структур, стилистических особенностей и окказиональ-

ной образной семантики позволяет заключить, что оба стихотворения, связанные проблемно-тематически, представляют собой единое целое. Несомненные переключки в фонике, ритмике, образной структуре стихов создают общую звуковую картину и эмоциональную атмосферу, при этом развивающуюся, отражающую динамику лирического сюжета: мыслей и чувств лирического героя, – от воссоздания драматичной ситуации выбора, стремления заручиться поддержкой, самостоятельной попытки найти ответ на мучающий вопрос о смысле бытия поэта к пониманию своей миссии и приятию судьбы, стремлению не к переходящим «земным» ценностям, а к вечному, «небесному» искусству. Характер развития основной мысли напоминает музыкальный прием модуляции – обыгрывания темы в различных эмоциональных тональностях.

Список литературы

1. Кочетова С. О. Осип Мандельштам в западном литературоведении. Истоки темы // Вестн. Мариупольского гос. ун-та. 2009. № 2. С. 94–101.
2. Струве Н. А. Осип Мандельштам. Лондон: OPI Ltd, 1988. 343 с.
3. Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Ника-Центр; Эльга-Н, 2000. 560 с.
4. Гаспаров М. Л. О. Мандельштам: гражданская лирика 1937 года. М.: Изд-во РГГУ, 1996. 128 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 17).
5. Аверинцев С. С. Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
6. Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 485 с.
7. Дёмина А. С. Поэтическая философия творчества О. Э. Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 20 с.
8. Попов Е. А. Концепция культуры в творчестве О. Э. Мандельштама: динамика и этапы развития: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2008. 20 с.
9. Петрова Н. И. Культурно-религиозная парадигма в творчестве Осипа Мандельштама: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 18 с.
10. Мандельштам О. Э. Сочинения в 2 т. Т. 1. Стихотворения / сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; коммент. П. Нерлера. М.: Худ. литература, 1990.
11. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. 483 с.
12. Гребнева М. П. Флоренция О. Э. Мандельштама // Вестн. Томского гос. ун-та. 2006. № 291. С. 32–37.
13. Гаспаров М. Л. «Снова тучи надо мною...». Методика анализа // Избранные труды. Т. II: О стихах. М., 1997. С. 9–20.
14. Павлов В. С. О. Мандельштам: цикл о воронежской жажде // Мандельштам и античность: сб. статей. Серия: Записки Мандельштамовского общества. Т. 7 / под ред. О. А. Лекманова. М.: РАДИКС, 1995. С. 171–187.
15. Ронен О. Похороны солнца в Петербурге. О двух театральных стихотворениях Мандельштама (в соавторстве с М. Л. Гаспаровым) // Звезда. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/5/pohorony-solnca-v-peterburge.html> (дата обращения: 14.08.2019).
16. Нерлер П. Слово и «дело» Осипа Мандельштама: книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М.: Петровский парк, 2010. 224 с.
17. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. факульт. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 336 с.
18. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
19. Дарвин М. Н. Проблема цикла в изучении лирики: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 1983. 62 с.
20. Ляпина Л. Е. Циклизация в русской литературе XIX века: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 1999. 280 с.
21. Фоменко И. В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 34 с.
22. Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: Новое лит. обозрение, 1995. 479 с.
23. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
24. Чевтаев А. А. «Стихи похвальные России» и «Стихи похвальные Парижу» В. К. Тредиаковского как лирический диптих // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества: материалы междунар. науч. конф. СПб.: РГГУ, 2019. С. 267–283.

25. Хлодовский Р. И. Данте и Вергилий. URL: <http://Annales.info/evrope/small/dantverg.htm> (дата обращения: 18.07.2019).
26. Жильсон Э. Данте и философия / пер. с фр. Г. В. Вдовиной. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 384 с.
27. Ланда К. С. Последний проводник Данте: фигура созерцателя в «Божественной комедии» // Древняя и Новая Романия. 2014. № 1. С. 532–542.
28. Самарина М. С. Перечитывая Данте: образы эпохи. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 96 с.
29. Сергеев К. В. «Божественная комедия» как философский текст: к истории представлений о сознании в Средние века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 30 с.
30. Лотман Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 439–455.
31. Лотман Ю. М. Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 456–465.
32. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А Темп, 2006. 944 с. С. 15.

Стамикова Екатерина Андреевна, студентка, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: stamikowa.katerina@yandex.ru

Русанова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: oksanikol@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28.08.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-136-146

DIPTYCH BY OSIP MANDELSHTAM “I GOT LOST IN THE SKY ...”: MODULATIONS OF THE LYRICAL PLOT

E. A. Stamikova, O. N. Rusanova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The research contains an immanent analysis of the lyrical microcycle of the late period of work by Mandelstam “I got lost in the sky – what shall I do?”. The creative world of the diptych is analysed by the authors of the article in dynamic aspect, in connection with the stages of the development of the lyrical plot of search of the true way. Special attention is given to not only poetics (figurative language, prosody aspects), but also to interpretations of intrinsic antinomies reflecting world outlook dominants (sky – earth, life – death, eternal – present and others). Besides, the literary allusions playing an important meaning-forming role in the poems by Mandelstam are revealed. As a literary pre-text “The Divine Comedy” by Dante Alighieri is considered.

As a result of a consecutive comparison of the basic images, verse features and logic of expansion of the plot, the main principle of cyclization – modulation of the meanings within the limits of the key topic is found. A similar creative move reflects the uncertainty of reflexions and moods of the poet caused by complex life circumstances. The lyrical hero has an aspiration to renounce “down-to-earth” problems, to find the true way. Familiarizing with eternal art, service to the people becomes the result of this way.

The article is addressed to all interested in Russian poetry of the Silver age, in particular in works by Osip Mandelstam as well as to the experts-philologists, concerned with poetics of a lyrical text.

Keywords: *lyrics by Mandelstam of 1930s, lyrical plot, Dante, meaning-forming text structures.*

References

1. Kochetova S. O. Osip Mandel'shtam v zapadnom literaturovedenii. Istoki temy [Osip Mandelstam in the western literary criticism. Sources of the topic]. *Vestnik Mariupol'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Mariupol State University*, 2009, no. 2, pp. 94–101 (in Russian).
2. Struve N. A. *Osip Mandel'shtam* [Osip Mandelstam]. London, OPI Ltd Publ., 1988. 343 p. (in Russian).
3. Musatov V. V. *Lirika Osipa Mandel'shtama* [Lyrics by Osip Mandelstam]. Kiev, Nika-Tsentr, El'ga-N Publ., 2000. 560 p. (in Russian).
4. Gasparov M. L. O. Mandel'shtam: grazhdanskaya lirika 1937 goda [Mandelstam: the civil lyrics of 1937]. *Chteniya po istorii i teorii kul'tury*. V. 17 [Readings on history and culture theory. Issue 17]. Moscow, RSUH Publ., 1996. 128 p. (in Russian).
5. Averintsev S. S. *Poety* [Poets]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 364 p. (in Russian).

6. Broytman S. N. *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki* [Poetics of Russian classical and nonclassical lyrics]. Moscow, RSUH Publ., 2008. 485 p. (in Russian).
7. Dyomina A. S. *Poeticheskaya filosofiya tvorchestva O. E. Mandel'shtama*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Poetic philosophy of the works by Osip Mandel'shtam. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhni Novgorod, 2006. 20 p. (in Russian).
8. Popov E. A. *Kontseptsiya kul'tury v tvorchestve O. E. Mandel'shtama: dinamika i etapy razvitiya*. Avtoref. dis. kand. kul'turologii [The culture concept in the works by Osip Mandel'shtam: dynamics and development stages. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Yekaterinburg, 2008. 20 p. (in Russian).
9. Petrova N. I. *Kul'turno-religioznaya paradigma v tvorchestve Osipa Mandel'shtama*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cultural-religious paradigm in the works by Osip Mandel'shtam. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2012. 18 p. (in Russian).
10. Mandel'shtam O. E. *Sochineniya v 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya*. Sost. i podgot. teksta S. Averintseva i P. Nerlera; komment. P. Nerlera [Compositions in 2 volumess. Vol. 1. Poems. Compilation and preparation of the text by S. Averintsev and P. Nerler; comments by P. Nerler]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990 (in Russian).
11. Mandel'shtam N. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 483 p. (in Russian).
12. Grebneva M. P. Florentsiya O. E. Mandel'shtama [Florence of Osip Mandel'shtam]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2006, no. 291, pp. 32–37 (in Russian).
13. Gasparov M. L. "Snova tuchi nado mnoyu..." Metodika analiza ["Again clouds of the mute heavens..." Analysis technique]. In: Gasparov M. L. *Izbrannyye trudy. T. II. O stikhakh* [Selected works. Vol. II. About poems]. Moscow, 1997. Pp. 9–20 (in Russian).
14. Pavlov V. S. O. Mandel'shtam: Tsikl o voronezhskoy zhazhde [Cycle about the Voronezh thirst]. *Mandel'shtam i antichnost'. Sbornik statey. Seriya: Zapiski Mandel'shtamovskogo obshchestva. T. 7* [Mandel'shtam and antiquity. The collection of articles. Series: Notes of the Mandel'shtam's society. Vol. 7]. Ed. O. A. Lekmanov. Moscow, RADIKS Publ., 1995. Pp. 171–187 (in Russian).
15. Ronen O. Pokhorony solntsa v Peterburge. O dvukh teatral'nykh stikhotvoreniyakh Mandel'shtama (v soavtorstve s M. L. Gasparovym) [Sun funeral in Petersburg. About two theatrical poems by Mandel'shtam (in the co-authorship with M. L. Gasparov)]. *Zvezda*, 2003, no. 5 (in Russian). URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2003/5/pokhorony-solntsa-v-peterburge.html> (accessed 14 August 2019).
16. Nerler P. *Slovo i "delo" Osipa Mandel'shtama: kniga donosov, doprosov i obvinitel'nykh zaklyucheniy* [Word and "action" of Osip Mandel'shtam: the book of denunciations, interrogations and bills of particulars]. Moscow, Petrovskiy park Publ., 2010. 224 p. (in Russian).
17. Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [The analysis of a literary text: textbook for students of philological faculties of higher educational institutions]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
18. Mandel'shtam O. E. *Slovo i kul'tura: stat'i* [Word and culture: articles]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 320 p. (in Russian).
19. Darvin M. N. *Problema tsikla v izuchenii liriki* [Cyclization problem in lyrics studying]. Kemerovo, KemSU Publ., 1983. 62 p. (in Russian).
20. Lyapina L. E. *Tsyklizatsiya v russkoy literature XIX veka* [Cyclization in the Russian literature of the 19th century]. Saint Petersburg, SPbSU Publ., 1999. 280 p. (in Russian).
21. Fomenko I. V. *Poetika liricheskogo tsikla*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Poetics of a lyrical cycle. Abstract of thesis of doct. of philol. sci.]. Moscow, 1990. 34 p. (in Russian).
22. Gasparov M. L. *Izbrannyye stat'i* [Selected articles]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 1995. 479 p. (in Russian).
23. Kuznetsov S. A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The great explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
24. Chevtayev A. A. "Stikhi pokhval'nyye Rossii" i "Stikhi pokhval'nyye Parizhu" V. K. Trediakovskogo kak liricheskiy diptikh [V. K. Trediakovsky's panegyric "Russian" and "French" verses as a lyrical diptych]. *Rossiya i Frantsiya: 125 let druzhby i sotrudnichestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Russia and France: 125 years of friendship and cooperation. Materials of the international scientific conference]. Saint Petersburg, RSHU Publ., 2019. Pp. 267–283 (in Russian).
25. Khlodovskiy R. I. *Dante i Vergiliy* [Dante and Virgil]. URL: <http://annales.info/evrope/small/dantverg.htm> [accessed 18 July 2019] (in Russian).
26. Zhil'son E. *Dante i filosofiya* [Dante and philosophy]. Translated from French by G. V. Vdovina. Moscow, St. Thomas Institute Publ., 2010. 384 p. (in Russian).
27. Landa K. S. Posledniy provodnik Dante: figura sozertsatelya v "Bozhestvennoy komedii" [Last conductor of Dante: a figure of the contemplator in "The Divine Comedy"]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2014, no. 1, pp. 532–542 (in Russian).
28. Samarina M. S. *Perechityvaya Dante: obrazy epokhi* [Re-reading Dante: images of the epoch]. Saint Petersburg, RHGA Publ., 2017. 96 p. (in Russian).
29. Sergeyev K. V. "Bozhestvennaya komediya" kak filosofskiy tekst: k istorii predstavleniy o soznanii v Sredniye veka. Avtoref. dis. kand. filos. nauk. ["The Divine Comedy" as a philosophical text: to history of representations about consciousness in the Middle Ages. Abstract of thesis cand. philos. sci.]. Moscow, 2005. 30 p. (in Russian).
30. Lotman Yu. M. Ob oppozitsii "chest" – "slava" v svetskikh tekstakh kiyevskogo perioda [About opposition "honour" – "glory" in secular texts of the Kiev period]. In: Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on culture and art semiotics]. Saint Petersburg, Akademicheskii proyekt Publ., 2002. Pp. 439–455 (in Russian).

31. Lotman Yu. M. Eshche raz o ponyatiyakh "slava" i "chest'" v tekstakh kiyevskogo perioda [Once again about concepts "glory" and "honour" of the texts of the Kiev period]. In: Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on culture and art semiotics]. Saint Petersburg, Akademicheskij projekt Publ., 2002. Pp. 456–465 (in Russian).
32. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Russian explanatory dictionary: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, A Temp Publ., 2006. 944 pp. (in Russian).

Stamikova E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: stamikowa.katerina@yandex.ru

Rusanova O. N. Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: oksanikol@yandex.ru

УДК 821.161.1; 82-312.7

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-147-156

МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС «ТИШИНА – МОЛЧАНИЕ – РЕЧЬ» В РОМАНЕ ЛЕНЫ ЭЛТАНГ «КАМЕННЫЕ КЛЕНЫ»

Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. Модернистская эстетика прозы Лены Элтанг, как и биографический фактор (она эмигрантка четвертой волны, ныне живущая в Литве) объясняет ценность для автора и персонажей ее романов слова, речи как способа сохранения и выражения внутреннего мира личности в неродной/враждебной среде.

Цель работы – выявить семантику и функциональность центрального мотивного комплекса в романе «Каменные клены» (2008) Л. Элтанг «тишина – молчание – речь».

Материал и методы. Мотивный анализ с опорой на труды Б. Гаспарова, И. Паперно, О. Русановой. В понимании общекультурной семантики мотивов молчания, тишины и речи мы опираемся на труды О. М. Фрейденаберга, М. Эпштейна, А. Гениса.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ позволил выявить центральное место мотива молчания в романе. Мотив молчания полифункционален: он проявляет развитие коллизии, оформляет образ центральной героини и характеризует отношения между персонажами, является одним из нарративных приемов (игнорирование адресата, молчание в ответ), определяет развитие темы творчества в романе. Молчание интерпретируется как переориентация личности с внешнего на внутреннее, с растраты слов в устной речи на их накопление для сотворения текста. Молчание экзистенциально: оно условие уловления «зова бытия» и само призывно, помогает другому обратить внимание на субъекта молчания. Значимо семантическое отличие мотивов молчания и тишины. Первое – внутренне потенциально и разрешается речью, словом-жизнью, а второе связано со смертью, утратой идентификации, способности выражать себя.

Заключение. Элтанг использует мифологическую и общекультурную семантику мотивного комплекса «молчания – тишины – речи»: в индивидуальном опыте центральная героиня повторяет истории героев древних мифов и сказок, проживая архаический сюжет молчания – слова, синонимичный сюжету смерти – воскресения (О. М. Фрейденаберг).

Ключевые слова: современный модернизм, литература русской эмиграции, мотив, мотивный комплекс, слово, молчание, тишина, Лена Элтанг.

Введение

Произведения Лены Элтанг вписываются в традицию модернистской литературы, хотя в единичных работах (Д. Кожановой, М. Мозжериной) встречается определение романов Элтанг как постмодернистских [1, 2]. Критики и исследователи единодушны в определении неомифологической основы поэтики писателя [3–5]. Г. Михайлова и А. Самойленко отметили в романе «Каменные клены» «мифопоэтическую картину мира» и приемы модернистского письма: «цитатное воображение, “игра” с текстовыми пространствами и художественным временем, вовлечение в процесс “сотворчества” читателя» [4, с. 91, 96]. Сама Элтанг говорит в интервью о своей ориентации на литературную традицию «потока сознания» (В. Вульф, С. Соколов и др.) [6].

Ее романы «Побег куманики» (2005–2006, вторая редакция 2009), «Каменные клены» (2008), «Другие барабаны» (2011, вторая редакция под названием «Царь велел тебя повестить» 2018), «Картахена» (2015) содержат ряд признаков, свойственных модернистской эстетике: «ослабленность» сюжета, лейтмотивное построение наррации [7, 8];

«акцентирование „события рассказывания“», использование фокального персонажа и недостоверной наррации [9]; языковая и культурологическая игра, подчиненная раскрытию многозначности слова/образа [10], интертекстуальность, служащая конструированию сознания субъектов речи, соотносящих/соизмеряющих свой опыт с общекультурным (мифами, фольклорными и литературными сюжетами, образами изобразительного и киноискусства)¹; циклическая модель времени или обусловленное субъективным мировидением альтернативное линейному/историческому «проживание» связей настоящего, прошлого и будущего (по выражению Т. Г. Фроловой, в прозе Элтанг «герой получает единоличную власть над способами проживания собственных дней и лет, изменяя вектор линейного, однонаправленного времени» [3, с. 14]). Исследователи констатируют, что отмена линейности оборачивается не постмодернистским хаосом, а выстраиванием персонального космоса в

¹ А. Коврижных, соглашаясь с Д. Кожановой [1, с. 5], пишет о герое романов Элтанг: «Опорой для такого героя становится любой культурный код, за который он „держится... обеими руками, чтобы не упасть“» [5].

сознании персонажа; темы эскапизма, памяти/забвения, взаимосвязи писательства и житнетворчества и т. д. [11–14], лиризм повествования. По определению А. Ю. Коврижных и А. Урицкого, у Элтанг «текст становится „собственным лирическим высказыванием“» [5, 15]; «герои с особым трепетом относятся ко всему, что окружает их в бытовой жизни, мифологизируют ее» (курсив мой. – Е. П.) [5].

Материал и методы

Материалом исследования избран второй роман Лены Элтанг «Каменные клены» (2008). Как и другие романы Элтанг, он «соткан» из эго-текстов разных носителей речи: прежде всего дневников центральных персонажей – хозяйки дома-гостиницы «Каменные клены» Саши Сонли и постояльца Луэллина Элдербери, а также писем второстепенных персонажей, адресованных как центральным героям (письма мачехи и бывшего жениха Дэффидда Саше), так и «отсутствующим» в нарративе романа (соседка Луэллина по его лондонской квартире Табита пишет письма своей тетюшке, которая только упоминается как адресат) [16]. Персонажи второго ряда не влияют на сюжетную коллизию сближения Саши и Луэллина, однако в отсутствие концептированного повествователя (термин Б. О. Кормана) они необходимы для привнесения «завершающих» (М. М. Бахтин) черт в образы центральных героев.

Учитывая эстетическую природу романа, обуславливающую его лейтмотивное построение, мы опираемся на понимание мотива Б. Гаспаровым и И. Паперно [7, 8]. Мотивом в их работах признается кросс-уровневая единица текста, которой свойственны повторяемость, варьируемость, репродуцируемость, способность проявляться в тексте «устойчивыми атрибутами» и «накапливать смысл» в процессе развертывания в повествовании [7]. «...В роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте... он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру...» [8, с. 30–31]. Б. Гаспаров выделяет центральные и периферийные мотивы, имея в виду их семантический функционал, а также доказывает, что мотив существует в художественном целом не автономно, а во взаимосвязи с другими мотивами [8].

Ряд мотивов может образовать мотивный комплекс (МК), характеризующийся, как определила О. Н. Русанова, «свойством притяжения семантически релевантных мотивов, которые в совокупности образуют новое семантическое поле. <...> Процесс реализации МК – это его расширение в

вариативных значениях, за счет которых создается особый информационный, художественный объем» [17, с. 27]. В литературной традиции существуют устойчивые мотивные комплексы, многие из которых состоят из антонимичных пар; слово и молчание – одна из них.

Результаты и обсуждение

Процесс письма, фиксации слова, рефлексия о себе и о другом как об авторе и (или) читателе дневника – основная деятельность центральных героев; события социальной реальности для героев и автора романа вторичны; на первый же план выходит «событие рассказывания» (М. Бахтин), то есть письмо и чтение.

Сюжетную канву романа оформляет мотив молчания: в завязке центральная героиня Саша Сонли намеренно «замолкает», найдя своих собак убитыми (отравленными таблетками снотворного), а в финале возвращается к речи.

Положения молчания, повторяющиеся в романе, организуют мотив, семантически связанный с мотивом тишины как синонимией, так и антонимией.

Предваряя анализ романа, обратимся к работам о семантике мотивов молчания, тишины, немоты и речи (звучащего слова).

Молчание (или немота) в архаической культуре может интерпретироваться как связь персонажа со сверхъестественными силами [18], не как отсутствие речи, а как ее направленность на потустороннее. В религиозных практиках молчание объяснимо переориентацией личности с бытового на сакральное (практики исихазма, например). Молчание связывается с семантикой невыразимого, которое очерчено в основном двумя областями – трансцендентального и внутреннего мира человека [19, 20, с. 1072]. Молчание может обозначать выход за пределы обыденности, чтобы возникла дистанция, расширяющая горизонт видения: «Разговоры, болтовня, диалогичность – прерогатива повседневности... поверхностного внешнего существования, в то время как молчание обращает нас к сущности, к незримому основанию всех вещей» [21, с. 23].

Если многословие связано с опустошением, то молчание – с наполнением, накоплением потенции, необходимой для творчества: «Бог в его самостийности и изначальности, потенциальности и самодостаточности сам есть молчание, то богатое следствиями молчание, из которого родятся все вещи и все разговоры» [21, с. 23].

В исследованиях фольклористов не различаются понятия тишины, немоты и молчания; они, объединяясь значениями отсутствия звука, противопоставлены речи (звучащему слову) как смерть – жизни [22, с. 77–82]. О. М. Фрейденберг отметила: «смерть» есть в фольклоре «молчание» [23, с. 378].

Современные же культурологические работы М. Эпштейна, А. Гениса акцентируют внимание на несовпадении семантики молчания и немоты, молчания и тишины. Различают немоту как невозможность речи, не зависящую от воли человека, и молчание (безмолвие) как акт воли, добровольный отказ от речи и от общения: «...безмолвие... оставляет нас в самонадеянной уверенности, что мы могли бы сказать, что хотели, если бы хотели, то немота – это бессилие языка» [24].

Между молчанием и тишиной также есть существенные отличия, связанные с наличием/отсутствием субъекта и его воли, с наполненностью/наполненностью смыслом. М. Эпштейн подметил: «...тишина не имеет автора и не имеет темы... Нельзя сказать „тишина о чем-то“, в отличие от молчания, ведь молчат всегда о чем-то» [25].

«Молчание – факт речевой культуры» [26, с. 12], информативный не только в плане содержания (в контексте конкретной ситуации общения молчать *о чем-то*), но и в плане выражения (знак отказа от диалога, проявление психологического состояния обиды, невозможность выразить знание словом или признак незнания). Молчание, напротив, может быть способом привлечения внимания (молчание призывно), защитной реакцией [27, с. 47–52].

Молчание интровертно, но в отличие от тишины потенциально диалогично. А. Генис пишет: «Темнота и тишина и вправду умеют затягивать в себя. Вектор тишины и темноты направлен внутрь. Эта воронка ведет никуда, ибо другим, узким концом она соединяется с космосом, с бездной, с пустотой...» [24].

Молчание экзистенциально [28]. Замолчать необходимо, чтобы услышать голос другого и осознать самого себя. По мысли М. Хайдеггера: «Всякое подлинное слушание опирается на сказанное в себе» [29]. Молчание – проявление «подлинной речи» (Хайдеггер), условие постижения, понимания не только голоса другого, но и бытия, его зова, его тайн: «Между словами и Словом лежит молчание... Молчание... это чуткое, напряженное слушание Слова – тайного, сокровенного...» [30, с. 70].

В «Каменных кленах» события социальной реальности переданы в эпистолярном и дневниковом повествовании, причем Саша ведет два дневника. Один она датирует соответствующим сюжетным событиям 2008 г. и начинает его вести после того, как решила замолчать, а второй (травник) – разными годами (с 1981-го по 2000-й).

Период с 2000 по 2008 г. – время полного одиночества и социальной изоляции героини. В 1987 г. умерла ее мама, в 1997-м – отец, она тут же разорвала помолвку с учителем Дэффиддом Монмутом. А в 2000-м вышла замуж и уехала из страны мачеха, «началась война» со сводной сестрой, ко-

торая также покинула «Каменные клены»; жители Вишгарда стали считать Сашу ведьмой и убийцей. С исчезновением сестры возникло тотальное одиночество, а время перестало течь, превратившись в сплошную темноту: «С тех пор, как сестра ушла, у меня осталось только прошлое время и позапрошрое, настоящее стало сплошным, как черный фон на гравюре меццо-тинто» [16, с. 94]. Период 2000–2008 гг. – время «дневникового» молчания. Этими годами датированы письма, адресованные Саше, – от бывшего жениха, от мачехи и сестры. Но Саша никому не отвечает. Ее молчание во всех трех случаях может трактоваться по-разному. Письма сестры, призналась Саша, написаны ею самой в попытке замещения пустоты после исчезновения сестры, с которой были отношения и соперничества, и близости. Безответность Дэффидду – это отказ продолжать то прошлое, которое должно остаться прошлым. Молчание в ответ на письма мачехи манипулятивно: так Саша демонстрирует свою независимость и наказывает «чертову куклу» Хедду за измены, нелюбовь к ее отцу, ставшие (по версии героини) причиной его смерти («А папа умер, потому что Хедда его не любила» [16, с. 88]), причиной одиночества Саши.

Смерть собак и разграбленный палисадник в мамином саду в завязке сюжета становятся для Саши пограничной ситуацией, в которой возникла необходимость самоопределения, понимания, как жить дальше: «Мне нужно было бы сесть и подумать» [16, с. 8]. Она начинает вести дневник, обращенный не к прошлому, а к настоящему.

Актуализированные в дневниковом слове события прошлого лейтмотивно переплетаются в сознании Саши с настоящим, ретроспекция позволяет реконструировать причины молчания Саши. Первая из них – социальное изгойство, чуждость среды. Жители уэльского городка Вишгарда считают ее ведьмой, относятся крайне враждебно: подростки разбивают окна в ее доме, поджигают пансион, отравляют собак, перекапывают цветник. Молчание Саши – констатация отсутствия коммуникации с окружающими: она ни для кого из жителей уэльского Вишгарда не интересна как собеседник, с ней не разговаривают, выказывая пренебрежение, непонимание: «А выстави я дуреху Прю за дверь, и не с кем будет чаю выпить: Эдна в бегах, надменная Гвен от меня отворачивается, Лейф, хозяин “Медного якоря”, решил, что в крышу кафе ударила молния, потому что его близнецы забрались ко мне в сад, – теперь к Лейфу тоже не зайдешь» [16, с. 147].

Отсутствие собеседника рождает молчание, а оно в свою очередь – необходимость письменного (внутреннего, интимного, экзистенциально-исповедального) слова, замещающего общение. Саша свой дневник и фиктивные письма Эдне осмысляет

как замену социальной коммуникации, которой нет: она пишет дневник для умершей мамы, а с ушедшей из дома сводной сестрой имитирует переписку, заполняя письменным словом пустоту, отсутствие: «Я пишу в никуда, потому что *никуда всегда отвечает, в отличие от всех остальных*» [16, с. 215].

Молчание – это и ответная реакция на агрессию окружающих, проявление позиции непротivления насилию злом: замолкая, она буквально не отвечает на враждебность среды. Осмысление своего решения замолчать контекстуально связано в дневнике с размышлениями о том, что стоит делать с деструктивными эмоциями (обидой, гневом). Молчание синонимично писанию в дневник-травник и его закапыванию (травник Саша *прячет, скрывает* в земле), захоронению собак, убийство которых проявляет для Саши ненависть окружающих к ней. Молчание – это метафорическое закапывание ответных слов гнева и обиды внутрь себя, а отсюда – в текст, чтобы они там «переработались» в конструктивное понимание, как жить дальше, как поступать в трудной ситуации. Неслучайно один из дневников назван травником – так за ним закрепляется функция врачевания. Она пишет: «...лучшее средство от ненависти – это закопать ее поглубже. В земле *сухая вражда* пропитается многолетней прелью, *размякнет, разъяснит себя*, перестанет быть жестким проволочным комком, в котором нет ни конца, ни начала...» (здесь и далее, где не отмечено иное, курсив мой. – Е. П.) [16, с. 9]. Луэллин, дописывая за Сашу ее записку, интерпретирует ведение ею дневника психотерапевтически: «...по утрам я обычно пишу дневник, инспектор, потому что, если я не напишу хотя бы парочку страниц, меня задушит злоба» [16, с. 210] (курсив Элтанг. – Е. П.).

Текст, по убеждению Саши, связан с реальностью. Вбирая в себя события, чувства, мысли, писательство обеспечивает переход, а не исчезновение всего, что происходит: «Все, о чем я здесь пишу, исчезает рано или поздно» [16, с. 216]. Попытка что-то описать есть желание перевести это в «иной план бытия» (Бахтин), одновременно – попытка разобраться в себе и освободиться от неразрешимых вопросов: «А что я *выгоняю из себя*, когда пишу эти письма?» [16, с. 215].

Молчание связано с внутренней наполненностью, которая растрчивается не на внешнюю речь, а на создание текста, функциональность которого выходит за границы дневникового повествования и приближается к художественной дискурсивности, рассчитанной на адресата и представляющей условный, вымышленный мир, одновременно сохраняющий и убивающий реальность, претворенную в текст: «Почему я пишу о прошлом в третьем

лице, о настоящем – в первом лице, а о будущем – совсем не пишу? Потому что прошлое и настоящее – это литература, жалкая тайна состоявшегося вымысла... мы выдумываем новую реальность для того, чтобы аккуратно разрушить ее – дерево за деревом, птицу за птицей, *насыщаясь наступившим молчанием*.

Писать же про будущее – все равно что шептаться *со смертью*, ведь все неизвестное – это в каком-то смысле смерть, верно? *Диалог без ответа...*» [16, с. 251]. Создание текста для Саши – процесс означивания, способ борьбы с небытием.

Мотив молчания Саши совпадает по значению с одним из излюбленных мотивов Элтанг – «другими барабанами» (они упоминаются в «Побеге куманики», рассказе и романе «Другие барабаны», в «Царь велел тебя повесить»). «Другие барабаны» означают сигнал к отступлению, к передышке, остановке, выпадению из действия, чтобы осмыслить происходящее. Подобным образом объясняет свою позицию и Саша: «Замолчать, затаиться, онеметь, пока мучительный мусор из моей жизни река Ди не унесет в Ирландский залив» [16, с. 15].

Саша повторяет опыт своей умершей мамы, которая «откуда-то знала, что нужно *замолчать*, когда действительность поворачивается к тебе спиной» [16, с. 9]; «Когда мама расстраивалась, она *переставала разговаривать* – просто *молчала* и все, будто рот у нее запекся сургучом» [16, с. 9] (отметим, что образ сургуча ассоциативно соединяет молчание и запечатанный, скрытый текст).

Маму, а вслед за ней и Сашу, считали странной, нелюдимою, ведьмой, что связано не с оценкой ее поступков (она никому не причинила зла), а с восприятием ее как чужой ментально: русская по национальности, занимается разведением трав, читает «Травник» на «славянском языке», делает из дома пансион со странным названием, диссонирующим с привычной для Вишгарда морской тематикой. Она непонятна уэльсам, так как поступает, с их точки зрения, алогично, доверяет интуиции, следует иным традициям: «Никто не знал того, что знала мама: никто в Абергуайне, никто в графстве Сwonси, никто вообще, ни-кто» [16, с. 204].

Поведение мамы в дневнике дочери интерпретируется двояко: как проявление одаренности, исключительности (Саша и мудрая служанка Дейдра верят в ее дар ясновидения) и как проявление сумасшествия (она пила таблетки в «трудные дни», и тогда отец ограничивал общение дочери с женой). В глазах соседей она – «ведьма», то есть ведет о чем-то недоступном другим, что становится для них пугающим. Так же воспринимается ими и Саша: «...поганая ведьма, русское отродье» [16, с. 209]. Героиня подмечает, что ее инаковость, непонятность – повод для людей оправдать собствен-

ную имморальность: «Они считают меня ведьмой, а значит – со мной можно поступать как душе угодно» [16, с. 15].

Саша вспоминает о мамином молчании как о проявлении мудрости, но вместе с тем как о чем-то пугающем, что могло перерасти в «опасную тишину». Тишина связана с необратимым переходом за границу жизни-слова. «Вязкая» тишина внутри матери могла засосать в себя или затопить все вокруг, из нее отцу нужно было маму вытаскивать, а дочь от нее ограждать. Страх от того, что молчание мамы перерастет в тишину, ассоциативно и композиционно (в соседних абзацах) соотносится Сашей с ощущениями ужаса от лесной тишины, в которой утрачены ориентиры, собственная оформленность: «...густая лиственная тишина обрушивается на тебя, не давая себя осознать, но заставляя напряженно вглядываться во тьму. <...> она слышала упругое молчание леса... <...> Саша понимала, что от темноты ее отделяет лишь склоненное лицо отца... Вот так же ловко и бесстрастно отцовские руки отделяли ее от мамы в те дни, когда мама расстраивалась, не могла говорить, и в ней наставляла вязкая опасная тишина, которая, казалось, вот-вот выплеснется через расширенные, сильно потемневшие глаза...» [16, с. 83]. Тишина связана с заполнением бытия и человека пустотой, с небытием.

В романе есть четкое отличие молчания Саши от молчания-тишины как признака смерти. Умерший теряет голос навсегда, а вместе с ним утрачивает и идентичность («Они были не похожи на собак, просто два пустых рукава»), перестает быть самим собой: «Мертвые собаки теряют породу и приметы пола. Имя они тоже теряют» [16, с. 7]. Подобное пережила Саша в момент смерти своей матери: «Мамино лицо куда-то пропало.

Вместо мамы на Сашу смотрел кто-то другой.

Это, наверное, была смерть.

У смерти было гадкое, гладкое лицо, и Саша в него расхохоталась» [16, с. 85]. Смех (наделяемый в архаике, как и речь, семантикой жизни) смерти в лицо ничего не меняет, не возвращает маму. Молчание умершего – это уже не молчание, а тишина, так как оно бессубъектно, в его установлении отсутствует личная воля. Именно в этой точке разведены в романе молчание и тишина, хотя то и другое сопровождает событие смерти. Мамина смерть происходит в период ее молчания («...у ней как раз было трудное время, и она ни с кем не разговаривала» [16, с. 84]) и в молчании: «...мама молча указала на нее рукой» [16, с. 85]. Молчание отца становится признаком приближения кончины. В период болезни вначале он «еще разговаривал» [16, с. 126], а перед смертью «...молча выпивал чай, отдавал поднос и отворачивался к стене, дожидаясь, пока Саша уйдет» [16, с. 127].

Слово «тишина» устойчиво связано в романе с эмоциями испуга, страха, переживанием утраты. Молчание же – пограничное состояние между словом-жизнью и тишиной-смертью, между миром действительным и аутичным, наполненным воспоминаниями о прошлом и общением с умершими. Решившая замолчать Саша стоит на границе между миром социальных связей (постояльцы, Луэллин) и миром вымысла и памяти (оформленные в дневниках версии своего прошлого, общение с умершей матерью через травник). Оттого молчание Саши вызывает тревогу у тех, с кем она отказывается поддерживать связь. Учитель Монмут пишет в 2005 г., за три года до решения Саши замолчать: «...в тебе стоит тишина, как на площади после казни» [16, с. 110].

Саша не отвечает на письма бывшего своего жениха, мачехи, сводной сестры; влюбленная в Луэллина библиотекаря Табита (альтер эго Саши) также пишет безответные письма. Если дневник в романе оказывается адресованным текстом и получает отклик, то все письма – это диалог с вселенской пустотой и с самим собой, на них нет ответа. Возникает двойная интерпретация писем: они написаны другими или выдуманы центральной героиней для замещения пустоты и тишины, окружающих и наполняющих ее (учитель Монмут пишет Саше о пугающей его «тишине» и «пустыре» в ее внутреннем мире). Письма не помогают Саше преодолеть аутичность сознания, заместить реальное общение.

Не менее опасна, чем тишина, в понимании Саши, – неконтролируемая немота, возникающая как следствие «сухой» «невыносимой» и невыразимой «ярости». В отличие от молчания, немота означает невозможность произнесения слова и освобождения от деструктивного чувства через речь (письменную или устную), поэтому слова ярости, запертые внутри, удушают. Такое состояние испытала Саша, когда узнала об измене мачехи Хедды отцу: «...язык как будто распух и лежал во рту пыльным куском войлока» [16, с. 83].

Случаи немоты, вспоминаемые Сашей, имеют не физиологическое, а психологическое объяснение невозможности слова и связаны прежде всего с ее отцом и ситуациями разрушения защиты от всего страшного, непонятного, которую Уолдо Сонли для дочери олицетворял. Выше отмечалось, что именно отец воспринимается Сашей как защитник от пугающей лесной тишины. Но после смерти матери он оказывается не защитником, а разрушителем ее мира: приводит в дом другую женщину (противоположность матери), другую девочку, посягающую на Сашино имя (Александрина) и дом: «И что же, теперь у них будет мой дом, а у меня никакого не будет? – спросила я...

Я была уверена, что он засмеется, наклонится ко мне и поцелует в макушку, он всегда так делал в предчувствии моих слез, но он только покачал головой» [16, с. 14]. Отсутствие смеха и молчание отца для Саши – начало одиночества (не социальной изоляции, а утраты близкого собеседника), знак отсутствия любви и понимания. Саша пишет в травнике об изменениях в жизни после появления Хедды: «Да так себе сложилось, сказала бы Саша, *мы с папой почти не разговаривали...*» [16, с. 204]. Для выражения состояния немоты и непонятности Саша использует античный образ: «Но разве думала об этом белоснежная корова Ио, когда, отчаявшись *привлечь к себе внимание, взялась вычерчивать копытом слова на песке* – ей нужно было добиться понимания от одного человека, *от ее непонятливого отца*, и она его доби- лась».

Ее обняли и заплакали над ней. Для нее вырази- ли анютины глазки... Я тоже ем анютины глаз- ки! <...> *Обнимите же меня*» [16, с. 18]. Молча- ние Саши – *немой крик о помощи*, провокация, призванная привлечь внимание: замолчать, чтобы тебя услышали.

Молчание Саши в завязке сюжета и в описан- ном в травнике прошлом объясняется еще и стрем- лением следовать наставлениям отца, который с молчанием связывал представление о националь- ном (валлийском) и личном достоинстве в ситуа- циях, когда человек чувствует себя уязвленным. Саша вспоминает (1988 г.), как услышала уничи- жительное мнение одноклассников о ней: «Сонли была бы даже хорошенькой, не будь она такой бес- просветной кретинкой!» [16, с. 207]. Она впервые осознает ментальное несовпадение себя с осталь- ными и то, что окружение ее отвергает: «...мой ум для них вовсе не ум, а нужен какой-то другой ум, который у них есть, и от этого им хорошо друг с другом. Значит, мне всегда будет с ними плохо» [16, с. 207–208]. Ее реакция на это знание, как и на другие ситуации унижения, соответствует принци- пам, высказанным отцом: «...не жаловаться, не объяснять... не показывать виду»; и «...Саша весь день молчала. Она не жаловалась, не объясняла и не подавала виду» [16, с. 208].

Запирание живого (боли, обиды) во внешне мертвое, безэмоциональное (каменное) – основная метафора в романе, заданная названием. Мама предложила назвать усадьбу в честь Саши, исполь- зуя «ее руну» «Calcs» (клен), а отец «сказал, что клен – это слабое дерево, и добавил слово *камен- ные*» (курсив Элтанг. – Е. П.). Мама объяснила: «Вот и ты, Саша, с виду каменная, а внутри у тебя слабое дерево...» [16, с. 129]. Под молчанием скрыто живое слово, выраженное в дневнике, как за камнем скрыто слабое дерево.

Если руна «клен» связана со слабостью, тайной, недостижимостью, то соседняя с ней руна «stan» (камень) – с защитой. В этом контексте ассоциа- тивно проявляется семантика молчания и дневни- кового слова как последней защиты, когда все остальные границы, отделяющие свое от враждеб- ного чужого, сломаны. Решение замолчать насту- пает, когда подростки проникли в дом и убили со- бак. Образы дома и собак имеют семантику охра- нения (на что указывает сама Саша, вспоминая «гомеровскую строку про бессмертных собак Ге- феста», охранявших дом царя Алкиноя [16, с. 8]). Границы дома нарушены, и стражи убиты; героиня беззащитна перед агрессией мира. Луэллин, ис- пользуя сопоставление с «Питером Пенем» Д. Бар- ри, интерпретирует Сашин маленький блокнотик для письма как защиту: «...блокнот теперь висел у нее на шее, на кожаном шнурке, будто желудь на шее у венди» (авторская орфография отражает спе- цифику письма персонажа, фиксирующего поток сознания. – Е. П.). Напомним, что подаренный Пи- тером желудь спас Венди от смерти – пущенная в нее стрела угодила в желудь.

Если текст принимает в себя Сашину боль и обиду, то молчание позволяет, не причиняя вред, другим, заставить себя услышать (она пишет «вы меня *не дослушали*»); оно помогает воздействовать на окружающих: они вынуждены читать, что пи- шет Саша, концентрировать внимание на ее слове¹.

Молчание создает эффект тайны, оно притяги- вает Луэллина, так как молчащая Саша – «вещь в себе», книга, которую хочется прочитать, разга- дать. Поэтому он находит и ворует ее дневник. Но постижения другого через чтение не происходит, так как в тексте также есть умолчание, подмена факта вымыслом. Голос Саши в дневнике оказыва- ется ненастоящим.

Саше кажется, что Луэллин приезжает в пансио- нат, чтобы разгадать тайну исчезновения Эдны, а на самом деле, чтобы разобраться со своим прош- лым. Его приход в «Каменные клены» оформлен как влияние не то мистической силы, не то образов бессознательного: он «в небесном саду»² поспорил с сукощиком (его погибшим отцом) и плотником (погибшим отцом Саши), что разгадает ее тайну. Начавшееся расследование виновности/невинов- ности Саши в исчезновении Эдны (все ошибочно принимают Луэллина за инспектора полиции) перетекает в расследование экзистенциальное,

¹ Примечательно, что этот прием не срабатывает, когда в «Кле- нах» появляется маленький ребенок, не умеющий читать. Он требу- ет живого, звучащего отклика на свое существование, и Саша пони- мает, что в общении с дочкой Эдны не будет возможности придерживаться обета молчания.

² Название трактира многопланово, так как включает семантику и измененного сознания (пития), и потусторонности.

в попытку разгадать загадку внутреннего мира другого, тайну одиночества и незащищенности: «...через неделю здесь снова вспыхнет пожар, или новые стекла вылетят от камня, брошенного с дороги, хотел бы я знать, почему никто за нее не вступает?» (сохранена авторская орфография. – Е. П.) [16, с. 97].

С «Каменными кленами» и Сашей связаны мотивы заколдованного царства/спящей принцессы. С семантикой сна коррелируют фамилия Сонли и молчание (в сказках часто молчание/засыпание связано со злыми чарами; это испытание, терпеливое прохождение которого сулит счастливую развязку). Луэллин же в сюжете романа выполняет функцию принца, способного расколдовать, рассеять злые чары. Интенцию к этому, как и путь к освобождению Саши от оков молчания, Луэллин связывает с удивлением: «Саша удивляет мой разум... как я удивился, господи боже мой, когда вчера... она взяла мою руку... и медленно, пуговица за пуговицей, пристегнула свой рукав к моему...» (сохранена авторская орфография. – Е. П.) [16, с. 222]. Удивление пробуждает в нем чувство жизни, описанное через эротические образы (фраза «удивление заполнило меня всего» дана в контексте высказывания Марциала «*Crede mihi, non est mentula quod digitus*» – «Поверь мне, этому органу не прикажешь, как собственному пальцу»).

Вместе с тем Саша воспринимается им не только как женщина, способная удивить рассудок, подарить неожиданные тактильные ощущения, но и как ребенок, нуждающийся в спасении. Он сравнивает Сашу с заколдованным ребенком-подменшом, а снятие чар связывает с возвращением Саши к речи, для чего он готов в ответ удивить ее: «...я должен поговорить с ней, поговорить! даже если для этого нужно приготовить ужин в яичной скорлупе о дикая, одинокая и совершенно чокнутая Саша Сонли, знаешь ли ты, что у древних славян был особый способ избавляться от подменшей – подброшенному ведьмой молчаливому ребенку готовили ужин в яичной скорлупе, и он так этому удивлялся, что забывал про свою немоту, громко произносил: *я стар, как древний лес, а не видал еще такого!* и пропадал с глаз долой такова сила удивления» (курсив Элтанг. – Е. П.) [16, с. 265].

Попытка разгадать тайну Саши приводит к духовному сближению с ней, к принятию ее любой

(преступницей, молчаливой затворницей). Метафорическое пробуждение Саши Сонли от молчания-сна к слову-жизни в финале подготавливается рядом меняющихся обстоятельств: в «Кленах» селятся постояльцы, появляется новая собака, которой Саша дает имя мифологического пса Ку-ши. Он «ростом с теленка, беззвучный и смертельно опасный» [16, с. 255], возвращается сестра с маленькой дочкой. Имя дочери Эдны Фенья отправляет к богатырше из скандинавской мифологии, чье имя образовано от руны «*feni*» (болото), означающей богатство и благополучие. А собака Ку-ши, символизирующая в мифологии смерть, одомашнена и в финале на свет появляется ее потомство; чтобы принять щенков, Саша возвращается к речи. Так в романе смерть побеждается жизнью.

Параллельно этому преобразается жизнь Луэлина. Сюжетная и мотивная динамика от молчания к обновлению поддерживается композицией текста романа, названиями глав. Если первая глава названа «Ведьмы немые», то заключительная третья «Ведь мы не мы». В финале Саша и Луэллин расстаются с прошлым для встречи друг с другом; вместо страха и вины возникает чувство привязанности-любви, желание жить: «...если бы я мог говорить с ней, то сказал бы: не бойтесь, милая, перестаньте же бояться. Страх и вина – вот два хриплых гудящих меха вашей шкатулки... а вы ведь не это хотите услышать, вы хотите услышать – я тебя прощаю, все хорошо, забудь» [16, с. 349].

Найдя слова поддержки для Саши, сам Луэллин прощается с призраками прошлого и своей виной перед своим отцом и отцом Саши (плотником и суконщиком).

Заключение

Элтанг опирается на поэтику неомифологизма, используя мотивы «тишины – молчания – речи», образующих семантическую связь. Не только ситуации молчания, говорения, писания соответствуют архаическим значениям, закрепляющим «параллелизм слова-жизни и молчания-смерти» [23, с. 125], но и сюжет романа соотносится со структурой мифа, метаморфозами жизни и смерти (в романе молчание преодолевается, возвращение жизни знаменует звучащая речь).

Список литературы

1. Кожанова Д. Книга отражений: «Другие барабаны» Л. Элтанг через «Письмовник» М. Шишкина // Контрабанда. 2013. 15 марта. С. 5.
2. Мозжерина М. С. Поэтика жанра в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Русская литература и диалог культур в эпоху глобализации: материалы Всерос. студ. науч.-практ. конф. / под. ред. Е. И. Лелис. СПб.: Изд-во СПб. гос. ин-та кино и телевидения, 2018. С. 35–39.
3. Фролова Т. Г. Эволюция метафорического стиля на рубеже XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 21 с.
4. Михайлова Г., Самойленко А. Художественная картина мира в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Литература. Вильнюс. 2013. № 55 (2). URL: http://www.literatura.flf.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (дата обращения: 03.02.2017).

5. Коврижных А. Ю. Поэтика романов Лены Элтанг // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. № 1 (3). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (дата обращения: 12.08.2019).
6. Лена Элтанг: «Два романа еще не делают тебя прозаиком». Интервью Е. Лавут (2010). URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/15938?expand=yes#expand> (дата обращения: 18.12.2018).
7. Гаспаров Б., Паперно И. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes. Stockholm. 1979. С. 9–44.
8. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1994. 303 [1] с.
9. Жиличева Г. А. Функции «ненадежного» нарратора в русском романе 1920–1930-х годов // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-nenadezhnogo-narratora-v-russkom-romane-1920-1930-h-godov> (дата обращения: 17.08.2019).
10. Стрельникова Л. Ю. Эстетическая концепция игры как парадигма литературы модернизма и постмодернизма // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 104–110.
11. Минц З. Г. Блок и русский символизм // Литературное наследство. М.: Наука, 1980. Т. 92, кн. 1. С. 98–172.
12. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: антология. М.: Наука, 1993. 784 с.
13. Сарычев В. А. Эстетика русского модернизма: проблема «жизнетворчества». Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991.
14. Сподарец Н. В. Модернизм Серебряного века: литературоведческая идентификация. Одесса: Астропринт, 2017. 452 с.
15. Урицкий А. Переводные картинки, или Борьба с небытием // Новое литературное обозрение. 2010. № 104. С. 27–28.
16. Элтанг Л. Каменные клены: роман. М.: АСТ, 2010. 417 с.
17. Русанова О. Н. Мотивный комплекс как способ организации эпической драмы (на материале пьес Е. Шварца «Тень» и «Дракон»): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 199 с.
18. Толстая С. А. Славянская мифология: энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградов, С. М. Толстая; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
19. Полянский А. Н. Формы и функции неизреченного в текстах художественной литературы // Филологические науки. 1990. № 2. С. 54–62.
20. Михайлова М. Ю. Актуальные проблемы изучения семантики невыразимого // Вестн. Башкирского ун-та. 2015. № 3. С. 1072–1079.
21. Золотухина-Аболина Е. В. Смысл молчания // Научная мысль Кавказа. 2000. № 3. С. 22–27.
22. Мухаметов Д. Б. Молчание как компонент русской культуры // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 5 (3). С. 77–82.
23. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
24. Генис А. Темнота и тишина. Искусство вычитания. Эссе. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. 64 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/genis1.html> (дата обращения: 03.02.2019).
25. Эпштейн М. Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 559 с. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Slovo_molchanie.pdf (дата обращения: 03.02.2019).
26. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. Калинин, 1986. С. 12–18.
27. Меликян С. В. Молчание в русском общении. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 47–52.
28. Бралгин Е. Ю. К истории вопроса о феномене молчания в экзистенциализме. Роль молчания в диалоге // Вестн. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-voprosa-o-fenomene-molchaniya-v-ekzistentsializme-rol-molchaniya-v-dialoge> (дата обращения: 12.08.2019).
29. Хайдеггер М. Язык // пер. и прим. Б. В. Маркова. СПб., 1991. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Heidegger_Jazuk.php (дата обращения: 12.08.2019).
30. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 503, [9] с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 12.08.2019).

Полева Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: poleva@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 14.10.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-147-156

MOTIVE COMPLEX “PEACE – SILENCE – WORD” IN THE NOVEL BY LENA ELTANG “STONE MAPLES” (“KAMENNYYE KLYONY”)

E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The modernist esthetics of Lena Eltang’s prose, as well as the biographical factor (she is a fourth-wave emigrant who now lives in Lithuania) explains the value for the author and characters of the novel’s word, the speech as a method of conservation and expression the inner world of a person in a non-native environment.

The purpose of the work is to identify the semantics and functionality of the main point in the novel “Stone Maples”/”Kamennyye kloyny” (2008) by L. Eltang of the motive complex “peace – silence – word/speech”.

Material and methods. The method of research is a motivational analysis based on the works of B. Gasparov, I. Paperno, V. Silantyev, O. Rusanova. In understanding of the general cultural semantics of the motives of silence, peace and speech, we rely on the works of O. M. Freidenberg, M. Epstein, A. Genis.

Results and discussion. The analysis performed to identify the central place of the silence motive in the selected motive complex. The motive of silence is multifunctional: it participates in the movement of the plot, draws up the image of the main character and characterizes the relationship between the characters, appears as the one of the narrative techniques (ignoring the addressee, silence in response), also accompanies the development of the theme of creativity. Silence is interpreted as a reorientation of the person from external to internal, from waste of words in oral speech to their accumulation for creating a text. Silence is existential: it is a condition for capturing the “call of being” and invitingly itself, helps another to pay attention to the subject of silence. The semantic difference between the motives of silence and peace is significant. The first is internally potentially resolved by speech, word-life, the second relates to death, loss of identification, ability to express oneself.

Conclusion. It is based on the poetics of neomythologies and uses the general cultural semantics of the motive complex “words – peace – silence: in an individual experience of the main character which repeats the stories of the heroes of ancient myths and fairy tales, living an archaic plot of silence – a word which is synonymous of the plot of death – resurrection (O. M. Freidenberg).

Keywords: *modern modernism, literature of Russian emigration, motif, motif complex, word, silence, silence, Lena Eltang.*

References

1. Kozhanova D. Kniga otrazheniy: “Drugie barabany” L. Eltang cherez “Pis'movnik” M. Shishkina [The book of reflections: “Other drums” by L. Eltang through the “Writer” by M. Shishkin]. *Kontrabanda*, 2013, 15 marta. P. 5 (in Russian).
2. Mozhherina M. S. Poetika zhanra v romane Leny Eltang “Kamennyye klyony” [Poetics of genre in Lena Eltang's novel “Stone maples”]. *Russkaya literatura i dialog kul'tur v epokhu globalizatsii: materialy Vserossiyskoy studentcheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsi* [Russian literature and dialogue of cultures in the era of globalization: materials of the Russian national student scientific and practical conference]. Ed. by E. I. Lelis. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Film and Television Publ., 2018. Pp. 35–39 (in Russian).
3. Frolova T. G. *Evolutsiya metaforicheskogo stilya na rubezhe XX–XXI vv.* Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Evolution of metaphorical style at the turn of the XX–XXI centuries. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2012. 21 p. (in Russian).
4. Mikhaylova G., Samoylenko A. Khudozhestvennaya kartina mira v romane Leny Eltang “Kamennyye klyony” [Artistic picture of the world in the novel by Lena Eltang “Stone maples”]. *Literatura. Vil'nyus*, 2013, no. 55 (2) (in Russian). URL: http://www.literatura.ff.vu.lt/wp-content/uploads/2014/03/55_2_91_106.pdf (accessed 3 February 2017).
5. Kovrizhnykh A. Yu. Poetika romanov Leny Eltang [Poetics of novels by Lena Eltang]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii – Language – Culture – Communication*, 2015, no. 1 (3) (in Russian). URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/184/387> (accessed 12 August 2019).
6. Lena Eltang: “Dva romana eshche ne delayut tebya prozaikom”. Interv'y u E. Lavut [Lena Eltang: “Two novels don't make you a novelist yet”. Interview E. Lavut] (2010) (in Russian). URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/15938?expand=yes#expand> (accessed 18 December 2018).
7. Gasparov B., Paperno I. K opisaniyu motivnoy struktury liriki Pushkina [To the description of the motivic structure of Pushkin's lyrics]. In: *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes*. Stockholm, 1979. Pp. 9–44 (in Russian).
8. Gasparov B. M. *Literaturnyye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 303 [1] p. (in Russian).
9. Zhilicheva G. A. Funktsii “Nenadezhnogo” narratora v russkom romane 1920–1930-kh godov [Function of the “Unreliable” narrator in the Russian novel of the 1920–1930th years]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 11 (139) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-nenadezhnogo-narratora-v-russkom-romane-1920-1930-h-godov> (accessed 17 August 2019).
10. Strel'nikova L. Yu. Esteticheskaya kontseptsiya igry kak paradigma literaturnykh modernizma i postmodernizma [The aesthetic concept of the game as the paradigm of literary modernism and postmodernism]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 104–110 (in Russian).
11. Mints Z. G. Blok i russkiy simvolizm [Blok and Russian symbolism]. *Literaturnoye nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 92, book 1. Pp. 98–172 (in Russian).
12. Gasparov M. L. Poetika “serebryanogo veka” [Poetics of the “silver age”]. *Russkaya poeziya “serebryanogo veka”, 1890–1917: antologiya* [Russian poetry of the “silver age”, 1890–1917: anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 784 p. (in Russian).
13. Sarychev V. A. *Estetika russkogo modernizma: problema “zhiznetvorchestva”* [Aesthetics of Russian modernism: the problem of “life creation”]. Voronezh, Voronezh university Publ., 1991 (in Russian).
14. Spodarets N. V. *Modernizm Serebryanogo veka: literaturovedcheskaya identifikatsiya* [Modernism of the Silver age: literary identification]. Odessa, Astroprint Publ., 2017. 452 p. (in Russian).
15. Uritskiy A. Perevodnyye kartinki, ili Bor'ba s nebytiyem [Translated pictures, or Struggle with nothingness]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2010, no. 104, pp. 27–28 (in Russian).

16. Eltang L. *Kamennyye klyony* [Stone maples]. Moscow, AST Publ., 2010. 417 p. (in Russian).
17. Rusanova O. N. *Motivnyy kompleks kak sposob organizatsii epicheskoy dramy (na materiale p'yey E. Shvartsa "Ten" i "Drakon")*. Dis. kand. filol. nauk [Motif complex as a way to organize epic drama (based on E. Schwartz's plays "shadow" and "dragon"). Diss. cand. of philol. sci.]. Tomsk, 2006. 199 p. (in Russian).
18. Tolstaya S. A. *Slavyanskaya mifologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology: an encyclopedic dictionary]. Scientific ed. V. Ya. Petrukhin, T. A. Agapkina, L. N. Vinogradov, S. M. Tolstaya. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 416 p. (in Russian).
19. Polyanskiy A. N. Formy i funktsii neizrechenogo v tekstakh khudozhestvennoy literatury [Forms and functions of the ineffable in the texts of fiction]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 1990, no. 2, pp. 54–62 (in Russian).
20. Mikhaylova M. Yu. Aktual'nyye problemy izucheniya semantiki nevyrazimogo [Actual problems of studying the semantics of the inexpressible]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2015, no. 3, pp. 1072–1079 (in Russian).
21. Zolotukhina-Abolina E. V. Smysl molchaniya [The Meaning of silence]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of the Caucasus*, 2000, no. 3, pp. 22–27 (in Russian).
22. Mukhametov D. B. Molchaniye kak komponent russkoy kul'tury [Silence as a component of Russian culture]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 5 (3), pp. 77–82 (in Russian).
23. Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 448 p. (in Russian).
24. Genis A. *Temnota i tishina. Iskustvo vychitaniya. Esse* [Darkness and silence. The art of subtraction. Essay]. Saint Petersburg, Pushkinskiy fond Publ., 1998. 64 p. (in Russian). URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/genis1.html> (accessed 3 February 2019).
25. Epshteyn M. N. *Slovo i molchaniye: metafizika russkoy literatury* [Word and silence: metaphysics of Russian literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 559 p. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Epstein_Slovo_molchanie.pdf (accessed 3 February 2019) (in Russian).
26. Bogdanov V. V. Molchaniye kak nulevoy rechevoy znak i yego rol' v verbal'noy kommunikatsii [Silence as a zero speech sign and its role in verbal communication]. *Yazykovoye obshcheniye i ego edinitsy. Mezhev. sb. nauch. tr.* [Language communication and its units. Interuniversity collection of scientific papers]. Kalinin, 1986. Pp. 12–18 (in Russian).
27. Melikyan S. V. *Molchaniye v russkom obshenii. Russkoye i finskoye kommunikativnoye povedeniye* [Silence in Russian communication. Russian and Finnish communicative behavior]. Voronezh, Izd-vo VSTU Publ., 2000. Pp. 47–52 (in Russian).
28. Bralgin E. Yu. K istorii voprosa o fenomene molchaniya v ekzistentsializme. Rol' molchaniya v dialoge [On the question of the phenomenon of silence in existentialism. The role of dialogues]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 38, pp. 56–62 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-voprosa-o-fenomene-molchaniya-v-ekzistentsializme-rol-molchaniya-v-dialoge> (accessed 12 August 2019).
29. Haydegger M. *Yazyk. Perevod i primechaniya* B. V. Markova [Language. Translation and notes by B. V. Markov]. Saint Petersburg, 1991 (in Russian). URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/_Heidegger_Jazuk.php (accessed 12 August 2019).
30. Haydegger M. *Bytiye i vremya* [Being and time]. Translation from German by V. V. Bibikhin. Kharkov, Folio Publ., 2003. 503 [9] p. (in Russian). URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (accessed 12 August 2019).

Poleva E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: poleva@tspu.edu.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 82:398

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-157-163

TRADITIONAL BEHAVIOUR PATTERNS IN THE PLOTS OF ANIMAL TALES

K. F. Islamzadeh

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Introduction. The basis of the article is determination of the specific features of the plots of animal tales in Azerbaijani folklore and their comparative research.

Material and methods. The material of the research are the samples written by the research workers of the Folklore Chair of Baku State University and Institute of Folklore of National Academy of Sciences. Their variants in the Russian oral literature are also the basis of the research. The main purpose of the article is to determine the differences between the group of animal tales and other groups, to reveal the typological peculiarities on the basis of the comparison of the similar plots with their analogues in the other peoples' tales.

Results and discussion. The article states that one of the peculiarities that distinguishes animal tales from other groups of tales are animal characters that act as the object and subject of the plot. Animals' conversation isn't considered to be a sign of a miracle in such samples. In contrast, animals' speech is considered to be common. This is considered to be ancient people's primitive notions that didn't separate themselves from nature.

It is also emphasized in the article that characters' activity is expressed in dialogues. A character isn't a principle in such tales, activity is. The article enumerates fundamental distinctions traced between European and Azerbaijani animal tales. The relation of these tales to mythic thinking, totemism and ancient people's occupation of hunting is revealed from the etymological standpoint.

The article contains the comparison of the different peoples' tales with the same plots; stereotyping of the characters' behaviour in the same situation is considered to be a phenomenon that takes place regardless of the nationality and is caused by the persons' physiological identity and psychological factors.

Conclusion. The specific additions to the famous Azerbaijani people's plots are determined on the basis of the comparative research of the concrete tales in the article; their connection with the world outlook, mentality, folklore traditions is proved. It is ascertained that the main peculiarity of the animal tales is the characters' action expressed by dialogues not by narrative. It is revealed that nomination of the characters gains functionality in the text.

Keywords: *animal characters, plot, totem, tale, fable, natural character, social relations, animal epos.*

Introduction

Animal tales are a significant part of the tale genre. According to the "Classification of plots of Azerbaijani tales" number of plots registered from this group is 119. 81 of them (68 %) are international, 38 (32 %) are original plots that have no equivalents [1, p. 58–59].

There are different opinions in folk studies about belonging of animal tales to the concrete examples. There are different views on determining feature and criteria of this group. For example, taking as a basis the feature "characters are animals" it must be taken into account that such images occur in fairy, domestic and cumulative tales. But thorough analysis makes it possible to determine easily the specific character, different functions of images of animals in each group. Thus animals that are an object, subject, central dy-

namics of the plot in animal tales playing supporting role in the group of fairy tales help to the main character to achieve his/her goal. In domestic tales animals are much realer creatures than characters.

Results

So, let's assume a hero of the domestic tale is a father who gets on a horse and rides somewhere. In this case a horse is just a means of transportation, i.e. it functions as a horse in the real life. However in fairy tales a horse is an image that in a flash appears before the hero on high alert and spreading its wings passes the trials with him. In animal tales a horse has no magic trait, it is a character that expresses a certain idea by its words, action and is a means of transferring them to a listener. Even animals' speech is not considered to be a magic trait in the tales of the

mentioned group, it is regarded as common.

Mukhtar Kazimoglu's attitude to this problem is of interest and in fact hints at the origin of tales. The scientist writes: "...in animal tales animals' speech and behavior like human don't identify them with people at all; so it suggests that social relations are reflected in animals' action. In such tales a wolf, a fox, a camel, a lion etc. behave like persons that is a result of the ancient primal notions: a person doesn't separate himself from the nature; the nature including animals are perceived as creatures with human qualities" [2, p. 41]. That is why ancestors thinking that animals understood human language came up a secret hunter language. They never pronounced the names of animals hunted.

In such examples the dialogues between characters replace activity, express action and dominate the author's narrative from the standpoint of volume. Their percentage is about 80/20. Yu. Yu. Marinicheva writes: "There are relations between the replicas of the dialogue: question – answer, offer – adoption, order – carrying out etc. If we consider the animal tales from this standpoint we'll see that there are the same relations between their replicas" [3, p. 5].

In fairy tales animals' speech is considered to be unusual, amazing and miraculous and even is accompanied by the following sentence: "speaks like a man", i.e. speech is a specific feature of a person so animal's speaking is out of the ordinary. Sometimes the incorrect view is expressed that all characters of the animal tales must be animals. But there are animal tales where persons participate, too. Simply these characters are episodic in nature, but animals are main heroes of the tale and their position regarding the events is highlighted.

One of the misperception is telling about the real animals' life in such a group of tales. Actually some nuances related to the animals' features, habits, behaviour, way of life are reflected in the tales in order to be natural and convincing. For example, a tortoise is sluggish, an ant is diligent, a scorpion and a camel are vindictive, resentful, a donkey is stubborn, a hare is cowardly etc. However in such examples the plot and activity are basic and animals are executors and carriers of the action, and this fact should not be overlooked.

The following factor is proof of this: in the different peoples' tales based on the same plot other animals, even a mythological character or a person can play the same role. Thus a character is not principle, its activity is. Despite this animals are described so naturally, completely and convincingly from the artistic standpoint in the Azerbaijani tales that animals in nature are appreciated on the basis of the stereotypes that have been formed in our view since childhood. It seems to us that the most cunning animal in nature is a

fox, a wolf is the most bloodthirsty, a bear is the most stupid. But in the specialists' (zoologists') opinion each animal in its own way is cunning and behaves according to the situation. The above-mentioned features of the animal tales should be taken together, not separately. So, in other words, mentioned criteri should be separated in order to differ the examples of this group from the other groups of tales, because one or another peculiarity can be also found in the other groups of tales. The number of the Azerbaijani animal tales is less in comparison with the other groups. The same applies to the Russian tales. But animal tales form the most numerous group among the Ukrainian tales. Such tales prevail at the European peoples. It is related to the genre of animal epos that historically existed in the West. Such animal eposes are considered to be samples of written literature. They were written in Latin that was an ecclesiastical language at that time (the X–XIII centuries) by the clergy, priests, popes, monks i. e. by the literate persons.

The characters of these eposes are animals. The animal world is described as a state in these eposes and the public relations are presented on the example of animals. Even though we accept the fact that an animal epos is enriched by the methods of folk art it is doubtful that they are sources of the animal tales because hardly the ignorant simple people that didn't have those samples in their own language could be impressed by them. However it is possible to find the analogs of some plots that occur in the animal tales in the animal eposes, too. This can be attributed to the most ancient people traditions that fueled the animal eposes.

There is no animal epos in history of Ukrainian literature, but the number of the plots of the animal tales in Ukrainian folklore is more than in European peoples' folklore. This fact is related to the reachness and diversity of Ukrainian folklore that is acknowledged by the specialists in the field of Ukrainian folklore at the international level. Thus the assumption that there is correlation between the number of the animal eposes and animal tales cannot be justified.

The animal tales of the Azerbaijani and neighboring peoples that historically were in close contact with one another differ from the similar samples of the Western people by many peculiarities. First of all, animal tales are considered to be tales for children in Europe. In Azerbaijan such samples are listened and read with great love by all age categories, in other words, they are nationwide. Secondly, there is anthropomorphization of animals in the European tales. For example, in the Azerbaijani tales animals are described in their natural environment: forest, wood, plain, nest or near the human habitation in order to catch their prey. But in the West they live in the palaces, castles, hold

tournaments like people. It reminds us of the European reality and also creates the impression on persons wearing the animal masks.

Thirdly, the Azerbaijani tales tell not only about the antagonist, contradiction, conflict between animals but also about their friendship, selflessness, mutual aid, devotion, fidelity etc. In European tales such negative qualities as guile, cunning, enmity, envy, rancor, etc. are concentrated in animals. Though, these distinctions demonstrate the people's specific peculiarities they don't prevent the manifestation of the similar plots in these peoples' folklore.

On the subject of the origin of animal tales, some folklorists suggest that they are connected with the mythical thinking, totemism, ancient people's hunting.

Some plot traced in the tales are also in Aesop's Fables, for example: "The Fox and the Stork" (the Azerbaijani tale of the same name AA60), "The foolish Wolf" (AA 122 A), "The Laborer and the Snake" (in Azerbaijan: "Evil for good" AA155), "The crab and the Fox" (in Azerbaijan: The Tortoise and the Fox AA 275) etc. In considering this issue on a larger scale and studying more international materials it is possible to reveal more conformity. L. Z. Kolmachevski following Th. Benfey takes Aesop as the starting point of the development and spreading in this sphere. For example, the scientist points to the conformity of the Russian tale "The Dog and the Wolf" to Aesop's fable of the same name and "clearly accepts connection of all developed variants of this episode with that fable" [4, p. 145]. It should be recalled that in the tale "The Dog and the Wolf" (AA 101) the Dog gets kicked out of the house because of his old age. The Wolf teaches him to gain his master's sympathies again. The Wolf kidnaps master's baby and the Dog brought the baby back, as agreed. The master and his wife take back the Dog.

Unlike L. Z. Kolmachevski, V. Ya. Propp thinks that Aesop enriched himself by the people's traditions and not vice versa. The scientist shows that these traditions are reflected in the ancient author's fables, even though V. Ya. Propp doesn't exclude the possibility of the fact that a certain plot may come of the written literature. However, studies show that both cases are possible. So, any concrete fact requires a specific approach. The scientist also emphasizes that comparison shouldn't be limited to two cultures; it is necessary to compare the folklore materials at the international level and arrange them according to the stages of their historical development.

Comparison of the Netherlands, German, English, Italian variants of the medieval animal epos the main character of which is the Fox with the plots of the animal tales reveals their similarities. For example, L. Z. Kolmachevski based on the Russian tales determined that such plots as "Stealing fish from the cart",

"Unequal sharing", "The frightened bear and wolves", "Bread and salt are forgotten", "The foolish wolf", "The fox and woodpecker" are presented in the medieval West-European animal epos. Some of these plots spread in the repertoire of the Azerbaijani tales, too. For example, there are five variants of the tales created on the basis of the plots "The Wolf fishes" or "To fish with a fail" registered under the number 2 in Aarne-Andrejev's index collected from the different regions of Azerbaijan.

The brief description of the plot:

The wolf, upon the advice of the Fox, put his tail into the ice-hole in order to fish. The water froze and the wolf's tail froze to the ice.

In the morning the women came for water and seeing the wolf started beating him with the buckets, yokes and other things they had in their hands. The wolf forced to flee but his tail calm off and was left in the ice.

As can be seen, there are also persons in this tale (the women beating the wolf), but animals are both objects and subjects in it.

There are 22 Russian, 11 Ukrainian, 7 Byelorussian variants of this tale registered [5, p. 52–53].

The comparative analysis of the samples reveals the national nuances and certain distinctions. These distinctions relate to the following fact: this plot is not separate, in the Azerbaijani tales it is told in contamination with the other plots.

So story-tellers make some changes in order to bring the plot into line with the other contents and protect their succession and integrity of the tale. For example, in S. Behrangi's variant of the tale [6, p. 324–329], in the variant in volume III of the collection "Garabah: folklore is history, too" [7, p. 322–326] the mentioned plot is given as the continuation of the plot "The Fox steals the bride's jewels" (I.R.1B*), so this moment is taken into consideration. Thus, when the Wolf sees the jewels stolen by the Fox from the bride he asks where the Fox has taken them from. The Fox says that he has taken them out of the river and advises the wolf to put his tail into the river and the gold will stick to his tail. But in the Slavic variants the Wolf puts his tail into the water in order to catch a fish. In this variant the wolf is beaten by women coming for water, but in S. Behrangi's variant he is beaten by factionists. They suggest that the wolf watches for the sheep.

This tale, like most animal tales, is based on the treacherous advice and lie in the broader sense. This situation contrasts on the one hand a cunning, treacherous character, on the other hand a foolish, simple-minded, credulous character.

The treachery of the Fox causes not only beating but also possible death [6, p. 329]. But the Wolf's death does not upset listeners and readers at all, it isn't

tragic. We don't worry about the Wolf's fate who is the dupe. Usually according to the moral standards the lie is blamed and isn't approved as a negative quality but it is admirable in the animal tales. This is perceived as superiority of the weak character over the strong one (a fox is weaker than a wolf, but is more cunning).

Probably in ancient times when animal tales were created a lie was perceived as one of the forms of the struggle for survival, i. e. all means for survival were considered to be acceptable.

Readers don't feel sorry for the Wolf that gets in such a situation in the mentioned tale at all. In other words, sly humor is an integral element of these tales. There is one animal in the reviewed tales that always wins and surpasses other characters in treachery. It is a fox in most Azerbaijani tales. So is in the Slavic tales. But observations over the other peoples' samples make it possible to differ their traditions from this standpoint.

For example, in the Chukchi tales a Crow plays this role, in the tales of Indians of North America an otter does. According to the primitive notions these animals had magic power. There was belief that if hunters tell one another these tales before hunting the magic power of the heroic character (the treacherous animal) will be transferred to them.

A. Inan wrote that hunters took story-tellers and shamans with them in order to please forest spirits [8, p. 63]. Generally hunting that was the most ancient occupation inspired people and generated their artistic thinking. Mircha Eliade writes about the connection between hunting and ancient religious views, rituals: "The archaic world didn't know any occupation beyond religion; any occupation – hunting, fishing, agriculture, cults, conflicts, sexual relations are related to the sacral sphere in one form or another. The only activity that is beyond religion is denied the mythic meaning, i.e. exemplary models. In this case it could be considered that any problematic activity directed at the certain purpose is a ritual for the archaic world" [9, p. 41]. The Turkish scientist Kadriye Turkan notes in her research dedicated to the Azerbaijani tales: "...Hunting prepared the ground for formation of cult of hunt that adsorbed cult of forest and cult of animals" [10, p. 71].

Predominance of tales about wild animals in this group suggests that they appeared before the stage of taming animals; it is the product of the previous period. Domestic animals often take part in the tales together with wild animals. There are few tales based just on the domestic animals at the international level, the same situation is in the repertoire of Azerbaijani tales (I.R.203; 207A; 209*; 210; 212; 214; 214 A; 214 B; 215**A; 215**B; 219 E**).

The specificity of the language of animal tales is connected with the leading role of their dialogues. At

the beginning of the XX century M. O. Gabel dedicated his research "The forms of dialogue in bylina" to the problem of place and functions of dialogues associated with dramatic genres [11, p. 315–328]. M. M. Bakhtin who studied this problem in the prosaic works of the written literature notes that "here a dialogue doesn't precede activity, it is activity itself" [12, p. 89].

For example, in the above-mentioned tales with the plot "The Wolf is fishing" a story-teller tells readers about the Wolf beaten by women, about his severed tail, i.e. the information is given by narrative. But in these and other samples a dialogue is highlighted as a basis of the characters' activity.

The conflict situations are expressed precisely in the characters' speech. In the above-mentioned tale the activity of the Fox's lie manifests itself in the pronunciation of the words that contain some information and are perceived as truth by the Wolf.

M. M. Bakhtin, on the issue of the problem of a dialogue in his other scientific work emphasizes that "a dialogue in its simplicity and precision is a classical form of the speech activity" [13, p. 250] because even short, disjointed replicas characteristic of everyday dialogues are remarkable for their completeness.

M. M. Gerasimova considers dialogues to be "speech in speech" [14, p. 105]. It is possible to distinguish two levels of narrative of the tale during the story-teller's performance: dialogical relations between the characters and relation between a story-teller and audience.

V. Ya. Propp considers that animal tales differ "in the characters of participants" [15, p. 48].

The characters demonstrate their special features by means of their speech: they deceive, tease, fawn, favor, praise, boast. At that moment style, intonation, gestures, mimicry, voice change etc. help a story-teller. From this standpoint animal tales are close to games-performances by their dramaticism. In L. M. Ivleva's opinion the characters' shapes, system, significance of relationship of the elements are the specific features of a tale [16, p. 216].

A. A. Potebnya following G. E. Lessing emphasizes the constant (universal) character of animals in people's notion [17, p. 25].

Naming of characters in animal tales obtains functionality as a method. On the one hand this method expresses relationship, on the other hand it highlights the character's peculiarity. It is interesting that sometimes a name can even replace such an abstract concept as time. For example, it can be illustrated by the Russian and Azerbaijani tales based on the plot "The Fox-doula" (AA 15).

The Russian tale is about the Wolf and the Fox that have a tub of honey. The Fox leaves the cabin on the pretext that she is called for delivery. She goes to the

tub, eats a little and returns. Here the grammatical tense of activity is the Present Time in the meaning of the Past Time. The Wolf's and Fox's speeches are given in the form that brings the Present Time closer and enlivens it. The Fox leaves the cabin thrice on the same pretext in order to eat some honey. Every time the Fox returns to the cabin she tells the Wolf about the childbirth and makes up the different names: 1) Pochatochek (botany: ear); 2) Seredishek (middle); 3) Poskryobishek (Scraped). In fact, a story-teller encodes time in these names: a) the beginning of stealing; b) its continuation; c) its end.

Then the Fox pretends to be ill and wants some honey. The Wolf detects the theft, but the Fox denies everything and suggests to lie in the sun. The honey will boil and get out. The stupid Wolf falls asleep in the sun and the Fox covers his face with the honey. In the end, the Wolf is guilty [18, p. 21].

The temporal character of the descriptive style is mainly the following: speeches are in the Present Time, events and activities are in the Past Time.

The description of the space is based on the concrete place connected with the concrete activity: the cabin the Fox and the Wolf live in, the barn or garret and the place in the heat of the sun. The existence of the other cabins in the neighborhood is suggested. If the Fox says that she is called to help birth therefore, there are other dwellings hereabouts. In fact a typical Russian village is imagined, i.e. the space is known but it isn't exact.

The reality of the temporal-spatial basis of the history makes the fantastic fiction convincing. There are also Azerbaijani analogs of this tale. The plot "The Fox-doula" is registered under the number 15 in the index of plots. There is a variant of this tale "The Fox's ruse" written in Nakhchivan. There is also the Bear in this variant beside the Wolf. There is roast meat in the jug instead of honey. By the Fox's words,

for the first time the padishah's wife gives birth, for the second time the vizier's wife gives birth, for the third time the advocate's wife gives birth at first. The Fox eats the roast meat till the handle of the jug, then she eats it till the middle and in the end till the bottom. According to this situations she named the "babies" Gulubey (Gulp means "handle"), Ortagbey (ortag means "middle" and Dibibey (dib means "bottom"). In the end of the tale the Fox offers her friends to eat the roast meat: first of them will eat it till the handle, the second one till the middle and the third one till the bottom. The Bear and the Wolf don't agree to eat the roast meat till the handle.

The Fox agrees to do it and makes it look like she eats a little. Then she runs away. When the Bear and Wolf came up to the jug in pleasurable anticipation of the roast meat they find out what this is all about. Thus, their friendship is over [19, p. 250–252].

In the variant of this tale "The Fox and the Wolf" collected in Karabakh the same plot is contaminated with four plots: "The Fox steals the bride's jewels", "The Wolf is fishing", "The Fox teaches the Wolf to be a shoemaker", "The Fox teaches the Wolf to weave baskets" (1B*+2+38A*+38B*). Here "the newborns" are girls. The Fox names them according to the parts of the jug: Gulpunaz (gulp means "handle"), Göbəknaş (göbək means "navel") and Gurtunaz (qurtarmaq means "to be over"). The final is rather weak in this variant. When the Wolf sees the empty jug he began arguing with the Fox; they blame each other and thus the tale is over [7, p. 322–326].

Conclusion

As can be seen, there is stereotype in the characters' behavior in the same situation in the different peoples' tales based on the similar plot.

Thus, it is likely that this situation is caused by the physiological identity and psychological factors.

References

1. Rustamzade I. *Azərbaycan nəğillərinin sujet göstəricisi* [Indicator of plots in the Azerbaijan fairy tales]. Baku, Elm və təhsil Publ., 2013. 368 p. (in Azerbaijani).
2. Kazimoghlu M. *Gulushun arxaik kökləri* [Archaic roots of laughter]. Baku, Elm Publ., 2005. 192 s. (in Azerbaijani).
3. Mariniceva Yu. Yu. *Russkiye skazki o zhivotnykh*. Avtoref. dis.dokt. filol. nauk [Russian fairy tales about animals. Abstract of thesis of doct. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2012. 13 p. (in Russian).
4. Kolmachevskiy L. Z. *Zhivotnyy epos na Zapade i u slavyan* [The animal epos in the West and at Slavs]. Kazan, Imperial University Publ., 1882. 317 p. (in Russian).
5. Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative index of plots. An East slavic fairy tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 440 p. (in Russian).
6. Behrengi S. *Mahabbat nəghili* [Fairy tale on love]. Baku, Azerbaijan State Publ., 1987. 504 p. (in Azerbaijani).
7. Rustamzade İ. *Karabakh: folklor da bir tarixdir* [Karabakh: folklore is also a history]. T. III (Aghdam, Fuzuli, Jabrayil, Tartar, Qubadli, Zangilan, Kalbajar, Lacin ve Shusha rayonlarından toplanmış folklor ornekleri) [Vol. III (Folklore items from Aghdam, Fuzuli, Jabrayil, Tartar, Qubadli, Zangilan, Kalbajar, Lacin and Shusha districts)]. Baku, Elm ve Təhsil Publ., 2012. 468 p. (in Azerbaijani).
8. İnan A. *Tarihte ve bu gün Shamanizm* [Shamanism in history and today]. *Materiyaller ve Arastırmalar*. Ankara, TTK Yayınları Publ., 2000. 228 p. (in Turkish).
9. Eliade M. *Ebedi Donuş Mitosu* [Eternal return myth]. Ankara, İmge Kitapevi Publ., 1994. 187 p. (in Turkish).

10. Turkan K. Azeri masallarında av kultu ve av anlayishi [Cult of hunting and concept of hunting of the Azerbaijan fairy tales]. *Milli folklor*, yıl 20, 2008, vol. 80, pp. 70–76 (in Turkish).
11. Gabel M. O. Formy dialoga v byline [Dialogue forms in the byline]. *Naukovi zapiski naukovo-doslidcoi katedri istorii ukrainskoi kulturi*, 1928, vol. 6, pp. 315–328 (in Russian).
12. Bakhtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoyevskogo* [Problems of creativity of Dostoevsky]. Leningrad, Priboy Publ., 1929. 243 p. (in Russian).
13. Bakhtin M. M. *Estetika sloveskogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 445 p. (in Russian).
14. Gerasimova N. M. *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura* [Pragmatist of the text: folklore, literature, culture]. Saint Petersburg, RIAH, SPbSU Publ., 2012. Pp. 91–108 (in Russian).
15. Propp V. Ya. *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and validity]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 327 p. (in Russian).
16. Ivleva L. M. *Ryazhenye v traditsionnoy russkoy kul'ture* [Mummers in traditional Russian culture]. Saint Petersburg, RIAH Publ., 1994. 235 p. (in Russian).
17. Potebnya A. A. *Iz lektsiy po teorii slovesnosti: Basnya. Poslovitsa. Pogovorka* [From lectures on the literature theory: Fable. Proverb. Saying]. Kharkov, K. Scasni Publ., 1894. 162 p. (in Russian).
18. *Narodnyye russkiye skazki*. V 2 t. T. 1. Sost. A. N. Afanas'yev [Russian national fairy tales. In 3 volumes. Vol. I. Comp. A. N. Afanasev]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 511 p. (in Russian).
19. *Azerbaycan folkloru antologiyasi*. T. 1. Naxcivan folkloru [The anthology of the Azerbaijan folklore. Vol. Naxcivan folklore]. Baku, Sabah Publ., 1994. 388 p. (in Azerbaijani).

Islamzadeh K. F., Baku State University (ul. Zh. Khalilov, 23, Baku, Azerbaijan, AZ1148). E-mail: bgu-ul@bk.ru

Материал поступил в редакцию 29.07.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-157-163

ТРАДИЦИОННЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ В СЮЖЕТАХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

К. Ф. Исламзаде

Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

Введение. Основу статьи составляет определение специфики сюжетов сказок о животных в азербайджанском фольклоре и их исследование в аспекте компаративистики.

Материал и методы. Материалами исследования послужили образцы, записанные во время экспедиций, организованных сотрудниками кафедры фольклора Бакинского государственного университета и Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана. За основу также взяты их варианты в устном творчестве русского народа. Основная цель статьи – определение отличий группы сказок о животных от других групп, выявление типологических особенностей на основе сравнения схожих сюжетов с их аналогами у других народов.

Результаты и обсуждение. Указывается, что одной из особенностей, отличающих сказки о животных от других групп сказок, является то, что образы животных выступают как объект и субъект сюжета.

В образцах, входящих в данную группу, разговор животных не считается признаком чуда. Напротив, речь животных считается обычным явлением. Это расценивается как первобытные представления древних людей, не отделявших себя от природы. Также подчеркивается, что в диалогах выражается деятельность персонажей. В такого рода сказках не персонаж, а деятельность носит принципиальный характер. Перечисляются коренные различия, прослеживающиеся между европейскими и азербайджанскими сказками о животных. С этимологической точки зрения выявляется связь этих сказок с мифическим мышлением, тотемизмом и занятием древних людей охотой. В статье сравниваются сказки разных народов со схожими сюжетами; стереотипность в поведении персонажей в одинаковых ситуациях расценивается как явление, происходящее независимо от национальности и обусловленное физиологической идентичностью людей и психологическими факторами.

Заключение. На основе сравнительного исследования конкретных сказок определяются своеобразные дополнения к известным сюжетам азербайджанского народа, доказываются их связь с мировоззрением, менталитетом и фольклорными традициями. Выясняется, что в сказках о животных основными являются действия персонажей, выражаемые не в повествовательной форме, а диалогами. Выявляется также тот факт, что номинация персонажей приобретает в тексте функциональность.

Ключевые слова: животные персонажи, сюжет, тотем, сказка, басня, общественные отношения, животный эпос.

Список литературы

1. Rüstəmzadə İ. Azərbaycan nağıllarının süjet göstəricisi. Bakı: Elm və təhsil, 2013. 368 s.
2. Kazımoğlu M. Gülüşün arxaik kökləri. Bakı: Elm, 2005. 192 s.

3. Мариничева Ю. Ю. Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 16 с.
4. Колмачевский Л. З. Животный эпос на Западе и у славян. Казань: Типография Императорского ун-та, 1882. 317 с.
5. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.
6. Behrəngi S. Məhəbbət nəğilı. Bakı: Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1987. 504 s.
7. Qarabağ: folklor da bir tarixdir, III c. (Ağdam, Füzuli, Cəbrayıl, Tərtər, Qubadlı, Zəngilan, Kəlbəcər, Laçın və Şuşa rayonlarından toplanmış folklor örnəkləri). Tərtib edən İ.Rüstənzadə. Bakı: Elm və Təhsil, 2012. 468 s.
8. İnan A. Tarihte ve bu gün Şamanizm // Materyaller ve Araştırmalar. Ankara: TTK Yayınları, 2000. 228 s.
9. Eliade M. Ebedi Dönüş Mitosu (Çev: Ü.Altuğ). Ankara: İmge Kitapevi, 1994. 187 s.
10. Türkan K. Azeri masallarında av kültü ve av anlayışı // Milli folklor, yıl 20, sayı 80, 2008. S. 70–76.
11. Габель М. О. Формы диалога в былине // Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури. 1928. № 6. С. 315–328.
12. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929. 243 с.
13. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
14. Герасимова Н. М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура: сб. статей. СПб.: РИИИ, 2012. С. 91–108.
15. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 327 с.
16. Ивлева Л. М. Ряжение в традиционной русской культуре. СПб.: Рос. институт истории искусств, 1994. 235 с.
17. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков: Тип. К. Счасни, 1894. 162 с.
18. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984. Т. I. 511 с.
19. Azərbaycan folkloru antologiyası, I c. (Naxçıvan folkloru). Bakı: Sabah, 1994. 388 s.

Исламзаде Кямаля Фанг кызы, кандидат филологических наук, доцент, Бакинский государственный университет (ул. Академика З. Халилова, 23, Баку, Азербайджан, AZ1148). E-mail: bgu-ul@bk.ru

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.0 (091)

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-164-167

НА ГРАНИ РАЗУМА И БЕЗУМИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОМАНЕ АННЫ КОЗЛОВОЙ «F20» (ДРУЖБА НАРОДОВ. 2016. № 10. С. 7–89)

Ю. Ю. Афанасьева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Анна Козлова, российская писательница и сценаристка, в 2017 г. стала лауреатом премии «Национальный бестселлер» – ежегодной общероссийской литературной премии, учрежденной в 2001 г. Эта престижная литературная награда вручается за лучший роман, написанный на русском языке. Жюри конкурса отметило ее роман «F20», раскрывающий особенности жизни людей, страдающих душевными расстройствами. Это не первое произведение Анны Козловой, она выпустила ряд книг и киносценариев («Краткий курс счастливой жизни» (2011) и др.).

Писательница родилась в известной семье с давними литературными традициями. Ее дед – писатель Вильям Козлов, отец – главный редактор российского литературного журнала «Роман-газета». Сама Анна с отличием окончила журфак МГУ. Творчество Анны Козловой получило множество неоднозначных рецензий: в критике присутствуют как резко негативные оценки, так и отзывы, пытающиеся более объективно оценить ее литературный стиль. Современный русский писатель и публицист Захар Прилепин в названии своего интервью отразил взгляд на женское творчество: «Женская метафизика окрашена пусть жестокой, но светлой иронией, а не мрачным мужским эгоизмом» [1].

Роман Анны Козловой «F20» вызвал также множество дискуссий и оказался интересен не только профессиональной критике, но и обычным читателям. Секрет его успеха, возможно, в том, что автор поднимает очень важные вопросы своего времени и заставляет задуматься о ценности и хрупкости человеческой жизни в современном мире, о тонкой грани разума и безумия.

Небольшая по объему книга написана от лица пятнадцатилетней девочки-подростка Юлии. Героине и ее младшей сестре Анютике поставлен диагноз «F20», а именно «шизофрения». На протяжении всего романа девочка пытается осмыслить причины произошедшего с ней и ее сестрой душевного кризиса.

Художественное пространство произведения является моделью мира автора; локусы дома, квартиры, дачи, школы, улицы, фитнес-клуба, кладбища становятся узловыми топосами авторского повествования. Дом, в котором провели свое детство девочки, описан как большой, с дизайнерской кухней-столовой, с дорогими сковородками из розовой меди и другими атрибутами благополучной жизни. Отец девочек, бизнесмен, по словам автора, хотел нормальную жену, вписывающуюся в андроцентрические стандарты, – «крепкую, с сиськами, чтобы хорошо готовила и занималась детьми», а он в свою очередь смог бы их обеспечить [2]. Однако мужчина по нелепой случайности подвернул ногу на улице и оказался в травмпункте, где и познакомился со своей будущей женой, будущей матерью Юли и Анютика.

Мама девочек совсем не ассоциируется с образом хозяйки дома. После двух беременностей ее ноги опухли и почернели от варикоза, неотлучное нахождение дома, бесконечные хлопоты по хозяйству, уход за детьми и собакой погрузили ее в апатию и усилили странности ее натуры. Дочки мечтали, чтобы их мама была как все: ходила на каблуках и в сережках, готовила им завтраки, а не лежала до обеда в постели со слезами на глазах: «У нас в принципе отсутствовали понятия завтрака, обеда и ужина. Иногда маму удавалось поднять в 12, иногда вообще в два. Бывали дни, когда она вставала, в ночной рубашке заходила на кухню и ставила кастрюлю с кашей на конфорку. Через минуту она забывала про кашу, и та горела, покрывая дно кастрюли розовой меди неотмываемой коричневой коркой. Мы обедали кашей, завтракали супом, в зависимости от того, что стояло в холодильнике ближе, когда мама его открывала. Если после приема пищи она снова не возвращалась в постель, мы шли гулять с собакой» [2].

Их отец тоже не становится для них опорой: он открыто изменяет жене, заводит любовницу, которую периодически избивает на глазах у всех. Апофеозом этой ненормальной семейной жизни стано-

вится жуткая сцена, когда в порыве ревности отец поджигает дверь ванной комнаты, где заперты мать и Анютик.

Ни один топос в романе не несет функции родного и безопасного места: ни мучительная для Анютика школа, ни временное пристанище дачи, ни чужое пространство улицы, где девочки часто гуляют в надежде заглушить звук чужих голосов в своей голове. Фактически и дом отца является временным местом пребывания, после развода они переезжают в тесную квартиру бабушки. Лишь в финале начинает проявляться положительная функция пространства фитнес-клуба, отчасти помогающего героине выйти из затяжной депрессии после самоубийства одноклассника.

С первых страниц автор подчеркивает странно-сти в поведении близких родственников и знакомых девочек: отца, матери, отчима, бывшей актрисы-алкоголички и других персонажей. Если отец с матерью с трудом, но все-таки вписываются в нормативную картину мира, то отчим уже реально болен шизофренией. Его мать, бывшая актриса, практически постоянно находится в состоянии алкогольного опьянения. Даже животные здесь тоже ненормальные, неадекватные. Пес отчима Лютер после неудачного опыта дрессуры едва не перегрызает горло хозяину.

В этой ситуации неудивительным оказывается то, что нервная система девочек не выдерживает: сначала начинает слышать голоса Анютик, а потом и Юля. В романе акцентируется тема болезни и здоровья, разлада физического и духовного. Страдания души, безумие, пьянство, нищета провоцируют уход героинь в другую реальность. Вместе с тем девочки отчаянно хотят быть такими, как все, «нормальными»: не выделяться, заглушить внутри себя голоса, чтобы быть обычными людьми. Анютика лечат в больнице сильными лекарственными препаратами, Юля пытается сначала бороться с предвестниками болезни сама, нанося себе порезы на ногах. Она вырезает бритвой слова на немецком языке, который стал для нее «опорой, надеждой и своего рода спасением». В его громоздкости она «находила надежность, в неблагозвучии – тайную красоту, в чудовищной грамматике – вознаграждение» [2]. В череде кровоточащих слов, по замыслу автора, нет ничего случайного: безобидные слова müde (утомленный), witzig (смешной), Sehnsucht (тоска) сменяют опасные, мрачные и тревожные Tod (смерть), Wahnsinn (безумие), Finsternis (темнота), Opfer (жертва). С их помощью Анна Козлова отражает эволюцию душевного кризиса главной героини.

Сестры отчаянно нуждаются в любви и защите, но не получают ее со стороны близких им людей. Знаковой в романе становится тема любви и секса.

Для главной героини сексуальные отношения со студентом на даче являются попыткой почувствовать себя кому-то нужной и одновременно ярко демонстрируют нелюбовь к себе: растоптать тело, отдаться мужчине без любви, причинить себе боль. Секс представлен в романе как что-то грязное и постыдное: он ассоциируется у сестер с запахом алкоголя у матери и стыдливым застирыванием трусов, изменами родителей в период сложной реабилитации одноклассника Марека.

Гротескно изображена стремительная история грехопадения девственницы Милены Львовны (которая уже разменяла седьмой десяток) и практически ее ровесника-вахтера. Свою молодость эта женщина «угробила в Союзмультфильме», где сорок лет подряд рисовала цветы и танцующих мишек. В ее жизни так и не появился мужчина: было то «скучно, то противно, то боялась или ждала неизвестно чего» и втайне мечтала о сексе с негром [2]. Благодаря помощи и смекалке главной героини, организовавшей ей свидание с вахтером, она теряет «невинность». Милена Львовна счастлива и только сожалеет о бесцельно прожитых годах. Но и эта история не получает благополучного финала: женщина скоротечно умирает от целого букета венерических болезней, которыми награждает ее престарелый поклонник.

Важное место в романе занимают рассуждения автора о любви и сексе. Секс без любви для всех героев становится катастрофичным: разрушает тело (смерть Милены Львовны) и душу (рецидив шизофрении у Юли). До появления в жизни Юли ее одноклассника-поляка интимные отношения – это попытка спастись от одиночества, возможность изучить себя и свою сексуальность. Но после знакомства с Марексом она понимает, что физическое единение с любимым – это просто иная форма выражения любви. Марек – поляк, и любовь по-польски – милошь, это «радость от того, что другой существует» [2]. Поэтому именно на кладбище, знаковом для героини месте, где она прощается с погибшим одноклассником, Юля возрождается к новой жизни. Она высаживает на могиле Марека анютины глазки, и это действие, возможно, имеет скрытый авторский подтекст, ведь в финале романа ее сестра Анютик беременна, находится в ожидании появления новой жизни.

Произведение соединяет в себе несколько жанровых видов: это и роман о воспитании (проблема родителей и детей), психологический роман (с любовной линией), социальный роман (раскрывающий проблемы современности), присутствуют в нем и мистико-фантастическая, и детективная линии. Некоторые рецензенты относят произведение Анны Козловой к литературе Young Adult, одному из популярных направлений на Западе, в центре

которой стоит подросток и его проблемы, переживания, опыт и т. д. Например, одна из молодых экспертов охарактеризовала этот роман как «Чернушный YA» [3]. Она отмечает обилие в прозе А. Козловой «чернушных» элементов: «Алкоголь, бессмысленный и беспощадный секс всех со всеми, психическое нездоровье, физическое нездоровье, финансовые проблемы, неопределенность будущего, безрадостное настоящее – в книге присутствуют все маркеры того, что называют жесткой реалистичной прозой» [3]. В то же время рецензент пишет, что автор переплетает жанры, внося в трагичное и тоскливое настроение абсурда элементы черного юмора. Это и «шизофреник – гражданский муж матери с псом, который бросается на случайных людей, ест таблетки и „обильно мочится“ с восьмого этажа, учительница математики, которая вместо того чтобы рассказывать про синусы и косинусы, рассказывает о том, с кем и как она занималась в молодости сексом, старушка-девственница, зарабатывающая букет венерических болезней в 70 лет» [3].

Другие читатели и рецензенты упрекают автора в том, что в романе с медицинским названием «F20» недостаточно раскрыта тема шизофрении. «Эта книга не про диагноз, не про больных людей, не про их чувства. В реальности ни один психически нездоровый человек никогда не осознает и не признает, что он болен» [4]. А. Козловой ставят в вину то, что она не совсем точно описала медицинские препараты, неясно передала картину мира душевнобольных. На наш взгляд, автор и не ставила такой задачи перед собой. Введение писательницей элементов симптоматики шизофрении в сюжетный ход романа – это, скорее, художественный прием, позволяющий ей наиболее точно раскрыть авторский замысел, написать книгу о мире, в котором живем все мы. Это размышление «о психически больном обществе, где изгоем чувствует себя нормальный человек» [5].

Название произведения «F20», по мнению рецензентов, вызвано не столько сюжетной необходимостью, сколько «метким отношением автора к действительности, – если хотите, подростковым (или зрелым) протестом» [6]. Роман «можно читать как историю болезни, но, как водится в произведениях с сумасшедшим главным героем, болезни нет отдельного человека, а общества. Шизофрения доброй половины персонажей романа вводится в качестве контрастной жидкости, помогающей увидеть устройство среды» [7].

По мнению А. Козловой, шизофрения – это только метафора, ведь ее главная героиня более добра и великодушна, чем остальные, «здоровые» персонажи. Юля заботится о своей младшей сестре, готовит за нее все домашние задания, потому

что Анютин «не могла осознать, как отдельные буквы соединяются в слоги» [2]. Вместе они помогают призраку Сергею передать спрятанные драгоценности его любимой жене, чтобы она материально не нуждалась. Юля ухаживает за престарелой Миленой Львовной не только физически (моет ее, покупает продукты, убирает в квартире), но и проявляет участие к ее психологическим проблемам.

Стиль романа, с одной стороны, похож на дневник подростка (в нем присутствуют исповедальность, рефлексия и бесстрастность одновременно), с другой – он напоминает кинематографические кадры: динамичен темп повествования, быстро сменяются события, отсутствуют отвлеченные размышления и пейзажные зарисовки. Произведение имеет несколько сюжетных линий и читается на одном дыхании, любовная линия переплетается с почти с детективным расследованием, болезненная атмосфера романа разбавляется ироничными отступлениями, вызывающими смех сквозь слезы.

Читатель невольно включается в жизнь девочек, сочувствует, смеется и негодует, переживая разные этапы их взросления. «Местами читать просто невозможно, так как автор умудряется простыми словами заставить тебя чувствовать то же самое, что и герои, – боль, страх, ужас, надежду...» [7]. В романе нет счастливых героев и персонажей: «Здесь все так или иначе больны, смешны, нелепы, жалки, неприятны и виноваты, хотя на общем фоне одни все-таки оказываются лучше других. Однако в этой мизантропии, прямоте и злой иронии, над которой смеешься, а потом стыдливо спохватываешься (как можно!), звучат неожиданно нежная интонация и даже – опять-таки прямолинейная – сентиментальность» [8].

Роман «F20» Анны Козловой – это разговор о любви, которой так не хватает всем героям этой книги. Несмотря на безнадежность, цинизм и отчаяние, которыми пронизаны все страницы романа, в финале появляется надежда. Мрачную череду смертей (одноклассника Марека, Милены Львовны) сменяет прощение и осознание иллюзорности мира, закономерной череды жизни и смерти. В финале, на кладбище, автор словами маленького мертвого мальчика говорит о том, что даже в настоящей любви нет полного личностного единения, можно радоваться, лишь встретив родственную душу, ведь человек всегда остается уникальным и индивидуальным, и «ты не можешь с ним слиться, оставаясь собой» [2].

По мнению автора, нет никакой единой нормы для всех, об этом рассуждают голоса на радио со знаковым названием «Эхо», нормы – это лишь условность, отражение происходящих в мире событий и тенденций. Поэтому в романе очень раз-

мыта грань между безумием и реальностью, настоящими и мнимыми сумасшедшими. И хотя любовь главная героиня считает иллюзией, на которой держится весь мир, финал произведения жизнеутверждающий. На одной из могил героиня находит кни-

гу, в которой наугад открытые строки говорят, что «жизнь стоит прожить, и это утверждение является одним из самых необходимых, поскольку если бы мы так не считали, этот вывод был бы невозможен, исходя из жизни как таковой» [2].

Список литературы

1. Захар Прилепин спрашивает. Интервью о литературе и политике. Анна Козлова. Женская метафизика окрашена пусть жестокой, но светлой иронией, а не мрачным мужским эгоизмом. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/anna-kozlova-jenskaya-metafizika-okrashena-pust-jestokoi-no-svetloi-ironiei-a-ne-mrachnym-mujskim-egoizmom.htm> (дата обращения: 07.11.2018).
2. Козлова Анна. F20. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=579814&p=1> (дата обращения: 30.08.2019).
3. Чернушный YA. URL: <https://www.livelib.ru/book/1002363885-f20-anna-kozlova> (дата обращения: 30.08.2019).
4. Талея Н. Рецензия. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/592365/> (дата обращения: 30.08.2019).
5. Котюсов А. Рецензия на роман Анны Козловой «F20». URL: <https://www.proza.ru/2017/07/04/1955> (дата обращения: 30.08.2019).
6. Аврутина А. Национальный бестселлер. URL: <https://prochтение.org/texts/28948> (дата обращения: 30.08.2019).
7. Лобанова-Гольдштейн Е. Рецензия. URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/592365/> (дата обращения: 04.04.2019).
8. Макенко Е. Детский доктор сказал «ништяк». Трогательный роман взросления с нейрорептиками, сексом и суицидом. URL: <https://gorky.media/reviews/detskij-doktor-skazal-nishtyak/> (дата обращения: 04.04.2019).

Афанасьева Юлия Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: uua@list.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-164-167

ON THE VERGE OF REASON AND INSANITY: REFLECTIONS ON THE NOVEL "F20" BY ANNA KOZLOVA (DRUZHBA NARODOV, 2016, NO. 10, PP. 7–89)

Yu. Yu. Afanas'yeva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

References

1. Zakhar Prilepin sprashivayet. Interv'yu o literature i politike. Anna Kozlova. Zhenskaya metafizika okrashena pust' zhestokoy, no svetloy ironiyey, a ne mrachnym muzhskim egoizmom [Zakhar Prilepin asks. Interviews on literature and politics. Anna Kozlova. Female metaphysics is colored by brutal, but light irony, rather than gloomy male egoism] (in Russian). URL: <http://zaharprilepin.ru/en/litprocess/intervju-o-literature/anna-kozlova-jenskaya-metafizika-okrashena-pust-jestokoi-no-svetloi-ironiei-a-ne-mrachnym-mujskim-egoizmom.html> (accessed 7 November 2018).
2. Kozlova A. F20 (in Russian). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=579814&p=1> (accessed 30 August 2019).
3. Chernushnyy YA. (in Russian). URL: <https://www.livelib.ru/book/1002363885-f20-anna-kozlova> (accessed 30 August 2019).
4. Taleya N. Retseziya [Review] (in Russian). URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/592365/> (accessed 30 August 2019).
5. Kotyusov A. Retseziya na roman Anny Kozlovoy "F20" [Review of the novel by Anna Kozlova "F20"] (in Russian). URL: <https://www.proza.ru/2017/07/04/1955> (accessed 30 August 2019).
6. Avrutina A. Natsional'nyy bestseller [National bestseller] (in Russian). URL: <https://prochтение.org/texts/28948> (accessed 30 August 2019).
7. Lobanova-Gol'dshteyn E. Retseziya [Review] (in Russian). URL: <https://www.labirint.ru/reviews/goods/592365/> (accessed 4 April 2019).
8. Makenko E. Detskiy doktor skazal "nishtyak". Trogatel'nyy roman vzrosleniya s neyroleptikami, seksom i suitsidom [Children's doctor said "nishtyak". A touching novel about growing up with antipsychotics, sex and suicide] (in Russian). URL: <https://gorky.media/reviews/detskij-doktor-skazal-nishtyak/> (accessed 4 April 2019).

Afanas'yeva Yu. Yu., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: uua@list.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ DALLI HÜSEYİN «TÜRKÇEDE SÖZ DİZİMİNİN YAPI BİRİMLERİ» (HÜSEYİN DALLI – İSTANBİL: RAPATYA YAY. EĞİTİM, 2018. XII, 260 P.)

С. Л. Куталмыш

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Рецензируемая книга [1], посвященная структурным единицам турецкого синтаксиса, написана специалистом в области тюркского языкознания, носителем турецкого языка Хусейном Даллы в 2018 г. По содержанию она включает в себя введение, шесть разделов и список литературы. Во введении автор поясняет, что свою работу основывает на учении И. А. Бодуэна де Куртенэ, вслед за которым понятие «язык» понимает как идеальную систему общения, функционирующую в качестве системы знания и состоящую из абстрактных образов [1, с. XIII]. Следуя принципу, введенному тюркологической школой В. Г. Гузева, Х. Даллы разделяет понятия «язык» и «речь». Язык представляет собой идеальное знание, в то время как речь является сферой вещественных элементов, созданных человеческим разумом на базе первой. Предметом синтаксиса являются абстрактные универсальные конструкции [1, с. XVIII]. Основываясь на положении, выдвинутом В. Г. Гузевым [2, с. 51], автор выделяет три группы конструкций в турецком синтаксисе: предикативные (yargısal), атрибутивные (tamlayıcı) и копулятивные (sıralı).

Первый раздел «Лингвистика и терминологические пояснения грамматических понятий» включает 93 пункта, посвященных теоретическому описанию того или иного синтаксического элемента. Исходя из структуры и характера описываемых элементов, ясно, что Х. Даллы основывался на разработках понятийного аппарата в сфере турецкого синтаксиса, выполненных В. Г. Гузевым и О. Дениз-Йылмаз [3]. В этом разделе автор дает определение семантического уровня, монемы, значения, смысла, определения, определяемого и многих других структурных единиц, имеющих отношение к турецкому синтаксису. Для удобства использования предлагаемой информации определения даны в алфавитном порядке (по названию структурной единицы).

Представление о грамматических классах автор основывает на положении, предложенном А. И. Уемовым [4], согласно которому человеческий разум воспринимает все разнообразие окружающей действительности в трех основных ипостасях: вещи (varlıklar), свойства (vasıflar/nitelikler) и отношения (bağıntılar) [1, с. 38]. В грамматике вещи/объекты

называются именами существительными (isim), свойства/качества вещей – именами прилагательными (sıfat), лексемы, обозначающие состояние действия, – наречиями (zarf), лексемы, обозначающие количество, – числительными (sayı adları), лексемы, временно выступающие в роли вещи, качества, количества или обстоятельства, – местоимениями (zamir). Всего автор выделяет 13 частей речи в турецком языке. Помимо перечисленных выше в группу знаменательных частей речи Х. Даллы относит также глагол (fiil) и предикатив (predikatif), а к служебным частям речи – модальные слова (kiplik), частицы (yaraç), междометия (ünlem), послелог (ilgeç/edat), союзы (bağlaç) и ониматопы/звукоизобразительные слова (onomatopi).

Глаголы с точки зрения своего семантического значения можно разделить на группы. Например, глаголы, выражающие начало действия: aç-, gör-, sula-, savur-; глаголы, выражающие продолжительность: ak-, ara-, düşün-, incele-, oku-; глаголы, выражающие законченность: acık-, susa-, hastalan-, öl-; глаголы, выражающие повторение действия: gerin-, damla-, susa-; глаголы, выражающие становление чего-либо: karar-, büyü-, çürü-, yeşillen- и другие. Помимо этого, разные аспекты характеристики процесса могут отражаться при помощи составных глагольных форм, так называемых описательных (наглядных) глаголов (tasvir fiilleri). Это глаголы, которые выражают 1) нереализованное действие: düşeyaz-, bayılayaz-, öleyaz-; 2) непрерывно продолжающееся действие: gidedur-, bekleyedur-, düşmeye-gör-; 3) прерванное действие: bakakal-, donakal-, takılıp kal-; 4) прекращение продолжающегося действия: bakmaz ol-, görmez ol-, söylemez ol-; 5) быстрое и внезапное совершение действия: bakıver-, düşü-ver-, tutuver-. Лексическое значение этих глаголов не содержит показателя времени [1, с. 27–28].

Имена существительные (isimler), имена прилагательные (sıfatlar), имена числительные (sayı adları), наречия (zarflar), местоимения (zamirler) и слова категории состояния (predikatifler), принимая словообразовательные и формообразовательные аффиксы, предстают в качестве сказуемого и образуют двусоставное предложение (iki memberli anlatım) [1, с. 39]. Предикатив – это лексема,

выражающая предикат. Например, *var, yok, gerek, lazım*. В задачу предикатива не входит выражать сюжет [1, с. 79].

Каждый элемент синтаксиса, описываемый в первом разделе, Х. Даллы поясняет на конкретных языковых примерах, а зачастую расширяет имеющееся знание дополнительной информацией. Так, Х. Даллы уточняет, что в турецком языке союзы заимствованы из арабского (*fakat, ilâ, veya, yahut*) и персидского (*hem ... hem, ki, şayet*) языков. Тюркские по происхождению «*ne ... ne*», «*ister ... ister*», «*oysa*», «*tıpkı*», «*uoksa*» являются многофункциональными речевыми средствами и функцию союза выполняют лишь во вторую очередь. Слово «*diye*», которое сегодня оценивают как деепричастие, с давних пор используется в качестве союза. Это слово встречается еще в древнетюркских надписях. Оно является единственным турецким союзом и часто используется в речи. Этот союз утратил свою связь с глаголом *de-mek* [1, с. 18, 64]. Предложения с конструкцией *ki* (*birleşik cümle*) автор относит к категории сложных предложений [1, с. 20].

Соглашаясь с точкой зрения В. Г. Гузева, Х. Даллы полагает, что в турецком языке насчитывается четыре залога: взаимный (*işteş çatı*), побудительный (*ettirgen çatı*), страдательный (*edilgen çatı*), возвратный (*dönüşlü çatı*) [1, с. 23]. «В рамках агглютинативного турецкого языка понятие действительного залога развития не получило», – пишет автор [1, с. 23], подтверждая таким образом представление, сложившееся в рамках тюркологической школы В. Г. Гузева [5, с. 128–132].

Что касается падежных аффиксов, то автор полагает, что они развились из самостоятельных слов [1, с. 40]. По мнению Х. Даллы, падежные показатели возникли не одновременно, а формировались по степени возникновения в них необходимости. Изначально падежи могли выполнять гораздо более сложный комплекс функций. Так, М. Э. Дубровина утверждает, что аффикс *-(n)In* указывал в древнетюркском языке не только на инструмент, но и на совместность действия, на непосредственный объект и на место нахождения [6]. Падеж в основном выражает связь между вещью (*nesne/varlık*) и действием (*eylem*). Хотя не ограничен этим и выражает также отношения между предметом (*nesne*) и качеством (*nitelik*) (например, *dile kolay* – легко языком (в значении «легко сказать»)), *sahile yakın* – близко к набережной), предметом (*nesne*) и предметом (*nesne*) (например, *baş a bela* – беда на голову, *gençliğe güven* – вера в молодость).

В турецком языке категория определенности – неопределенности (*belirlilik – belirsizlik kategorisi*) не выражается морфологическими средствами. Су-

ществительное идентифицируется при помощи слов, выполняющих функцию прилагательного. Например, *bizim ev* – наш дом, *yazı masası* – письменный стол, *şu okul* – та школа, *demir atmış gemiler* – корабли на якоре. В глагольных словосочетаниях определяющую функцию выполняет винительный падеж. Например, *kalem aldım/kalemi aldım* (взял ручку (любую)/взял (определенную) ручку). Слово «*bir*» предупреждает о том, что речь идет не о каком-то конкретном предмете, а об абстрактном множестве. Например, *bir adam* – какой-то человек, *bir kitap* – какая-то книга, *bir iş* – какая-то работа [1, с. 39].

Во втором разделе «Синтаксические единицы и их функции» подробно описываются предикативные, атрибутивные и копулятивные конструкции. Отношения в объективном мире в языке выражены соединениями, комбинациями, а в предложении – словосочетаниями (*kelime öbekleri*). Отношения между явлениями человек осмысляет тремя основными путями: явления могут быть перечислены (копулятивная связь), одно может дополнять (описывать) другое (атрибутивная) и, наконец, отношение может передавать суждение (предикативная). Синтаксические структуры (*öbek yapıları*) – это абстрактные модели конкретных вещественных отношений. Вслед за В. Г. Гузевым [2, с. 51] Х. Даллы выделяет следующие виды синтаксических структур в турецком языке:

- последовательные (копулятивные) – *kahve ve tütün (sıralı, kopulatif)*;
- выражающие суждение (предикативные) – *kapısı açık, taşlar renkli (yargısal, predikatif)*;
- дополняющие (атрибутивные) (*tamlayıcı, atributif*):
 - определительные – *çalışkan öğrenci, demir atmış gemiler (belirtme yapısı)*;
 - дополнительные – *şiiir oku-, yolda yürü-, bekleme-yi unut- (tümleme yapısı)*;
 - обстоятельственные – *dün gel-, saatlerce düşün-, pek coşkulu (belirteç yapısı)* [1, с. 76–78].

Копулятивные структуры состоят из равнозначных перечисляемых элементов. Такие конструкции могут быть союзными (*bağlaçlı*) и бессоюзными (*bağlaçsız*). В союзных копулятивных конструкциях чаще всего используются союзы *ve, ile*. Другой разновидностью союза, использующегося в таких конструкциях, является *ila*, обозначающее «от... до...». Например, *yirmi ila otuz beş metre; dokuz ila kırk gün*. Часто встречаются в турецком языке и бессоюзные копулятивные конструкции. Многие из них лексикологизовались и получили словарное значение. Например, *altüst, belli başlı, yer yer, abuk sabuk*. Названия чисел также следует причислять к копулятивному типу. Например, *yüz + doksan + altı* [1, с. 122–124].

Атрибутивные конструкции состоят из взаимосвязанных элементов: уточняемого, стоящего в конце сочетания, и уточняющего, зависящего от уточняемого. Например, *taze balık, canlı balık, Ereğli'den getirilen balık*. Иногда члены атрибутивных конструкций могут меняться местами, например, *İkisi de siyah gisiliydi adamların* [1, с. 102]. В синтаксисе атрибутивные конструкции представлены определительными, дополнительными и описательными словосочетаниями.

Структуры, выражающие суждение, состоят из сюжета (*süje*) и предиката (*predika*) и представляют собой предикативные конструкции. Х. Даллы отмечает, что необходимо различать предикативные синтаксические конструкции и предложения. В случае когда сюжетно-предикатная конструкция выражена двухкомпонентным словосочетанием, суждение может быть передано лексическим путем (*gül kırmızı*); в этом случае морфологические средства не задействуются. По этой причине у таких композиций нет способности выполнять функции оповещения (*bildirme*), пересказывания (*rivayet, tanık olmama*), условия (*şart*). Не могут быть употреблены и личностные аффиксы. Описанные выше функции вступают в силу при помощи морфологических конструкций, а именно аффиксов, например, *gül kırmızı -dır/-y-dı/-y-mış/-y-sa*. Получившиеся конструкции в синтаксисе называются законченными (*bitimli*), конечными (*nihai*), предикативными (*yargısal, predikatif*) или финитными (*finit*). Такие конструкции создаются на основе предикативных словосочетаний. Этим путем рождаются предложения. Присоединение аффикса *-dır* к словосочетанию *gül kırmızı* рождает конструкцию «подлежащее + сказуемое», в результате чего создается двусоставное предложение [1, с. 21, 98].

Некоторые предикативные сочетания продолжают существовать без глагола, который когда-то, по всей вероятности, сопровождал сочетание. Уточняемое в таких сочетаниях принимает аффикс местного падежа, а уточняемое – аффикс родительного падежа. Например, *ayağ-ı çukurda, bir el-i yağda bir el-i balda, çiçeğ-i burnunda, el-i işte göz-ü oynaşta*. Однако возможны ситуации, когда родительный падеж не используется: *ceket omuzda, kelle koltukta, kış kapıda, para cepte* [1, с. 101].

Третий раздел «Предикативные сочетания. Предложение» посвящен вопросам предикативных сочетаний и предложений разного типа. Х. Даллы отмечает, что в турецком языке, так же как и в индоевропейском языкознании, предложения могут быть именными (*isim cümleleri*) и глагольными (*fiil cümleleri*). В именных предложениях сказуемое выражено существительным, прилагательным, наречием, числительным и предикативом.

В глагольных – глагольными формами. Для того чтобы предикативное сочетание стало предложением, необходимо дополнить его показателем модальности совершенного сообщения, присутствия или условия [1, с. 132]. Сюжет (подлежащее) может быть выражен морфологическими средствами; в таком случае предложение может состоять из одного слова. Например, *Tanrıca-y-dı, çalış-sa-m* [1, с. 134].

Простое предложение (*yalın cümle*) содержит одно суждение, выраженное законченной двухкомпонентной предикативной структурой, состоящей из подлежащего и сказуемого; сложное предложение (*birleşik cümle*) выражает, как правило, более чем одно суждение и содержит несколько законченных двухкомпонентных предикативных структур [1, с. 141].

Имена (существительные, прилагательные, наречия, числительные, местоимения, предикативы) имеют способность, принимая морфологические показатели модальности совершенного сообщения, присутствия или условия, не создавая словосочетание, самостоятельно создавать предикативную конструкцию. В таком случае предложение состоит только из сказуемого. Односоставное простое предложение может состоять также из сказуемого, выраженного глагольной формой.

Если в двусоставном простом предложении (*iki ögeli yalın cümle*) подлежащее выражено местоимением, то справедливо утверждать, что в таком случае подлежащее выражено двойным показателем: морфологически с помощью аффикса и лексически с помощью местоимения. Однако присутствие местоимения добавляет некоторый смысл.

Придерживаясь классификации В. Г. Гузева [5], Х. Даллы делит морфологические показатели на четыре группы, исходя из их функциональной значимости: 1) при помощи морфологических показателей *-mEk, -mE, -(y)İş* действие номинализуется (субстантивные показатели, согласно терминологии В. Г. Гузева); 2) при помощи *-mİş, -En, -İr* действие получает качество прилагательного (адъективные, по В. Г. Гузеву); 3) показатели *-Dik, -(y)EcEk, -(y)Esİ* наделяют действие характеристиками как предмета, так и качества (адъективно-адвербиальные, по В. Г. Гузеву); 4) показатели *-İp, -(y)ErEk, -E, -mEdEn* и др. наделяют действие качеством наречия (адвербиальные, по В. Г. Гузеву) [1, с. 147–148].

Четвертый раздел «Вспомогательные лексемы и их синтаксические функции» посвящен вопросам синтаксической функции служебных лексем. В пятом разделе «Универсальные синтаксические конструкции» и шестом разделе «Строение предложения» автор касается вопросов универсальности ряда синтаксических конструкций, приводя приме-

ры из турецкого, венгерского, русского и болгарского языков, а также вопроса порядка слов в турецком предложении.

Рецензируемая книга является прекрасным научным трудом, излагающим основные положе-

ния в сфере турецкого синтаксиса. Этот труд представляет собой результат совместной работы турецкого исследователя с выдающимися представителями российской лингвистической школы.

Список литературы

1. Dalli H. Türkçede Söz Diziminin Yapı Birimleri. İstanbul: Papatya Yay. Eğitim, 2018. xii, 260 p.
2. Гузев В. Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 27: сб. статей / отв. ред. В. Г. Гузев. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 40–63.
3. Гузев В. Г., Дениз-Йылмаз О. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. 134 с.
4. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 184 с.
5. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2015. 319 с.
6. Дубровина (Губайдуллина) М. Э. К вопросу о значении так называемого инструментального падежа // Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Цинциус (13–14 октября 2003 г.). СПб.: Наука, 2003. С. 88–99.

Куталмыш София Леонидовна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, Россия, 199034). E-mail: sofya.sorokina@gmail.com

Материал поступил в редакцию 26.09.2019.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-9-167-171

REVIEW OF THE BOOK “TÜRKÇEDE SÖZ DİZİMİNİN YAPI BİRLERİ” BY DALLI HÜSEYİN (HÜSEYİN DALLI – İSTANBİL: PAPATYA YAY. EĞİTİM, 2018. XII, 260 P.)

S. L. Kutalmysh

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

References

1. Dalli H. Türkçede Söz Diziminin Yapı Birimleri [The structural units of the syntax in Turkish]. Istanbul, Daisy Sagittarius. Education Publ., 2018. xii, 260 p. (in Turkish).
2. Guzev V. G. Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov opisaniya tyurkskogo funktsional'nogo sintaksisa [Experience of developing theoretical foundations for describing Turkic functional syntax]. In: Guzev V. G. (ed.) *Vostokovedeniye: filologicheskiye issledovaniya: sb. statey. Vyp. 27* [Oriental studies: philological studies: collection of articles. Vol. 27]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2006. Pp. 40–63 (in Russian).
3. Guzev V. G., Deniz-Yilmaz O. *Opyt postroyeniya ponyatiynogo apparata teorii turetskoy grammatiki* [Experience of constructing conceptual apparatus for theoretical Turkish grammar]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2004. 134 p.
4. Uemov A. I. *Veshchi, svoystva i otnosheniya* [Things, properties and relationships]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1963. 184 p. (in Russian).
5. Guzev V. G. *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Turkish language]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2015. 319 p. (in Russian).
6. Dubrovina (Gubaydullina) M. E. K voprosu o znachenii tak nazyvayemogo instrumental'nogo padezha [To the question of meaning of the so-called instrumental case]. *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V. I. Tsintsius (13–14 oktyabrya 2003 g.)* [Materials of the conference dedicated to the centenary of the birth of prof. V. I. Tsintsius (October 13–14, 2003)]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2003. Pp. 88–99 (in Russian).

Kutalmysh S. L., Saint Petersburg State University (Universitetskaya nab., 11, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034). E-mail: sofya.sorokina@gmail.com

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN)

Журнал публикует научные материалы по следующим группам научных специальностей:

- 13.00.00 Педагогические науки;
- 10.02.00 Языкознание;
- 10.01.00 Литературоведение.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации

Периодичность издания: 8 выпусков в год (возможны дополнительные спецвыпуски).

Требования к материалам, представляемым к публикации

Материалы представляются в редакцию журнала в виде файлов (одного или нескольких) электронной почтой, на электронных носителях.

В статье должно быть два обязательных блока (русскоязычный и англоязычный), оформленные в один файл.

1. УДК, Ф.И.О. автора(ов), название статьи, аннотация статьи, ключевые слова, текст статьи, пристатейный список литературы (оформляется по ГОСТ Р 7.05-2008), место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, должность, почтовый адрес организации, телефон, факс, e-mail. Пример оформления приведен на сайте журнала.

Аннотация должна соответствовать структуре статьи (введение, цель, методология и методы исследования, основные результаты, заключение), характеризовать теоретическую и практическую значимость полученных результатов исследования. В аннотации необходимо избегать формулировок, повторяющих название работы, громоздких грамматических конструкций, сокращений.

Объем аннотации должен составлять не менее 250 слов. Все аббревиатуры необходимо раскрывать (как в аннотации, так и в основном тексте статьи), ссылки на номера публикаций из пристатейного списка литературы в аннотации не проставляются.

В тексте аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье приведены...» и т. п.). Рекомендуется использовать слова «следовательно», «например», «в результате».

2. Англоязычный блок включает: Ф.И.О. автора(ов), название статьи, аннотацию статьи (объем – 250 слов), ключевые слова, место работы (учебы), почтовый адрес организации, список литературы.

Для опубликования статьи авторам нужно заполнить, подписать и выслать почтой два экземпляра лицензионного договора (бланк размещен на сайте журнала). Рекомендуется распечатывать договор на одной странице А4 с двусторонним заполнением.

Основной текст

Объем статьи – не менее 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.). Текст должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times New Roman; кегль 14; межстрочный интервал 1,5; выравнивание по ширине; абзацный отступ 1,25; без отступов между абзацами; дефисы и тире употребляются правильно) и сохранен в формате DOC. Рисунки в форматах JPEG или TIFF (с разрешением не менее 300 точек/дюйм) и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см с каждого края.

Основной текст статьи (на русском или английском языке) должен быть разбит на разделы, которым следует дать краткие подзаголовки, выделенные графически (допустимые выделения – полужирный, курсив):

1. Введение (Introduction).
2. Материал и методы (Material and Methods).
3. Результаты и обсуждение (Results and Discussion).
4. Заключение (или выводы) (Conclusion).

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения в соответствии с порядком изложения аргументации.

Информацию о финансовой поддержке и грантах не допускается оформлять сноской, а необходимо помещать в тексте статьи отдельным абзацем (например, в конце основного текста перед списком литературы).

Список литературы

Библиографические источники перечисляются в порядке цитирования. Список литературы (не менее 15 источников) предполагает полные библиографические сведения обо всех публикациях и источниках, упоминаемых в статье, и не должен содержать работы, на которые нет ссылок в тексте, также желательно преобладание публикаций последних лет издания. Обязательным элементом, отражающим актуальность публикации, показателем высокого уровня исследований является наличие в списке литературы работ ученых, представленных в МБЦ Scopus. Для статей из журналов и продолжающихся изданий: фамилии и инициалы всех авторов, заглавие статьи, название журнала, год выхода, том, выпуск, номер, интервал страниц, на которых опубликована статья в данном журнале (страницы, на которых находится предмет ссылки, указываются в основном тексте рядом с номером ссылки ([8, с. 25; 12, с. 12–14])). Для иностранных журналов и продолжающихся изданий том обозначается сокращением «V.» (для изданий на английском языке) или «Bd.» (для изданий на немецком языке), страницы – заглавной буквой Р. (для изданий на английском языке) или S. (для изданий на немецком языке). Для книг (монографий, пособий и пр.): фамилии и инициалы всех авторов, название и другие относящиеся к заголовку книги сведения, редакторы, место издания (город), издательство, год издания, общее число страниц. Статьи из сборников (книг): фамилия и инициалы автора (авторов), заголовок статьи, название сборника, место издания (город), издательство, год издания, интервал страниц (от и до). Авторефераты: фамилия и инициалы автора (авторов), полное название автореферата, указание, на соискание какой степени защищена диссертация, место защиты (город), год защиты, число страниц.

Англоязычный блок

Фамилии авторов статьи приводятся латиницей по стандартам транслитерации. Перевод *названия статьи* выделяется графически и приводится на отдельной строке.

Аннотация на английском языке (Abstract) должна быть структурирована в соответствии со структурой статьи. Объем – не менее 250 слов.

Introduction

Aim and objectives

Material and methods

Results and Discussin

Conclusion

В аннотации необходимо использовать активный залог. Во избежание искажения основных понятий рекомендуется использовать соответствующие англоязычные термины.

С новой строки – *англоязычные ключевые слова (Keywords)*.

Далее приводится список литературы на латинице (*References*) в соответствии со списком в русскоязычном блоке статьи.

Для источников, представленных в списке литературы на языках, использующих кириллицу: запись источника должна обязательно содержать следующие сведения: фамилии и инициалы авторов транслитерацией, транслитерацию заголовка статьи и перевод заголовка статьи на английский язык (для журналов и периодических сборников), для статей из сборников трудов и материалов конференций и симпозиумов достаточно перевода заголовка статьи на английский язык, транслитерацию заголовка и перевод заголовка на английский язык (для книг); транслитерацию названия журнала (сборника) и перевод названия журнала (сборника) на английский язык; для книг – место издания (город), издательство, год, общее число страниц; для журналов – год, том, выпуск, номер, интервал страниц (от и до); язык издания (in Russian, in Ukrainian и т. п.).

Источники, представленные в списке литературы на языках, использующих латиницу, повторяются в References (источники не переводятся на английский язык, язык издания не указывается). Детальный порядок оформления списка содержится в приложении 2 на сайте журнала (<http://vestnik.tspu.ru>). *Место работы (учебы) автора(ов):* приводится название организации на английском языке (официальный англоязычный вариант названия) и ее почтовый адрес – название улицы транслитерацией, дом, город по-английски (например, Moscow, St. Petersburg и т. д.), страна по-английски, почтовый индекс.

Рукописи отправляются редакцией на независимую экспертизу и принимаются к печати при получении положительной рецензии. Порядок рецензирования статей, поступивших для публикации в «Вестник ТГПУ», размещен на сайте журнала.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Присланные материалы не возвращаются. В случае отрицательного решения о публикации автору статьи направляется мотивированный отказ.

Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

Присланные статьи регистрируются на официальном сайте журнала «Вестник ТГПУ» <http://vestnik.tspu.ru>

Издание включено в объединенный каталог «РОСПЕЧАТЬ». Индекс 54235

По всем вопросам о публикации статей обращаться в редакцию:

e-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Тел. 8 (382-2) 52-06-17

TERMS OF MANUSCRIPT SUBMISSION

TO SCIENTIFIC JOURNAL TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN

Submission Requirements

The Bulletin publishes scientific papers in the following groups of scientific areas:

- 13.00.00 Pedagogical sciences;
- 10.02.00 Linguistics;
- 10.01.00 Literature.

TSPU Bulletin is included in the “List of the leading reviewed scientific journals and publications which publish basic scientific results of theses for the degree of Doctor and Candidate of Sciences” of the Highest Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Frequency of publication: 8 issues per year (special extra issues are possible).

Requirements to manuscripts submitted for publication

Manuscripts should be submitted by e-mail or by the online submission system at the website of the Bulletin.

The manuscript should consist of two blocks, Russian and English, combined into one file.

1. UDC, the full name (first, middle and second) of the author(s), the title of the article, the abstract of the article, the key words, the text of the article, the list of references (issued in accordance with GOST P 7.05-2008), information about the authors: the place of work (study), the academic degree, the academic title, position, postal address of the organization, phone number, fax, e-mail. The example of the article completion is given on the website of the Bulletin.

The **abstract** should follow the **structure of the article** (introduction, goal, methods of research, main results, conclusion) and characterize the theoretical and practical significance of the obtained research results. The abstract should not contain wording echoing the title, cumbersome grammatical structures and abbreviations. The text should be written in scientific style.

The volume of abstracts (summaries) depends on the content of the article, but should not be less than 250 words. All abbreviations must be disclosed (in spite of the fact that they will be disclosed in the main text of the article), references to the numbers of publications from reference list are not required.

The text of the abstract should be associated with the use of the words “consequently”, “for example”, “as a result.” Avoid the use of unnecessary introductory phrases (eg, “the author of the article considers...”, “The article presents...” and so on).

2. In English: the full name (first, middle and second) of the author(s), the title of the article, the abstract of the article (250 words), the key words, the information about the authors: the place of work (study), postal address of the organization), the list of references.

For publication of the article the authors need to complete, sign and send by mail the license agreement in duplicate which is posted on the journal’s website. We recommend to print out the agreement on one A4 page with a two-way coverage.

The Main Text

The manuscript should consist of at least 16 A4 format pages (including references, charts, tables, etc.), should be typed in a text editor (Times New Roman, 14-point font; 1.5 line spacing; alignment by width; paragraph indent 1, 25; no line spaces between paragraphs; hyphen must be differentiated from dash) and saved in DOC format. Images should be in JPEG or TIFF formats (at a minimum of 300 dpi), diagrams should be saved in MS Excel and attached in separate files. Page margins should be 2 cm from each edge.

The main text of the manuscript should be presented in Russian or English in a certain sequence and should be divided into sections with brief subtitles, and highlighted graphically (valid selections are bold, italics):

1. Introduction.
Aim and objectives
2. Material and Methods.
3. Results (Results and Discussion).
4. Conclusion (Findings).

The structure of the text may depend on the direction of the research (empirical or theoretical). Theoretical research may carry the author’s logic of the statement, in accordance with the order of presentation of the argument.

Information on financial support and grants should not shown in the footnote, but must be placed in the text of the article as a separate paragraph (for example, at the end of the main text before the reference list).

The Reference List

Bibliographical sources should be listed in order of citation, and not alphabetically. The records should provide full details (if possible). (GOST R 7.05-2008 “Bibliographic references. General requirements and rules”) are given in square

brackets in accordance with the reference lists in which the sources are listed in the order of citation, not alphabetically. If necessary, the page numbers may be given besides the citation source numbers (e.g. ... [8, p. 25]). Each publication or unpublished source (archival document) is given in the list only once and with its own number; in subsequent references this number is indicated. In case of the reference to several papers all their numbers should be indicated.

The list of references (at least 15 sources) imply bibliographic information on all publications and sources cited in the article, and should not contain works that are not referenced in the text, the prevalence of recent publications is also desirable. An obligatory element, reflecting the relevance of the publication, indicating a high level of research is the presence in the list of references of the works of scientists represented in the international citation database Scopus. *For journals and periodical publication articles*: indicate the surname and initials of all authors (not just the first three), the title of the article, the journal title, year, volume, issue, number, the range of pages (from and up to) of the article published in the journal, the pages on which the subject of the reference is located in the main text, next to the reference number, embedded in square brackets (e.g. [8, c. 25; 12, c. 12–14]). *For foreign journals and publications*: the volume is indicated as “V.” (for the publications in English) or “Bd.” (for the publications in German), the page – by the capital letter P. (for English editions) or S. (for the German editions). *For books (monographs, manuals, etc.)*: indicate surnames and initials of all authors, title, and other relevant information, editors, place of publication (city), publisher, year of publication, the total number of pages. *For proceedings (books) articles*: surname and initials of the author(s), article title, title of the collection, place of publication (city), publisher, year of publication, the range of pages (from and up to). *For theses and abstracts of theses*: surname and initials of the author(s), full title of the abstract, the degree pursued by the author with the lower case letter, place of publication (city), year, number of pages.

English Language Block

The surnames of the *authors* of the manuscript are given in Latin alphabet according to one of the standards of transliteration (Russian words in English letters). The translated *title* of the manuscript should be on a separate line and highlighted graphically.

Summary in English (Abstract) should be structured in accordance with the text of the article, and should consist of not less than 250 words.

Introduction.

Aim and objectives.

Material and methods.

Results and Discussion.

Conclusion.

Use active rather than passive voice. In order to avoid distortion of the basic concepts it is desirable to have the corresponding English terms.

English-language *keywords* (**Keywords**) should be on a separate line.

The list of references (**References**) should be in the Latin alphabet in accordance with the list in the Russian-language block of the article.

Briefly (**for the sources in the list of references in the languages using Cyrillic**): the recording of the reference source should contain the following information: transliterated surnames and initials of the authors, transliteration of article title and its translation into English (for journals and periodical collections), for articles from the collections of works and materials of conferences and symposia it is enough to provide the English translation of the title of the article, transliteration of the title and its translation into English (for books); transliteration of the title of the journal (collection) and its translation; for books – the place of publication (city), publisher, year, the total number of pages; for journals – year, volume, issue, number, page range (from and to); the language of publication (in Russian, in Ukrainian, etc.).

The sources in the list of references in languages that use the Latin alphabet are repeated in References (they are not translated into English and the language of the publication is not indicated). Details of the order of designing the reference list, see in Appendix 2 on the website of the journal (<http://vestnik.tspu.ru>).

Place of work (study) of the author(s): the organization in English (the official English version) and its postal address – street in transliteration, building number, city in English (e.g., Moscow, St. Petersburg, etc.), country in English, postal code.

All manuscripts submitted for publication in the Bulletin undergo a peer review process and are accepted in case of a positive result. The review procedure is posted on the website of the Bulletin.

The editorial board reserves the right to reject manuscripts that do not meet the above-mentioned requirements. The received materials will not be returned. In case of a negative peer review decision the author will get a motivated refusal.

The editors accept preliminary purchase orders for subsequent issues of the Bulletin.

Submitted articles are registered on the official website of the journal “TSPU Bulletin” <http://vestnik.tspu.ru>.

The Bulletin is included in the unified catalog “ROSPECHAT”. Index 54235.

For any questions about the publication of the articles refer to the editors:

e-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Tel. (3822) 52-06-17

НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ, ИЗДАВАЕМЫЕ В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

«Вестник Томского государственного педагогического университета. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*» – рецензируемый научный журнал, основан в 1997 г., выпускается 8 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory, а также в европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH PLUS) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://vestnik.tspu.edu>

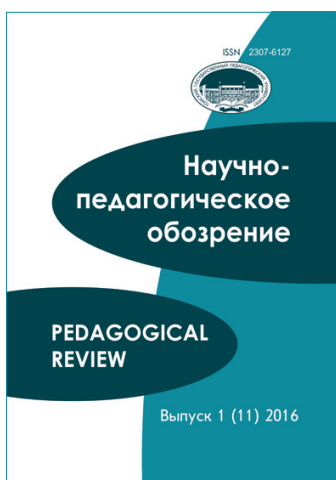
E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 4 раза в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и в базу данных Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

Электронная версия: <http://ling.tspu.edu.ru/>

E-mail: tjla@tspu.edu.ru

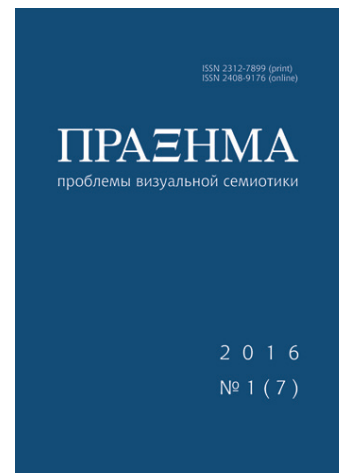

«Научно-педагогическое обозрение. *Pedagogical Review*» – рецензируемый научный журнал, основан в 2013 г., выпускается 6 раз в год. Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 01.12.2015).

Журнал включен в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://npo.tspu.edu.ru>

E-mail: npo@tspu.edu.ru

Научный журнал «Праксема. Проблемы визуальной семиотики» основан в 2014 г., выпускается 4 раза в год. Включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory, а также в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Электронная версия: <http://praxema.tspu.edu.ru/>